

"Долг платежом красен"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Арина Алисон

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

Глава 1

Я — ПОНЯТИЕ РАСТЯЖИМОЕ

Видения снова и снова невероятным калейдоскопом проносились в голове. И по всему телу, накатывая гигантскими волнами, закручиваясь во множество водоворотов, вспыхивая тысячами искр, отступая, как морской отлив, — стремительно растекались ощущения, чтобы спустя миг смениться напряженной тишиной...

Хм... в голове... ощущения... Хм-м...

Опыт требовал не двигаться. Ни мыслью, ни телом.

...Опыт?.. Двигаться?.. Тело?..

А ведь действительно... чувства становятся все более четкими. Нарастает беспокойство...

...Беспокойство? По какому поводу?.. Тело! Что-то не так с телом!!! Что?

Не шевелиться! Рядом может находиться враг.

...Враг?! Где я? Я?..

Ткань... тепло... мягко... Можно предположить, что я на кровати. Пытаюсь почувствовать окружающее пространство... кажется, я в помещении. Все в порядке. Вряд ли кровать будет стоять на улице. Комната представляется большой. Больше, чем моя спальня.

Моя спальня?.. Хм...

Дыхание. Чье-то судорожное дыхание!! Вот что вызывало чувство опасности! Кто-то еще со мной рядом!! По-моему, один. Судя по дыханию, этот Кто-то — больной, сильно старый или на грани обморока... В таком случае вряд ли он мне опасен. И вообще, сколько ни лежи, а осматриваться надо. Медленно открываю глаза. Высокий потолок с мощными балками вызывает некоторый набор чувств, которые можно назвать... офонарением? Странно... фонарь — вроде бы как прибор для освещения, каким раком он относится к чувствам? Раком?.. Это вроде бы поза на четвереньках, при чем здесь чувства... и фонарь... Та-ак. Судя по дыханию, этот Кто-то сейчас склеит ласты. Ласты?! Это же приспособления для плавания?! О-о-ох. Ничего не понимаю...

Поворачиваю голову в сторону этого Кого-то... М-да-а. Сильно старый, на грани обморока и, судя по дыханию, абсолютно больной...

Резко открывшаяся дверь отвлекла мое внимание. В комнату быстрым шагом вошел мужчина лет сорока пяти. Среднего роста, немного полноват для своего возраста, светлые волосы и темно-карие глаза (непривычный контраст, привлекающий внимание). Лицо можно назвать красивым, если бы не печать горя и озабоченности. Вот теперь мне становится понятнее выражение «горе не красит». Незнакомец одет в элегантный костюм... средневекового (средневекового?!) рыцаря (?!!), в темно-синих тонах с коричневой и золотой вышивкой. Правда, похоже, благополучие покинуло этот экзотический экземпляр некоторое количество лет назад, одежка-то поистрепалась...

Окинув обеспокоенным взглядом кровать, на несколько мгновений задержав свой взгляд на моем лице, вошедший повернулся к сидевшему в кресле старику и что-то спросил. Тот, тяжело вздохнув, начал шепотом отвечать, время от времени поглядывая в мою сторону. Несмотря на тихую речь, мне было слышно все, что они говорили. Слышно — да, но... ничего не понятно?! Станный разговор завершился, «пришелец» развернулся и медленно подошел ко мне. Присев на край кровати и мягко улыбаясь, он начал тихо говорить. В его голосе и лице была такая забота и участие, что я невольно благодарно улыбнулся.

Под воздействием его речи в моем теле начали возникать ощущения, напоминающие волны, бьющиеся в берег. С каждой волной слова становились понятнее, но смысл в них... не появлялся, по крайней мере для меня.

— ...Девочка моя... папа тебя любит... маленькая... умница... в маму...

Бог мой! Что он несет?! Какая «девочка»?! Какая «в маму»?! Мои глаза начали округляться, и улыбка потихоньку сползла с лица. Старик, появившийся за плечом говорящего, вдруг засуетился и начал его — в смысле говорившего — настойчиво выпроваживать.

— Девочке нужен покой... Шок... утомиться...

Та-а-ак... либо у меня травма головы, либо белая горячка, либо я в сумасшедшем доме, что не исключает два предыдущих предположения...

Плотно прикрыв дверь и усевшись в кресло, старик уставился на меня настороженным взглядом. Впрочем, мне тоже было любопытно рассмотреть этого чудного типа, похожего на старинного звездочета. На вид ему было далеко за восемьдесят, но вот насколько далеко — было определить сложно. Седые волосы до плеч, почти выцветшие зеленые глаза, козлиная бородка в сочетании с одеждой, хоть и без нашитых звезд, но по покрою напоминающей балахоны этих самых звездочетов.

Мда-а... Ситуация все более говорила в пользу белой горячки. Молчанка затягивалась. Минут через пятнадцать, желая прояснить ситуацию, я все же решил задать вопрос:

— Кто вы? Где...

Услышав какие-то странные звуки, я резко замолчал и огляделся. Никого, кроме нас двоих, в помещении не было. Попробовал повторить вопрос. И опять в помещении зазвучал звонкий мелодичный голос. Мое тело покрылось липким холодным потом. Зарегистрировав источник звучания, разум впал в протрацию. Сознание же невозмутимо констатировало — голос издало наше тело.

Разум... сознание... наше тело... Черепицею шурша, крыша едет не спеша!! При чем здесь крыша-а-а!!! Крыша — это же защитное сооружение над жилым помещением от непогоды, а черепица — верхний слой этого самого сооружения?! Белая-а-а горячка-а!!! А почему, собственно, белая? Неужели они бывают разных цветов?..

Так! Пора возвращаться! Тело! Сознание! Голос! Во-о-от оно! Го-олос!! Надо что-то сказать. Что? Может, спеть? Да! Щас-с спою!

— Ля, ля... фа... ми... ми-и-и... О-о-охх!!! Это ми... то есть я... ох нет... то есть мое тело!!! МОЙ голос?!

Та-а-ак... спокойствие и только спокойствие... Тело... тело... надо посмотреть на тело... Медленно пытаюсь поднести руку к глазам. Почему-то это требует больших усилий. Подняв руку на уровень глаз, тупо созерцаю малюсенькую ладошку с изящными тонкими и длинными пальчиками. Кожа на них кажется полупрозрачной... Паника огромной волной накрывает сознание.

Прихожу в себя от того, что кто-то протирает мое лицо влажной прохладной тканью. Мое?! О-ох... Открываю глаза. Передо мной очень пожилая личность. Наверное, доктор. Хочу спросить, где это я, но вспоминаю полупрозрачную ручку и спрашиваю:

— Кто это меня так? Надеюсь, я не младенец?

— Двенадцать, — отвечает «доктор» и продолжает дальше молча разглядывать меня.

— Чего двенадцать?! — взрываюсь я, и по телу разливается непреодолимое желание врезать за

все: чтоб не пялился, за появление здесь, за молчание, за маленькую ручку... Кстати... маленькая ручка! Судя по всему, и врезать не получится, и от сдачи отбиться... М-да-а-а...

— Мне почему-то кажется, что вы мужчина, — проигнорировал мой вопрос старик.

— А что, не вид... — «не видно» хочу сказать, но, вспомнив «моя девочка»... и изящные пальчики, затыкаюсь.

Мы долго молчим. Судя по всему, каждому из нас есть над чем подумать. Не знаю, что волнует его, но меня занимают два вопроса: во-первых, как убедиться что это не белая горячка, и во-вторых, если это реальный мир, то как себя вести чтобы выжить... и не только...

— Не соизволите ли м-м... сказать, сколько лет вам... было в той жизни и что последнее вы помните... из событий.

«Доктор» явно не в своей тарелке.

Доктор?! Не в своей?.. В чужой?.. Бог мой! Что за галиматья! Так! Тпру-у. Сдаем назад. Лет. Сколько было лет? А собственно говоря, действительно, сколько?..

Попытка вспомнить вызвала напряжение в районе живота, переходящее в тошноту. Тошнило все сильнее...

ТОШНОТА!!! Блин! Я же «моя девочка»!!! Двенадцать лет!.. В Средние века, помнится, и раньше выдавали замуж! Я что, беременный... ная... О-ох...

— Я беременный?!

Кричу на пределе звука.

Глаза у «доктора» округляются, челюсть неэстетично отваливается, и он замирает соляной статуей.

Оглушенный собственным криком, замолкаю и я. Мы опять погружаемся в молчание. Минут через десять старик вдруг начинает судорожно бормотать:

— Беременный?.. Беременный! Мы убили ребенка?! Бог мой! Грех-то какой!.. Беременный... Что значит беременный?! У них там что, мужчины детей рожают?..

Из глубокой задумчивости я выхожу только на последнем восклицании «мужчины детей рожают» и решительно впадаю в новую задумчивость. Хм-м... Если у них мужики рожают, то, через какое место... мм... или каким местом, то есть... м-да-а... Я вроде как «девочка», может ли это означать, что мне рожать не придется?..

— Мужчины — и рожают... м-да-а-а... — медленно тяну я, как бы пробуя на звучание и пытаюсь осмыслить: как такое может быть?

Услышав мое высказывание, дедуля хватается за сердце и медленно сползает с края кровати, тихо укладываясь на ковер. Снизу до меня доносятся только его стоны и восклицания:

— Грех! Грех-то какой!.. О-ох...

Тут до меня начинает доходить, что о моей замене... или ее замене... или меня замене на нее... ну, в общем, знает только этот дед, и если он скопытится, то я попаду, тьфу ты, пропаду.

...Странно, а где у Маэстро копыта и давно ли они есть?.. (Есть... мм... А есть действительно хочется.) О-ох и бред... что я несу... (а что, собственно, несу и куда?). МОЛЧА-АТЬ! (...Это я кому?) Все... молчу, молчу...

С трудом, ползком добравшись до края кровати, с беспокойством разглядываю стонущего старика. Ну и спрашивается, что здесь страшного, ну рожают они, в чем проблема? Надо это озвучить, успокоить человека, а то недалеко и до беды.

— Э-э-э... дедуль, а, собственно, в чем проблема? Ну рожают у вас мужики. Тебе это уже вроде не должно грозить, в твоём-то возрасте.

— То есть как это «у нас»? Это у вас! — вскидывается «дедуля», мигом перестав стонать.

— Что значит «у нас»?.. Ты откуда это взял? Ты что, у нас бывал? И вообще, где это — «у нас»?..

Собственный голос, почти достигший высоты ультразвука, снова привел меня в изумление, плавно перешедшее в глубокую задумчивость. Старик тоже притих. Так мы и лежали: я на краю кровати, он на коврике рядом, — глубокомысленно размышляя на тему сложившейся ситуации. Где-то минут через двадцать в коридоре послышались шаги. Ощущение некоторой опасности вывело меня из коллапса и заставило тихо прошептать:

— Эй, любезный! У нас, кажется гости.

Вскочив с совсем не присущей его возрасту скоростью, старик, бросив мне: «На середину. Под одеяло. Молчи. Спи», — резво кинулся в кресло. Я же откатился, быстро расправил одеяло и прикрыл глаза, делая вид, что сплю. Дверь тихо отворилась, и кто-то тихонько зашептал:

— Магистр Жаколио, магистр Жаколио, можно к вам?

Поскольку мое лицо было повернуто к двери, то сквозь ресницы мне было видно, как гость, не ожидая ответа, зашел в комнату. Это оказалась девочка-подросток лет четырнадцати, одетая в средневековый аналог подросткового платья, наподобие тех, что мне приходилось видеть в фильмах о той эпохе. Личико у нее довольно симпатичное, насколько это можно рассмотреть сквозь полуприкрытые глаза. Раздавшийся со стороны кресла вздох трудно было классифицировать. По-своему истолковав реакцию магистра, девочка быстро зашептала:

— Пожалуйста, не сердитесь! Мы просим прощения за доставленное беспокойство, но скажите, ради бога, как наша любимая сестра себя чувствует?

Бросив странный взгляд в мою сторону, старик тихо ответил:

— Сударыня, сегодня к вечеру я смогу более точно и подробно изложить ситуацию со здоровьем вашей сестры. А сейчас я прошу вас не нарушать тишину и выйти из комнаты.

Малышка, слегка присев в реверансе, тут же тихонько вышла и прикрыла за собой дверь. Мы продолжили молча размышлять над ситуацией. Мысль о том, что это белая горячка, пока отбрасывать не стоит. Поскольку если это правда, то лежу я в больнице и лежу, а остальное — проблемы доктора. Но вот если это действительно так, то, несмотря на нереальность, несерьезное отношение к ситуации может стоить мне жизни. Значит, надо со всех сторон обдумать ответ старика. Более всего в его речи меня заинтересовали словосочетания «сегодня к вечеру» и «ситуацию со здоровьем». Это наводит на размышление, что до вечера, как один из вариантов, я могу и не дожить, или, другими словами, «ситуация со здоровьем» может привести и к летальному исходу. Та-ак. Это уже интере-есно. В каком случае им может быть

выгоден мой летальный исход? Можно предположить: либо если я окажусь по их понятиям каким-то монстром, чудовищем, либо если не соглашусь на предложенные условия. Ведь не просто так они меня сюда вытащили, а явно за каким-то надом? Вывод: необходимо выставить себя в особо белом и пушистом свете и соглашаться на все условия, а там — по обстановке...

Глава 2

ПАМЯТЬ — ВЕЩЬ НЕПРЕДСКАЗУЕМАЯ

Судя по глубокой задумчивости мага, он искал способы определения моей монстрячести или пушистости. Вероятно, данная ситуация и для него не рядовая. Пускаться на самотек такой непредсказуемый процесс, как размышление, могущий привести к нежелательным для меня последствиям, было бы непростительной халатностью. Но что же я могу использовать в битве за свою жизнь? Физическое противостояние сейчас невозможно: слишком слабое досталось мне тело. Воспоминания предыдущей жизни даже не как в тумане, следовательно, пока недоступны, соответственно, и набор навыков неизвестен. А значит, и предложить здешним обитателям что-то значимое пока нельзя. М-да-а... Единственное, что у меня сейчас есть, — это симпатичная, судя по сестре, внешность. (Хотя, конечно, не факт, что симпатичная.) Встречают по одежке, то есть по внешнему виду, и сколько бы маг ни старался держать в голове, что я неизвестно кто, его подсознание будет запускать совершенно другие чувства ко мне ма-а-ленькой... Да! Уважительное поведение, и частое повторение слова «да» положительно настраивают собеседника. Кстати! Если это другой мир... (о-ох... игнорируем, разборки позже), то почему я понимаю собеседников? Та-а-ак... неважно... не время разбираться с этим сейчас.

Подпускаем побольше меду и жалостливости в голос:

— Магистр Жаколио, не будете ли вы так любезны несколько приоткрыть тайну моего появления в столь замечательном месте и в столь великолепной компании, поскольку, как мне кажется, вы являетесь единственным компетентным лицом в данной ситуации?

Не понял! Чего это дедуля так глазки выпучил? Не переборщил ли я с вежливостью? Может, девочка немая была? Ну дедуля! Я же маленькая девочка, забыл, что ли? Как же вывести из ступора этого козла?... О! Мысль!!! Глазки приотпускаем, и улыбочку. Блин! Зеркало бы сюда, а то вдруг ошибся с красотой, да и улыбка при моей нетренированности косая получается!.. Ох, что с глазами у деда, вроде бы, куда уж круглее? Может, и впрямь с моей внешностью что-то не то, его ж сейчас кондрашка хватит. Что-то шепчет...

— Лионелла?!

Кажется, это он имя назвал. Поскольку у меня другое тело (ну, при белой горячке), то и имя этого вместилища — мое. Надо отвечать.

— Я слушаю вас, магистр.

Вот те раз... по-моему, он потерял сознание. Пора начинать активные действия, пока дедуля не помер. Решительно, но с трудом отбрасываю одеяло. От вида новой оболочки, проглядывающей сквозь полупрозрачную ткань, мне поплохело. Это же суповой набор! Кожа да кости. Хэ-эх... хэ-эх... голубая кость называется. К слову — «кому-либо врезать» чересчур круто сказано, тут бы самому дуба не дать при таких-то мощах. Да-а-а... Выбора все равно нет, будем пользоваться тем, что досталось. Ползу к краю кровати.

Что бы такое надеть? Не ходить же в этой полупрозрачной рубашке. Должно у них быть что-то типа домашних халатов? В эту кучку тряпья, предполагаемо, платья, я вряд ли с непривычки влезу. Без одеяла холодновато что-то. Может с мага стрясти балахон, там все понятно... Хотя он может неправильно меня понять. О! Возможно, это — шкаф с одеждой. Да-а-а... А чего-нибудь попроще?.. Бли-ин! Да я закоченею, пока разберусь с этим бараклом. О-о-о, вроде это терпимо. Ниче так платице, правда, почти старенькое, видно от старших перешло, угу... угу... похоже, нового здесь и нет ничего. Теперь бы что-нибудь на то, что ниже пояса: штанишки там, панталончики, сапожки... Тело беречь надо. Вряд ли обратная замена возможна. Судя по ощущениям и размытым картинкам, в том мире я погиб и... вроде бы разбился в самолете... а может, и нет, но последнее, что помню, это салон самолета. Стоп! Вспоминать буду потом, сейчас решаем насущные проблемы.

Та-а-ак... штанишек на эту худобу не наблюдается... О-о-о, а это что?! Панталоны? Надеваем, выбирать не из чего. О нормальной одежде будем заботиться потом. Обувь. Обалденные шузы... и все это, конечно, не фонтан, но сейчас главное — с дедулей разобраться. А что это у нас на столике рядом с креслом? Ого! Винцо! Хорошо пахнет. Э-э... стоп! Детский организм не травим. Судя по худобе, доза может оказаться смертельной.

— Магистр Жаколио, выпейте, пожалуйста.

Блин, я чуть слюной не захлебнулся. А он открыл глаза, уставился и опять молчит, как до обморока. Положеньице... Попробуем еще раз.

— Магистр, не будете ли вы так любезны все же объяснить причину и способ моего появления здесь!

Глазки припускаем, улыбаемся. Стоп! Стоп! После предыдущей улыбки его и перекосило. Сначала надо убедиться, что моя улыбка не смертельна, а потом уж разбрасываться... Попытаемся по-другому, серьезненько так и внимательно смотрим в глазки... Да-а-а... Неадекватная реакция... в смысле все те же и в том же месте... По-хорошему, ему б по мордам и матом, да уж очень разные у нас весовые категории, и явно не в мою пользу... Спокойствие и только спокойствие. Следующая попытка.

— Магистр, вы просили вспомнить, сколько мне лет и чем я там занимался. Как мне кажется, в том мире я был мужчиной годов эдак сорока. Точнее сказать не могу, все пока что несколько размыто и как бы в тумане. Последнее, что помню, это как я садился в самолет — ну это такая тачка, летающая и перевозящая пассажиров, в смысле людей... Устал за день, и только устроился в кресле, как сразу и заснул... Думаю, погиб я там, иначе невозможно объяснить мое появление здесь. А перед посадкой в самолет, помню, прогуливался с двумя детьми, лет восемнадцати... Нет, дети вроде бы не погибли. Да!!! Они улетели немного раньше... Странно, почему со мной были дети?! Ведь у меня вроде и семьи не было... О-о-о, вспомнил! Это племянники! Я при них был... э-э-э... можно сказать телохранителем и воспитателем, в смысле учил их многим вещам... Да... точно, именно учил. Меня муж моей сестры уговорил на это дело. Он пошел о-о-очень большие деньги делать, а чтоб не подвергать жену и детей опасности, от них ушел. Меня же попросил охранять его семью... Платил он мне о-очень хорошо... да, хорошо... Четыре года...

Я совершенно погрузился в воспоминания, которые медленно разворачивались перед моим мысленным взором...

Из задумчивости вывело громкое покашливание мага. Судя по всему, тихонько он уже накашлялся. О! Я уже сижу в соседнем с магистром кресле, и в руках стакан. А что в стакане?

Ну-у-у... Я так не игра-аю... Хотя о чем это я, мне ведь себя беречь надо. С таким телом и здоровьем, как у меня сейчас, можно помереть и без помощи со стороны. Старик вроде бы как немного расслабился, думаю, можно уже и спрашивать.

— Надеюсь, что ответил достаточно подробно на ваши вопросы? Теперь бы хотел получить ответ на свои. Как я оказался в этом теле и почему?

Магистр повозился в кресле, поудобнее усаживаясь, отхлебнул немного из бокала и, тяжело вздохнув, спросил:

— Полагаю, вы не в обиде... за появление в... этом... месте?

Я удивился. Он же слышал — там я погиб. Продолжить жизнь — что же здесь может быть обидного? Тело, конечно, мягко говоря, не в моем вкусе, но тут не до выбора, и так один шанс из миллиона... Но свое мнение лучше держать при себе и дедуле на подобные мысли лучше даже не намекать, чтобы он не начал изображать из себя благодетеля.

— В первую очередь мне хотелось бы понять, зачем и почему я здесь, а лишь затем разбираться с «обидно — не обидно».

Не все, что делается, — к лучшему.

Не все, что к лучшему, — к лучшему для всех.

Старик долго молчал, словно не решаясь выдать важную тайну, но затем еще раз вздохнул и начал свое повествование. Как оказалось, начало этой истории было заложено еще родителями Лионеллы, девочки, в теле которой я находился. Ее отец из очень влиятельной и богатой семьи, находящейся в родстве с правящей династией. Ему прочили прекрасную карьеру. Мать же девочки из обедневших дворян, чье поместье расположено на самой границе королевства, у подножия труднопроходимых гор, называемых Скалистыми.

По какому-то поводу госпожа Люсия, будущая мать Лионеллы, вместе со своим отцом посетила столицу. Их дальняя родственница, у которой они остановились, взяла ее с собой на бал. Там девушку и увидел Сорейн Гросарро, будущий отец Лионеллы... Приблизительно через неделю граф попросил руки госпожи Люсии... Его родственники были против женитьбы и устроили большой скандал. Сразу же возникли проблемы и с карьерой юноши.

Графу с молодой женой пришлось уехать к ее родителям, в бедное поместье. Но Гросарро настолько был счастлив находиться рядом с возлюбленной, что даже не обратил на эти перемены внимания. Однако сама госпожа Люсия была уверена, что, лишенный столичного общества и карьеры, ее муж несчастен и что это лишь ее вина. Она так сильно печалилась из-за этого, что через год после рождения пятого ребенка умерла.

Прошло уже почти одиннадцать лет, но господин до сих пор вне себя от горя. Ведение дел заброшено. Нет денег на образование двум сыновьям, а это значит, и карьера им не светит. Нет приданого трем дочерям — по этой причине вряд ли они смогут достойно выйти замуж... Лионелле, пятому ребенку, при любом раскладе мало что светило.

В замке, если это можно так назвать, есть очень большая библиотека. Некоторые экземпляры книг вряд ли возможно найти где-либо еще. Несмотря на то что девочке только двенадцать лет, она последние два года по 12-15 часов в день проводила в библиотеке. Ища способ поправить дела своей семьи, в последнюю очередь Лионелла думала о себе. Месяца два назад в ее руки попал древний манускрипт с ритуалом, предположительно решающим проблемы. В конце

рукописи говорилось об удачном исходе, но внизу была приписка, которая, если исходить из стиля написания, была сделана спустя много лет. В ней говорилось, что друг писавшего приписку, пытаясь повторить обряд, умер. Лионелла решила провести церемонию, несмотря на то что точно было неизвестно, что должно произойти и как это поможет ее семье. И более того, она знала о реальной возможности умереть. Отговорить ее магистр так и не смог: девочка решительно заявила, что, несмотря ни на какие помехи, она проведет ритуал, но уже без мага, и в случае плохого исхода часть вины будет лежать на нем. Магистру пришлось смириться. Месяц ушел на подготовку, и неделю назад обряд был совершен. Старик чуть не умер от горя, находясь все это время рядом с девочкой, впавшей в кому, и не имея возможности ей помочь.

Я слушал этот удивительный рассказ, перемежаемый горестными вздохами, и мне было немного неловко (как будто это моя вина), что мое сознание появилось именно в этом теле.

Мы какое-то время молча размышляли над недавними событиями, приведшими меня сюда. И в итоге я понял, что-то в рассказе мага не сходилось.

— А не слишком ли легко вы поверили, что я из другого мира?

— Язык, которым написан манускрипт, в нынешние времена частично вышел из употребления, смысл некоторых слов мог сильно измениться, но мы все же сделали вывод о трех вариантах исхода ритуала:

- 1) проводивший его наделяется какими-то способностями;
- 2) душа проводившего, заменяется на Великую Душу, способную осуществить задуманное;
- 3) смерть.

Поскольку вы были скорее живы, чем мертвы, я пытался понять, какой из двух оставшихся вариантов сработал.

На старика было жалко смотреть. Судя по всему, он очень надеялся на первый вариант. А тут и душа отважной девочки потеряна, и я на Великую Душу явно не тяну. Да-а-а... Мне его и обнадежить нечем. Хотя...

— Не расстраивайтесь так. Я получил в дар новую жизнь и в благодарность за это постараюсь реализовать желание Лионеллы. В конце концов, сейчас это и моя семья. Ведь и в моих интересах повысить благополучие новых родственников, каждого в отдельности и мое собственное в том числе. — Все, что я говорил, действительно было правдой, и поэтому моя речь звучала убедительно. — В прошлой жизни я много и долго учился. Мне надо только восстановить навыки. Обещаю вам приложить все силы и знания для достижения результата, ради которого проводился этот ритуал! — Пришлось добавить немного пафоса в голос, чтоб звучало как клятва.

Слава богу, не придется как недоделанному козлу тащиться за артефактом, чего-то там дающим, или спасать полную идиотку принцессу, или еще, что хуже всего, воевать с «Величайшим Злом». За четыре года присмотра за племянниками начитался так называемого фэнтези: надо же было знать, чем парни интересуются. Во всех книжках перемещенному или перемещенной в обязательном порядке требовалось в любом из трех вариантов: долго тащиться по диким местам, непонятно чем питаясь, не моясь месяцами, не меняя одежды; почти без перерывов драться со всякими уродами и монстрами... или жертвовать собой ради кучки идиотов. Так что предлагаемый план действий на фоне борьбы с вселенским злом выглядит чуть ли не увеселительной прогулкой под луной.

Маэстро начал потихоньку приходить в себя. Подлил себе вина, сделал несколько глотков. Повздыхал и тихо так, на грани слышимости, спросил:

— Что я могу сделать для вас и чем помочь?

Вроде бы в солидном возрасте мужик, а таких простых вещей не понимает. Прежде чем начать что-то делать, мне необходимо узнать законы этого мира, правила общения вообще, в данной семье в частности и мои как девочки в конкретности. Политическую и экономическую обстановку в мире, в данной стране и в ближайшем окружении. Какими природными ресурсами на данный момент обладает моя семья? Ведь расположение у гор вполне может дать возможность овладеть полезными ископаемыми. Каковы людские ресурсы, и какие способы зарабатывания денег на данный момент имеет Гросарро. Всю информацию о родственниках отца и матери. Стараясь ничего не упустить, я пробовал прикинуть, что еще мне может понадобиться для планируемого дела. Перечисляя вышеназванные пункты, я взглянул на мага и резко замолчал. Судя по его виду, оценка моей души явно на пути к Великой...

— Ну хоть что-то из необходимой информации вы можете мне предоставить сейчас?

Мычание этого самого магистра было мне ответом. Судя по всему, обилие требований его напугало. Что ж, будем двигаться постепенно.

Первым пунктом нашего плана будет укрепление тела. Это значит — налаживание правильного полноценного питания и физические тренировки. С таким слабым телом, которое мне досталось, можно помереть даже от сквозняка. Да и положение женщины в Средневековье по тем книгам и фильмам, что я читал и видел в моем прошлом мире, временами мало отличалось от рабства. Так что, если не хочу попадать в зависимость от кого-то, а хочу иметь возможность самому выбирать свой путь, стоит так укрепить свое тело, чтоб можно было послать кого надо куда надо и... без последствий для себя.

Следующим шагом по реализации плана под кодовым названием «Даешь благополучие» является создание крепкой команды, в которую, как и в любом бизнесе, должны входить обеспечивающие, обслуживающие, договаривающиеся, охраняющие и, куда уж без этого, могущие замочить кого потребуется.

В качестве первого шага я попросил магистра подыскать мне сообразительную, хоть немного образованную и подвижную девочку для сопровождения, обслуживания и мелких поручений. Мне прислали сущий клад. Звали ее Криста, и она на два года была меня, то есть моего тела, старше. Мама девочки поначалу была компаньонкой графини, после смерти которой стала работать с деловыми бумагами, корреспонденцией имения и в библиотеке. Благодаря этому Криста умела читать и писать, прекрасно ориентировалась на книжных полках, была немного знакома с деловыми бумагами, поскольку мама частенько использовала ее в качестве писаря. После смерти матери, год назад, ее отправили на кухню. Работать на кухне Кристе очень не нравилось, но идти девочке было некуда, отца своего она не знала, поэтому назначение ко мне было для Кристи настоящим праздником. На мои предупреждения о том, что придется много работать и учиться, она радостно засмеялась и пропела:

— А на кухне все равно хуже.

М-да-а. Мне б ее оптимизм.

Следующим шагом требовалось вспомнить прошлую жизнь, навыки, знания и умения,

рассортировать их на те, что могут пригодиться, и на ненужные. Отослав Криту на кухню заказать мне еду и в библиотеку за материалами о местной религии и о родословной семьи, я сосредоточился на воспоминаниях.

Прошлая жизнь. Поначалу картинки из прошлого проплывали перед глазами не связанными между собой эпизодами, постепенно становясь все четче и выстраиваясь в последовательные события. К вечеру удалось почти все вспомнить и выстроить в логическую цепь предыдущую жизнь.

Родители — простые инженеры. Сестра старше на семь лет, брат — на одиннадцать. Для всей семьи я был малышом, нуждающимся в заботе и присмотре. Рано научился читать. Предпочитал исторические сражения, путешествия и фантастику. А когда появилось в продаже фэнтези, то и его не пропускал.

За счет великолепной памяти в школе учился выше среднего, к тому же класс был сильный и выглядеть дураком не хотелось. В классе пятом-шестом с другом ходили на самбо. Мало чему научились, но этого было достаточно, для того чтобы улизнуть от серьезного конфликта. В девятом классе с полгода посещали айкидо. Затем был педагогический институт, факультет физики, математики и программирования.

Одноклассник, с которым я продолжал поддерживать дружеские отношения, поступил на геологический факультет и устраивал меня периодически разнорабочим в геологические партии, в которых он проходил летнюю практику. Временами приходилось круто вкалывать, но мы на это не обращали внимания. Нам нравилось просто бродить по тайге, вечерами петь под гитару или молча сидеть у костра. Спиртным не увлекались, выпивали по маленькой для снятия усталости или для «сугреву» в особо холодные вечера. Тайга для нас была способом снять стресс, расслабиться, отдохнуть душой от суеты, шума и нервозности большого города.

После института отработал положенные пару лет преподавателем в школе. Не понравилось. Пошел программистом. Зарплата неплохая, но все равно чего-то душе не хватало. Попробовал влиться в какую-то компанию, однако у всех оказался один вид развлечений: собрались — выпили — потрепались ни о чем — покурили — выпили... Такое расписание надоедало уже на вторую встречу. Перемена групп мало отражалась на способе общения, хотя темы немного менялись: о машинах, компьютерах, женщинах, артистах... На фиг мне как артисты живут, или какая машина сегодня круче, или обсуждение новых подружек кого-то из компании...

Совершенно случайно получилось переключиться на эзотерику. Сначала пообщался в группах, но и здесь оказалось много трепотни, с той лишь разницей, что время от времени встречи оказывались намного интереснее и полезнее для здоровья. Были там и походы в баню или сауну, выезды на природу, и не для того, чтоб спиртным накачаться, а песни попеть и потанцевать (Ошо), поводить хороводы (духовные танцы), сделать форму на природе (тай-ци), походить на лыжах...

Но со временем пришло понимание, что духовное развитие — это работа с собой и погружение в себя. Ведь недаром главный девиз всех религий и духовных практик сократовское «Познай себя». Шум внутренний и внешний, присутствующий в любой группе, не даст полностью сосредоточиться, и именно поэтому в свое время наиболее продвинутые христианские и буддийские монахи самоизолировались в кельях или уходили в горы и пустыни подальше от людского жилья и соратников по вере.

В группах можно было обсудить какое-то упражнение, молитву, медитацию, личный опыт или что-то особенное, что удалось найти в текстах, но работать приходилось самому. Будда,

Христос, Мухаммед могут только указать — вот путь, но идти по нему мы обязаны сами. Лекции и книги — это опыт других, он тоже должен быть воспринят только как рекомендация, которую стоит исследовать очень осторожно и с учетом логики. Тупое следование чужому опыту ничего хорошего дать не может и пользы не принесет. Люди слишком разные, соответственно, и подход к каждому, после набора общих знаний, должен быть разный. Но вот набор общих знаний просто необходим, главное — не начинать впадать в маразм, трактуя по-своему, переназывая и перекручивая знания, известные уже тысячи лет. Всегда не уважал людей, выдающих на-гора общеизвестные факты, и при этом объявляющих себя создателями чего-то совершенно нового и уникального.

Та же йога — это не только физические упражнения (хатха-йога), или восточные единоборства — не только умение классно начистить морду сопернику — это способ жизни, имеющий в своей основе мощнейшее философское обоснование. Физические упражнения без философии лишь укрепляют физическое тело, физические потребности и инстинкты. Но и философия, укрепляющая и возвышающая дух, будет слабо работать в больном теле.

Придя к такому выводу, я почти все свое свободное время посвятил чтению и осмыслению разных техник и течений, пытаюсь найти в них общие мысли и идеи.

За этими занятиями не заметил, как и «катастрофка» подоспела. Муж сестры ввязался в крутой бизнес. Первые несколько лет все было более-менее нормально, а затем среди этих бизнесменов мочилово началось.

Родственничек подумал, прикинул, что, пока жив, надо хоть семью от опасности оградить. Обсудив ситуацию с Натальей, моей сестрой, они официально развелись. Им он купил четырехкомнатную квартиру в спокойном районе и в ухоженном доме. Мне — на этом же этаже двухкомнатную, взяв с меня слово присматривать за племянниками пятнадцати и шестнадцати лет и обещая перечислять мне годовых столько, сколько, работая программистом, только за несколько лет получить можно.

Тут уж я оторвался. Решил перепробовать все, о чем мечталось. Мы ездили на международные слеты «Радуга», слеты авторской песни и по Симорону; посещали сборы толкиенистов, славистов, теософов. Обучались в секциях восточных единоборств, брали уроки классических и латиноамериканских танцев... как говорится, всего и понемногу. С таким разбросом направлений, конечно, трудно достичь хоть каких-нибудь значимых результатов, но это и не было моей целью, я не собирался делать из племянников крутых специалистов или профессионалов.

Мне лишь хотелось дать им попробовать себя в большом разнообразии направлений, чтобы легче было понять, что же им интересно и чем они хотели бы заниматься в будущем. Познакомить с по-настоящему увлекающимися людьми, с наполненной целью жизнью. Не менее важным было также укрепить здоровье и дать хотя бы начальные навыки владения телом и самообороны. За четыре года я многому научил ребят и сам немало приобрел.

Вся моя прошлая жизнь в более или менее четком виде проходила теперь перед моим внутренним взором, однако большого сожаления и желания вернуться к ней почему-то не возникало. Даже немного удивительно, почему так? То ли шок от перемещения еще не прошел, то ли ожидание новизны в жизни... К тому же сожалей не сожалей, а вероятность возврата вряд ли существует. Так почему бы не попробовать чего-то новенького?

Кстати, о переносе сознания я у Блаватской читал в «Лесах и дебрях Индостана», правда, там переходили из тела в тело по собственной воле и в рамках одного мира, здесь же еще и мир

другой. В общем, можно долго выеживаться, типа, тут не до конца верно, там немного не так... но в целях психической адаптации долго на эту тему размышлять не стоит. Так что будем считать, что все происходящее — в рамках возможного.

Глава 3

УКРЕПЛЕНИЕ СЕМЬИ

Магистр известил мою семью (теперь уже мою) о том, что все в порядке — девочка пошла на поправку. Через недельку уже сможет спуститься к семейной трапезе. На всякий случай, чтоб заранее подготовиться к возможным неожиданностям в моем поведении, он предупредил всех о том, что с памятью у меня пока некоторые проблемы. И напомнив всем, сколько времени я, в смысле Лионелла, проводила в последние годы в библиотеке, намекнул, что, явно перечитав, ребенок идеями разными так и сыплет. Во избежание рецидивов по поводу «комы» домашним было рекомендовано со мной не спорить, ни в чем не противоречить и делать что попрошу.

Когда Криста принесла запрошенные книги, мне чуть не поплохело от их количества. Но плохой не плохой, а изучать придется. За день я быстренько пробежался по особенностям местной религии, чтоб не попасть впросак и на костер соответственно. Порадовался, что к магам здесь отношение спокойное: помощь умеющих людей в моем деле не мешает. В плане религии решил, что понятия о какой-то Великой Матери мне будет достаточно на все случаи жизни, и резво переключился на историю своей семьи. Вот ее-то следовало хорошо запомнить, хотя эта родословная — нудятина невероятная. Для начала просмотрел последние события в роду, а все остальное — потом как-нибудь.

Наверное, самым трудным для меня было вдолбить в себя привычку говорить от женского лица — это раз; не разглядывать оценивающе лиц, теперь своего пола — два; и третье — помнить, что я ребенок, и соответственно вести себя, совсем уж явным образом не демонстрируя свои командные способности и не посылая никого куда подальше. Получалось похуже, чем в фильме «В джазе только девушки». Там герой повторил себе несколько раз: «Я девушка, я девушка...» Монтаж — чик! — и герой уже почти не сбивается. Мне же приходилось быть начеку каждую минуту, и днем и ночью повторять себе: «Я девочка, я девочка... пошла, поела... погуляла...» — и так до бесконечности.

Ситуация, конечно, не фонтан. Ну не может не напрячь пусть и жизненно важная, но ужасно неприятная необходимость говорить и действовать от женского лица, и не один день или год, а всю жизнь! А тут еще жесткое неприятие всяких... кхм... нетрадиционалов любого пола. Становится страшно, ведь, если долго притворяться хромым, это может стать привычкой, и будешь хромать без всякого притворства. Категорически, до зубовного скрежета не хочу превращаться в полноценную женщину, однако что поделаешь, имея женское тело, я не могу считаться мужчиной. Придется постоянно убеждать себя, что я среднего рода и половые особенности и влечения меня не интересуют. И тут только полная сознательность в состоянии помочь с этим справиться. Стоит пустить дело на самотек — и не заметишь, как в козла превратишься. Ох!.. Это ж не жизнь получается, а движение по грани между внешней формой и внутренним содержанием. Так что, как говорили «у нас», дай, Боже, мне сил...

Выучив имена членов семьи и слуг, с которыми, по идее, придется сталкиваться, я решил, что пора выбираться в люди и знакомиться с персоналом лично. В первую очередь мы с Кристой вымыли меня по полной программе. Только теперь мне представился случай внимательно себя рассмотреть. Худа и мелка не по возрасту. Лицо сложно назвать красивым. Скуластое, возможно из-за худобы, нездоровый бледно-серый цвет кожи. Это и неудивительно, от постоянного нахождения в помещении кто угодно побледнеет и посереет. Единственное, что

хоть немного делает приятным лицо, это большие глаза необычного светло-зеленого цвета. Волосы русые, на солнце отсвечивающие рыжим. Как утверждает Маэстро, я единственная из семьи рыжая, очень похожа на свою прабабку по цвету волос и характеру. И судя по описанию, прабабуля обладала жестким, упрямым характером. В качестве убеждения могла и пятак начистить. Классное прикрытие. Если что не так, можно на прабабку кивать, мол, я ни при чем, предки виноваты.

К слову, помнится, читал в книгах по иридодиагностике и физиогномике, что зеленые глаза и рыжие волосы присущи личностям с авантюрным характером. И то правда: не будь этого аспекта в характере девочки, вряд ли она бы решилась на столь опасный эксперимент с ритуалом.

После мытья мы с Кристой разворошили весь гардероб, перемерили все. Что-то Кристе ушло, что-то в дальний угол запихали как нефункциональное, что не надеть без бригады служанок. Мне отобрали с пяток платьев попроще в одевании и с виду без излишеств.

После этой непомерно трудной для меня работы мы занялись волосами. Почти все предложенные Кристой прически я отверг: долго сооружать и еще дольше разбирать это воронье гнездо. В итоге волосы заплели в косу и уложили короной. Кое-как натянули на меня одно из подготовленных платьев. Криста все пыталась корсет на меня натянуть, пришлось пригрозить ей кухней, чтоб отстала. Из обуви накопили что-то вроде мягких кожаных полусапожек.

Выход «в свет» приурочили ко времени, которое по-нашему можно назвать полдником, поскольку есть то, что и все, мне было нежелательно, а чаек можно пережить. В сопровождении мага и Кристи я спустился в столовую. Ох, и трудно же мне это далось. Ноги дрожали и подгибались, непонятно, то ли от страха, то ли от слабости, или оттого и другого вместе. Для устойчивости пришлось вцепиться в магистра. С другой стороны меня поддерживала верная Криста.

Особо сильным испытанием оказалось хождение в длинном платье. Поскольку мои усилия постоянно были направлены на изучение окружающей обстановки и желание запомнить как можно больше, я постоянно забывал приподнимать подол платья. Если бы не магистр Жаколио, я бы упал, вероятно, раз пять за вечер. Пока мы шли по длинным коридорам замка, я отметил, что, несмотря на чистоту, ощущение какой-то запущенности, безысходности так и витало в воздухе.

В столовой меня ожидало все семейство. Ирвин — восемнадцати лет и Нирана — четырнадцати больше походили на отца и, как и он, были светловолосыми и с «ореховыми» глазами. Несмотря на то что эти ребята имели симпатичные лица, на фоне Рэма и Лорэйн они выглядели менее привлекательно. Шестнадцатилетние Рэмануэль и Лорэйн больше походили на мать, портрет которой мне показывал магистр перед моим выходом. Наша мама была очень красивой женщиной, с тонкими чертами лица, каштановыми волосами и изумительными синими глазами. На картине сапфировые серьги и ожерелье настолько гармонировали с ее глазами, что от портрета трудно было отвести взгляд. Мне стало о-о-очень понятно, почему отец без колебаний бросил столичную жизнь и всяческие бонусы ради женитьбы на ней.

Однако визуального знакомства для выполнения взятой на себя миссии оказалось явно недостаточно. Чтобы куда-то вести семью, мне надо было получше изучить характеры и взгляды сестер и братьев. Для этого надо было почаще и подольше находиться вместе. Дело за этим не стало. Используя их любовь и жалость ко мне, я уговорил вместе заниматься

физическими упражнениями, чтоб поправить мое здоровье, а также чтобы они по очереди читали больной «сестренке» книги и обучали меня пению и игре на инструменте, похожем на гитару.

Скажу сразу: приобретение двух последних навыков пошло как по маслу, поскольку в прошлой жизни я неплохо для любителя играл на гитаре. Хотя, конечно, у Кристи получалось куда лучше. У меня голос оказался высоким и мелодичным, у Кристи — несколько ниже. Если мы пели на два голоса, получалось красиво. Когда же включались сестрички и братья, то, по мне, вообще получался шедевр. Правда, местный репертуар, на мой вкус, был до невозможности занудно-завывательным.

Итак, некоторое время я внимательно присматривался к семье. Ребята оказались неплохими, но очень уж, как говорят «у нас», пассивными. Через месяц литературных чтений и песенных вечеринок я понял, что пора начинать изменять психические настройки и мышление родных и близких. Обработку решил начать с сестер. Когда мы всей семьей, включая Кристу и магистра Жаколио (куда же от них денешься), собрались, как обычно, вечером в гостиной, я сразу взял, как говорится «у нас», быка за рога, начал с самого злободневного вопроса:

— Девочки, не расскажете ли, как вы видите наше будущее на ближайшие пять — десять лет?

Сестрицы переглянулись между собой, лица при этом у них, прямо скажем, стали печально-несчастными, затем обе бросили быстрый взгляд на Ирвина, а потом уставились в пол с видом партизанок. М-да-а... Судя по всему, свое будущее они видят явно не цветущим. Если вообще его видят. Ну что ж, продолжаю бодренько так:

— А как бы вы это будущее построили, если бы появилась возможность создать его по желанию? Вот ты, Лорэйн, поделись, пожалуйста, своими мечтами.

— Я бы хотела выйти замуж за очень богатого и родовитого мужчину, — немного помявшись, тихонько произнесла она.

— А если он при этом окажется очень старым и некрасивым? Или это для тебя неважно? — быстро спросил я, размышляя о том, что такие размазанные желания корректировать и корректировать. Ведь, помнится, в той жизни кто-то (только вот кто? Блаватская, Крайон, Кастанеда, в общем, кто-то «у нас») абсолютно точно доказал, что нечетко сформулированное желание может, воплотившись, принести человеку много горя.

— Ну что ты! Вот если бы меня спросили, как я хочу, то конечно же муж должен быть молодой и красивый, — не выдержала Нирана.

— А если этот молодой да ранний был пьяница и бабник? Ведь красивые частенько по бабам-с... Да при таких достоинствах возьмет и промотает в два счета все свое богатство на развлечения...

— Ну-у-у... — тянет Нирана. Видно, на большее ее фантазии не хватает.

— А если бить будет да ругаться, что бедную от жалости приютил? — уточняюще-безжалостно вопрошаю я.

Тут сестрицы мельком переглядываются и совсем спадают с лица.

— Ли, сестричка, а не рано ли тебе о таких вещах разговаривать? — не выдерживает Ирвин.

Вот ты-то мне и нужен! Сам нарвался, вот теперь посмотрим, как спастись будешь.

— Знаешь ли, мой дорогой братец, к тому моменту, когда будет не рано, может оказаться слишком поздно. — Мне пришлось сильно постараться, чтоб голос звучал ровно, и в нем не очень заметно было ехидство.

— Извини, не понял.

— Для того чтобы твои сестры могли выйти замуж, им нужно хоть какое-то приданое. Папочка наш, видишь ли, в печали. Забросил дела, о детях не заботится. Его не волнует, что у дочерей нет того, за что обычно берут замуж; что нет денег на полноценное образование сыновьям, а значит, и карьера им не светит. — Во время этого (я считаю, вполне вежливого) монолога Ирвин несколько раз порывался перебить меня, но я резким движением руки останавливал его. — Примем как факт, у папули горе. Хотя никакая печаль не отменяет долга перед детьми. Но это пока опустим. Вот скажи, Ирвин, ты, как наследник этих фамильных развалин и бесприданниц-сестер, что ты сделал, чтобы поправить положение — сделал имение приносящим доход, собрал приличное приданое твоим сестрам?

Та-а-ак! Судя по выражениям лиц, тут назревает массовое самоубийство. По-моему, их зацепило. Переваривают. Вот любим мы врать сами себе, делая вид, что не замечаем истинного положения дел (авось само рассосется). Ну что ж, осознание того, в какой ж... сидишь, зачастую дает возможность из того самого места выбраться.

— Я... я не достоин называться наследником! Я плохой сын и брат...

Однако долго он зрел, чтоб произнести это. А какой пафос в голосе! Похоже, братец пострадать любит. Только бы не переборщил, спаси господи.

— Э-э, мой дорогой, твое самобичевание нам не поможет, а самоубийство ввергнет твоих сестер еще в большую зад... мм... э... беспросветность.

— Что же мне делать?

На его лице такая растерянность, что мне даже жалко беднягу.

— А вот это вопрос настоящего мужчины.

Да, в соответствии с рекомендациями «оттуда» теперь пилюлю надо подсластить и убедить мальчишку, что он способен изменить ситуацию. С опечаленным папашей разбираться будем позже. Его на ура не возьмешь. Для человека, желающего изменить положение, в котором он находится, необходимо сначала признать: то, как складывается его жизнь, ему не нравится. Следующим шагом следует понять, а что надо получить в итоге изменений. И только затем надо начинать работать над путями достижения намеченных целей.

— Где мы сейчас сидим, ты понял. Теперь разберемся, где бы нам хотелось находиться, то есть что нам надо. Сделать процветающим и приносящим большой доход имение — это раз. Собрать приданое и выдать замуж сестер — это два. Жениться тебе и Рэму... — Говорю, а у самого внутри узелок завязывается. Да уж, не так проста задача, как сначала показалось. — Об имении поговорим немного позже, это сложнее, а вот для того, чтобы мы с сестрицами вышли замуж, перво-наперво нам необходимо где-то познакомиться с будущими женихами. Само собой, нужно иметь возможность выезжать в свет: на приемы, балы... А для этого надо жить в большом городе, уметь вести себя как истинные светские дамы, танцевать модные в данное время танцы, иметь модные платья...

Ну и перечень! Самому страшно стало. Это ж сколько всего надо заиметь и чему только научиться! Ох-хо-хо... Я тут думал, что несчастнее выглядеть уже невозможно. Но сейчас, глядя на лица любимых родственничков, понимаю, что недооценил их мимические способности...

— И заметь, это только чтобы познакомиться с потенциальными претендентами. Для того чтобы позвали замуж, нужно немаленькое приданое. Кстати, чтобы жениться, тебе тоже не мешало бы выходить в люди. Это значит, иметь и уметь все то же самое. Да и Рэму тоже необходима кой-какая сумма, а то кто ж за него пойдет?

Все, надо останавливаться, а то, мне кажется, они уже запуганы до поросычьего визга. И это правильно, потому что, повторяю, невозможно что-то менять в своей жизни, если не осознаешь глубину той задницы, в которой находишься.

— А вот теперь хотелось бы, чтобы слушали меня особенно внимательно. Я несколько лет потратила на поиски выхода из создавшейся ситуации, перелопатив огромное количество литературы, и, как мне кажется, разработала вполне реальный план. Но реализовать его мы можем только совместными усилиями. Если вы готовы слушать меня, учиться и делать то, что я скажу, мы сумеем устроить наши жизни так, как сами захотим.

Мне хотелось, чтобы моя речь звучала убедительно. Однако по мере того как я говорил, недоверие все больше проступало на лицах собравшихся. Пришлось апеллировать к более авторитетным для них личностям.

— Магистр Жаколио, прошу подтвердить мои слова.

— А? Что?.. — Глазки округлил, на всю морду лица — непонятки.

Вот блин! Я же репетировал с ним данное обращение. Спал, что ли, козел старый? Грозненько так на него бровки нахмурим.

— Ах да, да! Будете делать все, что он скажет, — и жизнь станет веселее.

— Как кто?!

Ишь ты, как они все друженько.

— Что как кто? Лионелла, разумеется.

Кажется, выкрутился, маразматик старый. Вот и славно. Теперь папашу нашего печального осталось обработать, в смысле — морально подготовить, о долгах и обязанностях напомнить.

На следующий вечер еле удалось собрать всех в гостиной, видно впечатлились нашим нынешним положением. А уж папулю чуть ли не силком пришлось тащить. И пока все не разбежались от перепуга и тоски о несбыточном, я быстренько начал разговор, типа:

— Папочка, не подскажешь ли, какой доход давало имение в первые пару лет, как вы поженились и приехали сюда жить с мамой?

— Э-э... ну... я... уже не помню, — пожал плечами папаша.

— А каков доход был в год перед смертью мамы?

Да уж, только руками развел, паршивец.

— Не подскажешь ли, как у нас сейчас с доходами-расходами обстоят дела? — продолжаю засыпать его вопросами.

Он уже даже руками не разводит. Некоторое напряжение мысли в лице появилось. Мысли — это хорошо, а то давненько за ним этого не наблюдалось. Ирвин и сестрички с очень серьезными лицами исподлобья наблюдают за отцом.

— Ли, доченька, не женское это дело — вникать в хозяйственные вопросы, да и мала ты еще, — стараясь казаться спокойным, выдал папаша.

— Ты совершенно прав, об этом должны заботиться мужчины, но если у них нет ни мозгов, ни желаний, то заботу о приданом приходится брать под свой контроль женщинам. Папочка, мне давно хотелось тебя спросить, вот ты много раз говорил, что очень любил нашу маму. Мы твои дети от горячо любимой женщины, почему же ты не любишь нас? — Я задал свой вопрос серьезно и громко, чтобы все хорошо расслышали.

— Как ты можешь так говорить? Это неправда! Я постоянно вам говорю, что люблю вас, — с возмущением, несколько картинно воскликнул граф.

— Любовь — это не слова! В первую очередь это забота. В чем выражается твоя забота о нас? — Я сделал небольшую паузу и продолжил: — Дела имения запущены, замок требует ремонта, нет денег Ирвину и Рэму на обучение, из-за чего они не смогут сделать карьеру, чтобы самим иметь возможность зарабатывать, — вскочив и уперев руки в бока, почти ору я.

Печальный наш папусик багроветь уже начал. Интересно, это от гнева или от стыда? Теперь главное — не дать ему вставить ни слова.

— Твои дочери не имеют приданого. Кто нас возьмет замуж? Так и умрем старыми девами, сидя на шее у братьев, — побольше трагизма добавляю в голос, чтоб папуля возмущаться не начал.

Ирвин и сестрички уже смотрят на отца сердито и обличительно. Рэм же сидит расслабившись и даже улыбается. Правда, несколько кривенько эта улыбка смотрится. Поскольку за все эти годы у родственничков не было ни одной идеи на тему поправить свое положение, то и не имеет смысла ждать от них чего-то путевого. Сейчас они способны только переругаться. Так что надо самому выдавать направление движения.

— А вот теперь слушаем меня все очень внимательно, — максимально повысив голос, чуть ли не по слогам припечатал я. — Прозвучавшие только что обвинения были нужны, что бы вы поняли в какой заднице мы сидим. На будущее взаимобвинения запрещаются.

— Ли! Какие слова ты употребляешь? Это неприлично, — воскликнул папаша с некоторым облегчением.

— Я называю вещи своими именами. И ходить вокруг да около не собираюсь. Обвинять друг друга в случившемся глупо. Лучшим решением будет, если мы все без исключения начнем работать над исправлением ситуации.

— Девочка моя, как ты похожа на свою прабабку, в честь которой ты названа, — задумчиво проговорил папуля, рассматривая меня, как будто в первый раз увидел.

— Я знаю и очень этим горжусь, — с улыбкой произнес я.

— Видишь ли, у твоей прабабки были несколько мм... э... своеобразные способы достижения цели, — с некоторым трудом подбирая слова, промямлил папа.

— Ты хочешь сказать, она морду била идиотам? Ну если другие методы не работают, а этот дает нужный результат, то почему бы его и не применять? Пока она была жива, имение было в порядке. Уведомляю всех, что беру под контроль все дела в поместье и в случае необходимости буду обращаться к проверенным бабушкиным методам, — на полном серьезе продекларировал я.

Мой внешний вид худящей и мелкой девочки совершенно не вязался с грозными словами. Все рассмеялись. Я же, опираясь руками о стол и слегка наклонившись вперед, солидно, почти отчеканив, произнес:

— Вы будете сильно удивлены, если все же захотите проверить степень воздействия бабушкиного метода. Запомните! Я не остановлюсь ни перед чем, но имение будет приносить доход, и у нас с сестрами будет приданое, а братья получают возможность сделать карьеру.

То ли убежденность в голосе, то ли предлагаемая перспектива понравилась, но смеяться присутствующие прекратили и, подумав совсем немного, пообещали свое содействие на данном направлении.

С этого дня все зажужжали и забегали. С раннего утра и до позднего вечера все время было расписано между учебой и тренировками.

Труба зовет.
Идем в поход
На битву с бедностью.
Вперед!

Прошло совсем немного времени. Чуть освоившись в этом мире, я попросил магистра передать указание управляющему прислать несколько мальчиков 14–16 лет. Желательно, чтоб они были сиротами или младшими в семье, смыслеными, и хорошо бы, если бы знали грамоту. На следующий день десяток парней ожидали меня в хозяйственном крыле замка. Оборванные, грязные и худые пацаны исподлобья зло зыркали на меня.

— Эй, управляющий, ты что им наплел? Чего это они на меня зверем смотрят? И почему они такие грязные? Ты что ж, их ползком по оврагам до замка гнал?

Не глядя на управляющего, я задавал вопросы, прохаживаясь вдоль нестройного ряда замарашек и всматриваясь в лица.

— Проясню ситуацию. Моя семья собирается вводить некоторые изменения в управлении поместьем. Придется много, далеко и надолго ездить. Для этого мне нужна охрана.

Произнося свою речь, я внимательно следил за выражением их лиц, стараясь не пропустить ни одного изменения.

— Мы согласны, — нестройным хором проблеяли парни, радостно улыбаясь.

— Мальчики, вы не поняли! Мне нужна охрана, а не стадо баранов, — ехидно произнес я. — Посмотрите на себя. Чтобы из вас сделать охранников, придется много потрудиться. Вы должны будете изучать письмо и чтение, учить счет, законы страны, правила торговли и много других вещей. Тренироваться и учиться придется по шестнадцать часов без выходных. Жить

будете в пристройке к казарме.

По мере того как я говорил, их лица постепенно вытягивались.

— Кто не будет прилежен или не сможет выдерживать такой темп, будет отослан назад. Мне слабаки за спиной не нужны. И последний важный штрих — учиться придется все свободное от заданий время, независимо от того, сколько лет вы уже тренируетесь. А теперь те, кто готов тяжело трудиться, шаг вперед.

Я даже сбился с дыхания, произнося такую длинную речь.

Девятеро из десяти шагнули вперед. А последний хоть и хотел бы присоединиться, но не мог: он был единственным мужчиной в доме при шести женщинах. Я решил оставить всех согласившихся, слабаки сами в процессе отсеются.

Два следующих дня парни обустроивались: набивали сеном матрасы, мыли стены, окна и полы в комнате, где будут жить, сами мылись, стриглись, перешивали из старых платьев моего отца и братьев что-то более подходящее на себя...

Выстроенные через два дня ребята выглядели намного лучше.

— Тренировать вас буду я. — Мои слова звучали четко, а глаза внимательно отслеживали реакцию рекрутов.

Все заулыбались, зашущукались, переминаясь с ноги на ногу.

— Вы не смотрите, что я мелкая и худая. На вас, чтоб умаялись, сил хватит.

Парни заржали во весь голос. Ну-ну... Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

— Выйди из строя, — ткнул я в одного из наиболее неуклюжих.

Парень вразвалочку медленно побрел ко мне.

— Обратите внимание на то, как он выглядит. Переваливается, как пьяная утка, а на его осанку вообще без слез не взглянешь, то ли кривой, то ли горбатый. — Я с усмешкой ткнул пальцем в эту несуразную фигуру.

Все заржали еще громче и стали показывать на вышедшего пальцами. Тот зло посмотрел на меня и покраснел.

— Не поняла, вы чего смеетесь?! Считаете, что выглядите лучше? Ха!!! И еще раз ха!!! Такие же горбатые и кривые! — грозно выкрикнул я.

Ребята замолчали и опустили глаза. Отправив вышедшего парня на место, я прошелся вдоль строя.

— Вы все здесь на чучел похожи. Мне же нужны подтянутые, крепкие воины, с которыми на люди не стыдно выйти. Для этого вам придется работать, работать и еще раз работать... И когда-нибудь из вас получится что-то приличное. А теперь о правилах, которые вам необходимо соблюдать, если хотите на меня работать, — сообщил я этому сборищу беспризорников. — Правило первое — молчание. Вы должны меньше болтать, как между собой, так и со слугами и родственниками. Советую лишь кратко и четко отвечать на конкретно к вам обращенные вопросы. Со всеми проблемами обращаться ко мне, так же кратко и четко.

Правило второе — запрещено явное и бурное выражение эмоций, и смех в том числе, можно только слегка улыбаться.

Правило третье — беспрекословное и быстрое выполнение всех моих приказов.

Правило четвертое — запрещена так называемая любовь. Влюбленный осел ничего не замечает и ни о чем, кроме предмета своей любви, не думает. Такой идиот в команде, идущей на дело, может угробить всю группу. При первых признаках влюбленности замеченный в этом должен будет уйти из школы сам — или будет изгнан. Каждое нарушение будет записываться. Первый месяц вам дан на привыкание, но те, кто к концу этого срока соберет более двадцати нарушений, будут отчислены и отосланы в деревню, коров пасти.

К концу моей речи парни стояли навтыжку, не улыбаясь.

Для нас начались рабочие будни.

Первым делом следовало научить их держать осанку и правильной ходьбе, а то на их стойку буквой зю и тягание ног без слез смотреть нельзя. Не менее важным навыком является и умение быстро воспринимать и не менее быстро реагировать на приказы, и главное — работать в команде. Единственный известный мне способ обучения всем этим навыкам — пришедшее к нам из глубины веков умение маршировать в строю. Римские легионеры слаженным маршем прошли всю Европу и еще несколько столетий удерживали от развала Римскую империю.

С большим трудом выстроив свое стадо в более-менее стройную сдвоенную шеренгу и пройдясь по ней внушительным взглядом, я спокойно, но настойчиво сообщил:

— А теперь, мои хорошие, после моей команды «направо» все дружно поворачиваем в эту сторону, — соответствующий взмах рукой.

— Напра-а-аво! — громко скомандовал я и вопросительно уставился на них.

Все стояли, недоуменно переглядываясь между собой.

— Вы что, не знаете, где право и лево? — изумился я.

Парни неуверенно покивали головами.

— Кто знает, что такое право? Двое?! А почему вы не повернулись, когда прозвучала команда?

Я все пытался изобразить грозный голос. М-да... у данного тела это получалось похожим на цыплячий писк. Еще раз м-да! Ни вида у меня нынешнего, ни голоса. Так можно и комплекс неполноценности заполучить! Ну и как при таком раскладе внушать своим подчиненным страх и уважение? Хрен бы с тем страхом, но при имеющейся мелкости и дохлости даже уважение заполучить практически невозможно.

— Ну-у-у... мы знаем, где право, но не поняли, что надо делать, когда орут это слово, — проблеял один из знающих парней.

Пришлось объяснять, а затем демонстрировать повороты, подавая себе команды, и маршировать, высоко поднимая ноги.

— Все поняли? — уточнил я.

Народ активно закивал головами.

— Надо отвечать: «Так точно!» — Надеюсь, моя речь звучала убедительно.

Народ вразнобой проблеял что-то маловразумительное.

— А ну-ка все вместе, еще раз — так точно! Не курсанты, а стадо баранов! — не сдержался я, выведенный из себя их тупостью.

Еще с час мы тренировались кричать хором, пока не стало получаться более-менее слаженно.

— А теперь вернемся к право-лево, — сообщил я парням радостную весть, когда те уже охрипли от криков.

Пришлось еще раз все показывать, но и это не помогло. Два часа пытался вбить в них понимание, что надо делать, но на мои команды они упорно разворачивались кто в лес, кто по дрова. Вымотавшись как бобик, приостановил занятия и послал всех... на урок к магистру.

На следующий день тоже не произошло заметных сдвигов. Пришлось прибегнуть к известным уловкам. На правую ногу всем навязали пучок сена, на левую — солому. И дальше занятия пошли намного проще.

— Сено! Сено! Правой! Правой! — орал я.

На «сено» парни реагировали правильно, а вот при команде «направо», начинали сбиваться. При переходе на обучение маршу возникли новые проблемы. Мне с трудом удавалось подбирать команды, чтобы самому не запутаться.

— Сеном шагом марш! — орал я, шизея от собственных указаний.

— На се-эно! — кричал я, когда колонне требовалось повернуть вправо.

С марш-бросками тоже проблема возникла. Деревенские парни никак не могли взять в толк, зачем, как кони, бегать без дела просто так по кругу. Пришлось ставить задачу по-иному: бегать в горы, брать каждому по камню килограмма на три-четыре, затем двигаться к деревне и складывать их неподалеку от дороги. Крестьянам было сказано, что могут использовать все, что мы натаскали, для строительства. Мы исправно доставляли булыжники месяца четыре, но каждый раз, когда приносили следующую партию, на этом месте было уже пусто.

Со временем все втянулись в тренировки и привыкли к расписанию занятий. Вставали в шесть утра, бежали к реке, обливались водой, затем бежали назад, переодевались, к этому моменту и я с Кристой спускался после своих водных процедур, и начиналось — массаж, растяжка, разминка, завтрак — и дальше тренировка. Мы бегали, прыгали, маршировали с песнями и без оных, метали ножи, стреляли из луков и арбалетов, отжимались и подтягивались, владению мечом нас обучали то Ирвин, то Рэм, которым тоже нелишне было позаниматься.

В качестве основного оружия я выбрал палку длиной семьдесят сантиметров с металлическим набалдашником. В будущем планировалось перейти на полностью металлическую трость, уж очень меня впечатлила информация, прочитанная где-то, как четыреста монахов шаолиньского монастыря металлическими посохами разогнали десятитысячное японское войско. Насколько правдива эта информация, не знаю, но увиденное мной в свое время «у нас» по Интернету выступление монахов этого монастыря было впечатляющим.

Три часа в день были предназначены для учебы умственной. Час времени, посвященный истории, политике или основам экономики этого мира, вел магистр Жаколио. Поскольку его должность называлась домашний маг, то он еще преподавал нам общий обзор и основы магии. Остальное время занимался с будущими охранниками я: учил письму, счету, проверял, насколько они усвоили законы этого мира...

Поскольку мое тело было совершенно слабым, мне приходилось заниматься пять — десять минут и затем отдыхать. В это время я либо изучал деловые бумаги, либо просто присматривал за парнями. Следующее упражнение я снова делал вместе с ними пять — десять минут и опять брался за чтение, а парни продолжают сами. Временами давал им задание, а сам шел на лекции Маэстро. Чтоб ребята честно занимались, пришлось вначале отловить одного из пытавшихся сачковать и для остротки сделать вид, что выгоняю его. Так рекрут в ногах у меня валялся, умоляя оставить, ну и пришлось на первый раз простить лентяя. Больше симулянтов не было.

Парней временами шатало от усталости, но я ободрял их словами:

— Помните, на то, чтобы избавиться от старой привычки, необходимо сорок дней, а чтобы выработать новую привычку, надо девяносто дней. Так что еще немного, и вам полегчает. Но если кому-то совсем уже неважно, разрешаю вернуться в деревню.

На это предложение все скептически ухмыльнулись, и никто не сдался и не ушел.

Для поднятия боевого духа и хорошего настроения парни маршировали пару раз в день по полчаса с песнями из кинофильма «Гусарская баллада» «Жил был Анри Четвертый» и «Давным-давно».

Я, конечно, как мог подбадривал их, пытался поддерживать стремление заниматься, но бог ты мой, кто бы поддержал меня!!! Как тяжело было порой заставить себя пойти на тренировку или на лекцию. Я никогда не любил скучную жизнь, но старался и не перенапрягаться. Всегда балансировал на грани необходимо — интересно. Потому, видимо, и никаких больших достижений ни в чем не имел. Здесь же необходима была такая целеустремленность и воля, которую правильнее было бы назвать фанатизмом.

Временами, когда было совсем неважно, я вставал совершенно раздетым перед зеркалом и, глядя на отражающийся в нем скелетик, так сказать, суповой набор, убеждал себя, что если это тело не укрепить, не сделать здоровым и сильным, то можно вскоре потерять его из-за болезней. Была у меня еще одна фишка — помнить о долге перед душой такой мужественной девочки. Когда и это уже не помогало, я использовал последнее средство — шел учиться танцевать или пел. Мне это всегда поднимало настроение.

По вечерам мы всей семьей, а через пару месяцев еще и мои парни из команды примкнули, собирались в гостиной и пели песни. Поскольку местный репертуар мне не нравился, я старался вспомнить все, что знал в том мире. Для меня что братья, что сестры, независимо от возраста, ощущались почти ничего не знающими и не умеющими детьми. Поэтому сначала я выбирал детские песенки из мультфильмов: «От улыбки станет всем светлей...», «По дороге с облаками», «С песней весело шагать по просторам...», почти все из «Бременских музыкантов»... То, что я с ними разучивал, нравилось всем необыкновенно. Они умудрялись запомнить текст за один вечер, и уже на следующий день можно было услышать, как кто-то тихонько напевает выученное вечером.

После семейного совета, где было принято решение об изменении жизненного курса, я

потребовал, чтобы братья и сестры тоже укрепляли свои ленивые мышцы, и попробовал ввести совместные с командой тренировки, но мои родственнички морщили свои благородные носики и ну о-о-очень сильно кривились. Пришлось их тренировать отдельно. И все равно в «семействе датском» все шло не так, как хотелось бы. То утром кого-то не поднять, то лекцию пытаются пропустить, то тренировки. Сестрички все ныли, что девочкам физическими упражнениями заниматься даже вредно. Правда, танцевальные движения все разучивали с гораздо большей охотой. Нет, они, конечно, занимались, но совсем уж спустя рукава. Всем явно был необходим какой-то стимул. И его надо было срочно придумать.

Глава 4

ЯРМАРКА

Первое, что следовало сделать, это обновить семье гардероб, а то все носили в основном обноски: у мальчиков — переделанные из отцовских вещей, у девочек — из материнских. В таком виде их никуда нельзя выводить: люди такого юмора не поймут, да и дети точно могут обрести комплекс собственной неполноценности. И конечно, ясное дело, на то, чтобы приодеться, во все времена — и у нас и у них — были нужны деньги. И мне необходимо было срочно находить способы их зарабатывания.

Я подошел к вопросу по-научному, решил начать с изучения рынка сбыта: на какие товары спрос, что носят из одежды. Для этого мы собрались посетить ближайшую ярмарку, в Торнске. Нужно было прикинуть, на чем можно заработать. Закупить тканей на новые одежды, да и всяких мелочей, нужных в хозяйстве, целый список набрался. Магистр Жаколио мудро посоветовал прихватить в поход всех парней из команды, грамотно рассудив, что, во-первых, мы не знаем обстановку на дороге и в городе, а во-вторых, молодняку тоже стоит присмотреться к миру.

Информация о поездке на ярмарку была воспринята с энтузиазмом всеми без исключения. Вот это был стимул для занятий! Оставшиеся до ярмарки три недели мы учились как бешеные. Время тренировок боя с палками и стрельбы из маленьких арбалетов было увеличено вдвое. Само собой значительно выросло количество часов, отведенных на разучивание новых песен и танцев. В качестве средств, особенно укрепляющих чувство ритма и равновесия, я ввел степ, именуемый по-русски чечеткой, брэйкданс и нечто на тему фламенко и «Барыни». Я не знал, пригодятся ли нам эти навыки. Но лучше перебдеть, чем недобдеть, поэтому на всякий случай мы разучили и это.

Для меня и Кресты сшили из старых платьев по две пары брюк, одни простые, принятые в этом мире для мальчишек, другие — в старинном японском стиле самураев. Когда я впервые увидел по телевизору японца в таких штанишках, то сначала принял их за юбку. И лишь когда он начал орудовать мечом, а потом еще и на лошадь вскочил, стало понятно, что это за фасончик. Прямо как у запорожских казаков, только внизу не собрано, и чертовски удобно. Правда, верхом мне ездить рановато пока, слишком я мелкая. Это как если бы мужика на цистерну верхом посадить, ноги в такую раскоряку, что в такое низкое мабу не встанешь.

В качестве средства передвижения мы выбрали карету. Во-первых, магистр человек пожилой, ему комфорт нужен, ну, а я тем более в нем нуждаюсь. Поэтому решено было так: четверо из команды едут верхом, мы с Крис и магистром Жаколио — в карете, остальные — на телеге (не тащить же потом покупки на себе!).

Выехали мы на рассвете, останавливались пару раз поесть на очень короткое время. Еще раз пять за дорогу все покидали карету и телегу и шли пешком рядом, даже ехавшие верхом

присоединялись. И коням от этого отдых, и нам разминка. Добрались до города за час до заката. Остановиться мы намеревались у друга магистра, тоже мага, поэтому сразу направились к нему. Встреча магов была весьма теплой...

— О-о!!! Кого я вижу! Пердун ты старый! Наконец-то выбрался со своих гор, а я уж и не надеялся свидеться с тобой. По крайней мере на этом свете! — радостно заорал хозяин дома, узрев нашего мага.

— Сам ты такой! И не позорь меня перед моими учениками, а то не посмотрю на возраст и та-а-ак напихаю, что мало не покажется, — стараясь не рассмеяться, попытался сделать грозный вид магистр Жаколио.

— Вся это толпа — твои ученики?! Ну ты гигант! Прямо герой эпоса! — неприлично заржал такой по виду благообразный старичок.

— Не то чтобы совсем уж мои, да и не совсем все... — замялся наш маг.

Шустро подбежавший к нам старичок окинул всех разом цепким взглядом, понимающе хмыкнул и, радостно скалясь, стукнул магистра по плечу, и этот удар был явно немереной силы. Маэстро резко качнулся, но как-то сумел устоять на ногах.

— Ты всегда любил преувеличить, Алхимик, — воскликнул старичок и хлопнул Жаколио по второму плечу.

— Ты на кого бочку катишь, клык моржовый! — рявкнул магистр и ответил хозяину дома на приветствие соответствующе...

Летевшего старичка подхватил Род — один из рекрутов — и аккуратно поставил на землю. Мы испуганно застыли в ожидании реакции «летающего» мага, гадая про себя: это дружеская разминка или уже полноценная ссора?

— Ну медведь!!! Ну... не, ну ты и окреп в своих горах! Силен, силен... — восхищался местный маг, потирая плечо.

— Дык чистый воздух, подножный корм и много ходьбы, — заухмылялся довольный магистр.

— Я смотрю, подножный корм очень питателен, — опять хмыкнул хозяин дома и, представившись нам магистром Трэвором, наконец пригласил всех в дом.

Нам выделили три комнаты: одну магистру Жаколио, другую мне с Крис и третью парням. До позднего вечера мы расспрашивали нашего хозяина о ярмарке, о ценах, что стоило бы посетить, а куда не ходить. Маг оказался знающим и давал на первый взгляд неплохие советы. Одной из его первых рекомендаций было посетить трактир «У Жака». Это заведение было открыто недавно, посетителей в нем было немного, поскольку своя клиентура еще не образовалась, и оно было пока достаточно чистым (по этому же поводу) и с хорошей кухней. Мы отлично поужинали. Короче, нам повезло с устройством в чужом месте по всем параметрам, ведь, на наше счастье, магистр Трэвор жил в среднебогатом районе и имел небольшой сад, выходящий к реке, где нам было позволено тренироваться. Поэтому утром мы имели возможность начинать с купания в речке, а затем переходить к разминке и тренировкам.

На следующий же день после тренировки и завтрака с полным набором советов и

рекомендаций мы двинулись в город. Мы с Крис на всякий случай оделись как мальчишки: в простые брюки, свободные рубахи и затянув волосы в хвосты. Магистр Жаколио остался у друга: они давно не виделись, им было о чем поговорить, да и требовалось об обстановке в стране поподробнее расспросить. Кстати, перед выходом я взял с Маэстро клятву о неразглашении моей тайны. Меньше знают — лучше все спят. И я в том числе.

Первые полдня мы потратили на изучение города, обойдя его почти весь. Он состоял из трех колец. В первом, внутреннем, окруженном наиболее высокой и широкой стеной, были расположены храмы местных конфессий. Здесь же жили правитель города, его родственники и располагались дома самых богатых людей. Второе кольцо было окружено гораздо меньшей по высоте стеной, но под этими стенами протекала река, специально пущенная по окружному каналу. Водная преграда четко отделяла районы друг от друга. Небольшой перешеек и несколько мостов соединяли второе кольцо с центром. В основном здесь проживали умеренно богатые люди, большую часть из которых составляли купцы да разные графья средней руки. В третьем же круге жили ремесленники с их небольшими мастерскими, мелкие лавочники, и вообще, кого тут только не было. Эта часть не была огорожена никакой стеной. В случае опасности жители старались укрыться внутри укрепленного кольца, если, конечно, успевали туда попасть.

Дом магистра Трэвора располагался, как я уже говорил, в средней части поселения, в живописнейшем месте, на изгибе реки. Похоже, в молодые годы маг имел хороший доход.

Вообще, город оказался несколько более чистым, чем я ожидал. Сточные канавы по большей части были скрыты под землей, в особенности в богатых районах. Даже три небольших парка имелось в наличии. На национальные они явно не тянули, но так, в принципе, подышать воздухом в воскресный день вполне позволяли.

Осмотрев местные достопримечательности, мы двинулись на ярмарку, которая располагалась уже за стенами города, недалеко от восточных ворот. Это было большое поле, специально используемое под базар, проводимый четыре раза в год. Замечательное и очень любимое гражданами мероприятие растягивалось на неделю, на две, а иногда и дольше. В продуктовых рядах многие торговали прямо с телег. Не очень, это, конечно, гигиенично, но продукты выглядели просто прекрасно, и химии в них, похоже, не было никакой. В рядах, где торговали скотом, были устроены большие и маленькие загоны для овец, коров, лошадей. Ох, и воняло же здесь... И шум стоял жуткий. Слава богу, нам этот товар пока был не нужен, поэтому мы обошли ряды с животными стороной и вступили на территорию, где торговали разнообразными изделиями из металла и можно было найти много чего полезного: от гвоздя до плуга. В «деревянных» рядах продавалось все — от ложек до больших шкафов. Потом шли многочисленные палатки с тканями, украшениями, обувью, коврами... да всего и не перечислишь. Короче, пестрота и выбор товаров радовали глаз и давали пищу для размышлений о собственном деле, но мои орлы с непривычки быстро притомились, и в экскурсии пришлось сделать перерыв.

Перекусив пирожками и запив их водой, мои парни зигзагами бродили по базару, прямо скажем, немного ошарашенные. Только двое из них бывали когда-то на ярмарке с родителями, остальным это все было в новинку. Я им не мешал «познавать реальность». Однако вскоре пришлось принять участие в небольшом инциденте. Произошло событие, весьма похожее на известный «у нас» анекдот.

Услышав восторженные крики, я оглянулся и увидел своих парней ходящими вокруг самого натурального верблюда. Откуда эта животины здесь взялась, не знаю, но то, что отсутствовала толпа и лишь отдельные зеваки крутились возле животного, говорило, что верблюды здесь не

редкость. Мои же парни видели этот корабль пустыни явно впервые. Заметив, что зверь стоит себе меланхолично, не обращая внимания на окружающих, они начали смело тыкать в него пальцами, щупать горб и ноги. Даже попытались кусок шерсти выдрать, при этом громко обсуждая достоинства невиданного чуда и махая у одного перед мордой руками. Смирное животное не вынесло такого надругательства и плюнуло в ближайшего из спорщиков. Обильная пена тотчас скрыла лицо неудачника. Тот очень обиделся, тут же принял соответствующую стойку и с воинственными криками, которым я научил своих питомцев во время тренировок, вслепую бросился на неприятеля. Остальные (в соответствии с нашими правилами) рванулись ему помогать. Верблюду, похоже, грозило что-то ужасное.

— Стоять! Команда, ко мне! — запищал я на ультразвуке, пытаюсь перекричать толпу, хохочущую над неудачником. — Вы что, совсем сдурели — на тупое животное кидаться? — гаркнул я на ребят, когда они, очень раздосадованные, ежесекундно оглядываясь на верблюда, подошли ко мне.

— А чего этот урод плюется? Мы ему ничего плохого не сделали! — обиженно пожаловались они.

Подав пострадавшему свой платок, я посоветовал вытереться (по возможности) и поскорее возвращаться к магистру в дом, мыться.

— Не фиг пялиться и пальцами в бока тыкать. И я бы на вас плюнула, если б вы ко мне так приставали, — пояснил я и, сообщив свое мнение, пошел дальше осматривать товары.

Еще дома я сделал себе что-то вроде блокнота из эдакого аналога бумаги. Материал был жестким, темным и ломким, но за неимением лучшего и это было неплохо. В блокнот я заносил цены, делал заметки о качестве и зарисовки тех товаров, выпуск которых можно было организовать у нас в поместье.

Так увлекся рассматриванием и записыванием, что пришел в себя, только когда солнце уже было почти у горизонта. Чертыхнувшись, я подал сигнал своим парням, и мы буквально рванули к трактиру «У Жака». По дороге пришлось пару раз уточнить у прохожих направление, но минут за сорок команда добралась до места. Дело в том, что на «Жака» у меня были большие планы. Предыдущим вечером мы подробно обсудили их и распределили, кто чем будет заниматься и где находиться. Поэтому, как только группа подошла ко входу, парни сразу рассыпались вокруг здания, я же пошел внутрь, а следом за мной и Криста с Родом, с зачехленными музыкальными инструментами за спиной.

Зал представлял из себя одну большую комнату без всяких украшений, но добротная мебель — три ряда по пять столов — и чистота делали его весьма уютным. Несмотря на ярмарку в городе и подходящее время для ужина, в трактире была занята только половина мест. Мы сели за ближайший к стойке столик и заказали пирожков и чаю. Чем, как мне показалось, немало удивили хозяина. Пока ждали заказ, а затем и ели, я рассматривал и оценивал посетителей. Больше всего было купцов среднего достатка, если судить по одежде, или маскирующихся под таких. Человек шесть-семь, в той или иной мере имеющих отношение к благородным. Где-то столько же стражников (видно, после работы зашли) и человека четыре — оборванцы. Ну что ж, сколько ни сиди, а начинать когда-то придется. Тяжело вздохнув, я оторвал себя от стула и подошел к прилавку.

— Приветствую вас, уважаемый. Что-то не очень много у вас посетителей, — как можно вежливей произнес я, обращаясь к хозяину.

Мужик, посмотрев на меня с некоторым раздражением, промолчал. Я пошел на следующий заход:

— И кухня у вас неплохая, и чистенько, а вот не идет народ. Может, еще чего-то не хватает?

— Тебе чего надо, парень? — спросил хозяин, глядя на меня с изумлением и подозрением одновременно.

— Мы тут с парнями могли бы развлечь посетителей пением, — быстро предложил я.

Трактирщик перестал елозить тряпкой по столу и молча уставился на меня, как бы раздумывая, сейчас вытолкать или еще подождать.

— Вы нам ничего не платите. Если посетителям придется не по душе, мы просто уходим, и дело с концом. Если же понравится, то и вы в прибыли, и нам, может, чего заплатят, — еще быстрее затараторил я, видя, что мужик готов нас выкинуть вон.

Трактирщик, нахмутив лоб, несколько минут размышлял, а затем спросил:

— А кто вас ко мне послал?

— Магистр Трэвор, — быстро соврал я и понял, что петь нам позволят. Видно, хозяин знал и уважал мага.

Мы сдвинули у стены три тяжелых и достаточно устойчивых стола, с двух сторон подставили к ним по стулу, в качестве ступенек. Криста и Род сели по бокам импровизированного подиума аккомпанировать мне. Я спел парочку местных произведений — народ не особо отреагировал, наверное, этот репертуар приелся. Затем решил рискнуть и запел из «Труффальдино из Бергамо»:

О добрый новый день, пошли мне хлеб насущный,
О Боже, помоги сыграть нам роли лучше,
И чтоб несчастья все меня забыли,
Чтоб зрители мои щедры сегодня были...

Разговоры в таверне немного стихли, кое-кто поднял на меня глаза, а кто-то даже обернулся. Я же, почти не останавливаясь, продолжил:

...Птица счастья завтрашнего дня
Прилетела, крыльями звеня.
Выбери меня, выбери меня,
Птица счастья завтрашнего дня...

Вот это да! Наша попса никого не оставила равнодушным. В зал ввалилось еще человек пять — судя по всему, на музыку завернули. Со всех сторон народ начал выкрикивать:

— Эй, парень, еще давай!

Хозяин трактира разрешающе помахал мне, мол, все классно, еще пой.

— Что-то горло так пересохло, что почти с голоду умираю, даже переночевать негде, — сделал максимально жалостливое лицо и голос, произнес я известную «у нас» фразу и хитро посмотрел в зал.

Народ сначала недоуменно смотрел, потом до них стало доходить, кто-то заулыбался, кто-то нахмурился. Один мужик совершенно бандитской наружности, с руками в наколках и одетый почти в рвань, вдруг бросил мне тяжелый золотой. Я едва успел поймать деньги от неожиданности.

— А ну, заморыш, чего-нибудь для души, и чтоб соответствовало деньгам, — прогремел великан.

Я его внимательно оглядел, мне он почему-то напомнил моряков из очень старых фильмов, и, хотя море от данного городка было далеко, я все же прокрутил в голове, что помню на эту тему, выбрал Высоцкого «Еще не вечер», быстренько напел моим аккомпаниаторам мотивчик и запел, пытаюсь быть как можно более мужественным:

Четыре года рыскал в море наш корсар,
В боях и штормах не поблекло наше знамя,
Мы научились штопать паруса
И затыкать пробоины телами.
За нами гонится эскадра по пятам,
На море штиль, и не избегнуть встречи.
Но нам сказал спокойно капитан:
«Еще не вечер, еще не вечер»...

Во время пения, отбивая ногами такт, я все время поглядывал на заказчика. Черт его знает, не приглянется песня — еще прибьет. Но тот сидел, обхватив огромными руками глиняную кружку, склонив над ней голову, и не шевелился. Трудно было понять, нравятся ему слова или нет. Когда песня закончилась, мужчина несколько минут сидел молча. Правильнее будет сказать, что все в таверне сидели молча. Стояла та-акая тишина, что я уже не знал, что и думать. Затем этот бугай поднял на меня глаза и выдохнул:

— Еще раз...

Пришлось петь еще раз. Когда затихла музыка, мужик с силой стукнул кружкой по столу, поднялся, нашарил в кармане монету и бросил ее подбежавшему трактирщику. А мне кивнул:

— Спасибо, парень, уважил, — и вышел из таверны, сильно хлопнув дверью, видимо от переполнявших его чувств.

У меня чуть ноги не подогнулись, настолько неожиданной оказалась реакция на песню. И тут же в меня полетела еще одна монета, еле поймал. Теперь ее бросил молодой мужчина, явно благородного происхождения, в несколько потертой одежде: то ли от долгой дороги, то ли этот человек переживает не лучшие времена.

— А мне... что считаешь нужным, — тихо попросил он.

Немного подумав, я запел песню из репертуара Сергея Никитина:

Каждый выбирает по себе
Женщину, религию, дорогу,
Дьяволу служить или пророку,
Каждый выбирает по себе...

У мужчины даже руки задрожали. Посидев еще пару минут после того, как замолкла музыка, он резко встал и кивнул трактирщику. Тот быстро подбежал, получил деньги и закланялся, как

ванька-встанька. Видно, дали гораздо больше, чем надо. Благородный бросил на меня внимательный взгляд.

— А ты наблюдателен и умен не по годам, малыш, — глухо сказал он и пошел на выход.

Нервные они все какие-то. Если так дело дальше пойдет, то трактир скоро опустеет. Правда, хозяин еще не предъявляет никаких претензий. За крайним столиком у дверей сидят четверо стражников. Они о чем-то пошептались и подозвали меня.

— Спой и нам что-нибудь подходящее, парень, — вручая мне деньги, попросил один из них.

Решив, что пора выбрать что-то повеселее, запел из «Гусарской баллады»:

Жил-был Анри Четвертый.
Он славный был король,
Вино любил до черта,
Но трезв бывал порой...

Сначала все весело мне подпевали, помахивая кружками, хозяин активно разносил вино, но ближе к концу песни у всех почему-то лица сделались серьезными, особенно у четверки стражников. Все в трактире, до единого человека, уставились на меня. Стало совсем неудобно, и я решил, что пора сваливать, пока не прибили непонятно за что.

— Большое спасибо за внимание, — зачастил я. — Уже темнеет, а я еще мал, чтоб ходить один по темноте, да и город плохо знаю, могу заблудиться. — Часто кланяясь и без остановки говоря, я отходил к двери. Криста и Род, также кланяясь, двигали следом.

Странное оцепенение как бы спало с народа. Люди задвигались, зашумели.

— А ты завтра здесь будешь петь? — спросил кто-то.

— Конечно-конечно, — отозвался трактирщик, на которого я посмотрел вопрошающе. — Приходи еще.

— Я постараюсь, — крикнул я, и мы выскочили на улицу.

Из-за углов выбрались остальные парни, которые располагались вокруг трактира кто где, на случай если нам срочно понадобится помощь. И мы, радостные, рванули домой. Для первого заработка получилась очень даже хорошая сумма. Один золотой — это четыре полноценных обеда на всю команду. А нам заплатили целых три золотых. И приглашение трактирщика имеем. Вряд ли каждый день будет такая удача, но, как говорится, поживем — увидим.

Когда мы вышли из таверны, действительно, было уже темно. Сразу выстроились определенным, заранее обговоренным порядком: мы с Крис — в центре, двое — по бокам, один — за спиной, остальные шестеро — эдаким широким ромбом вокруг нас, с арбалетами на взводе под плащами. Я начал беспокоиться. Хоть с ориентированием у меня всегда было хорошо (я говорю о прежней жизни), но город мы осматривали только раз, и днем. В сумерках окружающий мир обычно выглядит несколько по-другому. В темноте же место, освещенное слабыми масляными фонарями, где был всего один-два раза, узнать почти невозможно. А уж от парней вообще не стоит ожидать способностей по ориентированию в городе даже днем, ведь они выросли в деревне. Моя радость от удачного заработка несколько померкла.

Где-то через полчаса я уже начал закипать. Поскольку «У Жака» нам рекомендовал магистр

Трэвор, то логично было предположить, что это заведение должно находиться не очень далеко от его дома. Ну не попретса же маг на другой конец города, чтобы посетить какой-то там трактир! Получается, что мы либо не узнаем в темноте его дом, либо гуляем в другой стороне. Бли-и-ин... Надо было перед заходом в трактир раза три пройтись от него до дома и обратно. Все мы умны задним умом. И, что странно, ни одного прохожего поблизости не наблюдается. Либо, завидя нас издалека, заранее разбегаются, либо по темноте в этом городе предпочитают не выходить на улицу. Если верно второе предположение, то у нас проблемы.

Я костерил себя вдоль и поперек. Ведь взрослый же мужик, несмотря на то что тело сейчас детское, а так глупо своих парней, почти пацанов, подставил. Четыре месяца подготовки слишком мало для серьезного столкновения. Чувствовалось, что все устали, но я не знал, что делать. Вдруг ушедший метров на двадцать угловой ромба сделал знак, что впереди, на левой стороне улицы, — люди. Шедшая вдоль стен четверка замерла, мы же с Крис и тремя сопровождающими скользнули как можно тише в тень, под стены домов. Громко звучавшие голоса указывали на возможность скорой драки. В слабом свете луны было видно четверых мужчин: один прижался спиной к стене, трое стояли перед ним. Искать для подмоги менее агрессивных прохожих уже не было здоровья, да и шансов тоже. Жесткая, как всегда, логика подсказывала, что один нападать на троих не будет, трое на одного — вполне. Значит, против нас, вероятнее всего, только трое. Ну что ж, как говорится — будем брать. Оставив Кристу с Ником у стены с приказом не высовываться, остальным велел окружать противника. Сам же с Родом выдвинулся на границу видимости.

— Эй! Привет! — вполне доброжелательно крикнул я.

Все четверо замолчали и посмотрели в нашу сторону.

И тут я узнал в стоящем у стены мужчину, что заказывал вторую песню.

— О! Привет! — почти радостно завопил я. — Рад тебя видеть. Ты уже закончил общаться, тебя подождать?

Парень внимательно посмотрел на меня, видно пытаюсь вспомнить. Похоже, он узнал, но был крайне удивлен нашим появлением в этом месте.

— Эй, малявки, валите отсюда, пока по ушам не заработали, — презрительно сплюнув, сказал один из четверых.

— Действительно, пацан, иди-ка ты домой, — поддержал его благородный.

— Я, конечно, извиняюсь, мужики, но у меня безвыходное положение. Мне срочно надо узнать, как добраться домой, а свой адрес кому ни попадя говорить не хочется. Так что ты покажешь нам дорогу домой, — я ткнул пальцем в благородного, — а вы трое — свободны. Прошу очистить пространство, — закончив говорить, я поднял заряженный арбалет.

Рядом то же самое сделал Род. У наших новых знакомых, у всех четверых, округлились глаза и попадали челюсти. Затем у тройки нападающих выражение лица начало меняться, видно их не совсем впечатлил я — маленький и с маленьким же арбалетом.

— Эй, парни, без глупостей. На вас еще с десятков арбалетов направлено. Кто-то да попадет, — и, видя, что мужики не очень верят словам, бросил в сторону: — Трое — на границу света, остальным — тихо свистнуть.

На расстоянии двух метров друг от друга возникли еще трое. Из темноты со всех сторон

раздался тихий свист. Пять, хоть и маленьких, арбалетов у пятерых, хоть и мелких, пацанов уже впечатляли. Парень из трактира смотрел с искренним интересом, явно наслаждаясь ситуацией. Чтобы быстро закончить с объяснениями, я продолжил:

— Мужики, чес-с-слово, извиняюсь, что поломал вам всю малину, но я хочу домой. Мне уже давно пора спать, а я, как придурок, брожу по темным улицам. Именно этот человек мне нужен, чтоб довести до дома и спеть колыбельную. К вам у меня нет никаких претензий. Никакого вреда я вам причинять не собираюсь. Вы свободны в эту сторону. — Я махнул рукой вперед по улице, поскольку сзади у стены стояла Криста. — Освободить проход, — бросил я в темноту.

Трое бандитов сначала бочком и медленно, а затем все быстрее двинули в указанную сторону.

— Ну и чего ржем? — обратился я к благородному, когда мужики скрылись с глаз.

— Ну ты, парень, и горазд врать. И что это вы такой большой и вооруженной компанией делаете в ночном городе? — со смешком и несколько ехидненько спросил он.

— У тебя проблемы со слухом или с мозгами? Я же конкретно сказал: мы заблудились, — сердито пояснил я. Мои пацаны тут же направили на благородного арбалеты.

— Что ты себе позволяешь, малец? — высокомерно вскинулся тот.

— Ах ну да, ну да! Мы ж такие высокородно благородные, прям ути пусики, — ехидно просюсюкал я.

— Да как ты смеешь!.. — вскричал этот нахал.

Став в позу королевы, великосветским голосом я поучительно произнес:

— Не рождение делает человека благородным, а его дела. Человек, требующий уважения, но ничего не сделавший для этого, просто идиот. Кричать на голодного и замерзшего ребенка не делает тебе чести.

Парень несколько раз открыл и закрыл рот, затем рассмеялся:

— Ну ты даешь!

И этот тип с силой хлопнул меня по плечу. Качнувшись от удара, я сделал шаг назад, нога попала в ямку и подвернулась. Вскрикнув, я упал.

— Скотина! Ты соображаешь, что ты делаешь? — придя в себя от боли, заорал я.

Новый знакомый сначала хотел ответить что-то резкое, но, увидев, что я сижу на земле, скрючившись, подскочил ко мне:

— Что-то случилось?

— Ногу из-за тебя подвернул. Как я теперь идти буду? — почти прошипел я.

— Ладно, придется тебя нести, спаситель. Вам куда? — подхватывая меня на руки, спросил парень.

— Нам нужен дом магистра Трэвора, — устраиваясь поудобнее, произнес я.

— Да ну?! И кем же вам приходится магистр? — удивленно спросил он.

— Не много ли вопросов для человека, который ничем не заслужил доверия? Давай неси меня быстрее, а то я уже засыпаю, — пробурчал я.

Парень хмыкнул и пошел. Я махнул своей свите, и рекруты снова выстроились широким ромбом вокруг нас. Пока он вел нас до дома, я успел заснуть, пригревшись. Мы и к калитке толком подойти не успели, а из дома уже выскочил магистр Жаколио, видно, он давно выглядывал нас, и, увидев меня на руках у незнакомого мужчины, бросился к нему в полной панике:

— Что с ней? Сударыня, что случилось? — это он уже мне.

— Госпожа вывихнула ногу, — слегка присев, прояснила ситуацию Криста.

Не знаю, с какого перепугу, однако у принесшего меня парня разжались руки.

— Эй-эй! Ты что, убить меня хочешь? Уронишь же! — хватаясь за его шею, закричал я.

— Прошу простить меня, моя госпожа... Чего изволите? — произнес этот придурок.

— Магистр Жаколио, мы заблудились. Я замерзла, устала, у меня болит нога, я хочу есть и спать. А вас, кстати, как зовут? — все еще держась за шею бедолаги, капри-и-изно проныл я. — Представьтесь, пожалуйста.

Конечно, веду себя как маленький ребенок, но ведь все сказанное — правда. Видно, сегодняшняя нагрузка оказалась слишком большой. Все мое хлипкое тело немилосердно болело, не было сил даже пошевелить рукой.

— Незаконнорожденный сын графа Мэтью Арниэль к вашим услугам, госпожа. После смерти отца ради сохранения собственной жизни сбежал из родового замка. Теперь вот скитаюсь, — с наигранным оптимизмом произнес наш благородный. Представляться мне, держа меня же на руках, ему все же было несколько неудобно.

— Не могу сказать, что мне приятно. Я чувствую себя просто ужасно. Неси меня в спальню, граф, ты меня совсем заморозишь, — последнее предложение я прорычал ему в ухо. — Криста, проследи, чтоб накормили наших парней. Пусть после ужина выпьют горячего молока с маслом и травами, хорошо укутаются и — спать. Завтра сидим дома, отдыхаем от потрясений. После того как Арни со мной управится, покормишь его и тоже отведешь спать, — перемежая речь зевками, с трудом говорил я, пока благородный тащил меня наверх, следуя за магистром, а Криста семенила рядом.

Я уже почти ничего не соображал, только где-то на грани сознания понимал, что меня раздевают, растирают, чем-то кормят и поят... И даже показалось, что кто-то пел колыбельную. Полный атас! За всю жизнь это дурацкое тело не имело столько физической нагрузки и психологических потрясений, сколько я устроил ему сегодня. Так и убить себя недолго. Где мои мозги были, когда я еще только планировал такое плотное расписание?!

Дальнейшие несколько дней все было как в тумане: просыпался, меня чем-то кормили с ложечки, поили, протирали влажным полотенцем, и я тут же засыпал снова. Временами видел перед собой то лицо Арни, то Криту, то магистра. По-настоящему проснулся только на третий день. В теле чувствовалась слабость, но ничего не болело. От простого хождения чуть не помереть! Кошмар! Я сел на кровати. С решимостью немедленно начать тренировку начал

оглядываться в поисках одежды. В ту же минуту ко мне подскочил Арни. Он почему-то весь светился от радости, но объяснить отчего не успел.

— Срочно зови Кристу! Пусть выводит парней в сад на тренировку. Это же надо, свалиться от простой ходьбы. Больше ни дня без занятий. Где моя одежда? — не давая ему сказать ни слова, закричал я.

Тут же в комнату влетела Криста, а вскоре и магистры подошли. Меня начали отговаривать, уговаривать и вообще не пускать. Я рвал и метал, но пришлось позволить себя выкупать, накормить и напоить какой-то лечебной дрянью. Что касается тренировки, я остался непреклонным, и, несмотря на мое требование идти самому, Арни понес меня в сад, где уже собрались все мои ученики.

Судя по радостным улыбкам, ребята были искренне рады видеть меня живой и решительной. На здорового я еще не тянул, что все и отметили. Пригрозив им пальцем, я скомандовал поставить меня, и мы потихоньку начали с разминки и растяжек. Арни стал за моей спиной, видно собираясь в случае чего подхватывать меня. Но, получив указание присоединиться к группе и не отлынивать от занятий, начал разминаться, расположившись рядом со мной. Оба магистра, установив недалеко от нас кресла и столик, уселись пить чай. Наверное, в качестве скорой помощи, на всякий случай.

Если быть честным, то мне не хотелось даже двигаться. Но страх перед смертью и боязнь стать беспомощным толкали меня заниматься не хуже кованого сапога под задницу.

Сегодняшнее занятие я решил посвятить лишь работе с посохом. В этом комплексе задействовано все тело, но на ограниченном пространстве. Пять минут мы делали набор упражнений, затем я становился в мабу, а парни повторяли движения несколько раз. Делая упражнения в шестой раз, я покачнулся. Арни подхватил меня на руки, а магистры, не слушая возражений, приказали отнести меня в спальню отдыхать. Естественно, помыли, поскольку я был совершенно мокр, переодели, покормили бульоном, напоили какой-то микстурой и уложили спать. Арни запел мне колыбельную. Моему возмущению не было предела! Хотел было сообщить этим дуроломам, что я уже вполне и даже очень взрослый, но неожиданно заснул.

Проснувшись часа через три и узнав, что уже ближе к вечеру, я вспомнил про приглашение хозяина трактира. Уведомив всех, что мы идем выступать, спешно начал одеваться. Что за шум и беготня поднялись! Магистры, Криста и Арни начали убеждать меня, что мой организм еще очень слаб и мне надо отдыхать, и так далее, и тому подобное. Я же доказывал, что пока у нас есть разрешение трактирщика и место еще не занято, нельзя отменять концерты. Последний мой аргумент был особенно весомым: я убеждал всех, что поскольку Арни уже привык и приловчился меня носить, то вполне может донести до заведения и обратно, и я не устану. Правда на эти доводы магистр Трэвор хмуро заметил, что у Арни руки отвалятся носить такую большую девочку. На что, хлопнув доверенное лицо по спине (или по тому, до чего смог дотянуться), я обнадеживающе провозгласил:

— Ничего не отвалятся, он меня на плечах понесет.

Тут Арни и магистр Трэвор почему-то несколько смутились, а мои парни, уже привыкнув к таким выходкам с моей стороны, заулыбались.

— Не бойсь, граф, шея у тебя крепкая, выдержит, — говоря так, я попытался еще раз хлопнуть его по тому же месту, но он, покраснев, словно девица, увернулся.

Магистр Жаколио и Криста рассмеялись, а рекруты, помня о запрете в правилах, смех сдерживали с трудом.

Собрались мы быстро. Я и Криста, как и в прошлый раз, оделись мальчишками. Все взяли по посоху, паре ножей и пять арбалетов на команду, чтоб не тащить лишних тяжестей. Я посчитал, что такого количества оружия вполне хватит, ведь с нами шел взрослый и сильный Арни. Также захватили несколько вещей, так сказать, для смены декораций. После того как я залез своему личному «телоносителю» на плечи с перил веранды, тот шел молча до самого трактира, и лицо его было почему-то весьма странного, пунцового цвета. Народ по дороге всюду на нас оглядывался. Меня это мало смущало, а уж моих парней тем более. У самого трактира меня спустили на землю, и я, Арни, Криста, Род и еще двое наших в качестве танцевальной поддержки зашли в трактир. Остальные из команды, как и в прошлый раз, рассыпались вокруг.

— О, парень! Как хорошо, что ты пришел. Тут тебя уже спрашивали несколько раз, — радостно воскликнул трактирщик.

Зал опять был полупустым. Хозяин помог нам сдвинуть вместе три стола, подставить сбоку стулья — в общем, все шло уже автоматом. Единственное новшество заключалось в том, что Арни сел за ближайший стол в качестве охраны. Пока мы шли, я сказал Кристе и Роду, с чего начну выступление. Нечего мудрить, начну традиционно с «Труффальдино из Бергамо». Мне там больше всего нравились две последние строчки — про зрителей: «...Чтоб зрители мои щедры сегодня были...» Никто, кстати, не возражал против такого ненавязчивого призыва. Мы также решили, что стоит вставлять между куплетами дополнительные музыкальные проигрыши, чтоб не петь без перерыва и не надорвать горло. Следующей я исполнил уже полюбившийся публике хит из «Бременских музыкантов». Во время этого номера я, прямо скажем, вошел в раж: пританцовывал, отбивал чечетку, а закончил выступление акробатическим этюдом «колесо». Как я не рассыпался при этом, просто загадка какая-то! Между прочим, удивлялся не только я, но и еще кое-кто из кое-чего знающих. Не будем показывать пальцами, но ошарашенный Арни едва успел подхватить меня на руки. Народ как всегда ничего не понял, считая, что все так и было задумано, взвыл от восторга и начал неистово хлопать и требовать продолжения банкета. На музыку и крики с улицы потихоньку стал собираться люд. Трактирщик и двое его помощников (ого! уже изменения в лучшую сторону) активно забегали между посетителями. И я посчитал, что самое время напомнить про желание попить, что аж есть охота... В этот раз посетители попались более сообразительные, быстро смекнули, в чем изюминка. Из группы одетых с претензией благородных ко мне полетел золотой.

— Чего нибудь... — неопределенно покрутил пальцами поднятой руки один из франтов.

— Удивишь — еще получишь, — высокомерно процедил его сосед.

Мы быстренько посоветовались и на сцену вышли двое наших парней из поддержки, которых мы договорились использовать, только если будут хорошо платить. Сняв плотные верхние рубахи, все остались в тонких свободных сорочках, заправленных в брюки. На шею мы повязали платки и в руки взяли, как шпаги, наши деревянные посохи.

Пока мы быстро подготавливались, Криста и Род играли проигрыш. Затем я запел песню, которую слышал «у нас» в исполнении Андрея Миронова:

Шпаги звон, как звон бокала,
С детства мне ласкает слух.

Шпага многим показала,
Шпага многим показала,
Что такое прах и пух.
Вжик, вжик, вжик,
Уноси готовенького,
Вжик, вжик, вжик,
Кто на новенького...

Пока я пел, группа поддержки изображала бой на шпагах. Это была крутая показуха с прыжками, кувырками, даже пару раз колесо крутили. На словах «уноси готовенького» Нэт медленно упал, а затем откатился к краю импровизированной сцены. Следующий куплет мы изображали бой вдвоем с Питом, затем опять включился Нэт, одетый в жилетку и с новым платком на шее. Дальше они снова вдвоем фехтовали, а я лишь пел, слегка притопывая ногами.

Представление с изображением боя на шпагах мы растянули минут на двадцать. Посетителей еще добавилось, по-моему, уже были заняты все места. Часть зала вскочила и пыталась подпевать нам. С лиц аристократов, заказавших нам песню, исчезло высокомерие. Слушали они с удовольствием, и один даже подпевал. После окончания номера фронт, обещавший нам золотой, ухмыляясь, бросил на сцену еще одну монету.

И вот в это время всеобщей радости, доставленной истинным искусством, из дальнего угла к нам начал проталкиваться мужик абсолютно бандитской наружности. Кричащие и хлопающие посетители замолкали при его приближении и чересчур вежливо расступались перед ним. Подойдя, он хлопнул золотым по столу, изображающему сцену.

— А теперь, пацаны, изобразите что-то подходящее для нас, — криво ухмыляясь, хриплым голосом рыкнул он и жестом непризнанного, но короля показал в направлении своей компании: в его голосе больше звучала угроза, чем просьба. И сел. На ближайший к сцене стул... совсем рядом с моим «телоносителем».

Арни и так был не в себе, а тут прямо как натянутая струна стал. Подмигнув ему, чтоб расслабился, я напел Кристе и Роду подходящий мотивчик. Пока они проигрывали вступление, мы с Нэтом и Питом надели рваные рубашки, жилетки и повязали на пиратский манер платки. Взяв в руки по кинжалу, наша весьма живописная группа лихо выскочила на сцену (при этом в очередной раз произошло не всем заметное чудо — мой скелет остался в сборе), и я запел «горячительное» из «Бременских музыкантов»:

А как известно, мы народ горячий
И не выносим нежностей телячьих,
Но любим мы зато телячьи души.
Любим бить людей и бить баклуши...

Мы выделявали брейк-данс с кинжалами в руках. Парни, расположившись с двух сторон от меня, выдавали по максимуму. Я же только обозначал движения, не делая их полностью: как-никак после болезни все же, да и устал уже. Когда мы закончили, народ сдержанно аплодировал, неуютно чувствуя себя под взглядом бандита. Его же шайка улюлюкала, свистела и рукоплескала нам от души. Он сам довольно улыбался. А потом, хлопнув по столу вторым золотым, требовательно прохрипел:

— Давай еще!

Подбежав к мешку с реквизитом, я повязал на бедра платок, на шею — несколько ниток бус, а

в руки взял карты. Ребята уже играли подсказанный мотив. Пит и Нэт продолжили брейк-данс. Выбежав на середину стола, я, изображая цыганку, запел:

Говорят, мы бяки-буки,
Как выносит нас земля?
Дайте, что ли, карты в руки
Погадать на короля...
...О-ля-ля, о-ля-ля,
Завтра грабим короля...

Мы и не заметили, как к концу песни зал трактира превратился в музей восковых скульптур. Франты и Арни сидели, неестественно выпрямившись, с бледными лицами и выпученными глазами. Трактирщик держался за сердце. Доволен был только бандит. Невероятно доволен! Хлопнув по столу еще одной, дополнительной, монетой, он довольно заржал и, кивнув своим друзьям, в полной тишине, подкидывая и ловя кинжал, пошел к выходу.

Даже после того как они вышли, все сидели молча, словно пришибленные. Я же, схватив деньги, бросился собирать реквизит, попутно кивнув парням на Арни, который сидел соляной статуей. Они правильно меня поняли. К тому времени как я все собрал, мои помощники уже дотолкали вялого Арни до дверей. Мы выскочили из трактира все вместе, свистнули своим и рванули подальше отсюда. Причем я заметил, что сейчас Арни был явно не способен меня нести.

На адреналине мы за пятнадцать минут долетели до дома. Оба магистра, видя, как мы заскакиваем на полной скорости во двор, а следом двое тащат за руки и еще двое подталкивают в спину странного Арни, стояли, округлив глаза. Все попадали в изнеможении на траву, а «телоноситель» так и остался стоять. Увидев лицо нашего охреневшего главного охранника, магистры подскочили и начали ощупывать его, а потом лупить по щекам, но все было бесполезно. И только после того как один из магистров ритуально помахал у безучастного ко всему подопытного перед глазами раскрытой ладонью, а второй маг врезал какой-то палкой по его коленке, Арни ожил. И зря, потому что тут же, отыскав меня глазами, он совершенно неблагородно заорал:

— Идиотка! Ты что, совсем рехнулась?! Горячкой мозги выпалило?! — Вот что, размахивая руками, как мельница, кричал наш благородный.

Магистры быстро, не по возрасту, отпрыгнули от него. Четверо рекрутов резко вскочили с травы и встали между нами. Не хватало еще, чтоб свои своих били. Махнув команде, чтоб расслабились, я сам пошел к Арни, судорожно соображая, чем бы его успокоить. В памяти всплыла картинка, как дочь моего товарища подлизывалась к рассерженному отцу. Решив проверить результативность данной методы в этом мире, я обхватил психованного за талию и, прижавшись к его боку, затараторил:

— Ну Арни, ничего страшного же не случилось. Все живы и здоровы. Вот, еще денег заработали. Ну успокойся! На детей нельзя кричать.

Он заткнулся на полуслове и снова замер. Я же ухватил его оказавшуюся недалеко от моего лица руку и потерся о ладонь щекой. Послышался дружный судорожный вздох, и Арни начал оседать. Отскочив, чтоб не придавил, я уставился на него во все глаза. Он что, сознание потерял?! Не понял! Какая-то неадекватная реакция на детскую выходку. Но, обратив глаза на магистров, понял, что у нас не один на грани обморока, к нему, похоже, решили присоединиться и эти двое. Я обеспокоенно начал помахивать ладонью перед глазами

офигевших мужиков:

— Алле, алле, мужики, в чем проблема? Вон травка зеленеет, птички поют. Хотите, я вам тоже спою?

— Не-э-эт! — взревел Арни, закатывая глаза.

Мы с Крис рассмеялись, а магистры стали приходить в себя. В их глазах явно загорелось любопытство. Я, сделав обиженное лицо и надув губы, капризным тоном произнес:

— Вы только пре-эдставьте себе, он не хочет, чтоб я пе-эла. А всем, между прочим, нравится.

И вот тут сидевший на траве Арни взвыл. Сгреб меня в охапку, бросил себе поперек колен и начал шлепать по заднице. Теперь пришлось взвыть мне:

— Идиот! Придурок! У тебя же руки железные. Прекрати немедленно! Не смей бить ребенка!

Он резко прекратил меня шлепать и опустил руки. Не глядя на него, я поднялся, отошел подальше и сел на траву, обхватив ноги руками и положив голову на колени. До чего же неприятные ощущения, когда тебя бьют, а ты ничего не можешь поделать! Надо больше внимания уделять уворачивательным упражнениям. Ведь самое главное в учебе для нас — не чтоб мы «их» победили, а чтоб нас никто не тронул.

Реакция Арни мне была совершенно непонятна. Я вел себя как ребенок, в смысле, как и выглядит это тело, но он так странно на это среагировал... Но не расставаться же из-за этого с ним. Магистр Жаколио слишком стар, чтобы сопровождать нас везде, куда бы мы ни надумали поехать. Арни же в самый раз. Ему уже двадцать пять, благородное лицо и манеры. Правда, не все, вспомнив недавнее шлепанье и ругань, поправился я. Он мог бы представлять нас на любых переговорах. С подростками никто разговаривать не будет. А вот с ним — кто угодно.

— Прошу простить меня, госпожа, я преступил грань дозволенного. Я должен уйти. Прощайте, — вдруг из-за частогола размышлений донеслось до меня.

Очнувшись, я посмотрел в сторону Арни, который уже встал и, опустив голову, разворачивался в сторону ворот.

— Эй! Эй! Не поняла! Ты куда это уходишь? Ты что, бросаешь нас?! — закричал я вдогонку.

Он остановился и поднял на меня удивленные глаза.

— Но я же... — промямлил «телоноситель» и замолчал.

Все замерли в ожидании. Магистры смотрели на нас улыбаясь, мои же парни — серьезно.

— Я ничего не понимаю. Что случилось? Что я делаю не так? Скажи, что тебя сильно обижает, и я постараюсь так не делать. Я хочу, чтобы ты остался с нами, — слегка нахмурившись, произнес я.

— Ох, Ли! С тобой и яда не надо, любого до могилы доведешь своим поведением, — с видимым облегчением воскликнул прощенный и бросился ко мне. Упав рядом со мной на колени, он сгреб меня с земли и, прижав к груди, начал гладить по голове.

Полузадушенный, в висячем положении, еще и неудобно выгнутый, я размышлял над странностями человеческой психики. Минут пять назад от моего детского поведения он

буквально шизел и отключался. Сейчас же сам ведет себя со мной как с ребенком. Не выдержав его нежностей, я просипел:

— Пусти, сумасшедший, задушишь!

Засмеявшись, он отпустил меня и, отстранившись, влюбленно посмотрел мне в глаза. Влюбленно?! Этому телу только тринадцать скоро будет, ему же двадцать пять! Да и выгляжу я моложе своих тринадцати! Он что, извращенец?

— Слушай, а ты случайно не влюбился в меня? — ошеломленный пришедшей мыслью, ляпнул я, не задумываясь о последствиях.

Арни покраснел, затем тут же побелел и завалился на траву, держась за сердце. Испугавшись, я бросился к нему:

— Арни! Арни! Что с тобой? Не вздумай умирать, а то не получишь ужина, — тормоша его, почти кричал я. — Я пошутила, — добавил я тише.

— А я нет! Ты действительно способна угробить своими выходками кого угодно. Конечно же я тебя люблю! Как можно не любить такого талантливого бесенка?! — И он снова начал меня тормошить.

Я закатил глаза. Да что за наказание? Какой-то он совершенно дурной. С этим надо будет разобраться, но не сейчас. Все уставшие и нервные, все время как-то не так реагируют.

— Хватит надо мной издеваться! Я устала, хочу есть и спать! — проорал я, и «телоноситель», подхватив меня на руки, быстро пошел к дому.

Остальные тоже направились в столовую ужинать.

Глава 5

...ЗАВТРА ГРАБИМ КОРОЛЯ...

Когда мы поели, магистр Трэвор пригласил нас в гостиную и попросил рассказать, что же произошло в трактире. Гостиная была светлой и просторной, с большим камином и огромным пушистым ковром, на котором, с разрешения хозяина, и улеглась вся моя команда. Магистры и Арни уселись в кресла с бокалами вина в руках. Нас с Крис посадили на диван и поставили на столик рядом поднос с чаем и печеньем. Парням тоже было указано на ковре чай не пить. Кто хочет пить — садится на диван, чашек на всех хватит.

Разговор начал я, извинившись перед магистром Трэвором за доставляемое беспокойство.

— Можете не извиняться. С тех пор как разъехались дети и умерла жена, в моем доме не было так весело и интересно. Так что я рад вашему присутствию и предлагаю вам задержаться здесь на какое-то время после окончания ярмарки. К тому же вы всегда можете останавливаться у меня, когда будете приезжать в город. Впервые за несколько лет я снова ощутил вкус к жизни и очень благодарен вам за это, — улыбаясь по-доброму, сообщил маг.

— Как только снова заскучаете жить, приезжайте к нам в имение, мы организуем вам много шума и, хоть бы и подножного, корма, — засмеялся я.

— А когда большие просторы надоедят, мы можем спуститься в мою лабораторию. Там тебе

тоже понравится, — заулыбался магистр Жаколио.

— Все химичишь, Алхимик? — усмехнулся Трэвор.

Магистры рассмеялись. Видимо, вспомнили что-то из проказ молодости.

Как только мы закончили с взаимными расшаркиваниями, Арни начал рассказывать о концерте. Я постоянно его перебивал, крича, что все было совершенно не так и что у него извращенное видение ситуации. Мои парни стойко молчали. На Крис требование меньше болтать не распространялось, поэтому она пыталась меня поддержать. Орала мы все знатно.

В итоге разговора магистр Трэвор, посмеявшись, все же рекомендовал завтра в трактире не показываться. Вместо этого он предложил пойти в ближайшую к городу рощу, там у речки есть прекрасная поляна, удобная для тренировок. От города, если трусдой, всего лишь минут тридцать. Дорога проходит в десяти минутах ходьбы от поляны, но отгорожена такой густой полосой деревьев и кустарников, что если громко не шуметь, то никто и не догадается, что рядом есть люди. Наш хозяин, глядя в пространство, сообщил, что в юности много времени проводил с друзьями на этой поляне.

— Это действительно хорошее место, — закатывая глаза и вздыхая, подтвердил магистр Жаколио.

— А помнишь Тэда? Каких девушек он приводил! И не красавец был, а такой успех у противоположного пола имел, — рассеянно улыбаясь, проговорил магистр Трэвор.

— А как пела Килина! М-да-а-а... Ты не в курсе, где она сейчас? — Забыв о нас и полностью повернувшись к другу, спросил Жаколио.

— Говорили, замуж вышла и в Родэн уехала. Да-а-а. В общем, хорошее там место, вот с утра туда и езжайте, — встрепенулся, освобождаясь от воспоминаний, наш хозяин.

— А я завтра разошлю по городу своих людей, послушать молву, разузнать отношение народа и власть имущих к песням и их исполнителям, — перешел на деловой тон магистр Трэвор.

На том и порешили.

Погрузив на пару лошадей продукты, оружие, одежду, подстилки для отдыха на траве, мы перед восходом, когда большинство горожан еще спали, выбрались из города. Выискивая выданные магистрами ориентиры, приблизительно через час добрались до рекомендуемой поляны.

Место действительно было великолепным. Речушка шириной метров пятнадцать, достаточно глубокая, чтоб плавать, и вода в ней чиста, чтобы ее использовать для готовки. Парням, разгоряченным после пробежки, было разрешено купаться. Быстро раздевшись, они попрыгали в речку: фыркали, орала и плескались знатно. Арни хоть и кривился, покачивая головой, но никак не комментировал их действия.

Когда же мы с Крис попробовали тут же раздеться, чтоб поплавать, он на нас накричал и погнал за дальние кусты. Не успели мы и пару минут побарахтаться в воде, как он уже подошел с полотенцами и потребовал, чтоб мы вылезали и вытирались. Пришлось выходить. Когда мы уже оделись, Арни пошел выгонять из реки ребят.

После купания мы позавтракали и начали тренировку как обычно: массаж, разминка, растяжка, бой с посохами, стрельба из арбалетов. Затем Арни, выстроив нас в шахматном порядке, стал показывать приемы боя на мечях, приговаривая при этом, что мы вряд ли научимся хорошо владеть этим оружием, но знать основные приемы должны, чтоб уметь грамотно отбить меч посохом.

Мне и Кристе он не позволял много заниматься, регулярно заставляя нас отдыхать. Часа через три-четыре приказал всем улечься на половики и начал рассказывать историю какой-то там битвы. Я слушал вполуха, размышляя над тем, что, с одной стороны, нам просто повезло и мы имеем учителя, хорошо обученного теории и практике военного дела и куче других вещей, о которых не знаем ни магистр, ни я. С другой стороны... раскомандовался тут...

А если совсем уж честно, то никакой целостной системы обучения бою я никогда не имел: в одной секции немного учился, в другой, в третьей. Что-то видел в кино, что-то — по телевизору. Да и фанатичного желания заниматься до упора никак не мог в себе выработать. Нам нужен кто-то, кто будет нас строить, когда у меня не будет ни сил, ни желания. И то, что с нами Арни, — это наша удача. Только надо будет поговорить с ним, объяснить, что с детьми надо обращаться мягче, по крайней мере со мной, — тогда, глядишь, совсем хорошо будет.

Пока я мечтал о хорошем, Арни, рассказывая о методиках боя, начал часто употреблять слово «убить». Пришлось поставить его в известность, что для нас основным законом взаимодействия с противниками должно быть лишь выведение их из строя. А основным правилом должно стать избегание битвы любым приемлемым способом. Сначала Арни попытался оспорить это правило, но я стоял насмерть. В конце концов он согласился со мной, и мы стали обсуждать и тут же пробовать способы несмертельного вывода из боя противника с уточнением наиболее перспективных для этого точек тела. Нарисовав на досках несколько силуэтов, начали тренироваться попадать из арбалета в намеченные места в первую очередь. Потом отработывали удары заостренным металлическим концом посоха.

Вконец утомившись, мы легли отдыхать. Арни в это время готовил нам обед. На солнышке и после физической нагрузки мы совсем разомлели и сразу же заснули. Приготовив еду, наш повар с трудом нас растолкал. Ну прям нянька, чес-с-слово. Не проснувшись до конца, мы поели и снова попадали на подстилки. Посчитав, что детям полезно отдохнуть, он не стал нас поднимать и остался сторожить.

Приблизительно через час, услышав лязг оружия и крики, наставник начал нас расталкивать, решив, что это может быть опасно. Услышав про бой, мы мгновенно вскочили и расхватили оружие.

Арни настаивал, чтоб мы уходили вдоль реки к городу, мне же очень хотелось посмотреть, что там происходит. Он убеждал, что мы мало обучены и т. д. и т. п. В итоге решено было на поле боя не выходить, а понаблюдать со стороны. Залезем на деревья, посмотрим, а в случае необходимости используем только арбалеты.

Наш командир приказал рассыпаться равномерно относительно предполагаемого центра боя, наломать веток (в шуме боя все равно никто этого не услышит) и залезть на ближайшие к дороге деревья. Ветками следовало обложиться снизу и по бокам, чтоб нас не видно было. Себе я взял на заметку, что надо сделать нашу тренировочную одежду защитного цвета.

— Я предпочитаю видеть убитым врага, чем кого-то из своих. Если хоть с кем-нибудь что-то случится, мне будет вас не хватать. Так что прошу беречь друг друга и себя, — как-то косноязычно обратился я к команде.

Парни, застеснявшись проявления чувств, покивали мне головами и двинулись по направлению к бою.

Меня же Арни предпочел от себя не отпускать. Мы осторожно забрались на огромное густое дерево, с которого было все хорошо видно. С первого взгляда ничего нельзя было понять. Какие-то личности разбойного вида напали на карету, ехавшую в сопровождении охраны. Разбойников было явно меньше, но, судя по всему, им и не требовалось всех убивать: дорога была зажата лесом, гвардейцы растянулись сзади кареты длинным хвостом и не могли использовать преимущество в количестве. Разбойников же, похоже, интересовала только кучка дворян, защищаемая десятком гвардейцев, поскольку небольшая часть бандитов отвлекала охрану, а остальные пытались добраться до благородных.

Быстро определившись, Арни подал сигнал свистом, и мы начали стрелять. Поскольку дело было серьезным и у Арни опыта больше, я решил не выпендриваться и лишь заряжал арбалеты, а он стрелял. Судя по тому, что бандиты, упав, не шевелились, он их не «надкусывал», а убивал. Я не стал заводить спор — не место и не время. Минут через пять все было закончено. Я рванул вниз. Мой нянь сдавленно зашипел и тоже полез вниз, но гораздо медленнее. При моем появлении гвардейцы и господа дворяне настороженно заглядывались.

— Не стрелять! — закричал я.

— Не стрелять! — проревел сзади и сверху Арни, с тихой руганью слезая с дерева.

— Наше почтение, господа! Мы тут вам помогли немного, стрелы на ваших врагов извели. Не могли бы вы заплатить за сделанное добро? — медленно подходя, обратился я к группе благородных.

— Что ты болтаешь, пацан, мы и без тебя бы справились! — обиженно выкрикнул один из гвардейцев, похоже, их командир.

Тут из леса наконец-то вышел Арни с двумя заряженными арбалетами в руках. Охрана вскинулась.

— Не стрелять, это со мной. — Я махнул рукой в сторону сопровождающего и продолжил, обращаясь к гвардейцу: — Ну и кто спорит? Вы им совершенно были не нужны. Нападавшие добрались бы до этих господ и тут же ушли бы. Так что я разговариваю не с тобой, а вот с ними. — Я ткнул в сторону благородных.

— Да как ты смеешь, сопляк! — заорал этот придурок и, подбежав, попытался схватить меня за шкуру.

Я увернулся и врезал посохом этому козлу по локтю. Тот взвыл дурным голосом.

— Не прикасаться! — взревел Арни и поднял арбалет, поводя им из стороны в сторону.

— Не стрелять! — что было сил закричал я своим, а затем, обращаясь к стоящим рядом: — Не шевелиться, господа, а то из вас сейчас ежиков наделают. В вас так же легко попасть, как и в бандитов. Гоните деньги, и мы пошли.

— Тоже мне, спасатели за деньги, — презрительно сказал подросток лет семнадцати из группы благородных.

Остальные просто смотрели на меня с любопытством.

— Спасатели за деньги вот они, — я махнул посохом в сторону гвардейцев. — Сидят на полном вашем обеспечении, но увы... а мы сделали работу за них, и я хочу за нее деньги получить. И нечего так рожу кривить, научись быть благодарным.

— Ты как разговариваешь с принцем, холоп, — возник один из дворян.

— Ути пусики! А я в таком случае королева, — гордо вскинув голову, жеманно сказал я.

— А ну-ка, где тут моя любимая королева! Дайте мне полюбоваться на вас, радость моя, — из-за спин дворни, скаля зубы, показался симпатичный мужчина лет сорока.

— Уже и пошутить нельзя, — пробурчал я и тут увидел у него на поясе хороший такой мешочек с деньгами. — Ну раз вы мой король, то и ваши деньги тоже мои. По-родственному, так сказать. Надеюсь, вы не против? — радостно улыбаясь, я подскочил к мужику, быстро срезал кошель, и шустро отскочил на недосягаемое расстояние.

Стоявший рядом с ним франт дернулся, но «король» движением руки остановил его.

— Большое спасибо, дорогой, и счастливо оставаться. Мы уходим, — поблагодарил я и, развернувшись, зашагал к лесу.

Арни, же отступая спиной вперед, настороженно оглядывал людей «короля», поводя арбалетом.

— Сударыня, не уделите ли мне минуту вашего внимания? — обратился «подаривший» мне кошелек.

— Ну что вам еще? — недовольно буркнул я и лишь затем кисло скривился, поняв, что выдал себя.

Даже странно, как он догадался: одет-то я как мальчишка.

— Не соблаговолите ли принять от меня кольцо? Если у вас возникнут какие-то проблемы, покажите его любому королевскому исполнителю — и вам помогут, — бросив мне кольцо, сказал этот чудик.

— Оно, конечно, большое спасибо, вот только куда я его надену, на ногу, что ли? — хмуро разглядывая кольцо-печатку и свои пальцы, пробурчал я.

— Да уж, мелковаты вы, моя королева, — оценивая мою руку, сказал он.

— Ничего, когда-нибудь вырасту, — обиженно бросил я и пошел быстрее в лес.

— Я буду ждать, моя королева! — закричал он и, повернувшись, приказал своим собираться и продолжать путь.

Подходя к деревьям, я вдруг увидел у лежащего бандита о-о-очень миленький такой мешочек на поясе и, выхватив кинжал, бросился срезать нужную в хозяйстве вещь.

— Госпожа, в лес, немедленно! — закричал Арни.

Но я заметил, что у лежащего рядом с «моим» бандитом тоже кошель выглядывает, бросился срезать и тот.

— Ли-и! Я кому сказал! — взревел Арни, переброшил оба арбалета в одну руку, другой сгреб меня и потащил в лес.

— Ты как обращаешься с королевой! Больно же! — почти выл я, пытаюсь освободиться. Уж очень неудобно и болезненно он меня схватил.

Сзади послышался громкий смех «короля».

Оттащив меня туда, где нас уже не видели, Арни свистнул нашим отход и, когда все, кроме Кристи, собрались, отправил нас на поляну собираться и в полной готовности ждать его. А сам пошел искать Крису и присмотреть за уходом этих типов. Так, на всякий случай, мало ли какая идея им в голову может прийти. Собрались мы невероятно быстро и выстроились в походном порядке на тропе. Ожидать пришлось достаточно долго. Когда появились Арни и Криста, мы были уже на взводе. Оказывается, Криста забралась на дерево, слишком близко стоящее к дороге, и поэтому она, боясь быть замеченной, сидела на нем неподвижно, пока кортеж не убрался. Арни же, обнаружив пропажу среди листвы огромного дуба, успокоился и лишь присматривал за отъезжающими. Наша девочка, оказывается, слышала интересный разговор, пока расчищали дорогу, убирали трупы и перевязывали раненых. В лицах, с сохранением интонаций и соответствующим выражением лица, она передала его нам.

— Ваше величество, а зачем вы дали этой девочке свой перстень? — спросил один из группы благородных, обращаясь к подарившему мне кольцо.

Криста удивилась: если это настоящий король, то как кто-то может спрашивать у него отчета в действиях.

Арни подтвердил, что это действительно был король, а спрашивавший — его Советник.

— Хм... Сам не знаю... Наверное, чтоб не показаться неблагодарным, — задумчиво ответило величество.

— Этой невоспитанной и грязной девчонке и денег хватило бы, — с некоторой обидой в голосе сказал один из сопровождающих.

Наверное, сам мечтал получить что-то подобное, но увы, а тут какая-то...

— Не скажите, не скажите... Вы обратили внимание, что мужчина, прикрывающий ее и, вероятно, являющийся ее воспитателем, явно благородного сословия? Да и руки вы ее видели? Они не знают грубой работы, — возразил тот, кого Арни назвал Советником.

— Разве что она носит оружие. Видели, как она этой палкой врезала нашему... — улыбаясь, поддержал король. — Думается мне, что с таким характером колечко ей очень пригодится. Судя по манере поведения, немало сложностей может появиться на пути такой женщины.

— Послушайте! А ведь если я не ошибаюсь, то этого дьяволенка мы вчера видели в трактире, — воскликнул еще один из свиты.

— Действительно, очень похож. Особенно своей наглостью, — поддержал его франтоватый желчный тип.

Стоявший с ним рядом согласно кивал головой.

— Даже так? Это интересно. Расскажите, — потребовал его величество.

Принц тоже проявил самый живой интерес.

— Понимаете ли, вчера на обеде у градоначальника местные красотки с таким напором проявляли к нам свое внимание, что мы сбежали в город. Побродив немного, зашли в трактир. Вскоре забегают пятеро подростков. Трактирщик им явно обрадовался. Сдвинули три стола, двое сели играть на инструментах, а этот па... девочка заскочила на столы и запела. Голос у нее хороший, да и пела она замечательно, выстукивая ногами ритм и крутясь, словно юла. Как закончила, сэр Мэлнэс заказал спеть что-нибудь для нас. Такую песню я никогда не слышал, — в восхищении рассказывающий поцокал языком и напел куплет из того, что вспомнил. — Это было просто потрясающе в сочетании с имитацией боя на шпагах. Мелкая и два паренька очень правдоподобно все изображали. В зале все просто ревели от восторга.

— Да что там эта песня, — не выдержал и фронт. — Вот две следующие, где они танцевали с ножами, изображая бандитов!.. Кстати, это музыкальное произведение в свете последних событий вообще выглядит как-то особенно многозначительно... Что-то там было? ...дальняя дорога выпадает королю, у него деньжонок много, я денежки люблю... о-ля-ля, о-ля-ля, завтра грабим короля... Где-то так и звучало...

— Хм... И ведь свои денежки она получила, — усмехнулся Советник.

Тут королю доложили о готовности двигаться дальше, все сели на коней и ускакали.

Когда Криста все это рассказывала, она выглядела невероятно восхищенной, да и парни слушали с довольными рожами. Только Арни был очень задумчив и серьезен. Что ему не нравится? Мало того что мы заработали столько, сколько я не рассчитывал собрать за все время ярмарки, так еще и кольцо защитное получили. И тут до меня дошло — ведь мы с моим «телоносителем» ни разу серьезно не поговорили. Я не знаю его ситуации, его планов на будущее, он не знает наших дел и планов. Вдруг ему куда-то надо идти или ехать, а тут мы... и он по каким-то там правилам приличия не может нас бросить. М-да-а...

По моим представлениям, у Арни могут быть несколько причин, по которым он бы мог хотеть быть с нами: во-первых, ему безразлично куда идти, а с нами веселее и одиночество не мучит, второй же причиной может оказаться его пунктик на тему благородного рождения. Мы тоже не лыком шиты и общаемся с ним на равных...

Хотя к чему это я придумываю? Лучше спросить его самого. Время у нас на это есть, мы собирались возвращаться домой лишь в сумерках. Имея в запасе еще часа три, я предложил Арни серьезно поговорить. Разговор я начал о своем деле и цели: о бедности, о своем решении повысить благополучие семьи и выдать замуж сестер и женить братьев. О том, что пение в трактире — только пробные шаги на этом пути. Что пою я не только по необходимости, но мне это еще и нравится, и меня мало волнует, что мое поведение могут посчитать неприличным для моего статуса. Пока это приносит доход и мне нравится, я буду петь.

— Я была бы рада, если б ты с нами остался. Ведь нас как детей вряд ли будут воспринимать серьезно в любых делах, а ты мог бы быть нашим поверенным представителем, — закончил я свою длинную речь предложением службы.

— Я готов присоединиться к вам и рад оказанной мне чести. Прошу простить меня за недостойное поведение после концерта. Испугался за вас, поскольку, при некотором невезении, за такие песни и казнить могут.

К этой части нашего разговора к Арни уже вернулось хорошее настроение. Свою задумчивость

и серьезность после боя он мотивировал потрясением и удивлением моей удачливости: редко какой вельможа мог похвастать полученным от короля знаком внимания в виде кошелька с деньгами, а уж охранное кольцо... Насколько он знает историю, то за последние сто лет всего пара человек получили его от царствующих особ. Когда Арни говорил эти слова, то восхищение и суеверный страх ясно проступили на его лице.

— Знаешь, Арни, когда я перекапывала кучу книг, пытаюсь найти выход и поправить дела своей семьи, то наткнулась на такое высказывание: «Когда человек очень сильно чего-то желает и направляет всю свою волю и стремление, чтобы желаемого достичь, то весь мир начинает помогать ему в этом». — Я старался говорить со всей убежденностью, на которую был способен. Но иногда умные вещи, которые говорят дети, взрослыми воспринимаются несерьезно. — Другое, не менее интересное высказывание также говорит об этом: «Бог помогает тому, кто способен помочь себе сам», — добавил я и вдруг заметил, что уже смеркается. — Ох, Арни! Если мы не хотим заблудиться в лесу, то пора срочно возвращаться.

И мы резво бросились собираться. О себе ничего дополнительного он рассказывать не стал, а я и не настаивал.

Вернулись мы домой уже в глубоких сумерках. Настроение у нас было замечательным — столько всего произошло в этот день и все больше хорошего. В речке поплавали, на природе потренировались, поспали, поучаствовали в боевой операции, и никто из наших не пострадал, а уж денег-то заимели...

Дома нас ждали с нетерпением. Информация, которую должны были доставить слухачи, явно была положительной, поскольку оба магистра выглядели довольными и широко улыбались. По последним сводкам выходило, что никаких отрицательных последствий от похода «К Жаку» не ожидается. О наших выступлениях говорит чуть ли не весь город. Трактир заполнен с утра. У самого хозяина постоянно интересуются, будут ли еще петь те самые артисты, и если будут, то когда. Сам же трактирщик присылал своего человека к магистру Трэвору с просьбой, что если он знает выступавших или будет с ними встречаться, чтоб передал им приглашение приходить с концертами в любое время. Также этот «сердобольный» просил добавить, что он согласен доплачивать от себя, плюс бесплатный обед или ужин.

Да, этот своего не упустит...

Мы в свою очередь рассказали магистрам о происшедшем с нами во время нынешней прогулки. Они были впечатлены получением королевского кольца даже больше Арни. Пересказывать сам бой и ситуацию с получением перстня пришлось несколько раз: магистрам хотелось понять, почему же король сделал мне такой подарок. Меня это интересовало меньше всего. Ну сошлась в кучку серия событий, возможностей и удачек — и получилось нечто особенное. Вот и хорошо.

После рассказа мы занялись изучением содержимого кошельков. В тех, что я снял с бандитов, были не только деньги, там еще лежала пара колец и серьги, которые мы решили на всякий случай не продавать в этом городе.

Пересчитав всю добычу и пройдясь по списку запланированных покупок, пришли к выводу, что нам вполне хватит на все и мы при желании можем ехать домой хоть сейчас. И все же я предложил задержаться на пару недель — нужно закрепить успех в трактире, да и пока есть возможность заработать, стоит зарабатывать. Магистр Трэвор поддержал меня. Как выяснилось, даже магистр Жаколио был не прочь задержаться, не говоря уж о других.

На следующий вечер, когда все разошлись готовиться ко сну, магистры пригласили меня на разговор. Чувствовал я себя очень уставшим, все же в последнее время все дни были слишком богаты на события, но то, что мне предложили друзья, моментально прогнало всякий сон.

— Графиня Лионелла Гросарро, — официально обратился ко мне магистр Жаколио.

Я немного напрягся, пытаюсь вспомнить, что же мог натворить такого, что расстроило или обидело воспитателя.

— Мы хотели бы предложить вам свою помощь в открытии некоторых магических способностей! — с гордым видом продолжил маг.

Я, конечно, читал у Блаватской и у Александры Дэвид-Нэйл о возможности учителя активировать способности своих учеников. Как я понял из книг, это применялось для более быстрого обучения, поскольку в этом случае ученик не тратил время на начальные стадии, а сразу начинал с более высокого уровня. Правда, ускорение применялось только по отношению к талантливым и подающим надежды ученикам. Но даже в этом случае последующее закрепление и развитие навыков является необходимым условием, иначе они теряются. Однако одно дело читать о таком, другое — реальное предложение.

— Получение кольца защиты да еще в таком юном возрасте является столь редким событием, что может рассматриваться как указание на неординарную судьбу, — подключился к разговору магистр Трэвор.

— Ох, спаси от неординарности Великая Мать! Честно говоря, ваше предположение меня расстроило, ведь чем удивительнее судьба, тем больше проблем и опасностей у человека. А мне и так проблем по жизни хватает, — возмутился я.

Магистры, выслушав мои рассуждения, уважительно и глубокомысленно покивали головами и предложили подумать, какое умение я хотел бы получить. Почти весь следующий день мы провели, дискутируя, какие из способностей меня бы больше устроили. Выбрать нужно было только три варианта. Лишь после полного их закрепления я мог попробовать приобрести и наработать еще несколько способностей и так далее.

— Насыщенная судьба может означать и большие опасности. Несмотря на то что я учусь драться, хотелось бы не вступать в открытые сражения. Значит, мне нужно умение уходить от недоброжелателей максимально целой и невредимой, без боя. Соответственно, хорошо помочь в этом может невидимость, — после долгого размышления выбрал я.

Маги опять понимающе закивали.

— Следующее, что хотелось бы получить, это возможность по моему желанию создавать у нужных людей непреодолимое и срочное желание поспать. — Улыбнувшись, я посмотрел на шокированных магистров и, решив не испытывать их терпение, объяснил: — Где-то слышала такую загадку: маленькое, коричневое, любого пана с коня ссадит — это оказалось говно. Я, помню, долго размышляла над высказыванием и пришла к выводу, что действительно, когда сильно хочется на горшок, то уже не до высоких идей и важных разговоров. — Я сказал свое веское слово и, сдерживая смех, в ожидании смотрел на магов. Помнится, моя бабушка из того мира любила загадывать эту загадку, и я действительно размышлял над ней.

Прошло не так уж и много времени, и отвалившиеся челюсти и округлившиеся глаза магов стали понемногу приобретать привычные очертания. Обалделость постепенно сползла, уступая место некоторой задумчивости, а затем магистры начали смеяться и не останавливались минут

десять. Успокоившись, они с восхищением сообщили, что впервые слышат столь идиотское пожелание, но вынуждены признать, что по размышлении это умение действительно выглядит неплохим оружием.

Подумав еще какое-то время, я определил третью способность, которую стоило бы получить:

— Еще одно умение было бы хорошим дополнением к уже названным. Это полное запутывание мыслей, хотя бы минут на десять, в головах людей, находящихся вокруг меня в зоне видимости. — И, желая разъяснить, добавил: — Понимаете, если большое количество недоброжелателей после разговора со мной будут сразу бежать в туалет, то меня слишком быстро вычислят. А путаница в головах у людей не позволит им это сделать. Сама же она и без посторонней помощи регулярно присутствует у большинства, и из-за этого будет почти незаметно мое влияние на народ.

В принципе все три возможности или способности, это уж как назвать, относятся к гипнозу, хотя и упоминаются во всяких фэнтезийных рассказах под грифом «магия». В последние годы моей жизни в том мире курсы по гипнозу можно было найти не только в столице, но даже в небольших провинциальных городках. Книжки по этому предмету не были редкостью, да и в Интернете о гипнозе было полно информации. Так что сами по себе эти возможности не являлись для меня чем-то невероятным, но... как-то не приходилось примерять их к себе или наработать. Однако если маги действительно смогут запустить эти способности, это может здорово помочь мне в этой жизни.

Маги долго сидели, размышляя и тихо дискутируя между собой. Я даже задремал. Потом хозяин дома поднялся и вышел куда-то. Я было встрепенулся, но магистр Жаколио порекомендовал продолжать сон, сообщив, что так даже лучше для планируемого действия. Тогда, устроившись поудобнее в кресле, я крепко уснул.

Что уж они делали и сколько времени это заняло, не знаю, но скоро меня разбудили и сообщили, что все готово. Маги честно пытались мне объяснить принцип, по которому они работали, но их слова как-то не доходили до меня, может, потому, что спать очень хотелось. В конце концов, как я понял, если то, что они сделали, представить образно, то это очень похоже на высадку рассады в грядку, и, чтоб она принялась, ее надо поливать, удобрять и ухаживать за ростком. Магистр Жаколио сказал, что будет заниматься со мной каждый день, пока я не пойму, как с этим работать. После этого меня наконец-то отпустили спать.

Глава 6

ПРЕВРАЩЕНИЕ ТРАКТИРА «У ЖАКА» В ТАВЕРНУ «У ТРЕХ БЕРЕЗ»

Утром после завтрака магистр Трэвор поинтересовался моими планами по поводу трактира. В голове у меня крутилось несколько не до конца продуманных идей, но оформиться в четкую картину им не хватало времени. Мысль поделиться наметками с магами показалась здоровой, это называется: пока объяснять буду, сам пойму. Да и оба друга имеют большой жизненный опыт, может чего присоветуют дельное.

Вынесли в сад кресла, несколько столиков с чашками чая и печеньем, позвали магистра Жаколио и Арни, а команду и созывать не пришлось, сами прибежали. В разговоре участвовали в основном маги, Арни и я, но парням тоже необходимо было понимать, что мы собираемся делать. Мы заседали до обеда. По-моему, все приятно провели время, один я устал как собака и чуть не охрип, рассказывая, показывая и объясняя. В итоге решено было пригласить Жака, предложить ему свои идеи для рассмотрения и сразу же обсудить: что, как и

когда...

На следующее утро Жак появился у нас радостный и довольный. Еще бы! Наши выступления помогли ему расширить клиентуру и увеличить прибыль. Мы обсудили с трактирщиком все, что необходимо было сделать, чем и как украсить таверну и вообще... Вернее было бы сказать, что мы предлагали, а Жак неизменно со всем соглашался. Даже когда для большей привлекательности предложили выкопать в лесу три березки и посадить их у входа, а название, чтобы оно соответствовало новому имиджу, после недолгих дебатов решили заменить на «У трех берез», счастливый предприниматель не имел никаких возражений, только радостно закивал головой. Пару следующих дней мы потратили на беготню по базару в поисках красок и материалов для украшений. Были закуплены ткани и тесьма, заказаны новые костюмы для выступлений. Затем мы приступили к росписи самого зала. И вот это оказалось настоящим испытанием.

Сегодня мне было тяжело как никогда помнить, что я — маленькая девочка, и не ругаться совсем уж откровенным матом. Мои парни до этого дня кисти в руках не держали, даже не видели, как это делается. Полоса, которую я планировал в пять миллиметров шириной, после многочисленных подравниваний получилась сантиметра на три. Листики березы были похожи на лопухи. Вместо папоротников вышли пальмы. В итоге на стенах вместо леса средней полосы явно наличествовали тропики. Я бегал, ругался, кричал, плевался, пытался сам что-то поправить, пробовал тыкать носом своих за халтуру, они пытались увернуться. В результате творческого процесса на полу тоже образовалось нечто совершенно абстрактно-сумасшедшее из пятен от разлившейся краски, отпечатков ступней, ладоней и даже... в общем, кто-то, видимо, неудачно присел. Пришлось и пол преобразовывать во что-то более приемлемое.

Пока я разводил краски, давал указания, сам что-то рисовал, мою спину назойливо сверлил чей-то особо острый взгляд. Не выдержав, я оглянулся. Время было ближе к обеду. Как мы и договаривались с Жаком, половину зала мы украшали, а вторая половина работала в обычном режиме, и там было почти все время полно посетителей. Народ жевал и с интересом посматривал на нашу возню. Для них это было не менее увлекательно, чем концерт. Никто не торопился завершать трапезу. Жак был счастлив и носился по залу особенно шустро. Я заметил, что один симпатичный мужчина лет тридцати, явно благородного происхождения, сидел в зале с завтрака и очень внимательно следил за всем, что мы делаем, и в особенности за мной. Потерпев какое-то время, я не выдержал, подошел к нему и хамски поинтересовался:

— Ну чего надо? У меня уже дырка на спине скоро образуется.

Тот, ничего не говоря, выложил на стол два золотых. Я посмотрел на него заинтересованно.

— Похоже, наш спектакль тебе понравился. Ну что ж... Ты только расслабься, а то слишком уж напряженный взгляд, по спине царапает.

Забрав деньги, я ответил широкой улыбкой на его удивленный взгляд и, отойдя от столика, постарался больше не обращать на него внимания.

Закончили мы где-то часа в два после полудня. Вернее будет сказать, остановились. Работы было еще много, и не на один день, но мы устали, а сегодня вечером еще планировали выступить. После того как мы поели, к нам подошел тот самый благородный, который долго пялился, а потом денежку дал. Оказывается, его заинтересовали наши дизайнерские способности, и еще он слышал от своего друга, что мы хорошо поем. Предложил ему послушать нас сегодня вечером, но он отказался, времени нет, а другу он верит.

— Через десять дней я устраиваю бал-маскарад и хотел бы оформить его в необычном стиле. Что-то такое... — Он замялся, видно не имея слов, задвигал руками в воздухе.

— А если представиться? Или вы уже так высоки и могущественны, что и имени не требуется? — съехидничал я.

— Лорд Мэгам Нэрро, — слегка наклонив голову, произнес любитель маскарадов.

Надо же! Даже не извинился. Не опух бы отважности.

— А какую основную сюжетную линию вы хотели бы видеть на этом балу? — начал уточнять я.

Он удивленно посмотрел на меня. Либо не понял, либо не ожидал таких вопросов от ребенка.

— Например, если основная тема о любви, то стоит подготовить большую часть песен именно о любви, соответственно и костюмы веселеньких весенних расцветок, и интерьер украсить цветами. Если же, например, основная тема бала офицерская вольница, то тут можно подобрать песни о войне, о победе, о боевом братстве, и костюмы должны быть похожи на военные, и интерьер по-другому украшен. — Когда я замолчал, он на меня посмотрел удивленно и уважительно одновременно. — А если честно, то в первую очередь меня интересует уровень оплаты. Сами понимаете, искусство искусством, но кушать всем хочется, независимо от сословий, — глядя ему прямо в глаза, слегка ехидно произнес я.

Арни отсутствовал по своим и нашим делам и возвратиться должен был где-то дня через три, вот почему эти переговоры пришлось вести мне. Опыта по таким крупным договорам у меня не было, и я боялся назвать маленькую цену. Похоже, у моего собеседника были точно такие же проблемы, только со знаком минус — он боялся переборщить в цене, а посему решил пойти обычным путем...

— Мне думается, тема любви была бы очень уместна на маскараде. На украшении помещений и сада у меня будет работать специальный человек, но я с удовольствием послушал бы и ваши предложения, — несколько обтекаемо произнес этот самый Мэгам.

— Мои предложения тоже денег стоят. А уж будете вы их внедрять или нет — ваши проблемы, — ухмыляясь, произнес я.

Он какое-то время молча рассматривал меня. Ну и зря. За сегодняшний день я уже натренировался спокойно переносить его взгляд, поэтому просто сидел, расслабленно улыбаясь, и отдыхал. Минут через пять он похмыкал, позакатывал глазки и предложил сумму... ну, в общем, мне понравилось. Но все же, решив не сдаваться без боя, я начал накручивать на костюмы, на сцену, занавес для нее и на чего-то там еще... Согласился он быстро, я даже засомневался: а не продешевил ли? Нэрро засмеялся: видно прочел на моем лице, о чем я подумал.

— Вы получите даже больше, чем за подобное платят. Торговаться не хочу, но и больше не дам. Если согласны, жду вас завтра к полудню у себя в замке, — сказав это, он поднялся, слегка склонил голову и вышел, не оглядываясь, вполне уверенный, что все будет так, как он хочет. Мне почему-то это понравилось, и я взял себе на заметку такой способ вести дела. Да, два века живи, два века учись... Однако пора готовиться к вечернему выступлению.

Сегодня я решил сделать его в виде концерта, без жратвы: столы убрать и поставить много лавок. Не помрут с голоду за час-другой, а уж потом Жак их накормит до отвала. С утра у входа в трактир стоял глашатай из нашей команды и объявлял о вечернем концерте всем, кто

проходил мимо. За вход мы собирались брать деньги. Цена варьировалась согласно близости к сцене. Чем ближе — тем дороже. За час до концерта, в четыре после полудня, освободили зал от посетителей, убрали столы, притащили все имеющиеся в доме лавки, даже у соседей позаимствовали за разрешение присутствовать. У сцены поставили несколько небольших бочонков с зелеными кустами. На стенах развесили горшки с цветами. Занавес сшили зеленый и нарисовали на нем красивые кленовые листья разных размеров. Зал выглядел совершенно непривычно для местных и поэтому просто великолепно.

Все время, пока мы создавали свой шедевр, под окнами толпился народ, комментируя и обсуждая все, что он видел, а чего не видел — просто придумывал. А народная фантазия — самая богатая фантазия в мире, вот почему, наверное, к началу шоу у трактира собралась уже огромная толпа ожидающих. Взглянув на эту толпу, я разумно решил несколько поднять цены. Когда началась продажа билетов, у входа выстроились все свободные от выступлений парни, Жак и трое его помощников, поскольку мы опасались беспорядков фанатов. На рассаживание публики времени ушло больше, чем рассчитывали: как и «у нас», у них некоторые не поделили места, и охране пришлось слегка поразмяться, но все же и эта проблема утряслась. Занятыми оказались не только все лавки, но и свободное пространство пола, где за небольшую цену расположилась молодежь. У нас точно был аншлаг.

Еще накануне я решил составить концертную программу полностью из русских народных песен. Моя мама очень любила творчество Лидии Руслановой. Песни в ее исполнении (сначала с пластинок, а потом и с кассет) регулярно звучали в нашей квартире. Я знал их все наизусть, даже, случалось, и сам напевал, хотя большой любви к ним не испытывал.

К этому выступлению мы сшили мне и Кристе по паре сарафанов в русском стиле, парням на рубахи тесьмы цветной нашили, соорудили фуражки с цветками. Трое оркестрантов также были одеты в этом стиле. Песни Руслановой: «Во поле березонька стояла», «Очаровательные глазки», «Я на горку шла», «Эх, матушка», «Чернобровый, черноокий» — мы пели с Кристой на два голоса, помахивая платочками и мелко семена по сцене. Парни исполняли что-то, напоминающее русские народные пляски или, как говорится, все, что я смог вспомнить.

Однако этому неискушенному «пиплу» так понравилось, что мы еле смогли закончить выступление. Пришлось по два раза повторять все, что пели, а народ все требовал продолжения. В конце концов мы просто тихо ушли по-английски, через черный ход, а Жак, ни на минуту не забывавший о своей выгоде, быстренько вынес из зала часть лавок и почти молниеносно, как маг, расставил столы. Большая часть тех, кто был на концерте, и очнуться не успела, они по горячке тут же позанимали места и, заказав ужин, стали обсуждать концерт, продлевая удовольствие от невиданного, неслыханного, запредельно фантастического зрелища.

Все деньги за концерт, как мы и договаривались с трактирщиком, пошли нам. Мы потратились на костюмы, украшения, опять же — работа... А Жак... да он только на завтраках, обедах и ужинах наварил столько, сколько до этого зарабатывал за месяц. Да и после концерта вряд ли в зале будет свободно, как раньше, ведь интерьерчик там теперь что надо: наряден и красочен, как весенний сад. Ну мне так кажется. Вот только надо придумать что-нибудь с музыкой. Не можем же мы петь каждый день! Это тяжело нам, да и может быстро приестся посетителям, к тому же пора собираться домой.

Утром следующего дня, после тренировки, водных процедур и завтрака, мы отправились на ярмарку делать покупки для себя и для домашних. Криста осталась подгонять по размеру приобретенную ранее одежду для команды.

Закупив основное, что наметил на сегодня, я отослал большинство ребят относить вещи домой. Подыскивая оставшиеся мелочи, мы с Сэмом и Родом бродили по базару и услышали, как невдалеке кто-то поет. Мелодия была так себе, но голоса, явно детские, звучали очень красиво. Мы на них и пошли, а подойдя поближе, я увидел девочку, немного меньше меня ростом, и мальчика — на полголовы выше меня. Они были так сильно похожи друг на друга, что не оставалось сомнений в том, что это брат и сестра. Перед ними стояла кружка с парой медных монет.

В моей голове сразу замельтешила какая-то идея, но ухватить ее не удавалось. Поэтому я просто стоял и слушал, как они поют. Несмотря на то что дети были исхудавшими и грязными, все же почему-то казалось, что в такое положение они попали недавно. Раздался звон — какой-то прохожий бросил им в кружку монетку — и прервал мои рассуждения. Продолжая петь, дети слегка поклонились подавшему. Секунд через десять после этого мальчишка, ростом примерно с певшего, подбежал к ним, схватил кружку и побежал в нашу сторону. Девочка сразу заплакала, а ее брат рванулся было в погоню, но стоявший рядом со мной Род уже перехватил воришку.

— Будешь орать — отдадим страже. Будешь вести себя тихо — поговорим, а дальше посмотрим по обстоятельствам, — сказал я негромко, слегка наклонившись к пацану.

Тот, дернувшись пару раз, понял, что не вырваться, и настороженно замер. Дуэт тоже смотрел на нас исподлобья, девочка слегка всхлипывала. Мы подошли ближе.

— Привет, ребята. Я гляжу, дела у вас не слишком хорошо идут. У меня идея одна возникла, и вы в нее неплохо вписываетесь. Не хотите ли попробовать? — дружеским тоном, улыбаясь, проговорил я.

Парнишка, обхватив сестричку за плечи и прижав к себе, нахмурил лоб, молча рассматривал нас.

— Значит, так, мы не собираемся здесь долго стоять и уговаривать. Если вас это интересует, мы можем где-то сесть и обсудить мою идею, если нет — мы уходим. Только один вопрос: вы живете с родителями или как?

— Мы сироты и готовы обсудить предложение, — быстро проговорил мальчишка.

— Осталось только решить, что делать с этим парнем, и затем пойдем в трактир «У Жака», поговорим, а заодно и пообедаем, — сказал я им и повернулся лицом к воришке. — Ты мне объясни, как у тебя хватило совести обворовать совсем уж бедных и голодных ребят. Неужели ты последняя сволочь? Не мог побогаче кого выбрать? — грозно нахмурил брови, спросил я.

Парень дернулся как от удара, на его глазах показались слезы.

— У меня мама тяжело больна. Мне ее покормить надо. А я сегодня за полдня не смог ни заработать, ни украсть, — прошептал он.

— Угум-с... Хорошо. Веди к себе. Если это правда — может, чем поможем, если нет — сдадим страже как вора.

На самом деле я не собирался этого делать. Выглядел он действительно голодным и замученным. Но если он такой ответственный сын, то может быть и хорошим напарником. Махнув брату с сестрой рукой — не отставать, мы пошли за воришкой. Привел он нас в дворик, сильно напомнивший мне фильмы про Одессу «у нас». Квадратный трехэтажный барак с

огромным количеством лестниц и дверей. В центре квадрата — небольшая площадка-двор, завешанная сохнувшим бельем, с небольшим свободным пространством в середине, которое можно назвать песочницей, где играло несколько детей. Оставив Сэма и певцов на улице, мы с Родом зашли за парнишей в помещение. Квартира, куда нас завел воришка, состояла из двух комнат. Совсем небольшая кухня и большая для таких трущоб жилая комната. В дальнем углу, на кровати, укрытая старым и рваным одеялом, лежала очень худая женщина. Когда мы вошли, она встревоженно поднялась на локте и напряженно посмотрела на нас. Ну что ж, не соврал. Я кивнул Роду, и тот поставил на стол горшок с молоком и полбуханки хлеба, которые мы на всякий случай купили по дороге. Парнишка тут же бросился наливать молоко в чашку и отламывать хлеб, чтоб покормить больную. Она же, не обращая на это внимания, еле слышно спросила, глядя на нас:

— Что случилось и чего вы хотите, дети?

— Мы случайно познакомились. Ваш сын, кстати, он не назвал своего имени, рассказал о вашем положении. Человек, идущий ради матери на многое, достоин уважения и доверия. Мы решили убедиться, что он не врет, и теперь можем предложить ему работу. — Я старался говорить четко и громко, чтоб больной не надо было напрягать слух.

— Спасибо вам, — прошептала женщина.

— Пока не за что. Может, вам позвать врача, мы бы оплатили? — предложил я женщине.

— Спасибо еще раз, но уже слишком поздно, — произнесла она, и мальчик тихонько заплакал.

— Что мы могли бы сделать для вас? В разумных пределах, конечно.

Мне было очень их жаль.

— Мне кажется, вы из благородных. Заклинаю вас всем святым, возьмите моего мальчика к себе на службу. Он не подведет вас, — умоляющим голосом, с полными слез глазами, обратилась женщина ко мне. — Проси. Клянись. И будь верен слову, — это она требовательно сказала уже сыну.

Парнишка упал на колени и с торжественным видом звонко и громко начал произносить:

— Клянусь быть честным, верным, не жалеть своей жизни ради господина... — Он замялся.

— Госпожи, — поправил я его. — Графини Лионеллы Гросарро, — добавил я для точности клятвы.

Они оба расширенными глазами уставились на меня. Оно и понятно, глядя на то, как я одет и веду себя, трудно поверить не только в то, что я являюсь представительницей высокого сословия, но даже и в то, что я девочка. Пару минут стояла полная тишина, затем парень, придя в себя, повторил свою клятву с моим полным именем. Помолчал еще пару минут, а затем снова начал ее повторять. В это время Род толкнул меня слегка локтем вбок. Я оглянулся.

— Тебе надо сказать, «принимаю» и его имя произнести, — тихо прошептал этот знаток ритуалов.

— Принимаю тебя... — Я вопросительно посмотрел на паренька.

— Тарэн, — поспешно подсказал он.

— Принимаю тебя на службу, Тарэн, — повторил я, и все облегченно вздохнули.

— Помни, сын, ты эту клятву дал перед лицом умирающей матери. Я просила за тебя. Не опозорь меня, — тихо произнесла женщина.

— Пока вы болеете, Тарэн будет жить с вами. Мы сейчас уходим. А Тарэн покормит вас и пусть приходит в трактир. Где-то через час мы будем там, — сказав это, я развернулся, и мы вышли на улицу.

Пока шли к трактиру, я размышлял над происшедшим. Клятва верности перед умирающей матерью — это серьезно. Полезное приобретение получилось. Захватив ожидающих нас во дворе ребят, мы через пятнадцать минут были уже в трактире. Жак с искренней радостью помахал нам рукой. Уселись за дальний угловой столик, заказали обед на шестерых. Брат с сестрой чувствовали себя пока явно неуютно.

— Прежде чем делать предложение, я хотел бы знать: кто вы, как дошли до такой жизни и где обитаете? — выдал я, внимательно рассматривая детей. Усиленный интерес был вызван тем, что только что, уже сидя здесь, я понял, чего хочу от своих новых знакомых. Идея, как говорится, обрела форму.

Как оказалось, отец у них был купцом средней руки. Жили в хорошем доме в Нижнем городе с мамой и бабушкой. Была у них даже пара слуг. Месяца три-четыре назад рано утром они проснулись от криков — в доме начался пожар. Отец успел их с сестрой выбросить из окна второго этажа на небольшой стожок соломы, сам же с мамой и бабушкой выбраться не успел: рухнула крыша. Почти все сгорело. Что не сгорело — растащили соседи. Их с сестрой отдали в приют, но там было так плохо, что они сбежали. Зарабатывать на жизнь у них получается плохо, но возвращаться они все равно не хотят. Брата звали Мар, сестру — Матти, и было им четырнадцать и десять соответственно.

— Мое предложение заключается вот в чем: вы будете подпевать нам, когда мы поем, и самостоятельно выступать в этом трактире, когда нас не будет. Мы живем далеко отсюда и приехали лишь на ярмарку. Скоро собираемся уезжать, и, чтоб до следующей ярмарки посетители не разбежались, нужно, чтобы здесь кто-то постоянно пел. От вас требуется быть всегда чистыми, не воровать, помогать убирать зал в свободное от пения время. Трехразовое питание — за счет заведения. Костюмы для концертов мы сошьем и другой одеждой обеспечим, — перечислил я им.

Выслушав меня с радостными улыбками, они заявили, что наше предложение им очень нравится и они полностью согласны на все условия. Пока мы беседовали, подошел Тарэн. Вид у него был самый несчастный, в глазах блестели слезы. Я жестом предложил ему присаживаться к нам и спросил, что случилось.

— Мама сказала, что жила последнее время только потому, что боялась меня оставить одного. Сейчас же, когда она знает, что я пристроен, у нее уже нет сил жить. Она еще раз попросила быть верной вам и сказала, чтоб я поменьше горевал, поскольку она умирает совершенно счастливой. И также попросила в эту ночь не приходиться домой, чтобы не мешать ей умирать, — заливаясь слезами, почти шептал Тарэн.

— Старайся не плакать. Этим ты можешь помешать маме, я читала о подобном в одной мудрой книге. Именно мать способна на такое. — Я действительно читал, кажется, в книге у Сатрэпа, «Шри Ауробиндо...», там про силу воли говорилось.

В это время нам принесли обед. Сэм сводил новеньких умыться и хорошо вымыть руки, и мы

взялись за еду. Ребята с трудом сдерживались, чтоб есть медленно.

— Матти и Мар, предлагаю сегодня переночевать с нами у магистра Трэвора. Тарэн, к тебе это тоже относится, а если ты в самом деле скоро останешься один, то поселим Мара и Матти у тебя, чтобы в доме не было страшно и одиноко. Сейчас сходите с Сэмом на базар, и он купит вам приличную одежду, а вечером надо будет вам хорошенько вымыться — у нас грязнуль не любят. И еще одна очень важная вещь, которую вы должны знать и неукоснительно соблюдать: вы теперь одна команда, только полная взаимовыручка и забота должны быть между вами.

Пока я это говорил, лица ребят расцветали в счастливых улыбках. Даже Тарэн выглядел более спокойным. Отправив Сэма с этими тремя, мы с Родом заскочили домой предупредить магов о пополнении в наших рядах и, переодевшись в новые рубахи и брюки, захватив Кристу и еще четверых из команды (на всякий пожарный), отправились к лорду Нэрро.

Глава 7

ЗАМОК ЛОРДА НЭРРО

Замок мы нашли быстро. У ворот нас уже ждали. Высокий, представительный дворецкий медленно и величаво повел нас по дворцу. Мои парни и Криста были очарованы. Я в свое время посетил с племянниками все дворцы Москвы и Петербурга, а также мы побывали в музеях Рима, Парижа и Венеции, так что местное великолепие на меня мало действовало. А вот усталость пришла быстро, да и Криста с парнями время от времени наступали мне на пятки, поскольку глазели только вверх и по сторонам, что тоже не способствовало поднятию моего, в частности, настроения. Минут через пятнадцать и после того, как мне наступили на две пятки сразу, я взвыл:

— Ты что, козел, нас тут кругами водишь? Шевелишься как цапля: шаг — и замер. Если ты сейчас в два прыжка не выведешь нас к Мэгу, то видел я все это в гробу, мы сваливаем отсюда. — Гулким эхом мой голос разнесся по замку. Все-таки долгое общение с подростками плохо влияет на лексику и терпение. Я помянул своих племяшей, оставшихся «у нас». Дворецкий замер с выпученными глазами, а на мой крик открылось сразу несколько дверей, из которых на нас уставилось человек семь. Среди них я увидел пригласившего нас лорда.

— Мэгам, вы что, специально приказали этому пеликану водить нас кругами по замку, чтоб мы от усталости попадали? — закричал я хозяину.

Все выглядывавшие, кроме Мэгама, быстро попрятались в комнаты и захлопнули двери. Хозяин почему-то судорожно закашлялся. Я же бросил взгляд на дворецкого и неожиданно обнаружил, что тот выглядит уже не как перед инфарктом, а как после него. То есть почти синий, глаза еще чуть-чуть и будут как у рака, и вроде как не дышит.

— Эй, пели... в смысле мужик, что с тобой? Ты жив? Граф! Ему, по-моему, помощь нужна... Да кликните вы кого-нибудь! Он же скоро лапы склеит, — поглядывая на слугу, я обращался к лорду.

Тот, не переставая кашлять, изобразил что-то заковыристой рукой, и тут же откуда-то выскочили двое и утащили синего дворецкого. Махнув нам приглашающе рукой, Мэгам скрылся в одной из комнат. То ли мы не заметили, куда он зашел, то ли просто ошиблись дверью, но ввалились в комнату с большой кроватью под балдахин, в ней еще были всякие там столики с кучей бутылочек и бутылок, куча зеркал и кто-то под одеялом с головой.

— Не понял, мы что, не вовремя? Вы что, больны? Так вроде одетый только что были? — в

полном удивлении обернулся я к своим.

В этот момент «больной» откинул край одеяла. Нашим глазам предстало очаровательное женское личико в ореоле волнистых волос, рассыпавшихся по подушке. Несколько секунд это создание молча разглядывало нас, а затем раздался такой визг, что я даже подпрыгнул на месте от неожиданности. Почти сразу же открылась боковая дверь, и в комнату влетел Мэгам.

— Не понял, а она что тут делает? И почему визжит? — в полном офигении спросил я, глядя на верещащую даму.

Лорд закашлял еще сильнее, подскочил ко мне и, схватив за руку, потащил к двери. Криста и парни спешно двинулись следом за нами, передвигаясь вдоль стены. Мало ли чего...

— Слушайте, лорд, у вас в доме что — эпидемия? Правда симптомы все разные, и странные какие-то. Может, мы попозже зайдем, а вы уж тут бригаду врачей вызвали бы на всякий случай, — настороженно проговорил я, глядя, как судорожно кашляющий лорд пытается налить что-то из бутылки в бокал.

После моих слов кашель стал сильнее. Рука с бутылкой дернулась, зацепила бокал, тот опрокинулся, выплеснув содержимое частично на пол, частично на штанину лорда. Он попытался подхватить бокал одной рукой, но бутылка, ударившись о столик, выскользнула из другой руки и, облив по дороге вторую штанину, ударила его по ноге. Какие-то новые звуки добавились в кашель, и Мэгам сначала запрыгал на одной ноге, а потом поскользнулся на пролитой жидкости и рухнул на пол. Проехав всем телом по полу, как по катку, лорд дернулся и затих. Его голова оказалась под столом, и было не видно, как он себя чувствует. Я озабоченно заглянул под стол:

— По-моему, и этот синееет. Говорил я — эпидемия, — и выглянув в коридор, закричал. — Эй! Есть тут еще кто живой и не синий? Лю-у-уди-и! Вашему лорду плохо, и вообще в доме творится что-то странное... — Я подошел к лежащему под столом хозяину: — Слушайте, в вашем сумасшедшем доме никого нет, вымерли уже, наверно. Мы, пожалуй, пойдем, но если кого живого найдем — пришьем к вам обязательно.

И тут дверь резко распахнулась и в комнату хлынула целая толпа. Мы, дабы нас не затоптали, отскочили к стене. Народ рванул к лорду, лежащему под столом, начали его вытаскивать и что-то там делать. Я же скомандовал своей команде двигать к выходу и дергать отсюда. Уже будучи в дверях, мы услышали какие-то новые звуки. Лорд что-то пробовал говорить и кивал в нашу сторону. Наша попытка тихо уйти не получилась. Два здоровых мужика перекрыли нам дорогу и, скаля зубы, настойчиво приглашали в ближайшую комнату. Пришлось пойти. Примчался еще один хлыщ, вертлявый весь из себя, притащил напитки всякие, пироги и пирожные, фрукты. Сидеть здесь мне не хотелось, но два бугая стояли у дверей и было件нятно, что выйти без проблем у нас может и не получиться. Мы уже почти составили план, как повязать этих охранников, но тут в комнату вошел хозяин. На нем уже была другая одежда, лицо было лишь немного краснее обычного цвета. И самое главное, он уже не кашлял.

— Лорд, я так рад, что вам полегчало, но мы, пожалуй, подойдем как-нибудь в следующий раз. Вас осматривал доктор? Вы уверены, что это не заразно? — обеспокоенно спрашивал я. Последние события совершенно выбили меня из колеи.

— Доктор меня осматривал. Это не заразно. А вот еще один такой ваш приход мой дом может не пережить, господа «эпидемия», — смеясь, ответил на все мои вопросы сразу Мэгам.

Я жутко обиделся и, вскочив с дивана, собрался уходить, но лорд начал усиленно нахваливать

выпечку и предлагал попробовать ее, а Криста и парни так жалобно на меня смотрели, что я сдался. Пирог, кстати, оказались действительно очень вкусными. Перекусив, мы решили перейти к делу. Мэгам принес пачку листов и грифельную палочку, напоминающую карандаш, и мы улеглись на ковер, лежащий посреди комнаты.

Я тут же начал выдавать свои идеи, которые стали появляться в моей голове еще по дороге сюда. Лорд подтащил стул и сначала попробовал разобраться в том, что я пишу, с расстояния, затем попытался уговорить нас перебраться за стол. Но с моим теперешним ростом этот стол мне был чуть ли не по нос, так что фокус не удался. В конце концов он лег рядом со мной на ковер и полностью включился в дискуссию. Мы засыпали пол рисунками, спорили до хрипоты, пробовали показывать некоторые движения, прыгая по комнате и махая руками...

Несколько раз к нам заглядывали какие-то люди и пытались что-то там провякать, а одному особо настойчивому даже не повезло — в него запустили чем-то, чтоб не отвлекал, и попали точно по голове. Когда же мы, устав и проголодавшись, отвлеклись от совещания, то оказалось, что уже поздний вечер, и лорд гостеприимно предложил нам поужинать и переночевать у него. Прикинув, что магистры знают, где мы находимся, а также помня вчерашние их уважительные отзывы о нашем хозяине, я решил согласиться, а завтра прямо с утра на всякий случай послать магам парня с подтверждением, что все в порядке.

Покормили нас прекрасно. Комнаты, по моему требованию, нам дали рядом. Мне и Кристе одну, и одну на всех остальных. Утром по уже выработанной привычке команда поднялась рано. В замке стояла тишина, похоже, все еще спали. Как пользоваться ночными горшками мы с Кристой, конечно, знали, но парням пришлось рассказывать. Ох, и смущались же они! После этого нам надо было умыться, позавтракать да где-то размяться. Полностью одевшись, мы кучкой помаршировали искать кухню и все остальное.

Поплутав по замку несколько минут, мы все же добрались до кухни, ориентируясь на запах. Там нам дали умыться и накормили завтраком, а после провели в сад. Разминка прошла как обычно, и поскольку у нас с собой были только посохи, то всю тренировку мы нарабатывали навыки боя с ними. Где-то часа через полтора я заметил краем глаза за кустами небольшую группу людей и лорда Мэгама среди них. Махнув парням, мол, продолжайте, я остановился:

— О! Мэгам! Долго же вы, сударь, спите. С добрым утром! — прокричал я.

Придворные, стоявшие рядом с лордом, спесиво задрав носы, быстро покинули своего шефа.

— С добрым утром. А что вы делаете? — невозмутимо поинтересовался Мэгам.

Возможно, я что-то и нарушаю в этикете и они не в восторге от моих манер, но по-другому у меня пока что не получается. К тому же, как я помню из фильмов и книг, настоящий аристократ не покажет, что заметил вашу оплошность или грубость. В крайнем случае не будет с вами общаться, но кидаться с оружием или кулаками точно не будет. А уж грубо реагировать на бестактность ребенка — это было бы полным бесчестьем для высокопоставленных особ. Хотя, конечно, и среди дворян немало уродов встречалось, но на людях и в обществе все старались вести себя в рамках приличий.

— Станный вопрос. Неужели не видно, что тренируемся? — засмеялся я.

И сам отметил в который раз, что все же четыре года постоянного общения в основном с подростками здорово отразились на моем поведении. Привычка, так сказать. Хорошо бы от нее избавиться, но ведь и сейчас основной контингент тех, с кем мне приходится общаться, тоже подростки. Может, в будущем получится, но сейчас народу придется мириться с тем, что есть.

Лорд немного смутился, походил туда-сюда и лишь после этого обратился ко мне.

— Странная тренировка, я такого никогда не видел, — совершенно спокойным голосом произнес он.

— Мы сейчас вам нечто интересное покажем, только, пожалуйста, меньше об этом другим рассказывайте, — усмехнулся я и, сообщив своим парням, что мы будем сейчас делать, выстроил их особым образом. Все были с посохами в руках, и все знали, что следует с ними делать.

В первом ряду стояли я, Криста, Род и четверо наших ребят. Мы начали движение первыми. Стоящие в заднем ряду замерли на секунду, затем после сигнала начали ускоряться: посохи вращались все быстрее, и четкость движений постепенно смазывалась, расплывалась в одно сверкающее вращающееся колесо. Мне не раз приходилось наблюдать тренировки наших парней со стороны, это действительно впечатляет. После определенной команды мы остановились и поклонились.

— Вы на самом деле кто? И почему, будучи самым маленьким, командуете? — уважительно, даже с некоторой долей восхищения спросил Мэгам.

— Мы команда, и у них есть (я мотнул головой в сторону мальчишек) серьезные основания выполнять мои указания. А здесь мы по вашему приглашению для одного дела, если помните. Кстати, вы говорили, что с утра должны подойти ваши друзья с подружками для разучивания танца, — сказал я, восстанавливая дыхание после выполненного упражнения.

— Помню. Друзья должны подойти скоро, вы как раз успеете умыться и перекусить. Прошу, — проговорил он, указывая в сторону замка.

Минут через сорок мы прошли в большой зал, где должен был проводиться бал. Там нас ожидали четверо мужчин лет двадцати пяти — тридцати и пять девушек, на вид примерно лет восемнадцати — двадцати. Как Мэгам нам и сказал, друзей своих он уже просветил, чем мы здесь будем заниматься. Не знаю, что он им о нас говорил, но посматривали они на нас со смешками. Что ж, хорошо смеется тот...

— Внимательно смотрим, стараемся понять. Криста, Род, начали.

Нэт и Кор заиграли вальс, и Криста с Родом закружились под музыку. Я же отбивал хлопками ритм. Двое подростков в пустом огромном зале смотрелись не очень впечатляюще, но все же друзья хозяина, видно, имели большой опыт по части устройства балов и танцев и, судя по их восклицаниям, смогли представить, как это может выглядеть.

Чтоб не тянуть кота за хвост, я тут же стал их строить.

— Так! Быстро разобрались по парам, встали в линию и взяли даму правой рукой за талию. Мужчина левую руку отставляет в сторону, дама левой придерживает платье, а правую вкладывает в руку мужчины, и на раз-два-три двигаем ногами. Крис, Род, повторите медленно. По-о-ошли!

Это был сущий кошмар. Идея, конечно, хорошая, но я не учитель танцев, с объяснениями у меня возникли некоторые проблемы, а у них, я так думаю, с пониманием моих объяснений. В итоге дамы стали красными от смущения, мужики тоже покраснели, но, судя по всему, от злости. В какой-то момент один из них все же не выдержал и заорал на меня:

— Да как ты смеешь...

Тут послышался какой-то шум, и резко открылась дверь в зал. Мы все повернулись к входу. В помещение заскочил... Арни. Увидев нас, он облегченно выдохнул и, встав вполоборота к нам и не глядя в нашу сторону, сердито произнес:

— Графиня Лионелла, своим поведением вы меня очень огорчили.

В этот момент в зал ввалилась кучка галдящих слуг, но Мэгам движением руки приказал им замолчать. Я же, увидев Арни, очень обрадовался — все же с ним надежнее и увереннее себя чувствуешь.

— Ой, Арни! Рада тебя видеть. Ну что опять тебе не нравится? Мы тут, между прочим, неплохие бабки зашибаем, — радостно закричал я.

Обучаемая группа почему-то выглядела ошизевшей. Арни даже не шелохнулся.

— Я возвращаюсь, а мне сообщают, что вы не ночевали дома и не поставили никого в известность о причинах такого поступка. Оба магистра обеспокоены вашим отсутствием, — сообщил он в пространство. Похоже, он правда сильно переволновался.

— Прости меня, пожалуйста. Но ты ведь должен был приехать только завтра-послезавтра. И мы бы уже были дома. Но в том, что я не предупредила магистров, я, конечно, виновата. — И мне действительно стало немного неловко. — Кстати, прошу познакомиться, — желая отвлечь его, я махнул рукой в сторону группы обучающихся.

Те уже приобрели природный цвет лиц. Правда, выражение этих самых лиц несколько портило картину. Судя по всему, превращение хамовитого пацаненка в родовитую девочку произвело на них неизгладимое впечатление. К нам подошел Мэгам, и начались взаимные расшаркивания, представления. Долго мы не выдержали, опустили на пол, Род даже улегся. Пока шел процесс обучения, усталость не чувствовалась, но, как только мы остановились, неприятные ощущения сразу дали о себе знать. Заметив это, церемонию раскланиваний очень сократили и пригласили нас на обед, после которого мы пошли домой.

Дома нас ожидали небольшая взбучка от магистров, а также вымытые и приодетые Мар и Матти. Поскольку Сэм не знал моих планов насчет них, то включил их в дела команды, в том числе и в тренировки. Не успели мы прийти, как прибежал Тарэн весь в слезах. Оказалось, его мама умерла ночью. Пришлось послать с ним троих наших парней, чтоб помогли похоронить ее, а также все там вымыть, вплоть до потолков. Энергетику болезни и горя надо было срочно изгнать из жилья. Следовало также все перекрасить, чтоб дать помещению новую жизнь. Мар и Матти пошли с ребятами. Какое-то время им с Тарэном придется вместе жить в этом доме, следовательно, стоит помогать друг другу.

В процессе подготовки к предстоящему балу и для претворения наших идей в жизнь лорд Мэгам нанял несколько швей и закупил различные ткани.

Прикинув, я решил, а почему бы не пригласить сюда моих сестер и братьев? Посещение бала, на котором соберется высокое общество, для них будет большим стимулом в деле укрепления решимости улучшать наше положение. Также у них будет больше оснований прислушиваться к моим рекомендациям и советам — все же это с моей помощью они смогут начать выходить в свет. Посчитав мысль здоровой, я отправил четверых парней за ними в имение, попросив сообщить, чтоб срочно приезжали, если хотят успеть пошить новые платья и попасть на

костюмированный бал. И был уверен, что на такую наживку они обязательно клюнут. Вот только то, что придется петь перед зрителями, я им сообщу после того, как приедут.

Как я и ожидал, родственнички прискакали в два присеста. По рассказам парней, сестрицы чуть ли не впереди кареты бежали. Приехали все вымотанные, но никто не пошел спать, все требовали объяснений — каким образом и по какому случаю... Чтоб их не шокировать с устатку, я рассказал только, что мы приглашены к одному из крутых парней этого города и что завтра идем к портнихе для снятия мерок для пошива платья. Также поставил в известность, что необходимо срочно вспомнить и многократно закрепить все фигуры вальса. Этот танец собирается быть гвоздем костюмированного бала, и его надо знать в совершенстве. Сестры чуть не подпрыгивали от возбуждения, слушая меня. Быстро выдав то, что посчитал нужным, не давая времени на вопросы, я отослал их мыться и спать, сославшись на свою и их усталость.

Лорд Мэгам предложил использовать его швей и материалы для изготовления костюмов. Так получалось дешевле. А мы особо и не возражали. Шить надо было для каждого из нас по три различных одеяния. Я попросил, чтобы нам делали обычные хорошие платья, на которые крупными стежками нашивались аппликации и всевозможные прозрачные тряпочки, создающие нужный образ. После бала все ненужное отпарывается, и мы имеем новую добротную одежду, и главное — бесплатно. Последним номером нашей программы планировался вальс, для этого предполагалось сшить бальные костюмы и платья. Так что и праздничной одеждой мы будем обеспечены надолго. Что ни говори, все же удачным оказался этот подряд на выступление.

Утром, стоило только напомнить моему ленивому семейству о подготовке к балу и походе к портнихе, как все повыскакивали из постелей с невероятной для них скоростью, даже Ирвин. Так что весь следующий день мне даже приходилось временами умерять их пыл и восторг. Пока находились в замке у Нэрро, несколько раз я напоминал, чтоб вели себя солиднее, а не крутили головами и не пищали в экстазе. Пока с братьев и сестер снимали мерки, я решил побеседовать с хозяином замка.

— Мэгам, мне хотелось бы, чтоб вы в разговоре с моими родственниками не упоминали о том, что они находятся здесь в качестве артистов, пусть будут пока в неведении. Во-первых, вы ведь договаривались со мной, а с участниками я договариваюсь сам. А во-вторых, и я, и они вовсе не собираемся работать на вашем балу.

— Прощу прощения, графиня, но я не понял, а, собственно, что вы собираетесь делать у меня на балу и как это называется, по-вашему? — удивленно спросил он.

— Получать удовольствие от процесса, милый лорд, — со смешком пояснил я.

— То есть как это? А выступление? — От удивления у него даже глазки округлились.

— Вы спрашиваете по поводу пения и танцев? Вот от этого мы и будем получать удовольствие. Припрется большая толпа народа, все будут, как глухари на току, пыжиться друг перед другом, демонстрировать свои клоунские наряды... и делать много других глупых вещей, которые им нравятся. Мы же будем делать то, что нравится нам: петь и танцевать. А они будут хлопать глазами и, возможно, руками. А потом, глядишь, нас еще куда-нибудь пригласят, еще и заплатят за это. Только не вздумайте, что можете не платить мне, ведь как я отношусь к тому, что осуществляю, это мое личное дело. — Последнее предложение я закончил более чем серьезным тоном.

— Да-а... Любопытная точка зрения и необычная. Я согласен разговаривать с вашими

родственниками лишь как с гостями, — слегка улыбнувшись, произнес лорд.

— Восхищен вашим умом и тактом. С вами приятно иметь дело, — заулыбался я.

— Я неизмеримо счастлив, графиня, столь высокой оценке моих умственных способностей, — надув щеки произнес он, и мы вместе дружно рассмеялись, переходя на нормальный язык.

— До завтрашней репетиции, — весело помахал я сообразительному лорду рукой, убегая к своей нерасторопной родне.

По дороге я подсчитывал, хватит ли времени на ее экипировку. Надеюсь, мерки с них уже сняли. Да, необходимо еще и фасоны уточнить. Мне же надо, чтоб они к выступлению были готовы, а не просто к балу.

Еще из коридора было видно, что лица сестер почти светились от счастья. Лори еще как-то пробовала успокоиться, но Нирана стояла в полной прострации с обалдевшей физиономией. У Ирвина даже подергивалось веко от усилий выглядеть серьезно. Рэм, сидя в кресле, блаженно улыбался, глядя на сестер. Когда я вошел, то на их лицах, разом повернувшись ко мне, такая благодарность была написана, что у меня даже сердце защемило. Приятная это штука — приносить другим радость...

Когда дело дошло до обсуждения фасонов, все пошло не так гладко, как хотелось бы, и пришлось родных поставить в известность, что бал будет тематический и наши костюмы не должны выпадать из общего направления. Родственники, судя по виду, мало что поняли, но с моими предложениями спорить перестали. Нижние юбки всех трех платьев были сшиты в виде японских брюк. Поверх них полагалась парочка почти прозрачных разноцветных съемных юбок. У братьев на плотные брюки должны были надеваться вторые, прозрачные с аппликацией.

Подготовка к торжеству шла полным ходом. Мы всей командой большую часть оставшихся до бала семи дней были заняты украшением замка. Меня хозяин не отпускал домой вообще. Как только мне все надоедало и я начинал ругаться менее цензурно, чем до того, и грозился свалить на фиг, тут же из карманов Мэгама появлялись то золотой, то какое-то украшение, то блюдо, полное вкуснейших пирожков... Все-таки что ни говори, а материальный стимул — оче-э-энь привлекательная штука, ну и отвлекательная тоже.

Замок выглядел как во время набега кочевников. С окон снимались портьеры, и на их месте размещался эдакий набор веревочек с навязанными на них тряпочками, бумажками и пучками ниток и лент, долженствующими изображать цветущие лианы, ну или кому чего фантазия подскажет. Со стен снимались картины и прочая ерундень и вешались цветы размером с тазики в окружении листьев с о-очень большие лопухи. Потолки тоже приобретали вид джунглей при взгляде снизу...

Решив провести генеральную репетицию, я долго и вдумчиво объяснял каждому его роль. По мере моих объяснений глаза у большинства участников все больше выкатывались, а лица покрывались пятнами. Даже у Мэгама изменился цвет лица, и он быстренько отослал всех слуг из зала. Интересно, это чтобы они не мешали или чтоб не травмировать их психику?

С потолка свисали веревочные качели. Канаты предполагалось украсить бумажными цветами и листьями. На перекладине разлегся Сэм, одной рукой судорожно уцепившись за веревку, на второй его руке висел я, долженствующий изображать цветочную фею. Несмотря на то что наши руки соединяла веревочная петля, не дающая мне сорваться и упасть вниз, лицо Сэма выражало безграничный ужас. Мне и самому не в кайф было болтаться на одной руке, пытаюсь

распрямить судорожно сгибающиеся ноги и стараясь, отодрав вторую руку от веревки, изящно отставить ее в сторону, но, взглянув на его лицо, мне совсем поплохело.

А тут еще шестерка наших парней, с натянутым для страховки одеялом, бегала параллельным нам курсом. Но угадать, куда меня понесет, успеть развернуться и догнать у них не получалось, и из-за этого они чаще всего бежали где-то рядом: чуть впереди, чуть сзади, а то и вообще в другую сторону. И еще более непонятно зачем рядом с ними бегал бледный и с выпученными глазами Мэгам. Для полной картины этого ужаса прямо подо мной носился Арни, полностью совпадая со мной по траектории. Свихнулся он, что ли?! Он же не одеяло, если я на него упаду, это будет даже хуже, чем грохнуться на пол!

Через две минуты моего болтания по плану качели должны медленно опускаться, я предполагал плавно пробежать по полу, отцепиться от веревки и колесом пройтись по залу. Но в нынешней ситуации это выглядело несколько проблематично. Пробежаться можно было бы, но это если получится ноги разогнуть, то же самое и с колесом. Мне начало казаться, что я перемудрил с номером.

И тут качели пошли на снижение с удвоенной скоростью. Парни с одеялом рванули ко мне. Бежавший рядом с ними Мэгам оказался на их пути. Получив толчок и ускорение, лорд врезался в Арни, носящегося подо мной, они упали, подлетевшие тут же парни накрыли их одеялом, и следом на это одеяло рухнули мы с Сэмом. Парней, тягающих одеяло, резко дернуло, и эта шестерка прилегла сверху.

Я говорил долго и невдумчиво все, что я думаю на тему козлов, неправильно спускающих веревку, таскающих одеяло и носящихся просто кругами; потом прошелся по их родословной вдоль... а затем поперек... и по диагонали... Замолк я от невероятной тишины, установившейся в зале. Даже лежащие под нами Арни и Мэгам не шевелились. Испугавшись, что мы прибили их, рухнув эдакой толпой сверху, я начал ногами отталкивать парней и выпутываться от качельных веревок. Когда куча-малу растащили и стало видно, что графья наши живы, я облегченно вздохнул. Но тут же обратил внимание на очень уж задумчивые выражения лиц у присутствующих в зале, особенно у Арни и Мэгама.

— Эй, вы чего? Повторяете про себя то, что я тут вам наговорила? Страшно вспомнить или боитесь забыть? — с нервным смешком поинтересовался я.

Все смутились, а хорошо воспитанный лорд сразу заприглашал нас к столу, к чаю, бутербродикам, а кое-кого и к чему-то покрепче...

Глава 8

БАЛ

Бал начался просто великолепно. Оркестр играл новую для всех музыку. Стены и окна были украшены огромными цветами, сделанными из бумаги и ткани, — все помещения выглядели как тропические джунгли: с лианами, пальмами и огромным количеством цветов.

Открывали бал я, Криста, сестры и наши парни. Мы танцевали вальс. После двух кругов вступал Мэгам с друзьями и подругами. Сделав тур вместе с ними, мы выходили из танца, а лорд с компанией делал еще несколько кругов. Встречена эта нехитрая затея была бурными аплодисментами. Пока они вальсировали, мы быстро переоделись, а потом спели несколько песенок.

Дальше следовал наш цирковой номер. После падения на репетиции решено было высоко

качели не поднимать, поэтому, раскачиваясь, я висел на руке Сэма в двух метрах от пола, чтоб не зацепить никого из присутствующих по голове, ну и нам, если вдруг упадем, не покалечиться. Невероятным усилием воли ноги я держал почти прямо и свободную руку таки отодрал от веревки и вполне изящно отвел в сторону.

Судя по восторженным возгласам, это выглядело близко к задуманному. Разноцветные и прозрачные лоскутки, составляющие мою юбку и рукава блузки, трепеща, создавали иллюзию парения. Арни, стоявший к нам ближе всех, судя по лицу, носился за нами мысленно, с трудом удерживаясь от физического бега. Все было просто замечательно, пока кое-что не изменилось на прямо противоположное...

Прошло две минуты, но качели почему-то не опускались. После третьей минуты встревоженный Арни послал одного из ребят к Мэгаму, после нашего падения на репетиции взявшему на себя функцию опускать веревку. Сам же «телоноситель» начал бегать за мной, пытаюсь поймать за ноги и гневным шепотом приказывая Сэму отцепиться. Я же шипел меня не отпускать, поскольку я мог просто свалиться на пол. Пока мы препирались, веревка все-таки упала, и я рухнул на Арни, а Сэм — на пол. Сделав пару кувырков, мой партнер вскочил и, не рискуя делать колесо, приветственно махая руками, убежал куда подальше.

Поскольку в последний момент Арни все же поймал меня за ноги, то в итоге всех манипуляций я висел на нем вверх ногами и изображал радостную улыбку победителя. Первым порывом Арни было перевернуть меня на ноги, но он вовремя сообразил, что для этого ему надо было подбросить меня в воздух и снова пытаться поймать. Решив не рисковать, он вместе со мной рванул в сторону комнаты, где Мэгам возился с веревками, — выяснять отношения. Я послал публике воздушные поцелуи и, чтобы не получить коленями по голове, одновременно выгибался изо всех сил в сторону, радостно улыбался и убирал тряпки, изображающие мои рукава, из-под ног Арни. Ибо было очевидно: если он наступит на них, то за наши жизни я не ручаюсь. Пока мы доскакали таким макаром до Мэгама, у меня уже набежал счет не только к нему, но и к Арни.

Хорошо, что в это время в зале всю гремяла музыка и наших разборок никто не слышал. Знатненько прооравшись, мы разобрались, что механизм, придуманный нами, чтоб медленнее спускать веревку, заело и в процессе исправления веревка сорвалась... Мэгам выглядел расстроенным и жутко извинялся, типа того, что вот в следующий раз... На что Арни, сунув ему под нос дулю (как быстро люди учатся всему плохому), сообщил, что в следующий раз в полет будем запускать самого лорда, а механизм оставим старый, и уж его-то он, Арни, точно ловить не будет...

В конце концов пришлось им напомнить, что у нас все же бал, потребовать успокоиться и помириться и все-таки попробовать отдохнуть на балу и получить удовольствие. Сделав несколько глубоких вдохов-выдохов, мы пошли в люди. Куда направились графья, меня не интересовало, а я пошел искать своих родственничков. Покрутив головой, заметил их у дальних столов с бутербродами и пирожными и направился к ним, но тут ко мне подскочил Род с выражением явного беспокойства на лице.

— Графиня, у нас проблема. К Рэму пристала с оскорблениями группа подростков высокого сословия. Дело может закончиться дуэлью, — скороговоркой прошептал он.

— Бегом к ним. Да, и принеси мой посох, — потребовал я.

Долетели мы до потенциальных дуэлянтов за несколько секунд. Рэм уже был готовенький, в смысле с красным от гнева лицом... Мои же парни, хоть и стояли рядом, не имели права

вмешиваться в разборки благородных без приказа госпожи, а ситуация не позволяла мне дать такое указание. После моих полетов и наших выяснений во мне еще вовсю бурлил адреналин. На полной скорости, оттолкнувшись ногами и слегка подпрыгнув, я врезался головой в живот главного приставальщика. Не удержавшись на ногах, тот рухнул на пол, а я упал сверху, но быстро вскочил на ноги и, пока все стояли, замерев от неожиданности, врезал боковой плоскостью ступни последовательно по коленям двух других приставал. Оттолкнул еще одного, а последний сам уже отскочил подальше. Круто развернувшись к главному обидчику, я начал медленно приближаться, завывая:

— Убью-у... Морга-алы-ы выколю-у. Порву на тряпочки-и-и. Редиска-а, да как ты посмел даже подойти к моему брату?!

Повергнутый противник, округлив глаза, пытался, сидя на полу и отталкиваясь ногами, отъехать от меня. Выдергивая из волос цветочки и взбивая волосы в стог, я наворачивал уже третий круг, пиная нахала. Продираясь сквозь окружившую нас толпу, Мэгам кричал:

— Графиня, прошу вас, не убивайте его, пожалуйста! Он больше не будет!

С другой стороны ломился Арни и тоже вопил:

— Графиня Лионелла, не вздумайте калечить его, он не достоин вашего внимания! Он больше не будет оскорблять вашего брата и просит у вас прощения. Подскочив к этому парню, он зашипел ему: — Быстрее извиняйся. Она сейчас не в себе и прибить может.

— П-прошу простить меня, графиня, я вел себя необдуманно, — судорожно сглотнув, выдал нападавший.

Похоже, от непрерывных пинков по ногам и подсказок с разных сторон парень совсем потерял ориентацию в пространстве. Подозрительно посмотрев на окружающих, я развернулся, чтобы идти к своим, но в этот момент меня подхватил на руки Арни и потащил к креслам у дальнего стола с закусками, приговаривая при этом:

— Обидели мою девочку. Наехали, подлые. Вот мы им!

— Ты че, совсем за младенца меня держишь, что ли? — сердито пробурчал я.

— Нет, что ты! За старуху, — с улыбкой воскликнул Арни, и мы оба покатались со смеху.

Все было необычайно вкусным.

Заметив спешно подтягивающихся ко мне поближе Рода и Сэма, я быстро оглянулся. К нам приближался недавно отшитый приставала с четырьмя друзьями. Странно, хочет, что ли, продолжить выяснение? Решив не выдумывать своих версий, я молча ждал, что он скажет. Краем глаза отметил, что наши уже успели выстроиться позади меня полукругом. Молодцы! Бдительности не теряют.

— Я хотел бы еще раз принести свои извинения, — произнес подросток, но было видно, что хотел сказать он что-то другое.

— Приноси, и лучше, если в материальном виде, — улыбнувшись кончиками губ, сказал я.

На его лице отразилось полное непонимание.

— Судя по твоему виду, ты к нам подошел по другому поводу. Что тебе надо? — Долгие расшаркивания не являлись моим любимым упражнением, тем более когда бутерброды и пирожные подавали очень вкусные. Единственное, чего было искренне жаль, что винца мне не положено — по причине мелкости.

Парниша начал выдавать что-то особо мудреное, да таким высоким стилем, что я потерялся уже на втором предложении.

— Ты мне мозги не пудри. Коротко и понятно, одним предложением, чего надо? — с некоторым раздражением пробурчал я.

— Почему вы, будучи из высокого сословия, выступаете как простые комедианты? — напряженно и с некоторой опаской спросил парень.

— Мы не выступаем перед высокими особами, мы развлекаемся за счет других. Это долго объяснять и сложно понять. Если хочешь, я могу показать на примере, но ты с приятелями должен будешь участвовать в показе, — усмехаясь, предложил я.

Даже не спрашивая друзей, тот согласился. В это время как раз закончился очередной танец, и пары начали расходиться из центра зала. Махнув своим и пришедшей компании, мол, следуйте за мной, я выскочил в центр. Моя команда сразу построилась в три ряда. Парнише с товарищами мы предложили выстроиться рядом и повторять все следом за нами. Сигнал оркестру играть музыку для брейк-данса. И мы понеслись...

Мои парни хорошо знали все движения, поэтому повторяли быстро и четко, но нахальная четверка превзошла все мои ожидания. Все же аристократия, это вам не два пальца... И чувство ритма, и легкость в схватывании движений...

Все вокруг замолчали и устались на нас, молодежь даже хлопала в ритм. Движения наши становились все быстрее, настроение — все лучше. Минут через десять я дал отмашку остановиться. Народ вокруг нас захлопал, зашумел, обсуждая увиденное.

— Ну как настроение? — подошел я к парню.

— Прекрасное, но как с ответом? — поинтересовался тот.

— А вот теперь представь: полностью пустой зал, никого нет и не звучит музыка. Будешь ли ты танцевать в этом случае? А если будешь, получишь ли ты такое же удовлетворение от танца, как и сейчас при полном зале и заинтересованных зрителях? — Я смотрел на него, улыбаясь. Интересно, дойдет до него, о чем я говорю, или нет?

Он долго молчал, задумчиво нахмурив лоб. Затем улыбнулся и сказал:

— Мне кажется, я понял, о чем вы говорите. Я никогда не смотрел на подобное с этой стороны.

— Даже драка в полном зале и в пустом переулке здорово отличаются настроем. Окружающие люди в любом случае усиливают эмоциональное состояние дерущихся или выступающих. Навязанные отрицательные эмоции в конце концов разрушат человека и окружающий его мир. Хорошее настроение несет людям ощущения счастья, — несколько более поучительно, чем стоило, прозвучал мой голос.

— Позвольте выразить вам мое восхищение, сударыня. Вы мудры не по годам, — вдруг раздался голос сбоку.

Недалеко от нас стоял пожилой мужчина приятной наружности. Я вопросительно поднял брови.

— Позвольте представить вам моего отца — маркиз Мирэй Сочено. Также прошу простить меня за то, что не представился сам: маркиз Кэран Сочено, к вашим услугам, — очень торопливо, даже несколько судорожно, выдал парниша.

Слегка кивнув головой Кэрану, я повернулся к его отцу.

— Уж не хотите ли вы сказать, что возраст является необходимым, единственным и безусловным критерием мудрости? Вы только посмотрите вокруг, редко на каком морщинистом лице мудрость оставила свой отпечаток, — с несколько едкой улыбкой сказал я маркизу.

Кэран от услышанного закатил глазки и что-то придушенно квакнул. Мы с маркизом взглянули на него, посмотрели друг на друга и понимающе улыбнулись.

— По-моему, маркиз, вы немного запугали сына. Не жестковато ли воспитание? И в курсе ли он, что вы его очень любите? — обратился я к Сочено-старшему.

Такую заботу о сыне трудно не заметить. Если мне не изменяет зрительная память, он и во время нашего конфликта с Кэраном находился недалеко и, как мне кажется, был готов вмешаться в нашу разборку в любой момент. Кэран выпучил глазки и закашлялся, даже его отец смущенно кашлянул пару раз. В этот момент к нам подскочил хозяин бала, Мэгам.

— О, «эпидемия» в действии. Лионелла, пожалейте моих гостей. А то не одним, так другим способом вы их добьете, — смеясь, воскликнул он.

— Мэг! Мне кажется или вы на меня наговариваете. Щас как рассержусь! — грозным голосом и с хмурым лицом обратился я к Мэгаму.

— Все, исчезаю, исчезаю и надеюсь на снисхождение, — преувеличенно испуганным голосом воскликнул тот и скрылся в толпе.

— Он ваш родственник? — вежливо поинтересовался Сочено-старший.

— Нет. Мой друг, — все еще немного хмурясь, сообщил я.

— А не могли бы и мы с вами подружиться? — улыбнулся он.

— О! Это стоило графу нескольких седых волос, много выдержки и большой гибкости ума. Не всякому такое под силу, — тут уже заулыбался я, вспомнив наши взаимоотношения в процессе подготовки к балу.

— Мы могли бы попытаться. Для начала позвольте пригласить вас на обед, через два или три дня, по вашему выбору, — серьезно и несколько чопорно произнес Мирэй Сочено.

Судя по лицу его сына, тот был доволен предложением отца.

Если быть честным с самим собой, то мне надоел этот город и все эти гости. Хотелось уехать в имение, побродить по лесу, посидеть у речки, у костра. Отдохнуть хоть немного и душой и телом. Но на другой стороне весов располагалась необходимость налаживания связей, знакомств для повышения благосостояния нашей семьи и возвращение ее, в смысле семьи, в

высшее общество. Тяжелая это штука — долг. И перед девочкой, давшей мне новую жизнь, и перед ее семьей. Как говорится, долг платежом красен.

Пока эти мысли проносились в моей голове, маркиз с интересом, слегка улыбаясь, смотрел на меня.

— Занятно, все мысли можно прочесть по моему лицу или все же только часть? — ехидно спросил я, глядя ему прямо в глаза.

— Это кто как умеет читать, — вильнул тот глазами и словами.

Мы дружно рассмеялись.

— К вашему сведению, я посещаю разнообразные мероприятия только со своей свитой. В нее входят как мои родственники, так и просто члены команды, — говоря это, я внимательно смотрел маркизу в лицо, пытаюсь понять его отношение к моим словам.

— Буду рад принять вас и вашу команду у себя дома, — официальным голосом произнес Мирэй.

— В таком случае через два дня, если не случится ничего непредвиденного, мы будем рады присутствовать на вашем обеде, — великосветским тоном провещал и я.

Раскланявшись, Сочено ушли, а я наконец-то принялся за закуски, но тут явился Арни и под предлогом, что уже поздно и спать пора, утащил нас домой.

Глава 9

ДОРОГА ДОМОЙ

Все то время, пока мы готовили замок Нэрро к балу, Тарэн, Мар и Матти крутились возле нас на подхвате. Глазки их сияли радостью, просто даже от пребывания в замке, а уж когда им приходилось кому-то помогать или садиться вместе со всеми обедать — тут уж они чуть ли не светились. Пару раз за время подготовки в замок к обеду приходили магистры. Вроде и не графья, а Мэгам вокруг них соловьем заливался. Он их даже на бал пригласил. Но с тем количеством стрессов и будучи постоянно занят, я в зале не различал ни одной морды лица, а когда мы уходили домой, у меня даже колени тряслись от усталости и нервотрепки. По этой причине я не видел на балу наших магистров. Но на следующее утро, лица магов были очень довольными и они время от времени о чем-то перешептывались между собой. Так что можно было догадаться, что на балу они были и свою пачку ощущений получили. Последнее время магистр Жаколио выглядел все более довольным. Изменения, происходящие в нашей семье, его, по-видимому, устраивают, так что, наверное, я иду правильным путем.

Утром после бала все просыпались с большим трудом. Такие мероприятия — не очень полезная для здоровья штука. Все же потренировавшись, мы занялись репетицией последнего перед отъездом концерта. Пока шла подготовка к балу, мы не рассказывали сестрицам и братьям про наши выступления в трактире. И только сегодня я решил проинформировать их об этом. Выведя команду и родственников сад и пригласив магистров, я вкратце все рассказал. Ох и шуму было... Мои родственнички выдавали типа того: какой позор, ты графиня, а выступаешь перед безродными как простая комедиантка... и еще кучку всего в подобном стиле. Дав им немного выпустить пар, я решительно настроился сбить с них спесь.

— Это вам позор!! Ничего не знаете, ничего не умеете, серебрушки в дом не принесли, только прожираете остатки семейного состояния! Кому вы нужны без гроша приданого, а кто за

братьев отдаст своих дочерей?! Замок разваливается. Вашим детям жить уже будет негде, если они появятся, в чем я сомневаюсь. А туда же — высокородные!!! Ха! И еще раз ха!!! Кроме как за слуг, вам и идти-то не за кого. Я же, такая маленькая и слабенькая, младше вас всех, а уже деньги зарабатываю. И все это, чтобы вас одеть, накормить, в город вывезти, в приличное общество ввести. У вас уже несколько новых платьев, полные телеги необходимых для имения покупок. А вы мне про позор кричите?! Неблагодарные создания!!! — к концу своей речи я уже не изображал, а по-настоящему был зол.

— Лионелла права. Вы не имеете права ее оскорблять. Все она делала ради вас и для вас, — серьезно и громко произнес магистр Жаколио.

Укоризненно глядя на родню, магистр Трэвор тоже покачивал головой. Уже к концу моей речи родственники сидели красные и потупившиеся, а после слов мага вообще опустили головы. Это хорошо. Значит, понимают, о чем мы говорим. Теперь их надо хотя бы раз заставить выступить в трактире. А лучше всего — дать несколько семейных концертов. Они бы поняли, что значит зарабатывать деньги, а также это необходимо, чтобы в будущем не упрекали меня в недостойном поведении. Бал не в счет, поскольку был воспринят ими как развлечение, а не как работа.

— Не забывайте, что это благодаря мне вы были приглашены в один из уважаемых домов этого города и еще на один обед в другой, не менее уважаемый дом. К вашему сведению, с графом Нэрро мы познакомились в трактире, когда готовились к концерту. Никаких отрицательных последствий в его отношении с нами это не внесло, — напомнил я.

Именно последнее высказывание впечатлило их больше всего. Все были в полном восторге от графа, особенно сестры. И богатство замка, и бал просто потрясли их. И поскольку сам не гнушался общаться со мной и с ними, зная о моих концертах в трактире... В итоге выступить они согласились, и мы дружно занялись подготовкой. Также мы продолжили обучать новеньких песням и танцам, чтобы они могли выступить у Жака до нашего следующего приезда. Тарэна я планировал забрать с собой, а с Маром и Матти оставить Нэта, потому что тот знал все песни, большинство танцев, играл на местной арфе. Соответственно, он будет продолжать обучать всему этому Матти и Мара. А в свободное от выступлений время они вместе будут разносить еду и убирать со столов в трактире. Но основной работой этой троицы, неизвестной трактирщику, было собирание информации или просто подслушивание. А раз и два дня Нэт будет посещать магистра Трэвора и докладывать обо всем услышанном.

Концерт прошел на ура. Народу собрался полный зал. Как и в прошлый раз, столы были убраны и установлены лавки. Поначалу Лори и Ирвин стеснялись и были очень напряжены. Но народ так хлопал и восторгался, что они расслабились. Единственный прокол совершила Матти. С непривычки она рухнула со стола, изображавшего сцепу. Хорошо хоть Арни сидел рядом и успел подхватить ее.

Сестрички так вошли во вкус, что концерт затянулся на большее время, чем планировалось. Вернувшись в дом магистра Трэвора, ни сестры, ни братья не могли заснуть от большого количества новых ощущений. Они ни разу за свою жизнь не слышали столько славословий в свой адрес. Пусть от простых людей, но даже это было для них приятно. К тому же они теперь тоже могли сказать, что приносят деньги в дом.

Весь следующий день был проведен в тренировках и подготовке к отъезду. А также всей толпой мы прошли по торговым рядам, которые уже начинали сворачиваться. Но все равно для сестренок и Рэма это было первое посещение ярмарки, и увиденное потрясло их. Огромное

количество народа, всевозможные товары, процесс торговли, ругань... Они так крутили головами, застревая то в одном, то в другом месте, что мне пришлось прикрепить к ним по парню из команды, чтоб не потерялись. Ирвин изображал из себя человека, который это уже много раз, видел. Но у него плохо получалось, поскольку ярмарку он посещал с отцом всего один раз и то очень давно. В общем, в этот вечер все мое семейство, переполненное впечатлениями, с трудом засыпало. А ведь нас на следующий день ждал обед у маркиза Сочено. Такого активного время препровождения у моих сестричек и братьев за всю их жизнь ни разу не было.

Завалили мы к маркизу ну о-очень большой толпой. Мало того что родственники да команда, я еще и магов уговорил с нами поехать. Они для виду поотнекивались, но затем радостно заматались, собираясь. Особенно довольным выглядел магистр Жаколио. Вероятно от того, что редко выбирался из нашего захолустья в люди. Получилось у нас шокировать маркиза Сочено или нет, было сложно определить по его лицу. Все же воспитание — это тебе не хухры-мухры.

Нас проводили в большую гостиную, где собрались ближайшие родственники хозяина. Начались долгие и нудные представления. У магов оказались такие длинные и путаные титулы, что я даже зауважал их сильнее. Арни же меня очень удивил. После того как представился, он произнес:

— По просьбе магистра Жаколио — воспитатель графини Лионеллы и ее братьев и сестер.

— И когда это магистр успел тебя попросить об этом и почему я не знаю? — удивленно спросил я.

— Когда ты болела. Мы с ним долго разговаривали о вас, обо мне, о жизни. В итоге он попросил меня присматривать за вами, поскольку ему тяжело в его возрасте скакать с места на место. Я же на тот момент нигде не жил и никуда не шел, потому с радостью согласился. И до сих пор не жалею — с вами не соскучишься, — радостно улыбаясь, сообщил Арни.

В это время несколько раз кашлянул магистр, укоризненно качая головой, типа «нашли место и время», и прервал наше выяснение отношений. Видя, что нас сейчас уже начнут приглашать к столу, я попытался протолкнуть свою мысль.

— Для начала мне хотелось бы внести некоторую ясность в наши взаимоотношения, — стараясь привлечь внимание, громко произнес я. — Мы прибыли из далекой глубинки, в ваших краях недавно. С тонкостями местного этикета не знакомы, из-за чего можем совершить что-то, не соответствующее вашим правилам. Меня это мало волнует, но может доставить некоторое неудобство вам или моим родственникам. Поэтому заранее предупреждаю и прошу, как людей воспитанных, не обращать на это внимания. Я надеюсь, вы понимаете, что знание тонкостей этикета еще не говорит о наличии ума, как и незнание этого самого этикета не говорит о его отсутствии, — тоном леди из высшего общества произнес я.

— А вы претендуете на наличие ума? — спросил один из родственников маркиза, парень лет двадцати с наглой рожей.

— Однозначно и несомненно. А вы, видимо, претендуете на обратное? — с вежливой улыбкой произнес я.

Парень ничего не ответил, лишь глянул на меня зло, но окружающие его родственники с трудом сдерживали улыбки, а некоторые, боясь рассмеяться, отворачивались. Похоже, этот тип достал всех.

Нас рассадили по местам, и далее обед проходил в великосветских беседах. В основном говорили хозяин дома и маги.

Мне такое времяпрепровождение совершенно не нравилось. И я ломал себе голову, чем бы таким заняться, чтоб и приличия соблюсти, и время приятственнее провести. Я толкнул под столом ногой Кэрана.

— Слушай, ну что за радость торчать с вилкой в руке и слушать расшаркивания взрослых, — зашептал я ему, стараясь делать это незаметно.

— А что ты предлагаешь? — так же тихо спросил он.

— Давай ты нас поведешь куда-нибудь, вроде как показывать что-то необычное, — ответил я.

— А что показывать? — удивился Кэран.

— Да какая разница! Хоть коней, как будто бы особенных, — зашипел я раздраженно, поражаясь его тупости.

— Папа, можно я покажу Ли и ее братьям и сестрам наших лошадей? — тут же выдал Кэран.

М-да-а. С фантазией у парня явно туго. Но все же лучше по двору побродить и коней посмотреть, чем здесь торчать. Кэран нас и в самом деле потащил на конюшню. Я хотел сначала отмахнуться, но оказалось, что у них действительно есть необычная и редкая порода лошадей. И даже не лошадей, а можно сказать, лошадок — это были уменьшенные копии породистых животных, размером чуть больше, чем пони. Когда мне подвели одну такую красавицу, я с удовольствием запрыгнул в седло, и лишь минут через двадцать сестричкам удалось стащить меня с коняшки. С моим ростом мне было неудобно ездить на нормальных лошадях, но эта подходила мне великолепно. С большим сожалением я поплелся за всеми в обеденный зал к десерту и чаю. Следующие полчаса ковырялся в пирожных и зевал от скуки, едва не вывихивая челюсть в процессе. В конце концов я решил немного размяться.

— Сейчас мы вам покажем кое-что — вам понравится! Только юбку сниму, — воскликнул я, выбегая из-за стола.

Магистры заулыбались, смущенно покашливая, им вторил Сочено-старший. Его же сын покраснел и опустил глаза. Я махнул своей команде, и те дружно выбрались из-за стола. Нашептав им свой план, я снял верхнюю юбку, которая состояла из двух кусков ткани, закрепленных на поясе. Как в украинском национальном костюме. Развязываешь пояс и откладываешь два куска ткани в сторону, а сам остаешься в брюках, делающих вид, что они — юбка.

Сэм и Род заиграли, сестрички с братьями запели, а мы с остальными изобразили танец — тренировку с посохами. Я придумал эту штуку еще пару месяцев назад, поскольку просто тренироваться мне временами было тяжело. Присутствовало во мне некоторое отсутствие необходимого фанатизма в этом деле. А под музыку и делая вид, что танцуешь, вроде как легче себя уговорить.

Затем мы под пение «...Вжик, вжик, уноси готовенького...» танцевали с посохами как со шпагами... и еще пели... и снова танцевали... В итоге получился полновесный концерт. Почти всем присутствовавшим, судя по лицам, понравилось. Когда мы закончили импровизированное выступление, Кэран, смущаясь, завел длинную и особо закрученную речь, из которой я с трудом понял, что он просит и его научить чему-то подобному. Закончив, он почему-то

посмотрел на отца, и, судя по всему, эта идея встретила у того поддержку. Усмехнувшись, Сочено-старший стал предлагать принять от него в подарок лошадку. Хм. В общем-то взятки я беру, особенно такими замечательными для меня теперешнего коняшками. Многословно поблагодарив за подарок, я предложил:

— Завтра-послезавтра мы отправляемся в имение, и если Кэран пожелает и маркиз разрешит, то мальчик может поехать с нами на неделю, месяц или полгода и поучиться всему, что мы умеем. Да и в будущем, когда мы станем приезжать в этот город, он может присоединяться к нашим тренировкам здесь.

Предложение понравилось обоим Сочено, и мы тут же обсудили и утрясли всякие мелочи. В этот момент меня посетила мысль, что я так и не знаю, а как же в этом мире живут крестьяне и как лорды управляют с ними. Я тут же предложил маркизу показать нам свои владения и заодно обкатать подарок. Нас усадили на коней, и оба Сочено с небольшой охраной поехали показывать все, что им принадлежало в округе...

На втором часу смотрин впереди на дороге послышался какой-то шум, как будто орала целая толпа народа. Мы подъехали поближе: группа крестьян с криками и руганью тащила куда-то сильно побитую женщину лет тридцати пяти.

— Это что у вас в имении творится? Не люди, а звери какие-то, — обратился я к хозяину.

— Что здесь происходит? — прогремел голос Сочено.

Оказалось, что тащили местную ведьму, которую до недавнего времени называли знахаркой. Оно всегда так — пока ты их устраиваешь, ты знахарка, что значит «знающая», а малейшая неудача — и народ тут же превращает тебя в ведьму. Вылечить кого-то там у нее не получилось, вот и решили все, что это она убила человека.

— Что ты скажешь на эти обвинения? — обратился маркиз к ведьме.

— А что можно сказать? — пожала плечами та. — Слишком поздно позвали, помочь было уже нельзя, но я попыталась. Не получилось.

Спокойно ответив, она отвернулась.

— Сделайте мне подарок, позвольте забрать эту женщину с собой, — зашептал я маркизу.

— А зачем она вам, графиня? — удивленно спросил тот.

— Мне хотелось бы изучить хотя бы основные виды трав, произрастающих в нашем регионе, и научиться их использовать в лечебных целях, — все так же тихо ответил я Сочено.

— Да ведь для этого существуют знахари, врачи и маги, — продолжал удивляться тот.

— Полностью полагаться на чужие знания и добросовестность не следует. Если чужое невежество или ошибки могут стоить мне жизни, то лучше самой изучить дело и разбираться в том, чем тебя лечат, — слегка улыбнувшись, сказал я.

— А захочет ли она пойти с вами? — усмехнулся Сочено.

— А это мы сейчас спросим, — ответил я и обратился к ведьме: — Сударыня, я хочу предложить вам место моей учительницы по травам и приглашаю переселиться в мое

поместье. Жилье вам будет выделено, а питаться можете со слугами замка.

Как только я к ней обратился, крестьяне отпустили ведьму и быстро отошли в сторону, раздраженно посматривая на нас. Наверное, недовольны, что развлечения лишились. Стерев с лица кровь и грязь, знахарка удивленно посмотрела на меня.

— Что еще потребуется от меня, кроме вашего обучения? — спросила она спокойным голосом.

— Хм... Правильный вопрос. Еще нужно будет обучить моих сестер и братьев, а также кое-кого из крестьян, кого я пошлю. Ну и, конечно, лечение домашних и сбор трав. Для получения моего покровительства вам необходимо принести клятву, что вы не будете причинять зло мне, моим родственникам и крестьянам. В том случае, если кто-то попросит вас нанести кому-либо вред, сообщите мне. А уж я побеспокоюсь о том, чтоб больше таких желаний у окружающих не возникало. — Последнее предложение прозвучало с угрозой.

Усмехнувшись, она согласилась. Только сообщила, что у нее есть дочь и она берет ее с собой. Услышав, что возражений со стороны хозяина нет, ведьма выразила готовность принести присягу. Со словами клятвы нам помог Сочено: он говорил, а знахарка повторяла. Закончив с формальностями, мы двинули к ее дому. Решили не искушать недовольных крестьян и забрать Яджину, как звали ведунью, прямо сейчас.

Ее домик стоял на краю деревни. Выглядел он чистенько и ухоженно, резко отличаясь от грязных подворий по соседству. Лес начинался прямо за огородом. Когда мы подъехали, Яджина зашла во двор, а из леса выбежала девочка лет десяти и бросилась к ней. Погладив девочку по голове и что-то прошептав ей на ухо, она обернулась к нам и представила свою дочь. Ее звали Юнэя. Одета та была чистенько и на личико миленькая. Но смотрела на нас серьезно и настороженно.

Пока Яджина приводила себя в порядок и собирала с дочерью вещи, я и Род ходили по дому и рассматривали обстановку. С потолка свисали в большом количестве пучки трав, все полки были заставлены всевозможными банками. То и дело я спрашивал у Яджины, как называется та или иная трава и что в той или иной банке. В итоге Юнэя стала сопровождать меня и отвечать за мать, наверное, чтоб не отвлекать ту от сборов. Несмотря на свой небольшой возраст, ответы ребенок давал подробные: где растет, в какое время сбор, как заготавливать, как хранить...

Они уже собрались, а я все круги по дому нарезал, и с каждым разом все быстрее. Еще в той жизни я имел странную слабость к травам. Каждый раз из походов приносил пучки растений, но в моей семье полагались в основном на традиционную медицину. Так что через какое-то время их выбрасывали... На врача мне не хотелось учиться, а аптекарь вроде как не подходящая профессия для мужчины...

В конце концов меня совсем задавила жаба: сколько добра, сколько добра... и все коту под хвост. Народ если не домик, то травы точно сожжет. Что делать? Я же от жадности скончаюсь, если все это богатство таким козлам брошу...

От неожиданно пришедшей идеи я даже подпрыгнул на месте и рванул из дома. Выскочив во двор и найдя глазами Сочено, я резво бросился к нему. Не знаю, что за выражение у меня было на лице, но маркиз, увидев меня, быстро вскочил с покрывала, на котором расположилась на отдых наша группа.

— Мне уже бояться или еще подождать? — смеясь, спросил Сочено.

— Маркиз, ваши крестьяне совсем отбились от рук! Они игнорируют ваше верховенство. Только вы, как лорд этих земель, имеете полное право наказывать или миловать; только вы можете принимать решение, кто может жить на ваших землях, а кто нет. А эти скоты, совершенно не обращая внимания на вас, сами решили судьбу этой женщины. Но ведь завтра они могут додуматься, что и во всем остальном могут без вас обойтись... — тархтел я, не замолкая ни на миг.

— Короче, сударыня, чего вам надо? Сомневаюсь, что вас беспокоят мои права, — усмехнулся маркиз, но, похоже, мои слова его зацепили.

— Ну как вы можете так... Хотя если короче, то мне телега нужна, с лошастью. За неуважение, непочитание и неподчинение вы наказываете их штрафом — отъемом телеги. Штраф берем со старосты, чтоб знал, как допускать безобразия. Он после такого убытка всю деревню каждый день строить будет и проверять на лояльность. — Слегка заискивающе я посмотрел на Сочено.

— Мысль, конечно, интересная... А телега вам зачем? — задумчиво произнес он.

— Ну как же! Там же травы! Там столько полезных трав, а баночек с настойками, а оборудования... — от восхищения и нехватки слов я закатил глаза и цокал языком.

— Все, понял, понял. Сейчас организуем, — засмеялся Сочено и отправил слугу за старостой.

— Мешки! Не забудьте штрафануть их еще и мешками! — выкрикнул я уже на ходу, бросившись к домику собирать травы.

— Не понял, а мешки зачем? — удивился маркиз.

— А куда я травы складывать буду? Не стогом же везти!

На всей скорости я залетел в дом, за мной тут же ввалилась вся моя команда. Яджина с дочкой от неожиданности испугались и отскочили к стене, глядя круглыми глазами на вбежавшую толпу. Поводя по комнате горящими от жадности глазами, я активно потирал руки, не зная, с чего начать сгребать. От стены бочком и очень медленно ко мне стала приближаться хозяйка сокровищ.

— Может, чайку заварить с травками? Вкусный... — ласково, как ребенку или сумасшедшему, предложила она.

— Чайку?.. Имеешь в виду успокоительное? Да... Жаль нельзя дом... — пробормотал я, пробегая глазами по стенам.

— Что-о?! Дом заварить? — удивленно вскинула она брови.

— Что значит — дом завалить? Это кто его валить собрался? — теперь уже взметнулся я, оторвав глаза от трав и стен.

— Может, все-таки успокоительное, в смысле, чаек? Кому валить дом? Зачем?.. Все, я пошла заваривать. Мне самой требуется успокоиться, — перестав обращать на нас внимание, Яджина поплыла к очагу и загремела посудой.

Собирались мы до самого вечера. Зная меня, мои сестрички и братья остались отдыхать на поляне рядом с домом, решив не травмировать собственную психику. А вот Сочено с сыном не отказали себе в удовольствии (такой цирк нечасто увидишь), и они ходили за мной по пятам.

Арни тоже не отставал от меня ни на шаг, боясь, что я могу уронить что-нибудь себе на голову или упасть с чердака...

Яджина раз пять заваривала успокоительный чай и потчевала публику, не забывая при этом налегать на него сама и пытаюсь отловить и напоить им меня. Не скажу, что ей это удавалось. Телега, конфискованная у старосты под причитания и рев его домашних, была загружена полностью и смотрелась прям как у казаков из мультфильма «Как казаки за солью ездили». А я все успокоиться не мог, бегая по подворью и с тоской глядя на бревенчатый дом. У нас в поместье на три деревни стояло всего пять подобных домов. А тут такое чудо просто бросать надо. Жа-а-алко-то как. А если разобрать... да отвезти... да собрать...

Вдруг до Сочено дошло, чего это я все не останавливаюсь и какие последствия это может принести ему. Развив бурную деятельность, он решительно поволок всех со двора. Я с жалостью оглядывался на дом, пока тот не скрылся за поворотом...

А по деревне уже носился староста с помощниками, и, судя по скорости их передвижения и мощности голосов, деревенских ждали незабываемые впечатления...

Поблагодарив маркиза за прекрасную экскурсию и за содействие в спасении знахарки с дочерью, мы вежливо распрощались и вернулись в трактир. Телегу с вещами и травами сразу отправили на подворье к магистру. Там, раскланявшись с Жаком и оговорив все вопросы по поводу наших последующих встреч, я перешел к последним перед отъездом инструкциям Нэту, Мару и Матти. В это время откуда-то сзади к нам подошли двое детей, и, дождавшись промежутка в моих словоизлияниях, старший мальчик, лет четырнадцати, кашлянув пару раз, обратился ко мне:

— Сударыня, я слышал, вы себе детей в услужение набираете, — слегка охрипшим от волнения голосом почти прошептал он.

Я от неожиданного утверждения даже закашлялся. Надо же! Вот как это теперь называется.

— И давно набираю? И почему в услужение? А может, я их есть буду? — ухмыльнулся я.

— Ну-у... — видно не зная, что отвечать на такие дурацкие вопросы, протянул парнишка и посмотрел куда-то мне за спину.

Оглянувшись, я заметил пытающегося спрятаться Тарэна. Понятно, откуда растут ноги. Пришедший мальчишка резко выдохнул и сделал шаг ко мне.

— Купите, пожалуйста, у меня моего брата, за три золотых. Он будет верно служить вам, — решительно произнес он, но при этом глаза у продавца расширились, а лицо покрылось пятнами.

У меня чуть ноги не подогнулись от такого предложения. Ну и нравы, я вам скажу! Продавать собственного брата... Это ж надо быть потрясающей сволочью или... попасть в тяжелейшее положение.

— А ты что на это скажешь? — обратился я к продаваемому мальчишке лет десяти.

— Я согласен. Я готов, — отрывисто ответил младший.

— А если я и вправду кушать тебя буду? — заинтересованно спросил я.

— Тогда четыре золотых отдадите моему брату, — так же отрывисто бросил тот.

Мне поплохело. Нет слов... Одни восклицательно-вопросительные... И вдруг хлобысь мне кто-то подзатыльник. Я чуть ориентацию в пространстве не потерял. На-а-аглость какая!

— Ты зачем детей пугаешь? — грозным голосом произнес появившийся ниоткуда Арни. — Рассказывайте, что случилось и почему вы приняли такое ужасное решение, — не обращая внимания на мое возмущенное шипение, обратился он к братьям.

Оказалось, что их отец был хорошим плотником и выполнял заказы для богатых людей. Год назад, когда он возвращался с большой суммой домой, на него напали и отняли деньги, а самого тяжело ранили. Через две недели он умер, оставив жену с шестью мальчиками, старшему из которых в то время было тринадцать. Несмотря на то что двое из детей работают, денег семье не хватает. Детям платят мало, да и не каждый день выпадает работа. Поэтому когда они услышали от Тарэна о его устройстве, то решили попытаться счастья. А продать себя предложил сам «предмет покупки».

— А мать знает о вашей задумке? — спросил я сердито, все еще обижаясь на Арни.

— Мы ей собирались рассказать... потом, — замявшись, сказал старший.

— Ведите нас к матери, — приказал Арни.

С большой неохотой мальчишки повели. Я дал знак Роду и Сэму идти с нами сопровождающими и позвал Тарэна, на случай, если мальчишки нас обманули и надумают сбежать. Как только мы подошли к калитке маленького домика, из него выбежала женщина. На вид ей было слегка за тридцать, лицо симпатичное, но очень усталое. Она обеспокоенно посмотрела на своих сыновей, затем на нас.

— Мои мальчики сделали что-то плохое? — стараясь говорить как можно спокойнее, спросила она, обращаясь к Арни.

— Немного сложно так категорически классифицировать их поступок, но старший мальчик пытался продать нам младшего с их обоюдного согласия, — серьезно ответил мой помощник.

Охнув, женщина схватилась за сердце и укоризненно посмотрела на мальчишек. Те стояли, опустив головы и упрямо сжимая губы. Ничего не сказав сыновьям, она посмотрела на нас.

— Во-первых, мы хотели уведомить вас, что собирались совершить ваши дети, и второе — посмотреть на мать, воспитавшую таких самоотверженных и заботливых сыновей, — заключил Арни.

Закончив говорить, он вопросительно уставился на меня. Судя по всему, намекает денег им дать. Ха! У меня есть другая идея.

— Мы можем дать вам пару золотых, но ведь это не решит проблему. Как только закончатся деньги, дети могут придумать еще что-то подобное. Мне понравилась верность и самоотверженность ваших ребят, и я предлагаю вам всем принести мне вассальную клятву. Далее, вы едете с нами в замок, мы выделяем вам жилье и стол. Ваших мальчиков будут обучать, и в итоге они могут стать моими телохранителями, — выдал я свое предложение.

Думала эта женщина на удивление недолго и через минут пять дала свое согласие. Мне бы для такого решения понадобилось гора-аздо больше времени. Присягу мы приняли и

предупредили, что выезжаем завтра с утра, чтобы они успели собраться и уладить все свои дела, а как подойдет телега — без задержек погрузились на нее.

Поскольку телеги были сильно груженными, то двигался наш обоз медленно. Понимая, что все равно не успеем добраться домой до темноты, мы не торопили лошадей. На ночлег магистр предложил остановиться на небольшой поляне у реки, расположенной в половине пути от города. По его расчетам при такой скорости мы должны были добраться до поляны за два-три часа до заката. Еще при свете дня можно было приготовить ужин и поплавать в реке, учитывая, что погода стояла теплая.

Идея отдохнуть от непрерывной беготни последних дней всем очень понравилась. Особенно этому были рады малыши. Из-за маленькой скорости отряда детвора почти не сидела в телеге, а носилась вокруг с радостными криками. Меня это немного напрягло: как бы не потерялись. Несмотря на утверждения Биаты — матушки двух «продавцов», — что все под контролем, я все же приставил Пита к регулярному пересчитыванию детей.

Добрались мы до ожидаемой поляны, как и планировал магистр, к вечеру. Мальчишки сразу рванули за дровами для костра. За двадцать минут они собрали большую кучу хвороста и тут же побежали купаться. Да уж, коза еще та! Только и следи, чтоб не заблудились, не поранились, не утонули... Не знаю почему, но меня все жутко раздражало. К тому же мои сестрицы с братьями выглядели не лучшим образом. Вероятно, слишком большое количество событий, происшедших за столь короткий срок, здорово вымотало нас. Как говорится, укатали сивку крутые горки.

К тому времени, как стемнело, все, вымытые и сытые, устраивались на ночлег. Детей уложили на одеяла, разложенные поверх наломанных веток, и матушка Биата, пристроившись рядом, рассказывала им сказку. Я, одним ухом прислушиваясь к тихому голосу рассказчицы, задремал, лежа невдалеке. Слышно было, как Арни давал инструкции и выставлял охрану, потом усаживался у костра. И я уже почти совсем заснул, когда услышал какое-то движение в лагере.

— Это что еще за явление? Кто такие? — громко и грозно спросил Арни.

Мы все сразу вскочили и теперь наблюдали группу разновозрастных детей, оборванных и грязных. Благодаря Арни и Сэму, стоящим рядом с пришедшими и держащим горящие палки над головой, их было хорошо видно. Маленькая группка, около десятка детишек. Самого младшего ребенка, лет трех, держал высокий мальчик, не старше пятнадцати.

— Мы это... мы... сироты... возьмите нас к себе, — с просительными интонациями от имени всех обратился к нам старший.

— Слуг у нас достаточно, вот поужинать нечем, — оскалив зубы, прорычал я.

Группа пришедших сбилась в более плотную кучку, и младший ребенок заплакал.

— Ли! Тебя что, собака бешеная покусала? Ты чего мелешь? — возмущенно воскликнула Нирана.

— А они чего? У нас что, приют, или как? Да ну вас! Делайте что хотите. И правда, я какая-то нервная сегодня. Только помойте их и накормите. Терпеть не могу грязных и блохастых, — пробухтел я напоследок и замотался в одеяло.

Сквозь дремоту мне еще долго было слышно хлюпанье воды, разговоры шепотом, стук котелка, ложек... Но я решил для себя не лезть никуда, просто отдохнуть от любых забот, а то и так в любой бочке затычка.

Проснулся я, когда все уже встали и даже завтрак был готов. Двигались мои спутники на цыпочках и разговаривали шепотом, стараясь меня не разбудить. Нирана тут же потащила завтракать, не дав даже нормально умыться. Окинув взглядом лагерь, я попытался рассмотреть вчерашних ночных пришельцев. Они сидели возле матушки Биаты, вымытые, переодетые и почти неотличимые от ее собственных детей. Ну и хорошо. Не надо ломать голову, кому под присмотр их пристроить. А дальше — поживем, увидим.

Глава 10

ИМЕНИЕ

Возвращались мы в свое имение загруженные различными инструментами, тканями, продовольствием, посудой — в общем, проще, наверное, сказать, чего у нас не было. Тащились медленно, и у меня было время поразмышлять на тему новых проектов.

Наше имение расположено в живописном месте, чем-то напоминающем Карпаты или Канадские скалистые горы в Альберте. Основным богатством в этих местах считались овцы и козы. В долинах и на южных склонах, на очищенных от леса полях, выращивались зерновые, овощи и фрукты. Разумеется, использовались дары леса: орехи, ягоды, грибы. Но поскольку лес принадлежал нам, графам, то требовалось разрешение на сбор. Половину собранного предполагалось отдавать как налог в пользу имения, но, как я догадывался, большая часть сбора шла в карман управляющему. Мне это не нравилось, все поступления и расходы требовалось проверить и упорядочить: сколько шерсти с овец и коз мы собираем и как используем; сколько ковров из нее делаем, сколько варенья и солений продаем. Бизнес должен строиться на честных отношениях, вору ему не нужны. А вот они-то и мешали нам жить.

Самым больным местом нашего имения были его люди. Десять лет полного невнимания со стороны хозяев к делам превратили процветающее хозяйство в упадочное. Все тащили все, что под руку попадет. Необходимо было менять такое отношение к работе и жизни.

Нам принадлежали три деревни по двадцать — тридцать домов каждая, расположенных почти по сторонам света от замка, только с севера, на расстоянии примерно с километр, построек не было: здесь протянулась высокая каменистая гряда. В пятистах метрах от нашего дома протекала небольшая, но быстрая горная речка. Я на нее с самого начала, как увидел, неровно дышу, потому что, когда гляжу на окружающие замок овраги, мне видятся пруды, в которых можно разводить рыбу. А это позволит зарабатывать, если продавать соленую и копченую рыбу, и улучшит также питание и жителей замка, и деревенских. В здоровом и сытом теле здоровый дух! Работы тут, конечно, не на один день: надо расчистить подходящие овраги от растительности, чтоб не гнила потом в воде, поставить запруды, выложить камнем ложе входа и выхода реки в пруды... И все это упиралось в людей. Сумеет ли мы их правильно организовать и как быстро это произойдет?

Заброшенное хозяйство, ленивые и пьющие поселяне, грязные и больные дети... Да так наши деревни совсем вырождаются! А нам-то с этого жить... Народ необходимо чем-то взбодрить. Я хорошо усвоил «у нас», что лучшим стимулом в таких ситуациях во все времена и для всех народов был материальный интерес. Из этой простой логики следовал совсем несложный вывод, что надо будет выдавать вознаграждение за те дела, какие я считаю нужными, и не всем, а победителям. Если вознаграждение будет представлять для них большой интерес, то

они и побегут, и попрыгают, и козами поскачут, чтоб только его получить. Я взялся крепко думать, по какому принципу выстроить эти мудреные «соревнования», и довольно быстро в мою, прямо скажем, неглупую голову пришла ассоциация из прежнего моего мира — олимпиада.

Не один день я прокручивал ее снова и снова. Вспоминал, как в студенческие годы мне пришлось пару раз поучаствовать в каких-то соревнованиях, то ли по туризму, то ли по спортивному ориентированию. Мы там прыгали по камням, переправлялись через овраги, взбирались на невысокие скалы... много еще чего было, но помнилось смутно. Осталось в памяти только, что настроение у большинства участников было прекрасное. Мы с другом с большим энтузиазмом выступали за свою команду. Затем пели у костра...

Что-то подобное надо бы соорудить для своих крестьян. Одну полосу полегче — для стариков и детей, а другую посложнее — для молодежи. В любом случае команде надо где-то тренироваться. Пока хорошая погода, тренировки на улице в сочетании с солнышком, зеленью деревьев, пением птиц намного приятнее психологически. По крайней мере вначале.

Обсудив эту идею со всех сторон, мы с Арни развили бурную деятельность: вызвали управляющего замком и старост деревень и уведомили их о предстоящих работах.

Следующие две недели были посвящены сооружению полос препятствий. Кроме крестьян, здесь работала вся команда, даже новички, хоть они и малолетки, были задействованы. Кэран, которого отец отпустил с нами, целую неделю недовольно кривился и не желал присоединиться к коллективному творчеству.

— Как ты можешь?! Нам не пристало работать как крестьяне! — возмущался он.

— Ну да, ну да. Не царское это дело — работать. Цари все только жрут, да с-с... да на слуг покрикивают, — смеялся я, продолжая воплощать свои планы в жизнь.

Поскучав, побродив кругами вокруг в гордом одиночестве, младший маркиз плюнул на положено — не положено и вскоре уже весело бегал среди вкальвающих, пытался мешать под видом помощи. Здесь же «трудилась» мои сестры и братья, хоть они и сопротивлялись уговорам значительно дольше Кэрана. Толку от них было как с козла молока, но тем не менее общее представление, что и как делается, у этих лодырей должно было сложиться. Чем больше знаешь и умеешь, тем легче жить, объяснил я им. А хорошо жить родственникам очень хотелось.

Полоса препятствий получилась славная — в процессе ее строительства мне вспомнилось много дополнительных нюансов. Тут было и бревно на метровой высоте, и дорожка из камней, расположенных друг от друга в полуметре. Мы соорудили трехметровую лестницу со спуском по канату с узелками и еще много такого, что я смог вспомнить из своего детства, проведенного в пионерских лагерях. Несколько дней ушло на обкатку полосы, придумывание призов и их создание.

Из давно вышедшего из моды тряпья были сшиты платья на девочку, девушку и взрослую женщину. Такой набор был сшит и для мужского контингента. И это все предполагалось выставить в качестве призов. Ну и еще кое-что из домашней утвари, обувь, швейные принадлежности, украшения для девушек и парней, пакетики конфет и печенья для малышек и много еще такого, что нужно было крестьянам и их детям.

Всяческие слухи о предстоящем празднике мы начали распускать за неделю до намеченного срока. Расхвалили подарки, но не уточняли, какие за что. О бесплатном вине шуток пустили.

Вино, конечно, мы собирались наливать, но как в церкви на причастии, по чуть-чуть. Заманило надежное, проверенное «у нас». Любит народ на халявку выпить, так почему бы не поднести? Дозу-то никто не оговаривает.

Приманка сработала по полной. Народ даже кружки с собой поприносил. Когда объявили, что выпивка будет после мероприятия, все дружно скисли, но, как говорится, поздно, батенька, поздно. Их уже рассаживали по трибунам. Пока шел процесс разгонки и усаживания собравшихся по местам, парни из команды вовсю наяривали:

Надо, надо, надо нам, ребята,
Жизнь красивую прожить.
Надо что-то важное, ребята,
В этой жизни совершить...
...Сама собою жизнь ведь не построится,
Вода под камушек не потечет...

Первыми по полосе прошли мы с сестрами и братьями. Еле сподвиг их на это, неделю уговаривал. Видишь ли, не могут они перед подданными так унижаться... Пока убеждал, что могут, все молоко бегал пить, говоря себе, что это мне за вредность полагается. Потом переживал страшно, что не смогут эти сибариты справиться со столь сложной задачей, и пока они со мной на полосу ни вышли, я все сомневался в успехе. Все препятствия родственнички преодолели замечательно. Даже на публику внимания не обращали, сказывались тренировки — выступления в трактире. Затем пошли наши парни из команды и тоже не посрамили. Хлопали нам всем от души, и, похоже, уже никто не жалел, что пришел. Дальше следовало то, ради чего все это задумывалось.

Несколько наших парней медленно по кругу пронесли самые лучшие подарки, чтобы все смогли их получше рассмотреть.

— Все, что вы сейчас видели, сможете получить, если выиграете, пройдя полосу препятствий. Победитель может выбрать то, что ему больше понравится. Пожилым и детям полагается сопровождающий и страхующий, — громко сообщил я, показывая рукой на призы.

На стадионе воцарилась тишина. Все молча переглядывались, но никто не решался выйти. Я испугался, что моя задумка терпит неудачу.

Но вдруг на площадку вышла сухонькая и маленькая бабуля.

— Пойду я... это... бегать. Я хочу молодость вспомнить. Только быстро не получится, годы уже не те, — хихикнула бабуся, косясь на приз-сарафан.

С одной стороны, это было прекрасно, что нашелся хоть один доброволец, но, с другой стороны, страшновато за старушку: не развалилась бы. Народ зашумел, с разных сторон слышался то смех, то какие-то рекомендации, не все приличные. Пока престарелая участница не передумала, я махнул Сэму, чтобы ставил ее на полосу.

И они побежали... Однако вскоре бабуля, прыгая с камня на камень и держась за руку Сэма, все же умудрилась промахнуться и начала падать. Каким образом наш самый сильный парень умудрился не удержать старушку, осталось загадкой, но в итоге их маханий руками и ногами вырисовалась любопытная композиция. Сэм лежит на земле с выпученными глазами (то ли с перепугу за пожилую женщину, то ли она воздух из него выбила, падая), на его груди, как на лавочке, сидит этот божий одуванчик, и даже руки на колени положила.

Смех, поднявшийся на трибунах, наверняка можно было услышать даже в замке.

— Эй, Марта! Ты явно промахнулась! Надо было не садиться, а ложиться. Хотя и сидя можно, если по-другому пересядешь, — заорали с правых трибун.

— А ну, покажи ему, что такое ветераны! — вопили с левых.

Помощники рванули к упавшим. Один — чтоб Сэма оттаскивать, другой подхватил участницу и вновь поставил ее на полосу. И что самое удивительное, она даже не сопротивлялась.

К моменту, когда старушку дотащили до конца полигона, народ на трибунах лежал в лежку, задыхаясь от смеха, а трое моих парней замазывали ссадины и царапины, полученные в процессе соревнований от участницы. А она, ни на кого не глядя, сразу промаршировала к самому яркому сарафану, висевшему на перекладине высокого шеста, и попыталась его достать. Пришлось срочно снимать приз сверху, пока активная старушка не порвала сарафан или не сломала шест. Как оказалось, отважная бабуля завоевывала сарафан для своей внучки, которую она одна растила. Та уже была на выданье, но по случаю бедности не имела приличного платья, чтоб ходить на молодежные посиделки.

— Поздравляю вас с заслуженной победой! Позвольте вручить вам этот приз. И хочу от себя добавить, что если вы выгоните на полосу препятствий свою внучку и та ее пройдет, то мы подарим вам или ей обувь, какую попросите — хоть сапоги, хоть туфли, — стараясь не упускать прекрасный шанс, предлагал я еще одну сделку.

Не выпуская сарафана из рук, бабуся рванула к трибунам. И уже через пару минут гнала перед собой миленькую девушку лет пятнадцати, одетую в платье, состоящее почти из одних заплат. Чтоб взбодрить девчонку, я нашептал ей про обувь и разноцветные ленты в волосы от меня лично. В этот момент из толпы вышла еще одна оборванка, лет шестнадцати, и заявила, что за сарафан она тоже согласна побегать. Кла-ассно! Дело начинает сдвигаться с мертвой точки.

И тут я вспомнил о нашем младшем прибавлении в команде. О! Да эти просто обязаны бежать впереди паровоза!

— Найди Фэда, пусть запустит всех новичков старше десяти лет на полосу. Обещали служить, вот пусть и жужжат, — приказал я Тарэну.

Отказников не нашлось, даже наоборот, детвора с энтузиазмом рванула к точке старта. И процесс пошел... Видя, как участники получают подарки, народ начал понемногу включаться в соревнования...

Хуже всего пришлось моей команде. Им нужно было бегать с каждым проходившим полосу. Даже я с семейством бегал, подстраховывал малышей. К вечеру эта идея уже не казалась мне столь замечательной. Все к окончанию мероприятия еле шевелили ногами. Но, несмотря ни на что, мы еще спели несколько песен, а под конец состязания выдали всем по полкружки вина. Глядя на радостный люд, я понимал — получилось. Ура! Ура!

Следующее мероприятие, которое я хотел провернуть, это полазить по горам и поискать чего-нибудь из полезных ископаемых, могущих помочь резко увеличить наши семейные доходы. Не скажу, что мои познания в геологии были так уж всеобъемлющи, но четыре лета, проведенные, благодаря моему другу, в геологических партиях в качестве разнорабочего, обнадеживали. Я мечтал найти хоть что-то, могущее принести пользу в хозяйстве. Даже если отыщутся только поделочные камни, известь и мел — уже ради этого стоит лезть в горы. Про золото, серебро, железо или медь я боялся даже думать, чтоб не сглазить. Сначала в поход планировалось

пойти только с парнями, но и Арни, и братья с сестрами выразили такое жгучее желание присоединиться, что меня это здорово удивило и обрадовало одновременно. Пусть себе идут с нами. Никакая наука не бывает во вред.

Я был рад, что мои родственнички становятся все более активными, начинают интересоваться жизнью. Братья стали больше уделять времени изучению хозяйственных бумаг. Особенно серьезно за это дело взялся Ирвин. Даже сестрички меньше ноют, когда мы обсуждаем приходы и расходы имения за истекшие годы. Изучать лучше на прошлом опыте, когда точно знаешь результаты. Прежде чем завести разговор об исследованиях ближайших холмов, прочел несколько лекций о том, что можно вообще найти в горах и как это может помочь нам поправить материальное положение. Особенно им понравилась часть рассуждений о последнем. Глазки так и загорелись!

— А когда мы пойдем в поисковую экспедицию? — уже на следующий день, усвоив профессиональную терминологию, интересовался Ирвин.

— О-бал-деть. Ты что, думаешь, что золото там валяется в виде монет или слитков, а драгоценные камни уже огранены и оправлены? — съехидничал я.

— Ты так много и подробно говорила об этом, вот и будешь нам показывать, что где лежит и как называется, — фыркнул братец.

Разубеждать не будем, а то желание пропадет. Пусть на месте смотрят да и окрестности изучат, а то совершенно не знают своих земель. С нами напросились и Яджина с дочкой: травы посмотреть, коренья и минералы, которые используются в составах. Идея мне понравилась, главное, чтоб она объясняла всем нам про то, что найдет. К тому же в большой команде идти — это всегда лучше: и охраны больше, и носильщиков.

Собирались мы долго и нудно. С трудом удалось напялить на сестричек узкие брюки. Они все порывались в юбках пойти да в кружевных рубашках. Следующей проблемой было заставить их нести рюкзаки с одеялами и небольшим количеством еды. Они все пытались отбиться, типа не царское это дело, не царское... В итоге, когда мы вышли, я был уже не рад, что согласился взять их с собой. Дальше проблем с ними было больше. После пары часов лазаний по горам сначала сестрички, а потом и братья пытались пристроиться на любой ровной площадке. Сгонять их приходилось чуть ли не силой.

Намучившись с ними, мы нашли удобное для отдыха место, защищенное с трех сторон, и оставили их там, потребовав, чтобы «дежурные» приготовили поисковикам обед и установили палатки, если не могут лазить по горам. Сестрички опять занули, что им не положено готовить. Пришлось объявить, что всем, кому не положено готовить, не положено и есть. Какой вой поднялся...

После долгих дискуссий мы оставили им Сэма, причем твердо оговорили, что Сэм будет только давать указания, а готовить они будут сами. Глядя на кислые лица моей команды, я и сам понимал, что, вполне возможно, придется обойтись сухим пайком. Единственная польза от этого задания, что дома их не получится заставить готовить ни за что, а научиться этому все же следует, мало ли как жизнь сложится.

Полазив по округе с пару часов, мы набрали лишь немного трав, что нашла Яджина, да несколько булыжников. Со слов знахарки, если прокалить их с углем, а затем положить на солнце, получится вещество, способное светиться в темноте. Я так понимаю, это она фосфор имела в виду.

По дороге в лагерь я предупредил парней, чтобы не торопились есть. Пусть сначала наши повара попробуют то, что приготовили, и если не выплюнут пищу, тогда можно и нам рисковать. Как только мы вернулись, сестры с важным видом начали рассказывать всех и наливать в миски свое варево. Пахло оно как-то подозрительно, и мы тянули с укладыванием сего продукта в рот столько, сколько могли. Так что первыми эту процедуру провернули мои братья. Меньше всего повезло Рэму. Ирвин в рот положил лишь немного, а вот Рэм, проголодавшись, запихнул в себя полную ложку с верхом.

Наблюдать за ними было очень забавно. Если Ирвин еще пытался сохранить на лице светское выражение, то Рэму, судя по всему, только воспитание не позволяло плюнуть в сестер тем, что они сварганили. Ни один из экспериментаторов не глотал, но из-за маленького количества пищи Ирвину это давалось легче, а Рэм с трудом сдерживался. Щеки его были надуты, глаза выпучены. В этот момент и сестрички изящно положили в рот по ложке своего произведения и сразу же замерли, бродя по окружающим беспомощными взглядами. Я смело поднес ложку... прямо себе под нос и принюхался.

— Знаете, девочки, я думаю, вам следует поучиться готовить. Жизнь — штука непредсказуемая, неизвестно как сложится, но если вдруг придется вам делать обед для своих мужей, то они слишком быстро станут вдовцами, — немного задумчиво обратился я к ним.

Рэм поворачивал еще немного глазами и, повернувшись в сторону, резко сплюнул. А потом он начал ржать, видно дошло, о чем это я тут говорил. Обед пришлось готовить заново, и мы еще долго разговаривали на тему пользы от обучения разным навыкам. В итоге сестрички пообещали все же научиться готовить. Хороший результат.

Основными находками этого похода, собственно, и оказались травы, обещание сестричек научиться готовить и несколько булыжников, которые Яджина собиралась превратить в фосфор. Как оказалось, она с семи лет училась у известной ведуньи и успела узнать не только о травах и способах лечения, но и о свойствах некоторых минералов, и о способах их отыскивать и использовать. Меня это здорово порадовало. Я очень надеялся на увеличение доходов от полезных ископаемых и рассчитывал, что знания Яджины помогут мне в этом.

Глава 11

ТЕТЯ ТОЖЕ НЕ ЧУЖАЯ

Как оказалось, у нас есть еще и тетя — младшая сестра мамы, и она недалеко от нас живет. И очень даже богато. При попытке аккуратно так выяснить, нельзя ли там немного пожить на тему денег, в смысле помощи, было конкретно сказано — нет. И дело не в тете. Она бы, может, и помогла, но дядя, то есть ее муж, скотина распоследняя. Шепотом и округлив глаза, сестрички выдали предположение, что дядя бьет тетю. После этого с потрясенным видом несколько минут сидели молча.

Как бы там ни было, но почему бы нам не восстановить знакомство с тетей-дядей. Путь повышения благосостояния не имеет ни краев, ни границ — вдруг чего-то от них и обломится. Для начала я послал двоих из команды, у кого в имени тети были родственники, с наказом разузнать все получше: слухи о хозяевах, чем занимаются-развлекаются, планируемые расписания увеселений и вообще все, что смогут накопать. Вернулись они дней через пятнадцать. Информация была достаточно полной для понимания общей ситуации и для составления плана действий.

Рассмотрев донесения моих разведчиков со всех сторон, я решил, что поездку лучше

приурочить к какому-нибудь празднику. Во-первых, будет уважительная причина для посещения, потому что здесь, как и в нашем мире, в такие дни принято наносить визиты родственникам и знакомым. Во-вторых, дядя во время отдыха, судя по полученным сведениям, становится особо дурным, поэтому запланированный для него урок должен получиться на славу.

Посещение родственников я наметил на праздник урожая. В это время года чаще всего стояла сухая, и в меру прохладная погода, и что самое главное, дядя с друзьями, слугами и девушками для развлечений уезжал на целых три недели, а иногда и на месяц, на так называемую охоту. На расстоянии четырех часов пути от замка у дяди был выстроен охотничий дом для гостей, пристройка для слуг и конюшни. Почти месяц дядя и компания охотились, пьянствовали и развлекались с девушками. Только слуги время от времени носились между замком и увеселительным домиком — пополняли запасы продуктов и выпивки...

Наличие отсутствия дяди на момент нашего присутствия в замке было решающим фактором в выборе времени посещения родственников. Приехать мы намеревались к самому празднику урожая, дядя к этому времени уже дня три как должен был убраться. При таком раскладе у нас было от двух до трех недель, чтобы спокойно, без вконец обнаглевшего мужа нашей любимой тети изучить обстановку, слуг, замок, взаимоотношения между всеми в нем...

Вытащить свое семейство в гости на этот раз оказалось делом тяжелым. Сестры боялись дяди, братья утверждали, что неприлично ехать без приглашения, а папан просто не хотел никуда ехать. Привык наш паpusик за последние годы ничего не делать и ни с кем не общаться, медитатор наш дорогой.

Тем не менее в намеченный мною день мы подъезжали к усадьбе родственников. Их замок выглядел намного круче и ухоженнее нашего. Хорошо вышколенная охрана встретила нас у ворот. Пока все с восхищением рассматривали окружающий ландшафт, мне пришлось вести переговоры.

— Передайте баронессе Оливии Гарнэлл, что с визитом пожаловали ее ближайшие родственники — муж ее сестры, граф Сорейн Гросарро, с детьми, — высунувшись из кареты, капризным голосом протянул я.

Начальник стражи, появившийся почти сразу, как мы подъехали, застыл в нерешительности. Судя по всему, здесь гости приезжали только к барону. Но мы были родственниками, и просто прогнать нас он боялся. Мало ли как хозяин это воспримет, а крайним в любом случае будет он.

Нельзя было давать охраннику время на раздумья. В таких случаях всегда следует брать инициативу в свои руки.

— Ты что, плохо слышишь? Я пожалуюсь на твое поведение дяде! Как он распустил слуг! Вы только посмотрите, нас до сих пор держат у ворот! Безобра-зи-е-э! Да ка-ак ты смеешь!!! — взвыл я, стараясь более натурально изобразить истерику. Сестрам от этого чуть плохо не сделалось.

Начальник, побледнев, подал сигнал открывать ворота и послал слугу с докладом к баронессе. Когда карета подъехала к главному входу и мы начали выходить, в дверях показалась тетя Оливия, младшая сестра моей мамы. Выглядела тетя нездоровой и гораздо старше своих тридцати трех лет, хотя была все еще красивой.

Вместе с ней встречать нас вышли девочка лет пятнадцати, предположительно, ее дочь, и

привлекательная девушка лет восемнадцати. Нирана шепнула мне, что это, вероятно, дочь барона от первого брака, Тинэя. На лицах всех троих крупными буквами просвечивала невероятная смесь радости и страха. Решив и здесь не пускать ситуацию на самотек, я резво бросился к встречающим с радостными воплями:

— Тетушка! Сестрицы! Как я рада вас видеть! С праздником вас! Мы привезли вам подарки, а этот негодяй на воротах долго не открывал нам. Как ваше здоровье? Лори, Нирана, выходите скорее из кареты! Папа, не забудь захватить сундучок с подарками! Вы только посмотрите на нашего Ирвина, как он вырос, настоящий жених! — не давая никому вставить ни слова, я потащил всех вверх по лестнице.

После моего последнего высказывания почему-то и Ирвин, и Тинэя немного покраснели и засмутились. Странно даже. Хотя, если присмотреться, из них вышла бы неплохая пара. Хм... А почему бы и нет? Надо будет над этим поработать.

— Папа, Ирвин, предложите дамам руку. Рэм, подхвати Лори и Нирану, а то попадают на лестнице, — продолжал я командовать.

— А как же ты? — засмеялся Рэм, подхватывая сестричек.

— Я что, хромая, что ли? И так дойду, — весело отозвался я.

Дружную толпою со смехом и шутками мы завалились в зал. Тетя распорядилась накрывать стол, а нас усадила на диванах. Как я обратил внимание, Ирвин сел поближе к Тинэе, а папула — к тете. Все же она очень похожа на свою старшую сестру и нашу маму. Папаша нежно любил умершую, потому и неудивительно, что тетя Оливия, похожая на нее, притягивала его внимание. Вот бы карачун лохматый к дяде наведался, можно было бы и папика осчастливить, и Ирвина без проблем пристроить. Поместье Гарнэллов богатое, на всех хватило бы... Гм... Поживем — увидим... Сейчас главное — не дать этим двум парам остаться наедине, чтоб дядя не смог предъявить претензий ни жене, ни дочке.

Пока накрывали стол к обеду, я начал доставать подарки.

— Папа, вручи, пожалуйста, тете Оливии подарок от нас, — запихнув ему в руки пакеты для тети, я начал доставать подарки для Тинэи и передавать их Ирвину для вручения. Рэму я поручил преподносить подарок Тинэе, тетиной родной дочери. Когда я обернулся к отцу, тот так и держал подарок на вытянутых руках и не отрываясь пялился на тетю Оливию, глупо улыбаясь. От чего тетя с покрасневшимся лицом и растерянной улыбкой, жутко стесняясь от неприкрытого и непривычного внимания, не знала куда себя деть. Пришлось срочно разгладить ситуацию. Подскочив к отцу и выхватив из его рук пакеты, я начал их открывать и при этом болтал, не замолкая:

— Тетушка, примите от нас всех подарков. Мы очень надеемся, что он вам понравится. Вот посмотрите, какая прекрасная шляпка для лета. Последний писк моды. Вам должно безумно идти. Давайте прямо сейчас и примерим, — тарыхтел я, пытаюсь напялить кружевную шляпку на тетю.

С третьей попытки мне это удалось. Правда при этом слегка разлохматилась ее строгая прическа и отвалилась одна кружевная розочка, но так даже лучше оказалось.

— А это — кружевная накидка к шляпке и такие же перчатки. — И я сразу начал натягивать на руки тети перчатки и набрасывать накидку.

Непонятно почему, но накидка все время пыталась перекосячиться, а перчатки наделись не на те руки. Пришлось все переодевать сначала. К моменту полного облачения тетушка сидела красная как рак, а братья и сестры шумно фыркали за моей спиной, не в силах сдерживать смех. Я грозно развернулся в сторону сестер:

— А теперь мы будем вручать и примеривать подарок Тинэе.

Та вскрикнула испуганно и, округлив глаза, начала краснеть. Тут уж засмеялись все, даже тетушка. Я решительно направился к ней. Ирвин попробовал вступить за Тинэю, но я предложил ему заткнуться:

— Когда женщина действует, мужчине лучше не мелькать перед глазами, — и под смех своих сестричек начал доставать из пакетов подарки.

Заколку в виде букетика цветов прикрепил Тинэе к волосам, правда, она почему-то скривилась. На шею повязал шарфик и, заставив ее встать, надел на нее прозрачную, съёмную с воланами юбку. Еле уговорил ее покрутиться перед нами, чтобы мы могли рассмотреть наряд со всех сторон. Подарок смотрелся на ней просто замечательно, и сестрички заахали в восхищении. У Ирвина, глядевшего на Тинэю, глазки загорелись и даже рот открылся.

— Она, конечно, красавица, но рот все же закрой, — выдал я, подняв глаза к потолку.

Братец с Тинэей покраснели, но в этот момент вошел слуга и пригласил всех к столу. Решив перенести рассмотрение и примерку подарков Тинэе на попозже, мы дружно двинулись обедать.

Это был не обед, а что-то... Папуля постоянно забывал есть, только пялился на тетю Оливию. Приходилось напоминать ему, чем стоит в данный момент заниматься. Тетушка пыталась проглотить хоть что-то под пристальным взглядом нашего папика. Ирвин и Тинэя вырисовывали какие-то кренделя вилкой на своих тарелках, постоянно переглядываясь и смущаясь. Сестрички шушукались о чем-то с Тинэей. Один я ел, внешне не отвлекаясь от этого процесса, хотя в голове моей в это время роилось множество мыслей.

После обеда все снова переместились в комнату с диванами, и я срочно занялся пристраиванием подарков на Тинэю. Надевание набора браслетов из серебра в индусском стиле больше походило на выкручивание рук. При надевании последнего, седьмого браслета Тинэя уже тихонько подвывала, а тетя обеспокоенно крутилась у меня под руками, усложняя процесс. При моей попытке пристроить парочку розочек из кружев к голове Тинэи, Тинэя забрала их у меня из рук и сама заколола сестре волосы. Даже большой и широкий пояс, сделанный из того же материала, что и розы, мне не дали повязать. Тетя Оливия резво подхватила его и завязала на дочке, сделав сзади большой бант. Выглядело действительно красиво.

После этого наступило несколько напряженное молчание. Папуля с Ирвином продолжали сверлить дырки в тете и Тинэе соответственно. И это было невежливо. Сестрички с Рэмом тоже не имели большого опыта хождения по гостям и поэтому просто не знали, что делать дальше. А мне было пора приступать к более плотному знакомству с замком и окружающими. Тогда я попросил Оливию познакомить нас с расположением комнат и со слугами, поскольку мы приехали погостить надолго. При этих словах тетя чуть не рухнула в обморок. Тинэя тоже почему-то закатила глазки, и лишь Тинэя была в полном восторге и радостно запрыгала, хлопая в ладоши. Мелочь, а приятно осознавать, что хоть кто-то тебе рад.

С трудом собрав себя в кучку, на дрожащих ногах тетя повела нас по замку. Я махнул папику

подхватить тетю, чтоб не рухнула, а Ирвину рекомендовал тоже предложить даме ручку. Умный мальчик, сразу догадался, какой из дам. По замку мы ходили долго и вдумчиво, заглядывая в каждую комнату. Даже подвал не обошли вниманием. Правда, тетя сильно сопротивлялась его осмотру. Так что ограничились только первым этажом, усиленно подталкивая тетю в спину. У лестницы на нижний уровень, она встала намертво. Пришлось рулить назад, чтобы не доводить тетюшку до нервного срыва.

Следующие две недели папик и Ирвин, если судить по их счастливым ромам, провели как в раю. Их предметы обожания тоже большую часть времени светились радостью. Только изредка вздрагивали и замирали с несчастным выражением лица, но через несколько минут оттаивали и продолжали внимать влюбленным бредням собеседников.

Моим оставшимся родственникам приходилось не так сладко. Мы, посоветовавшись, распределили дежурства между собой, чтоб не оставлять пары наедине. А то дядя прибьет и жену, и дочку. Я старался так расставить дежурных, чтобы самому иметь время с Нинэей полазить по замку и более подробно его изучить. Где-то через неделю лазанья мы нашли в подвале большую комнату, напоминающую лабораторию алхимиков. Если судить по количеству пыли и паутины, сюда не заходили не одно столетие. Но тем не менее воздух здесь был достаточно свеж. Мы были в полном восторге от находки и тут же принялись наводить порядок и превращать комнату в кабинет.

Чтобы меньше афишировать нашу находку, мы привлекли к уборке лишь парней из команды. Прибравшись и притащив пару диванов, пару кресел, пледы и даже небольшой запас еды, мы получили шикарный кабинет-лабораторию. И только хотели приступить к изучению книг и содержимого пузырьков и банок, как к нам прибежал Ник, которому доверенный слуга тетушки, как мы и договаривались, сообщил, что на горизонте, по дороге из охотничьего дома, показалась группа людей и телеги. Наверняка это был барон Гарнэлл собственной персоной и компания. Та-ак... Срочно надо выпихивать папика и Ирвина. У меня имелось достаточно информации о манере поведения дяди, чтобы знать, какие последствия могут быть, если не отправить их домой. Дядя не преминет оскорбить жену и дочерей, папа и Ирвин бросятся защищать их честь, а мы в чужом доме... и драться мои не умеют... Да уж.

Этот козел вернулся раньше, чем обычно. Вряд ли от чего хорошего. Наверное, случилось что-то, а значит, дядя еще дурнее. Я срочно разыскал Рэма и Нирану и объяснил им мои опасения, при этом попросил помочь убедить отца уехать. На Ирвина ошейник имелся. Бегом мы нашли Тинэю и вкратце объяснили ситуацию ей. Судя по всему, своего папика она боится до дрожи в коленках и потемнения в мозгах. С трудом растормошив ее, мы вместе побежали к Ирвину, Нирана — за вещами, а Рэм рванул за папашей. Пока Тинэя стояла и краснела, пытаюсь что-то сказать, я быстро выдавал требуемую информацию в нужном направлении.

— Понимаешь, тетя Оливия приболела. Нужны некоторые специальные травы. Ничего слишком серьезного, но это надо срочно. Род знает, какие и где лежат, но без нашего разрешения ему не позволят заходить в лабораторию и кладовую трав. Нужно, чтобы поехал кто-то из нас. А тут дядя возвращается... А он дурак... Наш папик не лучше, только со своими извилинами... А как он на тетю пялится?.. Он же ее скомпрометирует. В смысле, дядя ее отлупит, а папик заступится... Ты только представь, какая каша получится, — быстро тараторил я. Времени у нас было в обрез.

Видя, что этот придурок почти ничего не воспринимает, а только на Тинэю глазки вылупил, да и та ни фига не помогает, я сделал ход конем.

— А если получится такая фигня и если мы останемся живы в итоге, то ты все равно здесь

больше не сможешь появиться и не видать нам больше тетю и Тинэю никогда, — последние два слова я почти выкрикнул.

У них сразу округлились глаза и на лице проступило перепуганное выражение. О-о! Главное — попасть на любимый мозоль.

— Что я должен делать? — испуганным голосом спросил Ирвин.

— Хватаешь папика и бегом домой. Следишь, чтоб тот не вернулся. Роду дашь ключи от лаборатории и кладовой трав. Тот знает, что надо искать. Сюда не возвращаетесь, пока мы не позовем, — говоря все это, мы с Ником усиленно толкали Ирвина к запасному выходу.

К моменту, когда мы вышли во двор, Рэм привел туда папика, что-то горячо шепча ему на ухо. Род уже выводил оседланных лошадей, а Нирана несла рюкзак с плащами и небольшим количеством еды и воды. С трудом взгромоздили папика и Ирвина на коней. Папаша все пытался расспрашивать и бежать выяснять у самой тети...

В это время послышался скрип медленно открываемых главных ворот. Как же этих козлов влюбленных вытолкать?.. Тут я заметил у ближайшей стены небольшой куст шиповника. Быстро подскочив к нему, выломал длинную ветку и, чуть не закричав от боли, потому что колючки впились мне в ладонь, я от всей души врезал по крупу папиной, а затем и лошади Ирвина. Едва не потеряв всадников, животные рванули на призовой скорости. За ними, для охраны, поскакал Род и еще четыре парня из команды, безуспешно пытаясь догнать умчавшихся. А мы быстро закрыли боковую калитку.

Глава 12

МЫ МСТИМ, И МСТЯ НАША СТРАШНА

В открытые ворота начали въезжать всадники. Чтоб не попасть на глаза барону, ведь он еще не знает, что у него гости, мы спрятались за угол и осторожно наблюдали за въезжающими. В это время открылась боковая дверь и на пороге показалась Лори. Я метнулся к ней и за руку быстро затянул к нам, прижав палец к губам, чтоб молчала.

Барона было легко узнать, поскольку мы видели его портрет. Красивое в прошлом лицо сейчас отталкивало своей потасканностью и злым выражением. Я увлекся, рассматривая этот экземпляр, как вдруг к действительности меня вернуло какое-то яростное шипение. Никого, кроме своих, рядом не было, и... шипели именно они. Подростки, все как один, смотрели злыми суженными глазами на въезжающих. Проследив за направлением их взгляда, я все понял. На одной из телег везли пять девушек. На них было жалко смотреть: все в синяках и следах от плеток. Одежды на них было мало, из-за чего было видно, что такая роспись у них по всему телу. Одна из этой группы была мертва. Похоже, не выдержала издевательств и повесилась.

Раздававшийся рядом со мной змеиный шип перешел в рычание. Я оглянулся, рычала Лори. Ее начало трясти. Сообразив, чем это может закончиться, я подзатыльниками вывел из ступора Рэма и Ника и приказал тащить Лори в лабораторию, а сам схватил Нирану за руку и поволок следом. К тому времени, когда мы добежали до места, обе сестрички рыдали как белуги. А у Лори, похоже, начиналась истерика с последствиями.

— Вот вы мне не раз твердили, что вам нет надобности тренироваться, что женщинам умение драться не положено. А уверены ли вы, что ваш будущий муж не превратится в такое чудовище, как дядя? Вы что, готовы безропотно сносить подобные глумления? Ведь я для того и учу вас, чтоб никто не смог издеваться над вами. Больше я не позволю вам пропускать

занятия, будете заниматься наравне с парнями. Поняли? — почти прокричал я.

Не переставая плакать, сестры кивнули головами, соглашаясь с моими словами. Да уж... Мне было не менее хреново, чем сестричкам, несмотря на то что по донесениям я знал, что можно здесь увидеть. Но одно дело — слушать об этом в докладе, и другое — видеть самому. Урок получился более чем наглядный. Для всех. Приказав Нику не выпускать сестричек из лаборатории, я рванул к тете, а Рэма послал к Тинэе. Следовало предупредить их об отъезде Ирвина и папика и о приезде дяди. Зная впечатлительность тетушки, я сначала извинился за срочный и неожиданный отъезд своих и лишь затем сообщил о приезде ее родственников.

Она сначала замерла на минуту и только потом облегченно вздохнула, жалобно улыбнувшись. Да-а-а. Дядю прибить мало. До чего жену довел! Затем тетушка засуетилась, говоря, что нас надо срочно представить барону. Она вызвала слугу и послала его за Тинэей и Нинэей, я же побежал за Нираной. Лори придется оставить под присмотром Ника и при первой же возможности отправить домой. С остальными я все же планировал задержаться в замке. Тетушку с дочками следовало спасать. Как — не знаю еще, но буду на эту тему думать.

Пока мы стояли перед бароном, сбившись в кучку и старательно изображая радостные улыбки, к его уху наклонился управляющий и начал что-то нашептывать, сердито глядя на нас. Так... Так... Сейчас втюхает ему гадость всякую про нас, потом не отмоемся. Что же делать? Бли-и-ин. Что же делать?.. О-о, магистры... А я ведь еще не опробовал... А почему бы не на этом... Так. Как там они говорили? Сосредоточиться на третьем глазе... кулак... удар... хлопок по «привратнику»... О-о-о! За живот схватился... Идио-от... Я ж мысли ему хотел перепутать. Ой, фу-у-у...

— Фу-у, чем это так несет? Ты что это, скотина, гадить в моем присутствии?!! Пошел вон!!! — заорал, весь скривившись, барон.

Слуга попытался что-то объяснить, но хозяин с брезгливой миной врезал ему ногой. И с яростным видом уставился на нас, как бы ища, на ком согнать злость. Ох, надо срочно действовать, а то и нам достанется по первое число. Судорожно пытаюсь сосредоточиться. Гляжу на буреющее лицо барона, и мне плохо. О, мамма мия! Санта Мария! О, Матка Бозка! Ко-зел! Я — козел, опять не то сделал! В страхе прошелся глазами по группе барона, пытаюсь понять, как скоро нас будут убивать, а они все... Не понял?.. О-о-о... Фу-у-у... Та-ак, главное на своих не оглянуться. Тут и так дышать нечем. Как же выключить... Если все вокруг меня гадить будут, во-первых, я задохнусь (ой... фу-у-у...), а во-вторых, меня быстро вычислят. О-о, тогда я себе не позавидую. Выключить!!! Выключить!!! О, майн готт!!! Не понял! Чего это они опять застыли? Опять за старое? Ну где у них столько г... может поместиться? Нет, похоже, это что-то другое. Чего это они головами крутят? Ага, кажется, я первый дар магов отключил, а запутывание мыслей включил. Сейчас главное — на своих не посмотреть, а то потом выяснять отношения замучаюсь.

— Рэм, ты меня слышишь? — зашептал я, пытаюсь на ощупь достать брата рукой.

— Ты чего толкаешься? И что тут вообще происходит? — загундосил сзади Рэм (наверное, нос зажимал).

— Потом объясню. Быстро уводи всех наших, и подальше. Закройтесь где-нибудь, на случай, если дядя придет в себя и захочет сорвать злость на вас, — быстро прошептал я.

И почти сразу же сзади послышалась возня и требовательное шипение. По-моему, Рэм их силой выталкивал. Засмотрелись, что ли, или тоже попали под гипноз? В этот момент тетушка

подбежала к мужу и что-то попробовала ему сказать. Тот, не глядя, резко махнул рукой, отталкивая ее, и Оливия упала, больно ударившись о тумбочку. Тинэя, заплакав, бросилась к мачехе и прикрыла ее собой, вероятно, на случай, если дядя будет драться. Мы всем скопом бросились к ним и потащили их из зала. Вдруг дяде моча в голову стукнет и он надумает продолжить беседу с женой дочерью, мы отвели их в мою спальню. Эту комнату я выбирал сам, поскольку она находилась в самом дальнем закутке замка, а соответственно, вероятность, что дядя до нее доберется, сильно уменьшалась. Натаскав в комнату еды, питья и книг, мы настойчиво порекомендовали Тинэе не высовываться и развлекать тетю чтением. Сами же двинулись в лабораторию обсуждать ситуацию.

Настоящее положение дел мне совершенно не нравилось и явно мешало моим планам. За время нашего пусть недолгого проживания у тети я совершенно сроднился с этим имением и его деньгами. Да и Ирвина я уже видел пристроенным — они с Тинэей здесь управляют, а наше имение Рэму останется. И тот из младших сынов с «ни шиша и ни фига» сразу в видного жениха превращается. Ведь к моменту вхождения Рэма в возраст жениха, я надеюсь, наши задумки по улучшению работы имения принесут положительные плоды.

Да и папик... как он козлик-то скакал... и тетя не осталась равнодушной... Одна лишь помеха — в лице, в смысле морде, дяди. М-да-а. Ведь и прибить нельзя. Малейшее подозрение, что виноват кто-то из нас (не будем показывать пальцами, но, например, я), — и все, абсолютно все будут чувствовать себя виноватыми, убийцами, замучаются угрызениями совести... и прочая лабудень. Остается лишь брать дядю на измор, а там действовать по обстоятельствам.

На следующий день после приезда дяди мне пришлось срочно увозить Лори домой, а то ее трясло от одной мысли о нем и она начинала как-то подозрительно плакать. Когда я увозил сестру, она потребовала заехать к семье умершей девушки и помочь хотя бы деньгами. Как рассказала нам бабка, объяснявшая, где находится их дом, эта семья состояла из отца и дочери. Хозяйка умерла три года назад. Когда мы зашли в дом, там действительно был только один человек — отец девушки, сидящий у гроба. Лори заплакала, положила на стол монеты, узелок с вещами и выскочила из комнаты. Мужчина удивленно проводил ее взглядом. Я подошел ближе.

— Мы понимаем, что этим дочь не вернуть, но все же хотим посоветовать устроить проводы и поминки девочки. Приодень ее в одежды, что мы принесли, и выставь гроб во дворе, пусть народ видит, что сотворило это чудовище. Закупи вина и подноси каждому, кто придет, и пусть они желают ей легкого пути и удачного следующего рождения. Не место таким чудовищам, как барон, среди живых, но это не в нашей власти, — закончив речь и тяжело вздохнув, я вышел вслед за Лори.

По приезде домой, после нашей беседы о возможных качествах вероятного мужа, Лори с остервенением начала тренировки. И не только сама взялась за это дело, она также построила всю активную часть женского населения нашей вотчины. Что уж она им рассказывала и какие речи толкала, не знаю, но, как докладывали мне впоследствии парни, курсирующие между нашими имениями, всем редиска можно было уже начинать бояться. Хм-м. Урок получился впечатляющим. Что ни говори, а слова до людей доходят хуже, чем то, что они видят собственными глазами. Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Перед тем как возвратиться в замок злого дядюшки, я целую ночь беседовал с Яджиной о свойствах и возможностях препаратов, могущих пригодиться мне в данной ситуации. Затем она снабдила меня большим мешком трав и других составляющих и научила ими пользоваться.

Я вернулся в дом врага, вооруженный до зубов. В итоге длинных дискуссий наша группа юных подпольщиков в составе Рэма, Нираны, Нинэи, ну, и меня, естественно, объявила лорду Гарнэллу партизанскую войну. Мы пошили из почти прозрачного белого шелка балахоны и, нарисовав на них кости рук и ног, обвели прорезы для глаз и рта фосфорной краской, приготовленной Яджиной. Еще мы изготовили высокие стаканы, в которые ставились свечи; над ними, на приделанных перекладинах, закреплялись небольшие шары, обклеенные маленькими полированными пластинками серебра. Когда зажигалась свеча, горячий воздух поднимался вверх и шар начинал крутиться, пуская световые блики по стенам и потолку.

За пару серебряшек старый смотритель подземелий принес нам из подвалов чистенький, почти целый скелет. Нирана с Нинэей наотрез отказались даже приближаться к нему. Зато Рэм оказался молодцом. Мы с ним собрали данное анатомическое пособие при помощи проволочек, ниток и тряпочек и, покрасив фосфором, прикрепили к палке наподобие удочки. Пропустив по палке веревку и привязав ее к кисти скелета, мы получили возможность поднимать руку скелета в приветственном жесте.

На следующий день после окончания приготовлений, когда на улице разразилась гроза, мы решили действовать. А до этого мы целую неделю таинственным шепотом рассказывали слугам о том, что видели привидение. Еще я, крадучись, проходил пару раз за день по замку и тренировался в управлении способностями, данными мне магистрами. Для этого я потихоньку выпросил у Нинэи про всех людей, которые жили в замке, стараясь поточнее запомнить их характеристики. В итоге я знал всех редисок и места их обитания, которые я обходил регулярно, отрабатывая на этих самых редисках свои гипнотизерские способности. Дошло до того, что по вечерам большинство слуг стали стараться не болтаться по замку без срочных дел.

И вот наступил исторический день. Расставив зажженные свечи в стаканах с шарами по коридорам, где чаще всего ходил маркиз, мы с тихими завываниями двинулись по замку. Сестрички выли очень натурально, похоже, от страха. За нами шел Рэм с палкой, на которой болтался и гремел костями светящийся в темноте скелет. Потом ко всем этим звукам добавилось странное поцокивание сзади, которое трудно было классифицировать — то ли Рэм зубами клацал, то ли скелет. И вдруг откуда-то сбоку в коридор выскочил темный силуэт. Сестрички от страха завывали громче и натуральнее. Этот кто-то присоединился к ним, своим воем перекрывая дуэт, и тут же рванул назад. Испугавшись еще больше, девочки попытались повторить маневр убежавшего и дружно рванули в стороны. Но поскольку по сторонам были стены, то, отрикошетив от них, бедняжки попали в объятия друг друга. Судорожно вцепившись теперь уже в меня и глядя огромными глазами, почти сравнявшимися размером с прорезями, обведенными фосфорной краской, они во весь голос жалобно и с чувством завывали по-настоящему, от страха. Даже у меня слезу прошибло. А Рэм почему-то вжался в стену и попробовал прикрыться скелетиком.

— Не понял! Мы кого пугаем? Себя или маркиза? — шепотом поинтересовался я.

И тут в нашу сторону с тихим завыванием полетело что-то белое и прозрачное, более похожее на привидения, чем мы. Сестрички взвыли как сирены, и даже Рэм к ним присоединился, разбавляя легким баском этот дуэт меццо-сопрано. Я с беспокойством повернулся к ребятам. Не вырубились бы, я ж не дотащу всех троих! И вдруг замок быстро стал наполняться диким, совершенно потусторонним воем, казалось несущимся со всех сторон. Я обернулся к подлетевшему:

— Слушай, что происходит? Такое впечатление, что все приведения мира решили здесь поиграть.

— Ка-ак воют! Ка-а-ак профессионально воют! Представляешь? Я уже лет триста тренируюсь, и то так не получается, — восхищенно шептал прозрачный.

— Да? Ну, вообще-то они у меня талантливые. Правда, я не предполагал, что и в этом направлении тоже... — Я задумчиво посмотрел на воющих сестер.

— Кстати, ты так и не ответил, почему вой по всему замку: эхо такое сильное или на нас напала стая чужих привидений? — Я снова повернулся к прозрачному.

— Да это же народ впечатлился и помогает! Красиво твои спутники выводят... А вот ты меня не боишься, — задумчиво добавил прозрачный.

— А оно тебе надо? — удивился я.

— Ну-у-у... вроде, положено. Да и скучно просто так летать, — почти провыл тот.

— Может, веселее знакомствами обзавестись да в гости летать, беседы умные разговаривать... — заперечислял я.

— Недурственная идея, недурственная. Стоит подумать, — задумчиво пробурчало привидение.

— Слушай, а ты не знаешь средства, как их заткнуть, а то у меня уже в голове шумит, — поморщился я, кивнув в сторону воющего трио.

— А кто ж его знает! Как самим надоест, так и заткнутся... До чего же знатно воют, — облетая вокруг сестричек, продолжал восхищаться прозрачный.

— Кстати, позволь представиться, графиня Лионелла. Можно просто Ли, — сделав легкий реверанс, отрекомендовался я.

— Очень приятно. А меня зовут... зовут... дай Бог памяти... давно не знакомился. Граф Сэтаэ! Можно Сэт, — великосветским голосом представилось привидение.

— А эти орущие дуры — мои сестры, Нирана и Нинэя, — махнул я рукой в сторону девчонок.

Те немедленно замолчали и сердито посмотрели в мою сторону. Рэм, оставшись в одиночестве, в удивлении поводил глазами по сторонам и тоже заткнулся.

— Сама дура, — хором продекламировали сестрицы и, обернувшись к привидению, заявили: — Не верьте ей. Мы хорошо воспитаны. А можно и нам называть вас Сэт?

— Я буду чрезвычайно польщен!

И тут мне в голову пришла одна любопытная идея:

— Предлагаю перенести наше общение в более подходящее место. Тут одна идейка мелькнула, может, обсудим? Если вы не слишком заняты, Сэт, я предложил бы вам принять участие в наших разработках.

— О-о-о... Я бесконечно рад... О-о-у... буду счастлив... О-о-у-у... я так давно нормально не общался... — пытаюсь высказаться, привидение постоянно сбивалось на вой. Сказывались регулярные и долговременные упражнения.

Собрав стаканы со свечами и чуть не забыв Рэма, впавшего в прострацию, мы двинулись в

нашу подпольную резиденцию. Пока развешивали в шкафу балахоны и пристраивали скелетик, Сэт носился по комнате, удовлетворенно восклицая:

— Как у вас уютненько и интересно... оу, винцо? Вы что, уже попиваете? А не рановато ли?

— Мы тут смеси специальные готовим и проверяем, — пробурчал я (лезет же, куда не просят!).

— И на ком проверяете, если не секрет, конечно? — радостно заулыбался Сэт.

— Что, житие свое вспомнил? — ехидно поинтересовался я.

В первый раз вижу засмущавшееся привидение. Хотя и привидение-то вижу в первый раз. Но впечатляет.

— Тут у нас доброволец имеется. Алкаш жуткий, даже с ядом согласен пить, но у нас все больше сонные и галлюциногенные добавки, — пояснил я.

— Да-а-а... Мм... Галю... гец... мм... до чего мудрено... — уважительно промычал Сэт.

Как оказалось, он помнит эту комнату. Еще в его бытность она использовалась именно в качестве лаборатории. Если исходить из того, что привидение смогло вспомнить о своей жизни, оно немало денег просадило на алхимические опыты. Вероятно, за эти растраты его и грохнули. Похоже, страсть к алхимии у него за времена пребывания в качестве привидения не исчезла. С этого момента при каждом нашем появлении в лаборатории и опытах с травами Сэт носился у нас перед глазами и пытался давать советы. Но я старался четко следовать рекомендациям Яджины, которые получил специально для этого дела.

Пообещав Сэту проверить его предложения как-нибудь в будущем, я готовил снадобья по-своему. Проверив такое произведение на местном алкоголике и удостоверившись, что оно не смертельно, я подливал напиток в еду и вино некоторых личностей. Нарвавшись как-то на одного подопытного, находящегося под слабым воздействием травки, я вспомнил анекдот про психов и похлопал у придурка перед носом в ладоши.

— Вы что делаете? — шепотом поинтересовался он.

— Крокодилов пугаю, — так же шепотом ответил я.

— Но никого же нету? — перепуганно глядя по сторонам, прошептал придурок.

— Потому и нету, что не любят они этого, — стараясь не заржать, еще более таинственно прошептал я.

С тех пор, гуляя по замку, иногда можно было встретить психов с выпученными глазками, усиленно хлопающих в ладони они старательно разгоняли крокодилов.

Глава 13

УЖАС, ЛЕТАЮЩИЙ В НОЧИ

Убийство дяди я не планировал, хотя его смерть меня устроила бы невероятно. Но это уже классика когда человек совершает что-то, по его мнению, плохое, он потом всю жизнь вспоминает этот поступок и чувствует себя виноватым. И часто бывает неважно, украл ли он медвежонка в детском саду, обманул родителей или подставил друга. Сила подлости, как и важность события, каждым человеком воспринимается по-своему. В таких вещах существенно

не мнение других, а личное отношение к поступку.

А уж убийство или подстава под убийство, если, конечно, человек не маньяк, вспоминаться будет до последних мгновений жизни. Маньяком я себя не чувствовал, поэтому мне не хотелось портить себе будущее из-за этого козла. Но, чтобы облегчить жизнь тете Оливии и двоюродным сестрам, я решил запугать дядю до поросычьего визга. В случае удачи этот подонок будет занят борьбой с собственными страхами и перестанет доставать окружающих, они ему будут до лампочки.

Психи, разгоняющие крокодилов, создавали нужный фон для сдвигов. Все члены моей команды время от времени нашептывали на ушко слугам и стражникам о пользе метода похлопывания в ладоши, типа — не любят ОНИ этого. Все чаще можно было видеть, как слуги, испугавшись неважно чего, сразу начинали хлопать в ладоши.

Основной образ, которым мы решили запугивать дядю, был образ умершей по его вине девушки. Пару вечеров мы потратили на обучение Сэта принимать форму женской фигуры. Мне тоже изготовили специальное платье в виде лоскутков и раскрасили их раствором фосфора.

Подготовив все, мы двинулись на испытание. Сестрички, приодетые привидениями, крутились поблизости, явно нервничая. Сэт просочился в спальню дяди на разведку, ну и немного подготовить того морально. Минут через пять он вернулся и сообщил, что дядя уже не спит, сидит на кровати и, нервно выпучив глаза, следит за его полетами.

Что ж, клиент дозрел. Тихо открыв дверь, я прошмыгнул в комнату. У кровати дяди на столиках с двух сторон горело по свече. Они почти не рассеивали темноту, но пляшущее пламя создавало на стенах причудливо движущиеся тени.

Подойдя немного ближе, я распахнул плащ, скрывающий мои светящиеся лохмотья, и от всей души завыл, изображая плач. Затем заметался из стороны в сторону, представляя полеты и продолжая рыдать. Взыв, почти как я, дядя соскочил с противоположной стороны кровати, свалив столик со свечой.

Так и пожар устроить можно! Я бросился к упавшей свече. Дядя рванул вокруг кровати ко мне и уронил второй столик. Мне пришлось тушить еще одно вспыхнувшее пламя. Только оно угасло, как сзади меня стал догонять дядя, завершивший круг вокруг кровати. Взыв уже естественно, от испуга, я бросился от него вокруг того же мощного ложа. Нарезав несколько кругов, а дядя все не отставал, я догадался отскочить с траектории его бега. И, судорожно дыша, попытался понять, в какой стороне дверь.

— Сэт, где выход? Срочно показывай. Как-как! Да хоть голову брось в ту сторону! — тяжело дыша, зашептал я.

И этот придурочный дословно выполнил то, о чем я попросил: схватил свою голову за волосы рукой и бросил. Голова пролетела сквозь дверь, и оттуда послышался наполовину визг, наполовину вой. Судя по всему, необычный предмет вылетел прямо перед сестричками. Барон замер, выпучив глаза. Сэт теперь в виде безголового приведения носился перед ним, отвлекая, а я на полной скорости рванул в сторону скрывшейся головы. Но не попал в дверь, а со всей силы врезался в стену. Что-то откуда-то с грохотом посыпалось. Судорожно пошарив по стене, я, наконец, нашел ручку двери, резко ее дернул и выскочил из комнаты.

Выбежав в коридор, я рванул в сторону лаборатории, но не успел пробежать и десяти метров,

как навстречу мне выскочил псих, гоняющий крокодилов. Будучи уже несколько не в себе, я от неожиданности испугался и прижался к стене. Разгонятель крокодилов пробежал, не обращая ни на что внимания и сосредоточенно хлопая руками. Только я попытался двинуться дальше, стараясь успокоить сердцебиение и восстановить дыхание, как из-за угла появились верещащие сестрички и пронеслись мимо меня.

Не понял!! Они что, кругами бегают? Но поразмышлять мне не дали, через несколько секунд из-за того же угла бесшумно вылетел светящийся скелет. До меня только через минуту дошло, что это Рэм со скелетом на палке пробежал рядом, а шума его шагов я не слышал из-за топота сестричек и психов. Дур-до-ом!!!

Я сполз по стеночке и вытянул ноги. И только перевел дыхание, как в противоположную сторону от основного потока пронесся, завывая, Сэт, а за ним с небольшим отрывом летел Рэм со скелетиком. Поскольку ноги я не успел убрать, то братец полетел в буквальном смысле. Приземлялись они со скелетом долго и шумно. Сразу же после полного приземления Рэма выскочили воюющие сестрицы. Ноги я в последний момент подогнул, и они на полной скорости промчались по Рэму, окончательно втоптав его в скелет и размолов тот в труху. Да-а-а... Хороший был скелетик, вечная ему память.

Вспомнив, что фосфор ядовит, я быстро бросился к брату и срочно начал поднимать его. Да-а-а... Если бы я не знал, что это Рэм, впору было бы испугаться. Его балахон светился пятнами разного размера и интенсивности. Приказав брату немедленно закрыть глаза и дышать пореже, я потащил его во двор, чтобы там он мог снять балахон и умыться. Не знаю, как дядя и все остальные, а я на сегодняшнюю ночь свою порцию страшилок уже получил.

С этого дня дядя стал проводить большую часть ночи с друзьями, за совместной пьянкой, надираясь до состояния бревна. Под утро всех, дошедших до этого состояния, мои парни растаскивали на помойку и в навозную кучу. Таким образом мы пытались разогнать нахлебников и иметь больше доступа к самому барону. В какой-то момент, следя за надирающимися, я услышал, как дядя, дойдя до стадии «ты меня уважаешь», начал предлагать своему собутыльнику в жены Тинэю. Я похолодел: и девочку жалко, и Ирвин ее любит...

Врезав всем арсеналом по разговаривающим и приказав парням срочно растащить их, кого на помойку, а кого на навозную кучу, я рванул в комнату к тете.

— Тетушка, просыпайтесь! Беда! — заорал я, залетая в спальню.

Она в испуге села, поводя круглыми глазами по сторонам.

— Это я, Лионелла. Я только что слышала, как дядюшка предлагал одному из пьянчуг Тинэю в жены, — с трудом переводя дыхание, выдал я.

Пару минут тетя смотрела на меня выпученными глазами, пытаюсь осмыслить мои слова, а затем громко зарыдала. Все мои попытки заставить ее прислушаться ко мне не привели к успеху. Пришлось бежать за поддержкой. Подняв Нирану и Нинэю, только недавно вернувшихся с полюбившихся им еженощных прогулок по замку, я сообщил им новость. Нинэя, как и баронесса, тут же начала реветь. Приказал Ниране успокоить ее и обеим бежать к тете. В качестве успокоения сообщил, что у меня есть план. Потом рванул за Рэмом, разбудив по дороге своих парней, не находящихся на дежурстве. С Рэмом мы побежали за Тинэей. Помня реакцию тети и Нинэи, я сообщил Тинэе только, что тете плохо и требуется ее присутствие.

Через полчаса мы все собрались в тетиной спальне, и я снова огласил проблему. Тинэя,

услышав такое, пару минут сидела, застыв как статуя, а затем, зарыдав, упала лицом на кровать. Наши попытки ее успокоить к успеху не приводили — наоборот, к ней присоединилась вся женская часть нашего собрания. Минут двадцать стоял рев и гвалт, сквозь который нельзя было прорваться. Через какое-то время народ начал уставать и выдыхаться.

— Тетушка, как я понимаю, вы любите Тинэю, как свою дочь, и не желаете ей несчастья такого замужества? — максимально громко произнес я, стараясь перекричать шум.

Графиня лишь качнула утвердительно головой, продолжая тихонько плакать. Шум начал понемногу спадать, и все постепенно поднимали на меня заплаканные глаза, в которых загоралась надежда.

— У нас есть единственный шанс. Поймите меня, я говорю совершенно серьезно, единственный! — сообщил я им с максимальным пафосом и сделал длинную паузу.

В комнате установилась полная тишина. Заткнулась даже Тинэя. Я же не знал, с чего начать. Мое предложение, поданное неправильно, могли и отвергнуть, поскольку оно не согласовывалось с этикетом и понятиями приличия. И это несмотря на то что поведение дяди не соответствует всему этому еще больше! В общем, во все времена и любых мирах полно мазохистов, любящих загнать себя в полную задницу. Для этого они придумывают для себя какие-то причины, которыми не в силах пренебречь. А на самом деле, чтобы что-то изменить в себе или в своей жизни, необходимо просто действовать. Но народ чаще всего не желает палец о палец ударить, а потом ноют на каждом углу, какие они несчастные, обдирая со слушателей энергию под это дело.

Памятуя о забитости тетушки и ее дочерей, подводить их к верному решению надо осторожно.

— Если вы помните, то друзья и собутыльники дяди являются такими же чудовищами, как и он сам. Это значит, жизнь Тинэи будет очень похожа на жизнь тетушки Оливии. — Я сделал паузу, чтобы до них дошел ужасный смысл сказанного.

Тинэя снова зарыдала.

— Хочешь ли ты жить с человеком, похожим по поведению на твоего отца? — обратился я к двоюродной сестре.

Та усиленно замотала головой из стороны в сторону и заревела еще громче. Блин! Я горло сорву, пока их всех перекрикивать буду.

— Хотите ли вы, тетушка, для дочери семейной жизни, подобной вашей? — Получив отрицательный ответ, я продолжил развивать свое наступление. — Единственный способ избежать нежелательного замужества — это оформить желательное замужество, — выдал я.

Все взглянули на меня как на дуру. С соображением у них все же явно плохо!

— Пока Ирвин гостил здесь, он влюбился в Тинэю, она тоже не осталась равнодушна к нему, — сделав паузу, я посмотрел на кузину. Сестрица, застеснявшись, не отрывая рук от лица, утвердительно кивнула. — Сейчас мы собираемся и быстро-быстро едем в наше имение. Захватываем Ирвина и папу и мчимся в Торнск. По приезде проводим их венчание в храме Великой Матери, тогда никто не будет вправе разорвать или не признать сей союз. После процедуры бегом возвращаемся сюда и, пока кто-нибудь не коснется темы про замужество, будем молчать как партизаны, — провозгласил я радостным тоном.

Все сидели молча и с видом полной пришибленности. Их можно понять, это вам не два пальца обо... но если сейчас опустить руки, то можно получить в личное пользование черта с адом в придачу.

Часа четыре ушло на уговоры и уламывания трусишек. Зато потом, когда приняли решение, мы собрались за полчаса и все-таки успели выехать из замка, правда, почти на рассвете. Рэм и Нирана остались присматривать за слугами, а также поить дядю и его компанию снотворным, чтоб до нашего приезда никто не начал нас разыскивать.

Добрались мы до дома за рекордно короткое время. Здесь все еще спали. Пока приехавшие отдохали и завтракали, я разбудил Лори и Арни, рассказал им, в чем дело, и уже с ними рванул поднимать папика и Ирвина. За этим процессом нас застал спустившийся с верхнего этажа магистр Жаколио и, узнав что случилось, тоже рекомендовал поспешить в Торнск.

Оставив присматривать за имением Арни и Крису, через час мы уже мчались по направлению к городу. В карете тетюшка Оливия сидела рядом с папиком, а Тинэя — с Ирвином. И, как и ожидалось, мы получили четыре радостных лица и четыре пары глаз, сверкавших отсутствием интеллекта. Я же разместился с магистром и полдороги выпытывал у него, какие существуют правила и законы на передачу наследства и вхождение во владение им... Меня интересовало все, что он смог вспомнить на эту тему. Оставшееся от расспросов время пытался отоспаться за бессонную ночь.

Приехав в город, мы сразу направились к магистру Трэвору. Радостный маг, предвкушая развлечение, усадил нас за стол, накормив, провел в гостиную и потребовал подробного отчета. Докладывать я предпочел сам, остальные сидели молча и только кивали головами. Как только рассказ дошел до предстоящей женитьбы, папик и Ирвин вскрикнули и выпучили глаза. Остальные недоуменно уставились на них. Оказалось, что главным героям действия в спешке не сообщили, зачем мы едем. Еще час разъясняли и уговаривали Ирвина и папу, что женитьба — это не страшно, жить Ирвин будет, и, возможно, даже лучше, чем сейчас...

Магистр Трэвор, глядя на все эти уговоры, потешался от души. Как оказалось, и в этом мире существует очередь на всякие бракосочетательные мероприятия. Пришлось магистру подключать своих знакомых, а тем, в свою очередь, своих знакомых и через знакомых... Короче, на следующий день в районе обеда Ирвина с Тинэей повенчали. Единственная заминка произошла, когда им понадобилось «да» говорить. Пришлось жениха и невесту в спину толкать и подсказывать, а когда до «поцеловать» добрались, то они долго краснели и мялись, а затем наградили друг друга пионерским поцелуем и далее уже ни на что не реагировали. М-да-а-а. При таком подходе к семейной жизни наследников от них не скорождемся.

Вечером мы успели выступить в трактире, а затем дома у магистра отпраздновать свадьбу Ирвина и Тинэи. Что будет дальше, неизвестно, но в этот момент было приятно смотреть на счастливые лица брата и кузины. Рано утром тетя потребовала возвращаться, хотя все хотели задержаться еще хотя бы на день. Но пришлось собираться и ехать, чтобы не доводить Оливию до нервного срыва. Она и так чудом согласилась повернуть эту авантюру.

Доехали мы без всяких приключений, по дороге оставив папика, магистра и Лори домой. Ирвина магистр рекомендовал взять с собой. Мне было поручено обеспечить, чтобы дядя и его самые верные слуги не встречались с Ирвином. Надо было поить их галлюциногенным или снотворным отварами, заставляя... находиться под гипнозом или еще чего, но они должны были сидеть по комнатам, а Ирвин — ходить то с тетей, то с Тинэей по замку и отдавать любые мелкие указания, чтоб его видели как можно больше слуг. Да-а уж... Задача не из легких...

Дальше наша жизнь опять пошла по-старому. Мы продолжали гонять по замку в светящихся балахонах, выть дурными голосами, подливать местным растворы разной степени вредности, гоняться за особо противными личностями... И когда это должно было закончиться, никто не знал. Однако...

Как-то поздним вечером, пробегая по двору за одним редисоном, я случайно заметил медленно открывающуюся боковую калитку. Оставив преследование, я спрятался за угол и стал наблюдать. В темноте слуги старались без особой необходимости не шляться по замку, а уж выходить за ворота даже и не помышляли. Потому меня и заинтересовала эта калитка, тем более открывали ее так медленно, осторожно, словно кто-то хотел остаться незамеченным.

И вот в образовавшемся проеме показалась голова. Судя по высоте, на которой она замаячила, к нам пожаловал мужик немаленького роста. О-о-очень любопытно. Осмотрев двор и никого не заметив (редисон в это время уже смотался), гость крадучись двинулся к боковому входу, которым пользовались слуги. Судя по уверенной походке, он явно знал куда шел. В близлежащих деревьях рассказывали ужастики о замке, и после захода солнца никто из местных даже не приближался к воротам. Неужели нашелся сумасшедший пограбить замок с привидениями?!

В предвкушении развлечения я, стараясь быть незамеченным, двигался за мужичком. Перед поворотом коридора откуда-то сбоку кто-то выскочил. Мы с мужиком оба быстро прижались к стене. Выбежавший оказался одним из психов, гоняющих крокодилов. Хлопая в ладоши и не обращая ни на кого внимания, он пробежал мимо нас и скрылся в каком-то из ответвлений. Я на этих бегунов уже насмотрелся, а мужик, похоже, нет. Видимо, он восстанавливал дыхание, поскольку еще несколько минут не шевелился. Только мы успели сделать по паре шагов, как, воя и хихикая, промчались мимо нас Нирана с Нинэей, одетые и разукрашенные как привидения. Девчонки явно вошли во вкус и шалили почти каждую ночь. Мы снова прижались к стене.

В этот раз мужик восстанавливал дыхание, или чего там еще, несколько дольше. При следующей попытке продвинуться мы успели сделать шагов пять, и псих «похлопал» мимо нас в обратную сторону. Через минуту промчался еще один хлопатель... еще через две — вдогонку за ними пронеслись воюющие сестрички. Да-а-а... Ну у нас и трафик. Мы так до утра один коридор не пройдем, а ведь впереди, если мне не изменяет память, еще и любимое место развлечения Сэта. Я смотрю, мне действительно удалось сделать из замка сумасшедший дом.

Видя, что на него никто из пробегающих не обращает внимания, мужик осмелел и по стеночке двинулся дальше. Уже успел привыкнуть?! Даже странно, какие крепкие нервы у него. Дойдя до развилки коридора, он свернул в противоположную, чем я думал, сторону. В момент поворота далекий факел слегка осветил его лицо плюс блики от установленных свечей с шарами. Что-то знакомое почувлилось мне в его силуэте и бородатой морде. Когда предполагаемый грабитель свернул в коридор, ведущий в сторону спальни графа, и замер, прислушиваясь, я вдруг вспомнил.

Крадущийся мужик показался мне похожим на отца замученной девушки!.. Пока я размышлял, он это или не он и что мне делать, объект слежки помчался по коридору с невероятной скоростью для такой массивной фигуры. Пробежав последние десять метров до спальни барона, он вломился туда, распахнув двери ногой и сразу же захлопнув их за собой. И тут же из комнаты послышались крики о помощи.

Та-ак... Спасать барона было не в моих интересах, да и вряд ли получится. Выгораживать

мстителя нельзя, чтобы меня не обвинили в соучастии, да и нужен был нам конкретный и посторонний виновник смерти этого домашнего изверга. А если мужику удастся дядюшку прибить, то посадим его в тюрьму, а через годик или два потихоньку выпустим да отвезем куда подальше. Пусть живет и радуется. Хотя чему уж тут...

Сбежав за своими парнями, я поставил двоих следить за спальней дяди. Если преступник начнет уходить, нужно поднять шум, чтобы стража его схватила, а если никто не будет выходить, то шума не поднимать. Утром слуги по-любому в спальню зайдут и сами все увидят. Пришлось также срочно послать Нэта за магистром Жаколио и отцом, пусть едут, а самому бежать будить всех своих и знакомить их с инструкциями, которые мне выдал магистр Трэвор как раз для подобного случая. Услышав про мужика, тетушка попыталась броситься дяде на помощь. Временами народ бывает такой тупой... Ну и что она может сделать против здорового вооруженного лихоимца? И главное, что непонятно, зачем? Он ей создал настоящий ад на земле, и не только ей, а она с заботой...

Пришлось долго втолковывать, что спасти ее мужа поздно, он уже труп. Однако если она сейчас упустит момент и не поступит так, как я подскажу, то имение может быть передано по наследству брату дяди. Тот был такой же скотиной и сейчас находился среди собутыльников.

— Вы поймите, тетушка, по ныне существующим законам женщине получить право распоряжаться имением хоть и возможно, но очень сложно, а при наличии брата у бывшего хозяина такой расклад вообще близок к нереальному. В этом случае вы с дочерьми попадаете под власть наследника, и он будет вправе сделать с вами что пожелает. Хотите ли вы этого? — Я старался говорить как можно четче и медленней, чтоб она прониклась своим положением и ничего не испортила.

Когда до тети и ее дочерей дошло, о чем я говорю, они от ужаса оцепенели. Так. Поняли, прониклись. Это хорошо. Дальше я начал ее и Ирвина инструктировать. Показывать свитки с законами, разъяснять каждый пункт и требовать выучить все дословно. Учили мы до утра, а затем я пошел проверять, как наши дела.

До утра мужик так и не вышел, а утром слуги подняли шум: барон, мол, убит, а убийца... все еще в его комнате. Вызвали стражу, управляющего, местного мага-алкоголика, пытались зачем-то растолкать собутыльников барона. К этому времени подъехали магистр Жаколио с папашей.

Мужик, не таясь, признался, что зарезал убийцу своей дочери, и его сразу отправили в темницу. Затем все мужчины по очереди прошли в спальню и удостоверились в том, что убитый — барон Гарнэлл и что он мертв. После этого все собрались в малой гостиной, и был составлен документ о происшествии, который и подписали все присутствующие.

Следующим актом марлезонского балета было выступление баронессы. Выйдя вперед, неожиданно для всех тетя Оливия провозгласила:

— На основании закона о наследовании, выпущенного в таком-то году, я, баронесса Оливия Гарнэлл, как жена барона, покойного хозяина этого имения, признаю право наследования замка и всего имеющегося имущества за мужем своей дочери, Тинэи Гарнэлл, графом Ирвином Гросарро!

Не давая никому времени среагировать, Ирвин скромно объявил, что принимает все заботы о замке и имении, и поклялся опекать и уважать свою жену, ее мать и младшую сестру. Первыми, как свидетели, признали факт передачи магистр Жаколио и папик, затем мы

заставили пьяных и ничего не понимающих собутыльников дяди произнести и подписать признание договора. Тут же подписались управляющий, маг-алкоголик и начальник стражи. Вот уж после чего мы вздохнули с облегчением! Какое счастье, что друзья барона были еще здесь, да и сам предполагаемый наследник присутствовал! И все они подписали необходимые документы. Теперь отменить передачу наследства не мог даже Высший Совет или король.

Взвалив на управляющего все хлопоты по подготовке к похоронам и приказав отправить по домам собутыльников дяди, мы удалились в малую гостиную. Сидели молча, переваривали случившееся. Судя по глазам, все были довольны, просто при покойнике в доме считали неприличным радоваться вслух.

А уж как я был рад!!! Мне уже не надо было беспокоиться о женитьбе Ирвина. Рэм, как наследник и будущий владелец замка графов Гросарро, становился видным женихом...

Похороны прошли быстро. Кроме нескольких особо доверенных слуг, никто не жалел о смерти хозяина. Этих самых доверенных отослали в тот же день в село. В замке полным ходом шли перестановки и ремонт, чтоб ничего не напоминало о прежнем хозяине.

Постучавшись в комнату к Тинэе и дождавшись приглашения, я вошел. Она сидела на кровати в полураздетом виде и задумчиво рассматривала что-то на потолке. Пришлось поприветствовать ее пару раз, прежде чем она опустила на меня глаза. И в тот же момент завизжав так, что я подпрыгнул на месте от неожиданности, она встала на четвереньки на кровати и спрятала голову под подушку. Визжать она не прекратила, но слышно ее было слабо. Оглянувшись, я увидел Сэта.

— Мы же договорились, что ты влетишь после того, как я ей все объясню, — укорил я привидение.

— Я так давно не общался... И не терпелось поскорее познакомиться с моей прапракакой-то там внучкой, — виновато пожав прозрачными плечами и задрал глазки к потолку, почти провыл Сэт.

— Ну вот, можешь пообщаться с ее задницей, раз так тебе не терпелось, — недовольно посоветовал я.

Обходя кровать по кругу, я с интересом рассматривал сестричку. Интересная композиция... По-моему, я ее уже где-то видел. Страусов могу не считать... О! Точно! В мультиках и детских фильмах! Там дети так прятались. Теперь ее бы чем-то успокоить... По торцу, может, врезать? Хм... Хм...

— Сестричка, тут к тебе в гости прапрадедущка пришел, а ты к нему сразу зад... э-э... спиной повернулась, а голову вообще под подушку спрятала. Фи-и-и! Как невоспитанно и невежливо. А еще графиня. Прадедущка может обидеться, — нашептывал я, приподняв край подушки.

Как только я заговорил, она замолчала и стала прислушиваться. Когда я закончил свои объяснения, Тинэя резко вскочила и, спрыгнув с кровати и пригладив волосы, присела в реверансе. Лицо ее было пунцовым, а глаза она боялась оторвать от пола. Да-а-а... Великая сила — воспитание...

— П... п... пр-прошу пр... пр... простить меня, — выцокивала она зубами.

— Ничего страшного, деточка. Я не обижаюсь. Сам виноват, поторопился зайти без

представления. Ведь обещал, что появлюсь только после того, как Ли все тебе расскажет, но не сдержался, — извиняющимся тоном бормотал Сэт.

С трудом отодрав застывшую в реверансе Тинэю от пола, я подтолкнул девушку к кровати, усадил и накрыл одеялом. Зубы ее продолжали мелко стучать. Махнув Сэту свалить с глаз долой и дождавшись, пока тот отлетит за спину, рассказал вкратце его историю сестрице. К концу моего рассказа она немного успокоилась.

— Может, еще раз попытаемся познакомиться? — предложил я.

Тинэя судорожно кивнула головой. Сэт величественно выплыл из-за спины, придав себе вид безукоризненно одетого графа своей эпохи. Даже попытался выглядеть поплотнее. Сестричка снова вскочила и присела в реверансе. Но на этот раз зубы у нее стучали значительно тише, и она даже пробовала улыбаться, глядя на своего пра...дедушку. Как только с церемониями было покончено, мы уговорили ее забраться на кровать и снова замотаться в одеяло.

Разговаривали почти всю ночь. Я насколько смог подробно рассказал о природе привидений, Сэт вспоминал все, что когда-то знал. Тинэя немного освоилась и даже задала несколько вопросов. Главное было достигнуто: девушка перестала бояться Сэта и со временем могла составить ему компанию в умных беседах. Ведь мы собирались уезжать, а Сэт после столь активного и веселого времяпрепровождения мог и заскучать, а то и совсем расстроиться.

Обо всем сразу не расскажешь. Так вот, все время нашего проживания в замке Гарнэллов мы не прекращали тренировки. Для этого каждое утро команда бежала в ближайшую рощу. Как-то утром, вскоре после похорон графа, перед началом занятий в роще, я услышал плач. Махнув своим, чтобы начинали, я пошел на звуки всхлипываний и причитаний. Плакала молоденькая девушка очень приятной наружности. Подсев к ней, я начал расспрашивать о проблемах, которые могли заставить такую красавицу расстроиться. Разговорить печальную особу стоило больших трудов и долгого времени. Моя команда, закончив тренировку, уже ушла в замок, а я все еще выяснял у девушки причину ее слез.

Оказалось, она — одна из тех, с кем развлекался барон. Для нее, как и для всех побывавших у графа женщин, начался сущий кошмар. Оказывается, девушек дразнят и обзывают свои же, деревенские, швыряют в них камни, тянут в кусты. При попытке сопротивляться орут, что, мол, графьям можно, а мы не хуже... И никого не интересует, что не по своей воле они там были. Уехать из деревни им просто некуда. Да уж, ситуация. Как и во все времена, жестокость — главное качество нищих независимо от того, как ты попал на дно и хочешь ли так жить дальше, окружающие просто не позволят тебе подняться...

Подумав, я предложил ей привести всех желающих девушек к нам на тренировки. Пусть посмотрят на то, чему я смогу их научить. И если они с полной отдачей будут заниматься, то ни один мужчина без их разрешения не сможет даже приблизиться к ним. А если они выучатся, то смогут работать телохранителями и быть на полном обеспечении того, кому будут служить.

Через три дня рядом с нами на поляне для тренировок выстроилось пятнадцать девушек от четырнадцати до девятнадцати лет. Лица у них были невероятно жесткие, словно окаменевшие. Они собирались мстить, и, глядя на них, так и хотелось сказать: ну, редиски, берегись!

Девчонок разместили в трех комнатах в крыле для обслуживающего персонала. Все слуги Гарнэллов, способные шить, три дня не выпускали иголку из рук и сшили девочкам по три

комплекта одежды. Это был однообразный набор из широких брюк и курточек с большим количеством карманов. По их просьбе одежда не была украшена. Судя по их поведению, они не планировали становиться в будущем женами и матерями. А уж с каким рвением девчонки взялись за тренировки, это просто поражало! Одевались и питались сейчас они даже лучше, чем до происшествия. И более всего им нравилось, что деревенские стали бояться их и обходить стороной.

Тренировались они все свободное от сна и еды время. Мы, заканчивая тренировку, уходили в замок, а девочки просили разрешения остаться и продолжали заниматься. Приходили лишь на обед и часовой отдых, и снова на поляну.

Чтоб они сами себя не утомили, я приказал им посвящать время после ужина и до сна пению. Никакие отговорки, типа нет слуха или голоса, меня не впечатляли. Я помнил конкретный пример из прошлой жизни в другом мире, как одна девица без слуха и голоса все свободное и несвободное время более года пела «Ом» с концентрацией в районе нёба. Нельзя сказать, что слуха у нее совсем не было, она четко слышала любую фальшь в музыке, но сама спеть не могла, фальшивила немилосердно. Пока она выла, как водопроводная труба, народ старался находиться от нее подальше. Но ее это не останавливало, так что «выла» она часа по четыре в день минимум. Где-то через год ее пение начало звучать все правильнее и правильнее, а какой мощный и красивый голос получился, просто ах! и ох!..

Так что нашим девицам было сказано: от песен не отлынивать.

Когда мы собрались уезжать и уже назначили время, Сэт прямо сошел с ума, если, конечно, можно еще с чего-то сойти в его положении. Плача и стона, он все ночи напролет непрерывно перемещался из одной спальни в другую, не давая нам нормально отдохнуть. Попытка заставить его замолчать успеха не приносила. Рыдая и упрекая нас в том, что вот только привык, только нашел с кем побеседовать об умных вещах, и пошалить, и посмеяться... а мы, такие жестокие, его бросаем... Он достал нас по самое некуда.

Никто и не спорит, что мужик он, в смысле привидение, классный, да и с его участием розыгрыши и шутки получались смешными и интересными. Правда, смешными только для нас, но это все мелочи.

Все что я читал в моем мире по поводу привидений, говорило о том, что возникновение их зависело от силы страсти, влечения, какой-то привязанности в материальном мире, которая не позволяла им полностью уйти из жизни. Наиболее частые привязки привидений — к замку, к дому или к какой-либо ценной вещи. И насколько я помню, удаляться от привязок далеко привидения не могут. Все это я и выложил Сэту. М-да-а... Лучше бы молчал. Выть и рыдать он стал громче и сильнее, а мелькать и носиться — быстрее.

Пришлось вызывать магистра Жаколио и просить помочь. Род, передавший мою просьбу магу, сразу указал и причину, так что магистр приехал уже с книгами. После знакомства и длительной беседы, Сэту было предложено развоплощение или длительный ритуал по привязке его к какой-либо вещи, которую я могу таскать с собой. Развоплощение (или другими словами освобождение от привязанности к этому миру и месту) и возможность дальнейшего перерождения почему-то Сэта не устроили. Он пожелал остаться привидением. В качестве привязки решено было использовать что-то из золота, чтобы в случае потери не болтаться Сэту из-за этой вещи на помойке — золото всегда кто-нибудь да подберет.

Пришлось разыскивать кости Сэта, толочь их в ступке, добавлять кое-что из алхимических

препаратов, так как это была одна из его привязок, плавить золото... Ушло на все это два дня и куча нервов, но в итоге простенький золотой амулет был сделан, и мы тут же его испробовали. Ближе к полуночи, надев на себя амулет, я с четверкой парней уехал от замка на расстояние в час пути, а затем вернулся. Все это время Сэт носился вокруг нас как сумасшедший и выл дурным от счастья голосом. Глядя на него, сложно было поверить, что в момент его смерти ему было уже тридцать семь лет.

Оставив Арни руководить в замке Гарнэллов, чтобы не отвлекать Ирвина и Тинэю от проведения своего медового месяца, и забрав тетю Оливию и Нинэю с собой, мы поехали домой.

Причем прямо перед отъездом я особое внимание уделил организации и развитию службы безопасности. Ее нужно было структурировать и увеличить. Пришлось, например, оставить четверых парней из команды для охраны Ирвина и Тинэи. Меньше ведь и не оставишь: двое на постоянном дежурстве, один отдыхает, а еще один будет тренировать такую же команду из сирот, как и у нас в замке (ее они должны набрать себе в ближайшую неделю).

Еще троих придется оставлять с Рэмом. Он как наследник и будущий хозяин имения теперь должен посвятить почти все свое время обучению управлению этим самым имением, значит, будет ездить в город. К тому же у меня еще две сестры да папа с тетей Оливией. Надумают куда-нибудь поехать — охрану надо будет обеспечивать. Короче, не напасешься. Впрочем все же у меня появилось пополнение из девчат в команде!

Глава 14

КОРОЛЕВСКИЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ

Урожай был наконец собран и обмолочен. Несколько походов всем составом за ягодами, орехами и грибами прошли успешно. И несмотря на то что часть собранного была роздана крестьянам, оставшееся еще неделю перерабатывали на кухне. Ягоды и грибы сушили в духовках и ссыпали в большие глиняные горшки.

На дальние озера была послана бригада для ловли рыбы, вернулась она с несколькими бочками слегка подсоленного язя, которого мы частично покоптили, частично посушили. Голод имению не грозил, а весной, если что останется, можно будет и на ярмарке продать. Полным ходом шла заготовка дров для замка и жителей деревень. В общем, я хозяйствовал вовсю: с толком, с чувством и желанием. Наверное, поэтому и получалось.

Дело шло к зиме, а значит, и времени свободного у жителей становилось больше. Стоило бы придумать, как превратить это свободное время в деньги.

Как только выдавалась минутка, тут же начинали прокручиваться в голове кусочки прошлой жизни. Я пытался найти в памяти какие-то идеи, могущие без особых затрат и проблем быть применены здесь и способные принести хоть какую-то прибыль. В один из вечеров мне вспомнились мои страдания на тему макраме.

Когда я учился в школе в десятом классе, все подружки мамы увлеклись этим плетением. Сумки там всякие плели, занавески, одна даже кофточку себе сплела. Маман тоже на это дело клюнула. Достала у подруг описание, как и что делать, и стартовала, но нитки взяла синтетические... а узлы надо было затягивать как можно круче...

Порезав пару раз руки нитками, она начала планомерную осаду меня любимого. Глядя, что на уговоры и угрозы я не реагирую, подкупила она меня чем-то. Чем — уже не помню, но две

недели затягивания узлов очень четко сохранились в памяти. Удовольствие было гора-а-аздо ниже среднего. Меня сестра смогла раскрутить сделать ей похожую сумку только через год. И уговаривала она кое-чем более серьезным.

Потратив несколько вечеров на воспоминания, мне удалось восстановить в памяти весь процесс, и через неделю десяток девушек уже обучался этому плетению. Через две недели они преподавали следующим двадцати ученицам, а я лишь время от времени следил за процессом. У меня появилась надежда к весенней ярмарке иметь большую партию оригинальных сумок, занавесок и платков на продажу. Яджина в это же время экспериментировала с красителями для первой партии изделий.

И еще одна идея — повысить бюджет нашего имения за счет полезных ископаемых — никак не хотела покидать меня. Для этого все семейство вместе с командой, в которую были включены даже мальчики матушки Биаты, обучалось у Яджины. Она объясняла нам основные свойства минералов, способов их поиска и последующей обработки. В процессе обучения обнаружилось, что Яджина владеет методом лозоходства, чему она добросовестно пыталась научить и нас. Не меньшее время мы посвящали изучению трав и прочей зелени, которую мы планировали собирать не только для себя, но и на продажу.

Я собирался к весне подготовить несколько самостоятельных групп геологов и отправить их в горы. Для этого готовились палатки, непромокаемые кожаные мешки, одежда, сушилось мясо и сухари, изготавливался специальный сыр. Мы также обучались разжигать огонь, готовить еду, укрываться от дождя. К весне, когда станет теплее, мы намеревались выбираться в горы и учиться ходить в связке.

В горах кричать — дело опасное, легко можно спровоцировать обвал. Пришлось вспоминать азбуку Морзе и морской семафор — световой и флажками, которые «у нас» я изучал целый год в заведении под названием Школа моряков и речников. Через год мы с другом перестали ее посещать — слишком далеко было ездить, но азбуку выучили так основательно, что даже подсказывали иногда друг другу на уроках, еле слышно отстукивая ответы по учебнику.

Как только температура в горах поднялась до приемлемого уровня, мы сначала всем кагалом, а затем разбиваясь на все более мелкие группы, стали устраивать походы по окрестностям. Вначале походы были однодневными — для внимательного ознакомления и исследования ближайшего пространства: вдруг повезет найти что-то. Затем планировалось увеличивать и время, и расстояние поисков.

Первые находки хоть и были небольшими, но очень порадовали меня. Мы нашли неплохой открытый участок с меловыми отложениями, небольшой открытый участок с медной рудой и, соответственно, с жилами малахита — спутником и производным меди. В горной речке, что в верховьях своих была лишь ручьем, было найдено немного золота. Это обнадеживало. В свое время я видел несколько фильмов, снятых по книгам Джека Лондона о золотой лихорадке, и на основе этой информации решил построить лагерь по намывке золота. Все теплое время года на золотоносном ручье должна была работать бригада старателей.

Жизнь в имении налаживалась. Мы перестали балансировать на грани разорения, а начали получать ощутимую прибыль. Что ж, свои обещания я держу.

Ранней весной, разделив все заготовки на три части, мы направили три группы в разные города на весенние ярмарки для сбыта продукции. Одна часть людей, под руководством Рэма и Кристи, под охраной поехала в Торнск. Город мы этот хорошо знали, жить наши собирались у

магистра Трэвора, днем торговать на ярмарке, а вечером выступать у Жака в трактире.

Вторую группу пристроили к каравану, посылаемому Ирвином из поместья Гарнэллов. Здесь охрану обеспечивал брат со своими людьми. Я же с Арни и всей оставшейся охраной потащились в более дальний город, для исследования перспективности здешнего рынка. Добирались мы долго, с ночевками в поле и лесу, но без проблем. Въехать в город у нас получилось где-то через пару часов после восхода, и мы сразу поехали на рынок. К нашей радости и удивлению, до вечера почти все распродали.

Оставалось часа четыре до захода солнца, и нам требовалось срочно найти место для отдыха. Арни пошел в город. Пока он с рекомендательным письмом наносил визит одному мужику, я, оставив охрану с телегами, решил посетить лавку ювелира, расположенную неподалеку, и продать кольца, доставшиеся нам от разбойников.

Мы с Сэмом зашли в лавку. Трое наших остались на улице. Ювелир долго крутил кольцо, зачем-то ходил в подсобку, что-то там делал, я даже устал ждать. Но тут в лавку ввалились стражники. Оказывается, этот прохвост послал своего пацаненка за стражей и ждал ее. Воякам он начал нести что-то типа: такое дорогое кольцо и у мальчишки, явно украл у кого-то. Городские блюстители порядка, не мудрствуя лукаво, потащили меня в управление.

Я был уверен, что со мной ничего плохого не может случиться, ведь у меня королевское охранное кольцо, и спокойно пошел со стражниками. Моим парням дал знак ничего не предпринимать, но известить о случившемся Арни. Двое из них пошли следом за нами, а один побежал к воспитателю. В управе я показал королевское кольцо, и меня сразу же повели к городовому и послали за королевским исполнителем.

Городничий с женой и двумя мелкими сыновьями с интересом рассматривали меня. Как себя вести, они еще не определились, поскольку если кольцо истинное, то по отношению ко мне следовало проявить максимальное уважение, если же нет...

Королевский исполнитель оказался подслеповатым хрычом лет пятидесяти, с задранной кверху подбородком и высокомерным взглядом. Взглянув на меня лишь мельком, он прокаркал:

— Такой маленький ребенок не может иметь один из высших знаков королевского благоволения. Выпороть. Десять палок, и в тюрьму. — Закончив говорить, он собрался уходить.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! А я-то губы раскатал — кольцо, кольцо... И ни разу даже не засомневался. А ведь стоило лишь подумать: ну какой взрослый поверит, что ребенку сам король дал охранное кольцо? Что же делать? Сам же, как агнец, пошел в эту ловушку. Народу и стражи вокруг — полно. Не отбить меня моим парням, только сами полягут. А если позволить себя выпороть и бросить в тюрьму, то могу не дожить до освобождения.

— Эй ты, индюк надутый, ты хоть бы на кольцо посмотрел. На нем же символ королевской власти, — попытался я привлечь внимание к кольцу. Вдруг одумается. Но тот только крикнул:

— Еще десять палок за оскорбление при исполнении, — и пошел, медленно, как цапля, дальше.

— И от меня за наглость — десять! — закричал городской.

Что ж, так и так смерть, но в бою интереснее. Посох и нож были у меня с собой, и, когда стражники рванули ко мне, я, опустившись в низкое мабу, начал движение. Будучи гораздо ниже уровня их груди, я легко избегал захвата и мог достать их колени кончиком моего

посоха. Краем глаза успел заметить, как мои парни таким же способом уменьшили маневренность стражников рядом с высоким семейством. Метнувшись в сторону городничего и увернувшись от парочки бегущих наперерез караульчиков, я подскочил к одному из сыновей главного городского стража порядка. Зажав левой рукой в захват шею пацана, правой приставил ему нож к боку. Рядом увидел в той же позиции Рода со вторым сыном главного козла.

— Прикажи всем прекратить беготню и стать у стены. Иначе тебе и твоим сыновьям не прожить долго.

Это был голос Арни.

Пошарив глазами, я нашел его держащим шею городского в таком же захвате.

— Вас все равно убьют, — прохрипела эта скотина.

— А вот тебя это интересовать уже не будет, — усмехнулся Арни.

В итоге, все находящиеся на площади стражники были согнаны под стену. Оружие у них отобрали и бросили в колодец, расположенный тут же во дворе. Послав своих за подставившим меня ювелиром, я обратил всю злость на еще одного подлеца. Королевский исполнитель, замерший в начале захвата посреди площади, так и продолжал высокомерно стоять там. Видно, считал себя слишком высокой шишкой и думал, что его никто не посмеет тронуть. Но он, кажется, забыл, что все произошедшее было делом его рук или, можно сказать, идиотизма. Быстро связав пацана, которого держал, и положив его рядом с уже обездвиженным братом, я подскочил к этому «славному» человеку и попросил парней схватить и нагнуть ко мне хрыча, а потом с силой ткнул перстнем исполнителю в нос. Либо опознав перстень, либо от ярости от такого обращения, но этот козел весь покрылся бурыми пятнами. Врезав ему кулаком с печаткой на пальце по лбу, от чего он взвыл дурным голосом, я обратился с речью к окружающим:

— Уважаемые, вы только посмотрите на этих так называемых представителей власти. Они позорят имя вашего замечательного города. Из-за них город мог быть ввергнут в большую беду. Они проигнорировали королевский знак защиты и напали на лицо, облеченное властью. За это король мог устроить карательные мероприятия по отношению к вам, — максимально громко, с чувством негодования и патетики, вещал я. — Они не только предали вас, но и короля! — продолжал завывать я дальше.

Народ сначала слушал меня недоверчиво. Затем, видно, определенные картины стали вырисовываться у них в головах, и на лицах появилось раздражение по отношению к вероятным нарушителям их благополучия.

— А откуда у тебя это кольцо и почему это король его тебе дал? — отозвался один гад из толпы. Чуть все дело не испортил, скотина! Но я нашелся:

— Вы только посмотрите на него! Он спрашивает, почему король дал кольцо!!! Он утверждает, что король должен отчитываться перед ним, кому и что он вручает?! Ты что, оспариваешь право короля на самостоятельные решения? Да это бунт! — к концу моей речи спрашивавший был уже о-чень далеко.

К этому времени на площадь приволокли провинившегося ювелира и заодно с ним три лавки. За считанные минуты ювелир, королевский исполнитель и городской лежали привязанные к лавкам лицом вниз в одном исподнем.

— А теперь, досточтимые жители этого славного города, мы накажем предателей короля. А также сейчас для вас будут вынесены несколько бочек вина, чтобы вы могли достойно отметить пресечение зла и могли уважать друг друга. — Фантазия моя иссякла. Я уже не знал что говорить, но при словах о вине народ возликовал, и дальше можно было уже не продолжать.

Пока ситуация не изменилась, я взял хлыст и со всей силы и от всей души отсчитал каждому по десять ударов — столько, сколько они просили для меня. Тут начали выкатывать бочки с вином и устанавливать прямо на площади. Пошла полномасштабная пьянка. Мы с парнями, сняв деньги, ценности и вещи с ювелира, исполнителя и городского и спрятав их понадежнее, увели этих типов в караулку, чтоб народ спьяну их не прибил. Хоть они и сволочи, но убивать их не стоило. Также увели с площади жену и детей городского домой, и рекомендовали им на всякий случай спрятаться.

Хорошенько хлебнув, народ начал требовать казнить предателей короля. Арни поднялся на возвышение и стал весьма искусно доказывать, что поскольку это предатели короля, то только король имеет право наказывать их. Затем призвал выбрать представителей от города и под их охраной отвезти этих самых предателей к королю. А чтоб не скучно было ехать, предложил выделить сопровождающим еще две бочки вина.

Предложение приняли на ура, и началось настоящее сражение с кружками в руках за честь предстать перед королем. Целые сутки стояли дебаты на эту тему. Выбывших уносили отсыпаться. Все это время мы сторожили «предателей». За дополнительные деньги мы принесли им в караулку постели, одежду, еду. А еще мы охраняли (по расценкам гвардейцев) дом городского от разграбления. Совершенно неожиданно мое незапланированное посещение ювелира оказалось очень прибыльным. После суток дебатов самые стойкие в числе десяти человек, поименовав себя представителями, на трех телегах с двумя бочками вина и тремя арестантами выехали в столицу. Чтоб представители все же добрались до столицы и не потеряли по дороге арестантов или не уморили их голодом, пришлось послать с ними двоих своих парней. От себя же я добавил письмо, запечатанное королевским перстнем, с требованием прочитать его вслух перед королем и придворными.

Приключения посланников нам рассказал Сэм, вернувшись из этого необычного путешествия. Когда они добрались до столицы и до королевского замка, в частности, им пришлось еще полдня ждать, пока король спустится к ним. Послушав невнятное блеянье представителей народа, Сэм попросил разрешения зачитать письмо, переданное с ними, и получил на это королевское разрешение.

«Эти безумцы проигнорировали Ваш знак защиты. Они поставили под сомнение саму Вашу способность принимать правильные решения и Ваше право действовать по своему усмотрению, — громко и с выражением читал Сэм. — Своими действиями они поставили под сомнение силу Вашего слова и действенность Вашего решения. Поскольку к кольцу не прилагалось инструкции по применению, то я посчитала себя вправе наказать преступников как физически, так и материально за оскорбление Вашего величества», — здесь Сэм сделал небольшую паузу.

После этих слов в ближайшем окружении короля раздались хмыканья и агаканья: «Кто б сомневался», «И тут своего не упустила», «Вот бесенок»...

Его величество и его Советник с трудом сдерживали смех.

— «Виновные были выпороты именно тем количеством ударов, каким грозили охраняемому Вашим кольцом. Кроме того, у них были изъяты все деньги и драгоценности в качестве моральной компенсации. Как несколько колосков не являются отражением поля, так и несколько идиотов чиновников или придворных не отражают короля. Ваша репутация и доверие народа в Ваших руках», — закончил читать Сэм.

— Хм... Хм... Ребенок оказался даже более активным, чем я мог предположить... А уж умен... не по годам, — озабоченно нахмутив брови, произнес его величество.

— Да как она смеет так говорить самому королю! Такая наглость достойна наказания! — возмутился один из стоящих в свите короля.

— Вы считаете, что я неправильно поступил, подарив кольцо девочке? Сомневаетесь в моей способности принимать верные решения? — грозным голосом спросил король.

Он явно искал кого-нибудь, на ком можно было сорвать свое раздражение. Придворный рухнул в обморок. Недовольно скривившись, король отвернулся, а тот шустро уполз от греха подальше.

— Насчет придурков придворных — это она, конечно, права... М-да... Ну и как ты посоветуешь выйти из этого щекотливого положения, Советник? — то ли грозно, то ли ехидно спросил его величество.

— Такая маленькая девочка — и такие большие проблемы... — заулыбался Советник, — и что самое удивительное, надо еще угадать, какое решение ее устроит. Остальные же проглотят любое и не поморщатся. — Он почти смеялся.

«Все действия и решения, совершенные и принятые в городе... ребенком, имеющим королевскую защиту, признать правомочными и справедливыми. От имени короля за урон, нанесенный королевскому слову, добавить провинившимся по десять батогов, лишить должности и отправить обратно. Тот, кто повторит подобную ошибку, будет казнен».

Такое королевское решение было объявлено глашатаями.

В затуманенные вином мозги послов города долго доходило, что ребенок действительно находится под защитой и покровительством короля. Но когда дошло, у них перед глазами возникла картина, что могло бы произойти с городом и его жителями, не освободись девочка сама. С фантазией у местных было все в порядке, поэтому от ужаса они почти протрезвели. В приказе не было уточнено, кто будет проводить исполнение приговора. Решив с этим не затягивать и побыстрее свалить с монарших глаз, так называемые представители положили приговоренных на край телеги, всыпали тем причитающееся и забросили их и повозку. Пока трое послов восхищались и расхваливали мудрость и дальновидность короля, остальные быстро разворачивали транспортное средство в сторону дома. Скорость, с которой они сваливали на своих телегах, была просто потрясающей. Те из послов, что решили попроситься с присутствовавшими при экзекуции горожанами, задержавшись лишь на пару минут для взаимных поклонов, потом полчаса бегом догоняли умчавшуюся тарантайку, да и то смогли это сделать только у самых городских ворот.

Мы же быстренько дораспродали все, что привезли, а также вещи и часть драгоценностей, снятых с нахалов, наехавших на меня, а затем уехали в соседний город, где и ожидали наших парней, сопровождавших городских представителей.

Место встречи мы оговорили заранее. Все же последние события оказались для меня немалым

стрессом, из-за чего мне не хотелось давать концерты в трактирах, и большую часть времени наша команда, можно сказать, отдыхала — тренировалась в ближайшем леске. Воспоминания придавали дополнительный стимул совершенствовать свои боевые навыки.

Дня через четыре после столь бурных событий мы сидели в трактире и обедали. Вдруг слышу, сзади двое разговаривают. Все слова не были слышны, но по отдельным из них: малый... исполнитель... мелочь наглая... король... — можно было догадаться, о ком речь. Ох меня и злость разобрала! Скоты, они еще меня обсуждать будут! Только начал разворачиваться, как один из говоривших вскочил (что-то он в окно увидел) и быстро вышел на улицу. Я, тихо подойдя к оставшемуся, сунул ему под нос руку с королевским перстнем:

— Ты что же это, скотина этакая, болтаешь? Да как ты смеешь оскорблять меня своей негодной интерпретацией моих действий?! Только материальная компенсация может помочь мне восстановить мое здоровье, разрушенное такой некачественной сплетней! — как можно более грозным голосом, но негромко выдал я.

По мере того как я говорил, лицо этого типа вытягивалось и бледнело, глаза округлялись, а челюсть начала мелко дрожать. Сидевшие за соседним столиком Арни и Криста еле сдерживались, чтобы не заржать. Этот тип, придерживая дрожащей рукой дрожащую же челюсть, замекал:

— Ме... Ме-э... Че-эго?..

— Материальную компенсацию давай, — коротко резюмировал я. И, не видя ни малейшего просвета в глазах у этого придурка, рявкнул: — Деньги гони за оскорбление достоинства!

Тот дрожащими руками отвязал кошель с деньгами и протянул мне. Там оказалось десять золотых и столько же серебра, по нынешним временам весьма приличная сумма. Я выгреб половину, остальное бросил ему обратно. Напоследок стукнув рукой по столу, отчего придурок аж подпрыгнул, я пересел за свой стол. Через минуту вернулся второй мужик. Не замечая состояния собеседника, он похлопал того по плечу, усаживаясь за стол:

— Ну что ты там про сволочь малую рассказывал?

У того чуть глаза из орбит не вылезли. Судорожно вскочив, с прямой спиной, на негнущихся ногах, боком и молча он попрыгал к дверям. Пришедший еще удивленно смотрел на уходившего, как вдруг перед его глазами возникла маленькая ручка с королевской печаткой.

— Так говоришь, сволочь малая? — по возможности грозно проговорил я.

Сидевший посмотрел на кольцо, затем на ускокавшего приятеля. Некоторое понимание промелькнуло в его глазах, и ужас наполнил их.

— Ты в курсе, что я еще ребенок? Психика у меня ранимая, а ты меня жутко оскорбляешь. Только некоторая материальная компенсация может меня вылечить, — с некоторым завыванием произнес я, помахивая рукой у него перед глазами, и, увидев непонимание, проступившее на его морде, зарычал: — Де-эньги...

Запуганный идиот, глядя на меня круглыми глазами, на автопилоте достал кошель. Я взял себе только половину, а этот придурок, как и предыдущий, тем же макаром встал из-за стола и рванул к двери. Только у него произошла заминка с выходом. Оказывается, проделать тот же фокус, в смысле покинуть помещение, нашлось много желающих. Они столпились в дверях, толкаясь и давя друг друга, но потом пробка все же рассосалась, и, удивленно оглянувшись, я

увидел, что в трактире, кроме нас, никого нет. Даже трактирщик под стойку забрался, только башмаки торчали. Арни с Кристой смеялись в полный голос. Тут же мне пришла идея... и мы рванули по ближайшим (и не очень) трактирам и городам...

Молва о грозном ребенке, имеющем покровительство короля и обладающем правом казнить и снимать с постов, разнеслась по стране. Но разговаривали об этом шепотом и с оглядкой. Поскольку, как рассказывали, этот ребенок время от времени незаметно подходил к сплетничающим о нем, тыкал под нос королевское кольцо и требовал материальной компенсации за моральный ущерб, нанесенный ранимой детской психике оскорбительной интерпретацией его действий. Не все и не до конца понимали, что он говорит, но все и сразу понимали, чего ему надо. Если денег в кошельке оказывалось мало, приходилось снимать украшения. Правда, не менее чем пара золотых всегда оставлялись дуракам — на дорогу домой.

Слухи росли и множились. С полом ребенка тоже никак не могли определиться: одни утверждали, что это девочка, другие — что мальчик. Но были и такие, которые уверяли, что он являлся им в виде бесенка. Судя по всему, сумма, изъятая этим предприимчивым чадом, была столь большой, что у рассказывающего от жадности темнело в глазах.

Говорили также, что его величество, слушая сплетни, приносимые его тайным отделом о проделках этого дитяти, веселился вовсю. И очень скоро одной из наиболее распространенных версий, учитывая невозможную благосклонность его величества, стало предположение, что это его внебрачный ребенок.

Но самым удивительным последствием всех этих событий было улучшение положения мелкого населения всей страны. При детях старались не обсуждать короля и политику, малышей меньше ругали, не били и почти не сажали в тюрьмы. Вся страна с содроганием вспоминала судьбу городского, ювелира и королевского исполнителя и к детям старалась относиться уважительно и предупредительно.

Глава 15

КОТЯТА

Вернулись мы в имение после пробежек по городам, заметно поправив наше финансовое положение. И, пока деньги не рассосались по мелким дыркам и чужим карманам, развернули капитальный ремонт замка.

Для проведения работ была приглашена бригада строителей из Торнска. За ней, естественно, приходилось постоянно присматривать, а то стоило только отойти куда-нибудь — и тут же начинался перекур. На уборке мусора и прочих вспомогательных работах были задействованы все члены команды и два десятка крестьян из имения. По прошлой жизни я знал: если пустить все на самотек, то дело может затянуться на годы.

Ремонт он и есть ремонт независимо от того, замок облагораживать или квартиру. Везде мусор и грязь; тут что-то пилят, там стучат; вещи переезжают с места на место... Кэран и тетушка Оливия почти сразу же сбежали домой. Папик продержался немного дольше, но однажды, зайдя в спальню и не найдя там кровати и шкафа с одеждой, он не стал их разыскивать, а поехал проведать Ирвина. Уезжая, вежливо попросил сообщить, когда ремонт закончится. Нам уезжать было нельзя, слишком большие дела предстояло осуществить. И не только по реконструкции замка.

Мне «местному» весной исполнилось четырнадцать, а Ниране и Лори — шестнадцать и

семнадцать. В таком возрасте в этом мире девушек уже выдавали замуж. Собрав информацию про всех соседей и просчитав возможные варианты для замужества моих сестер, я понял, что ничего подходящего для них в округе нет. Нам ведь были нужны очень богатые наследники.

Смотался в Торнск, проведал графов Нэрро и Сочено, с ними пообщался. Хорошо хоть Арни со мной был, придавал некоторую солидность беседе, а то графья как-то странно на меня поглядывали. Похоже, четырнадцатилетняя девчонка, беседующая о возможных кандидатах в мужа для ее старших сестер, казалась им полной экзотикой. А после длительных рассуждений магистра Трэвора о маловозможных вариантах в Торнске я решил следующей весной двигать прямо в столицу. Для воплощения такого грандиозного плана требовались большие деньги и крепкая охрана. Потому этим летом мы никуда не поехали, а отложили все на следующее. Нужно было собрать приличную сумму, и в горы без конца отправлялись новые и новые бригады: на сборы лекарственных трав и поиск руд.

Девочки из поместья тети Оливии настолько интенсивно и самоотверженно тренировались, что догнали моих парней в скорости и четкости выполнения приемов. За первую неделю пребывания в нашем замке они сломали пару рук, одну ногу и выбили какое-то количество зубов шутникам и ухажерам, с тех пор их обходили стороной, что еще больше вдохновило девчонок на совершенствование навыков. Глядя на эти неоспоримые успехи, я решил именно их взять в качестве охраны с собой в столицу. Поскольку там особо не побегаешь с арбалетами, следовало перейти на нунчаки и ножи. Нунчаки на шею повесить, косынку на них повязать — и никто не догадается, что это оружие. Предупредив о моем решении, я увеличил время тренировок и старался не дергать охрану по мелким вопросам.

Сэта мы поселили в лаборатории и познакомили с ним всех членов команды, попросив не показываться слугам на глаза. Лучше всего он сошелся с Яджиной и ее дочерью Юнэей. Когда они делали зелья или чего-то алхимичили, Сэт без перерыва носился вокруг и постоянно задавал вопросы. Я бы не выдержал и послал бы его, а они на все вопросы отвечали обстоятельно и доступно. Уходя в горы на несколько дней, я брал его с собой, в смысле брал амулет, к которому он был привязан, и по ночам, на стоянках, Сэт исполнял роль охраны.

Однажды, взяв с собой Рода и Сэма, я еще за пару часов до восхода отправился в горы. Мне хотелось уйти на разведку как можно дальше. Мы шли быстро и долго. Время приближалось к обеду, и стоило искать место под стоянку. Несмотря на усталость, настроение у нас было просто прекрасным. Бродить по горам в компании немногословных спутников мне нравилось больше, чем болтаться на балах.

Я поднялся еще на один уступ, и моему взору открылась очень удобная площадка, защищенная с трех сторон от ветра. Показав ребятам на нее, я крикнул, чтоб начинали готовить обед, а сам решил подняться еще чуть-чуть. Почти добравшись до намеченного выступа, я вдруг услышал странные звуки, они напоминали то ли писк птенцов, то ли плач детенышей какого-то зверька. Звук доносился со скалы, расположенной немного выше и сбоку от того места, где я находился. Медленно, постоянно оглядываясь, я полез в том направлении.

Когда моя голова показалась над уступом, я увидел на расстоянии вытянутой руки беленького котенка. Тот с жалобным мяуканьем полз к краю площадки. Я еле успел его ухватить. И тут же увидел, что рядом ползают и пищат еще двое. Котятам была пара недель от силы, они, похоже, проголодались, а их мама, кажется, отсутствовала пару или более дней. Котята — это, конечно, мягко сказано. Размером каждый из них был с домашнюю кошку. На руках их было не унести, пришлось снять рюкзак и затолкать зверьков в него. Самое удивительное, что они даже не

сопротивлялись. Видно, чувствовали, что хочу их спасти.

Когда я, стараясь быть максимально осторожным, спустился к своим, ужин был почти готов: вода в котелке кипела, и Сэм бросал в котелок травы, а Род заканчивал раскладывать хлеб, сыр и мясо. Стоило мне достать из рюкзака притихших котят, как парни в ужасе отшатнулись. Как оказалось, у диких кошек плохая репутация. Охотники старались их близко к себе не подпускать и в их владениях не охотиться. Мои попытки успокоить знатоков кошачьих повадок результата не принесли.

Плюнув на их страхи, я занялся котятами. Как только их достали, они тут же начали ползать вокруг меня и мяукать, смешно поводя носиками. Размочив сыр и хлеб в травяном чае, я разложил их на очищенных камнях тремя кучками. Им бы молочка, но где ж его здесь взять? Если голодные, то и это съедят, решил я. Они быстро проглотили свои кучки и, запищав еще громче, стали ползать уже не только вокруг меня, но и по мне. Пришлось приготовить еще немного смеси, а потом напоить их теплым чайком. Наевшись, они улеглись на меня — двое на колени, а один на плечи — и заснули. Котята спали так крепко, что даже последующее раскладывание их по рюкзакам и дорога в них до замка не нарушили этот сон.

Я даже не ожидал, насколько потрясу домашних такой добычей. Стоило котят достать, как народ в страхе разбежался. Потом еще несколько часов все привыкали к их присутствию. Даже магистр Жаколио спустился с башни и долго рассматривал малышей, ничего не говоря. Так молча и ушел, не реагируя на мои вопросы, — как за ними ухаживать. Типа, сам нашел — сам и извращайся.

Попытка пристроить диких котят во дворе успеха не имела. Если они просыпались и не видели меня рядом, то начинали так громко и жалобно пищать, ничего не ели — в общем, так страдали, что пришлось сделать им постель у себя в спальне, а на тренировки брать их с собой. Сначала приходилось таскать зверьков на руках, а через пару недель они уже сами семенили за мной гуськом, шипя и рыча на всех, неосторожно приблизившихся ко мне более чем на полтора метра.

Первую неделю котята казались мне похожими друг на друга, но со временем я стал легко их различать. Имена им я придумал немудреные — Кис, Мяв и Мур. Кис был самым маленьким по размеру и самым слабым. Не видя меня, он вопил истощеннее всех, а увидев, старался сразу забраться мне на плечи. После первых же порванных брюк, как только Кис просыпался, я поскорее укладывал его на плечи: не хотел остаться без одежды. Выглядели мы весьма экзотично. К этому времени Кис и компания увеличились вдвое в весе и в полтора раза в размерах.

Носить Киса становилось все тяжелее. Слава богу, что Мяв с Муром на плечи не лезли. Им хватало ползаний по мне лежащему или сидящему. Кис же не только лежал у меня на плечах, но и отлавливал неосторожно приблизившихся: резко бил лапой. После трех-четырех пострадавших меня стали обходить стороной. Даже за обедом приходилось сидеть подальше от всех. Мяв с Муром сторожили пространство внизу, у ног, а Кис — сверху. Все попытки хоть за столом посидеть без него ни к чему хорошему не привели. Он то лез по мне, разрывая одежду, то прыгал на стол и начинал ходить передо мной по тарелкам, мурча и пытаясь потереться о мое лицо, то, царапая обивку, карабкался по стулу.

Когда котят исполнилось месяцев четыре-пять, они стали уже не шипеть, а рычать на всех, попадающих в их поле зрения. Правда, не набрасывались еще ни на кого, но уже сейчас, как только мы выходили из комнаты или заходили в замок, перед нами пустели коридоры и по всему замку слышался стук захлопывающихся дверей. Котята стали представлять угрозу для

окружающих. Как ни жаль мне было с ними расставаться, но надо было отнести их в горы.

Уже вторую неделю я с питомцами жил в горах. В часе ходьбы от нас стояли лагерем мои парни. Дежурили они по двое и сменялись утром и вечером. В их обязанности входило присматривать за мной, а также приносить мне и котяткам еду и воду. Я же пробовал научить котят охотиться и вообще приучить их жить на природе, а не с людьми. Возможно, со стороны это выглядело смешно, как я ползал на четвереньках, прыгал, шипел и рычал, но мне не хотелось бросать малышей совсем уж беспомощными. Мне хотелось дать им навыки чего-то такого, чего и сам толком не знал, а эти паршивцы принимали все за игру и устраивали куча-малу.

Сегодня уже несколько часов подряд меня не отпускало ощущение, что кто-то за нами наблюдает. Я постоянно сканировал окружающее пространство, стараясь делать это незаметно. И все же когда на тропинке, ведущей к нашей площадке, возник взрослый кот, я здорово испугался. И не только за себя, но и за котят тоже. Котьяра был похож на наших снежных барсов, только размером с тигра. От неожиданности мы с котятами зашипели на пришельца. Сидя на земле, я потихоньку пытался достать оружие и оттолкнуть котят за спину. Пришелец зарычал. Малышня, заткнувшись, быстро рванула мне за спину. Высунув две головы у меня над плечами, а одну из-под руки, они очухались и тоже дружно зарычали.

Или у меня галюники, или пришедший взрослый кот действительно смотрел на нас с любопытством. Хотя по усато-волосатым мордам я не специалист. Котьяра снова зарычал и сделал шаг вперед. Но хоть ты тресни — ехидная была морда, ох ехидная. Малышня моя выверилась и полезла вперед. Кис активнее всего рванул, я еле успел схватить его за заднюю лапу. Не обращая на меня внимания, Кис греб остальными тремя и всю рычал на пришельца. Резко рванувшись, он все же выскользнул у меня из рук и, пролетев по инерции, врезался в кота. Тот ничего не предпринимал, рассматривал малыша, слегка наклонив голову. Когда же Кис попробовал его укусить, прижал того лапой к земле.

Я уже почти достал большой нож, когда неожиданно пришелец лизнул Киса в нос. Тот от растерянности замер и зашипел, прижав ушки к голове. Мур и Мяс тоже замолкли и опять забежали мне за спину. Просунув головы у меня под руками, они, тихо шипя, удивленно смотрели, как большой кот вылизывает Киса. А у малыша на морде было написано большими буквами: «И что мне теперь делать?»

Хм... Кажется, мне не нужно больше переживать за котят. Вероятно, пришелец был то ли матерью, то ли отцом, а может, у них принято подбирать и воспитывать покинутых детенышей. Теперь бы мне как-то свалить отсюда без проблем и в целом виде. Как будто поняв мои затруднения, котьяра взял Киса зубами за шкурку, прошел по краю нашей площадки, обходя ее по окружности, и улегся у скалы. Умостившись, он выпустил котенка. Тот сразу рванул ко мне за спину и настороженно выглядывал оттуда, тихонечко пофыркивая. Та-а-ак... Теперь следовало как-то спихнуть их новой няньке, а то, боюсь, если я начну уходить, малышня двинется следом.

Схватив Мява, я подтолкнул его в сторону кота. Тот прижал малыша, не ожидавшего от меня такой подлянки, и тоже начал вылизывать. Мяс сначала шипел, прижав ушки, а через несколько минут, успокоившись, даже немного помурчал. Но как только взрослый перестал его прижимать лапой, со всех ног бросился ко мне. М-да-а-а...

Мы еще пару часов развлекались таким макарон. Я одного толкаю взрослому коту, тот ловит и вылизывает, отпускает, малыш бежит ко мне... и так далее и в том же духе. Вскоре я

совершенно взмок. Они, конечно, малыши, но каждый выше кошки вдвое, а уж по весу... да на хороших-то харчах... Где-то через пару часов Мяв и Мур ко мне уже не бежали, но Кис упорно возвращался. При моих попытках уйти Кис бежал следом. Пронеся пару раз этого тяжеловозика, я умоляюще посмотрел на взрослого кота. Тому, судя по всему, вся эта канитель вообще нравилась, он развлекался.

— Да придержи ты его подольше! У меня уже нет сил таскаться с этим бегемотом! — в сердцах воскликнул я.

Понял ли котяра, что я сказал, не знаю, но, когда я в очередной раз толкнул к нему Киса, тот прижал его и начал вылизывать, а я бросился бежать, постоянно оглядываясь... По дороге захватил своих парней на соседней горе и снова побежал... И Кис нас так и не догнал. Не знаю, как уж котяра уговорил котенка, но у него получилось.

Несмотря на то что малышей я передал, так сказать, из рук в лапы, мысли о них постоянно крутились в моей голове. Все же дело шло к зиме, и местами в горах уже лежал снег, а зима во все времена и во всех мирах была для животных тяжелым временем. Беспокойство за малышей не отпускало меня ни на тренировках, ни на уроках Яджины. Даже занятия бухгалтерией не отвлекали меня. В какой-то момент, не выдержав, я собрал рюкзаки с мясом и, одевшись потеплее, с двумя парнями из команды ушел в горы.

Посетить я намеревался то место, где нашел котят и куда потом их вернул. Там была неплохая пещерка, вполне возможно, котята там могли и остаться на зиму. Пройдя половину пути, я понял, что несколько погорячился с походом. Дул сильный ветер, местами лежали нехилые сугробы, которые нам приходилось покорять, пропахивая и них глубокие борозды. Да и местность вокруг выглядела не так, как летом, поэтому мы могли и не найти то место, которое искали. Сил оставалось все меньше и меньше. Почти на автомате я стал шептать: «Кис... Мур... Мяв...»

Сколько мы так прошли, я не заметил, но в какой-то момент услышал тихий рык и мимо меня пролетел камень. Мы замерли. В ту же секунду на меня набросилось что-то белое, сбило с ног и накрыло с головой. Следующие ощущения напоминали замешивание теста. И тестом чувствовал себя я. В голове был полный бардак, но, когда мокрым наждаком прошлись по моему лицу, я выпучил глаза и увидел совсем рядом желтые глаза.

Бог ты мой!!! Котята!..

— Ки-и-ис!!! Скоти-ина!!! Му-ур... Мя-ав... — заорал я в порыве чувств.

В горах загудело, и я немедленно заткнулся, тревожно прислушиваясь. Котята тоже замерли. Где-то неподалеку сошла лавина, а сбоку кто-то тихо зарычал. Скопив глаза, я заметил на скале выше нас метров на пятнадцать взрослого кота, недовольно вззирающего на нас. Котята тоже посмотрели вверх, потом посмотрели на меня, и снова началось то, что мне показалось замешиванием меня любимого. Оказывается, это котята просто по мне толклись.

Я попытался сесть, но Кис тут же попробовал залезть мне на шею, и я снова рухнул в снег, задавленный их значительно подросшими тушками. А тут еще Мяв бросился лизаться своим наждачным языком. Не выдержав, я сердито зарычал. Котята замерли и удивленно посмотрели на меня. Пока они не шевелились, я резко вскочил, оседлал Киса и начал его тормозить и тискать, одновременно хватая за голову то Мура, то Мява и прижимая к себе. Даже и не заметил, как слезы потекли у меня по щекам. Котята несколько ошизели.

Они вытянулись почти вдвое, по сравнению с тем как я их оставил. А похудели-то как! Хотя

если трезво помыслить, то большинство подростков так и растет — сколько ни ест, только вверх и тянется. Но все равно жалко, свои же. Я бросился доставать мясо, которое тащил для них. Малышня, пока я старался развязать замерзшими руками рюкзак, терлась об меня как обычные домашние кошки. Но при своем весе они постоянно роняли меня в разные стороны и чуть было не сбросили вниз. Вовремя сверху послышался тихий рык, и котята немного уменьшили свой напор.

Блин!!! Я о людях так не скучал, как соскучился по малышам! Пока мои питомцы ели, я сбежал к парням, замершим в стороне, и забрал у них рюкзаки с мясом. Разложив почти все на три кучки, чтоб котята ели, я понес большой кусок взрослому коту. Я не обольщался и не планировал приблизиться совсем уж близко, но кот остановил меня рыком раньше, чем я думал. Оставив мясо на том месте, где меня остановили, я спустился к малышам. Съев все, что я им принес, котята снова начали месить меня. Какое-то время мы еще копошились, но тут послышался рык взрослого. Малыши замерли, а потом нехотя стали уходить от меня, напоследок облизав по очереди мне лицо.

Я стоял и растерянно смотрел им вслед. Слезы опять стали застилать мне глаза. Увижу ли я их еще когда-нибудь?! Смогу ли еще покормить? Если выпадет больше снега, то дойти сюда я уже не смогу... Настроение было просто ужасным.

И в этот момент перед моими глазами возникла картинка: идущий по горам взрослый кот с тремя малышами, цепочкой следующими за ним. Я помотал головой. И привидится же! Картинка на несколько секунд как будто исчезла и вновь появилась у меня перед глазами. Я удивленно «посмотрел» в глаза старшему. Тот смотрел на меня пристально, не мигая. От удивления я опустил в снег, открыв рот. Это он мне транслировал, что ли?! Да-а-а...

Материальный же котяра, выдав что-то типа мры-аа-ау-ау, показавшееся мне смехом, поднялся. Невдалеке от него мелькнули котята. Кис тащил кусок мяса, что я пытался отнести взрослому. В то же мгновение все пропали с наших глаз — то ли за камнями исчезли, то ли со снегом слились, но их не было видно. В этот момент у меня снова мелькнула картинка с кошачьим семейством перед глазами. Судя по деревьям на картинке, они уходили на юг.

Ну что ж! Счастливого пути! Малышей я увидел. Убедился, что у них все хорошо, что они под присмотром. Мне как-то сразу стало спокойнее на душе. В любом случае дикие кошки, от маленьких до больших, никогда не смогут стать домашними, им свобода нужна. Тяжело вздохнув, я вытер снегом заплаканное и облизанное лицо и, махнув своим парням, двинулся домой.

Все же хорошо, что я решил и сходил в горы. Увидев малышей, я успокоился и теперь мог полностью, не отвлекаясь, взяться за подготовку к отъезду в столицу.

Глава 16

УЖИН У ГРАФА СОЧЕНО

Посетив весеннюю ярмарку в Торнске и распродав все, что привезли, мы с сестричками снова выступали в трактире «У трех берез». Народ уже нас и наши выступления знал и, соответственно, очень ждал. Весть о том, что мы приехали и будем выступать, разлетелась быстро, и за пару часов все билеты были распроданы.

Поздно вечером мы сидели у магистра Трэвора дома и рассказывали о наших делах, узнавали, что нового в городе и какие слухи ходят о столице... В процессе разговора Жак, тоже приглашенный к магу, упомянул, что рядом с трактиром продается дом. Меня это

заинтересовало, и я стал расспрашивать подробности. Дом, рассказывал Жак, неплохой, но расположение рядом с трактиром — не лучший вариант для жилья, и, вероятно, из-за этого на него никак не найдется покупатель.

Мне пришла мысль купить сооружение и сделать в нем магазин, чтобы продавать товары из имения не только на ярмарках, но постоянно. Я тут же поделился этой идеей, все восприняли ее с энтузиазмом, и мы до утра обсуждали тонкости покупки. На следующий день мы с Жаком, магистром и Арни пошли смотреть дом, а еще через неделю были оформлены все документы и всю началось переоборудование приобретения под магазин.

В каждый свой приезд мы не забывали наносить визиты друзьям, графу Нэрро и маркизу Сочено. Как только они узнали о нашей аванюре с магазином, тут же присоединились к нам, подкинули немного денег и самое активное участие приняли в обсуждениях дизайна и продукции, которую стоило продавать... Кэран вообще целыми днями торчал у нас и даже помогал раскрашивать и украшать залы. Графья тоже забегали, но задерживались лишь на два-три часа, чтоб не подорвать свою репутацию. Несмотря на разницу в возрасте, они считали нас друзьями, были рады нам помочь. Мы действительно много общались. Как эти высокопоставленные особы утверждали, мы делали их жизнь интереснее и веселее.

Магазин решили назвать «Все с гор». Основным продуктом на продажу для начала должны были стать лекарственные травы, настойки и смеси, которые прекрасно делает Юнэя, дочь Яджины. Продажей предстояло заведовать матушке Биате, а двум ее старшим сыновьям мы поручили охранять предприятие. Также решено было выставить на продажу мел, поделки из макраме, полудрагоценных камней и многое другое...

Открытие магазина мы отпраздновали в узком семейном кругу плюс граф, маркиз и магистр, и на этом небольшом ужине маркиз Сочено пригласил нас на праздник в честь дня рождения Кэрана.

И вот этот день настал. Пока собирались гости, мы, устроившись на паре диванов и взяв в руки инструменты, пели. Чтобы не совсем шокировать гостей, маркиз попросил нас спеть несколько местных песен, разбавив их новыми. Кэран, приняв от очередного гостя поздравление и подарок, тут же подбегал и присоединялся к нашему пению. Он провел у нас в имении месяца четыре и теперь знал почти все наши песни. Его отец хоть и делал вид, что сердится, но все же был доволен переменами, происшедшими в поведении Кэрана.

Сестрички были очень рады снова попасть в общество. Мне такое времяпрепровождение не нравилось совсем, но ради радостных лиц родственниц я был готов и не на такое. Тупые великосветские разговоры и расшаркивания, глупые вопросы... О-ох...

Особенно меня обхаживал в этот вечер парниша по имени Тэрис. Пристал как банный лист! Пытался вытащить на каждый танец, приносил соки, пирожные, вещал какую-то замудрень... достал по полной. Послал бы я его, но Мэгам просил вести себя по возможности прилично. Намекал, что это важно для хозяев, гость у них какой-то крутой, вроде и инкогнито, но все его знают. Так что приходилось терпеть и на морде лица рисовать приятственную улыбочку. Только несколько раз удалось избавиться от ухажера — пару раз, когда я танцевал вальс с Кэраном, и пару раз, когда мы с сестрами пели для гостей. Ближе к концу вечера Тэрис потащил меня на балкон. Сестрички только посмеивались, видя мои мучения.

Вышли мы на балкон, и понеслись стихи из этого придурка. Стишки так себе, но пока Тэрис их читает, размахивая руками, то как бы случайно придвигается поближе. Я тоже как бы

случайно пару шагов назад... Минут десять мы маршировали таким макаром по балкону. Решив, что свою долю приличностей уже выполнил, я собрался, пока никто не видит, послать этого недоумка далеко и надолго, но в этот момент Тэрис сделал свои очередные два шага и схватил меня в объятия.

У меня от неожиданности челюсть отвисла. Блин! Что он собирается у меня нащупать? Мяса же почти нет, лишь немного мышц накачано! Худа и ребриста, как батарея парового отопления. В местах передне-верхнего прощупывания лишь пара прыщиков, можно сказать, почти ровно. Да и на том месте, на котором сидят, только-только тазобедренные кости стали покрываться мышцами. Вот и спрашивается, ну какого по мне шарить, если там ничего нет?! Слегка повернув ногу, я стукнул придурка каблуком по ноге. Отскочив от меня, Тэрис запрыгал на одной ноге, шипя что-то невнятное, явно ругательства.

— А теперь ты мне доходчиво объясняешь, что тебе от меня надо и к чему весь этот цирк, — хмуро глядя на этого болвана, сказал я.

Что-то процедив сквозь зубы и наклонив как баран голову, парень двинулся на меня. Судя по виду, явно не цветочки дарить. Вот спросить бы Мэгама: и как в этом случае вести себя прилично? Дать, что ли, себе морду начистить? Эдакие приличия пусть он сам соблюдает.

На занятиях боевыми искусствами, которые я когда-то видел, монахи часто пользовались лентами и платками для отвлечения внимания. Эта идея мне понравилась, и для таких случаев у всех членов моей команды на поясах, шеях, в карманах лежало и висело по несколько платков или шарфов.

Я махнул перед глазами странного ухажера платком и сразу врезал ему ногой по колену. Немного согнувшись, парень застыл с выпученными глазами и раскрытым ртом. Похоже, он еще не сталкивался с отказами от особ женского пола. Но когда-нибудь ему с этим все равно придется столкнуться, так почему же не сейчас? Я присмотрелся: успокоился парень или как? Оказалось, или как. Глазки загорелись, типа щас буду рвать и метать. Ну конечно же, какой позор, дама обидела, это просто оскорбление!! Ну-ну...

Чтоб не сильно рисковать (свое тело беречь надо), я снова махнул двумя разноцветными платками и врезал (не особо сильно) парню промеж ног. Согнувшись, тот упал на колени, судорожно хватая ртом воздух.

— Еще раз спрашиваю: что и зачем? — резким голосом потребовал я ответа.

Упрямец начал медленно подниматься.

Было неясно, дошло до него, что не стоит приставать, или нет. Наконец, вспомнив про свои возможности, я нанес ментальный удар, чтоб запутать мысли и прекратить эту разборку. Быстро оглядев себя, я перекошил верхнюю юбку, разлохматил слегка волосы, половину кружев на груди заправил внутрь и, схватив парня за руку, открыл дверь в зал. Поняв, что народ занят своими делами и мало обращает на нас внимания, я, заходя в зал и толкая перед собой парня, держащегося за причинное место, заорал:

— Безобразии!!! Нападают! Пристают! Я честная девушка... в смысле девочка... в смысле честная. А некоторые извращенцы и уроды кидаются и хватаются прямо за... в смысле грудь... в смысле за то место, где должна быть грудь. Да-а... И я думаю, она там будет... когда-нибудь...

Я запутался. Мэгам и сестрички с трудом сдерживались, чтоб не заржать. Часть гостей смотрела на нас с недоумением, а часть — возмущенно. Вероятно, у возмущенных имеются

дочери, а у недоумевающих — сыновья.

— Что это с ним? И почему он так странно м... э... — заблеяла одна толстая дама.

— Вы хотите сказать, держится за..? — Состроив невинные глазки, я посмотрел на даму и продолжил: — Он начал меня хватать за... — Я оттянул вырез платья и заглянул внутрь.

Сестры и Мэгам засмеялись вслух, а я продолжил:

— За это самое... А мне не понравилось. Я толкнула его, а сзади лестница... Он и упал... и, наверное, ударился ими о лестницу... — Что-то у меня речь не получается.

Надо было все же, перед тем как войти сюда, придумать что-то поумнее. Такой частью тела о лестницу — это же как извернуться надо?! М-да-а...

— Ты как посмела! Ты что с ним сделала! — заорал какой-то мужик, наверное, его отец.

— Я просто отвергла его приставания, а то цепляются всякие уроды, — пожал я плечами и, чтобы закончить скандал, слегка ударил мысленным кулаком по животу орущего мужика. Тот резко замер и замолчал.

— Он не урод! Он нравится девочкам! — взвизгнула толстая дама.

— Если вы себя имеете в виду, то из вас, конечно, может получиться четыре особи женского пола, только вот я не уверена, что это будут девочки, — язвительно ответил я и пошел на свое место за столом.

Пришлось расстроить желудок и у тетки, чтоб быстрее смоталась.

Маркиз Сочено не знал, что делать. Он прекрасно понимал, что пострадавшим в физическом смысле в этой ситуации является парень. Однако с другой стороны, покушение на честь благородной девицы является позором для дворянина... Спас его мужчина, сидевший рядом. Тот самый инкогнито, про которого многие знали. Поднявшись, он потребовал у парня и его родителей извиниться перед девочкой и гостями за безобразное поведение сына, а у меня поинтересовался, что я потребую в качестве компенсации.

Какая классная мысль!! Приходит же такое в голову некоторым! Бегло осмотрев отца уroda, я подошел и снял с его руки четыре кольца.

— Мне достаточно. Я вас прощаю, — присев в реверансе, произнес я и сел на свое место.

Все гости замерли, в зале установилась тишина. Инкогнито тоже замер, затем пару раз открыл и закрыл рот, кивнул головой и сел на свое место, удивленно поглядывая на меня. Не выдержав, я подмигнул мужику и ухмыльнулся. На несколько секунд он замер, а затем, хмыкнув, улыбнулся мне.

Мужик с теткой, схватив парня за руку, попытались покинуть зал, но кинувшийся им наперехват Мирэй Сочено начал извиняться и просить остаться до конца ужина. Вырваться им удалось только после того, как они поклялись, что не обижаются ни на кого, а сами извиняются и согласны прийти к маркизу на обед через неделю.

Дальнейший ужин прошел без происшествий, если не брать во внимание выговор мне от Мэгама и хихиканье сестричек. После ужина, когда гости разошлись, я извинился перед

Сочено за то, что вовремя не отвязался от парня и довел ситуацию до скандала. В ответ он поблагодарил меня и сообщил, что этого Тэриса давно стоило на место поставить. Он многих достал, но высокое положение отца и большие деньги не давали возможности с ним разобраться. Затем мы попрощались с хозяевами и обещали, что, как только будем в городе и появится такая возможность, обязательно посетим их. Через три дня мы собирались уезжать в столицу.

Глава 17

КОМПАНЬОНКА

Пришло время осваивать столицу и выходить на более широкие рубежи. Я долго размышлял на тему, а куда собственно ехать и где жить в столице, и в результате придумал: «А не купить ли нам для начала трактир?» В гостевых комнатах можно было бы для начала жить, в трактире выступать с песнями и потихоньку искать возможность войти в высший свет, либо пристроить к каким-то родственникам сестер, а мне с командой зарабатывать деньги на их содержание.

Потряс по максимуму Ирвина, взял немного денег с нашего имения, плюс деньги Жака, но этого все равно было маловато на мою задумку.

В процессе обсуждения к нашему плану примкнул магистр Трэвор.

— Прошу прощения, что вмешиваюсь, но я хотел бы предложить некоторую сумму. Войти, так сказать, в долю, — хитро улыбнулся старый маг и обозначил эту долю.

Мы несколько растерялись от такого предложения. По предварительным прикидкам это была почти треть от тех денег, что мы собрали.

— Вы нас очень здорово выручите, однако позвольте полюбопытствовать, а что вы за это хотите? — осторожно поинтересовался я.

— После смерти жены мне было очень скучно жить. Возраст уже не позволял много работать, имя и деньги, которые я имею, дают возможность никому не служить, но вот скука заела... За время знакомства я хорошо вас изучил и готов вложить в ваше предприятие деньги в обмен на непыльную должность семейного мага, в смысле в столице. С условием, что вы не напрягаете меня работой, вводите в высший свет столицы и рассказываете почти все новости, — предложил магистр.

Все проголосовали обеими руками «за».

Через день после совещания в столицу были посланы Арни и Жак с заданием купить хороший трактир в приличном месте, поближе к богатым районам. Жака пришлось долго уговаривать поехать с нами, но в итоге он все же согласился. Свой трактир в Торнске Жак решил оставить старшему сыну.

Получив известие о покупке подходящего заведения, все начали собираться. После длительной подготовки, набрав кучу рекомендательных писем, мы двинули осчастливливать своим присутствием столичный высший свет.

Дорога прошла без приключений, и вот мы всей толпой завалили в принадлежащее нам заведение. Жак был рад всех видеть и сразу бросился водить по помещениям, с гордостью показывая наше совместное приобретение.

Встав на следующее утро рано и еще не решив, с чего начинать, мы спустились в зал позавтракать. Там уже сидело несколько посетителей. Было скучно, и от нечего делать я, медленно попивая чаек, посматривал в окно. Мое внимание привлекла стоящая недалеко от входа в трактир группа из девушки и трех парней. На девушке было простенькое старое платье, слишком легкое для такого прохладного утра. Она жалась к стене. На лице были написаны страх и отчаяние, но держать голову и спину она старалась прямо. Трое глумливо усмехающихся парней медленно приближались к несчастной, явно наслаждаясь ее страхом.

— Бедная девочка, — произнес кто-то за соседним столом.

Взглянув туда, я понял, что говоривший тоже смотрит в окно. На лице его промелькнуло сострадание.

— Кто это? — спросил сидевший рядом с ним мужчина.

— Несчастливая девочка из богатой семьи... Где-то с год назад у нее умерла мать. Через месяц после смерти матери пошли слухи и разговоры, что девочка беременна неизвестно от кого. В итоге, отец, еще весь нервный и расстроенный из-за смерти жены, толком не разобравшись, выгнал ее из дома в чем есть, как опозорившую свой род. А сам через пару месяцев помер. Поговаривали, что не вынес горя и позора. Наследство перешло к его бездетному брату.

— Как дружно родители дуба дали. Небось съели что-то не то... Либо дядиных ручек делишки, либо его самого как последнего наследника уже должны «заболеть», — задумчиво пробурчал я.

Глянув снова в окно, я понял, что ситуация для девушки явно ухудшилась, она уже чуть не рыдала. Я просигналил своим парням, показав глазами на девушку. Род, сидящий за соседним столом и слышавший этот разговор, быстро поднялся и пошел к выходу. Еще трое наших вышли следом за ним. В открытое окно было хорошо видно и слышно, как Род, подойдя и вежливо отодвинув парня, стоящего наиболее близко к бедняжке, громко произнес:

— Сударыня, прошу простить меня за мою смелость, но не согласитесь ли вы принять приглашение и позавтракать со мной и моими друзьями в этом заведении? — Показав на гостевой двор, он протянул ей руку. Сначала все — и обидчики, и жертва — опешили. Девушка первой пришла в себя и, быстро подав руку, решительно пошла с моими ребятами в сторону трактира. Вероятно, трое парней из команды, стоящих за спиной Рода поспособствовали некоторой задумчивости на лицах наглой компании, поскольку они лишь молча проводили глазами уходящих. Войдя в зал, мои парни вместе с барышней прошли в дальний угол и сели за столик у окна. Я двинулся туда.

— Вы позволите присоединиться к вам? — спросил я и, не ожидая ответа, плюхнулся на лавку. — Сударыня, можно узнать ваше имя?

— Лия, — тихо прошептала она.

— Так вот, сударыня Лия, мне некогда тратить время на светские ужимки и словоблудие, скажу прямо — у меня к вам деловое предложение. Вкратце мне ваша ситуация известна. И что тут можно сказать? Либо дядя ваш сволочь — сам все это устроил, либо он в данное время, вполне возможно, серьезно болен и в ближайшем будущем отправится к предкам.

— Что?! — Выражение ее лица сложно было бы описать одним-двумя словами.

— Помрет, если, конечно, это не он так талантливо разыграл партию с устранением вас и

ваших родителей от наследства.

Миндальничать с ней не имело смысла. К тому же объяснения, биения себя в грудь и тому подобные тонкости необходимо было пропустить, чтобы не терять время попусту и не упустить крутейший шанс закрепиться в столице, получить свою резиденцию и возможность выхода в высший свет.

— Мой дядя — человек чести. Он не опустится до порочащих его... — срывающимся голосом начала девушка, но тут же замолчала.

— Мое предложение заключается в том, что мы попытаемся вернуть вам титул и наследство, а также попробуем спасти вашего дядю, если он действительно хороший человек. Вы же, в свою очередь, предоставляете свой дом для нашего проживания, выводите меня и мою семью в свет и знакомите с полезными для нас людьми, — продолжал я, не обращая внимания на ее слова.

— Вы кто такие? — испуганно прошептала Лия.

— Я происхожу из старинного дворянского рода, на данный момент сильно обедневшего. В мои планы входит поднятие престижа, влияния и благосостояния моей семьи.

— Прошу прощения, сударыня, но вы же еще совсем ребенок! Как такое возможно? — удивлению ее не было предела.

— Разрешите представиться: графиня Лионелла Гросарро. Это мой настоящий титул и имя. А по поводу вас я сказала — попытаемся. Ну... в случае неудачи в данном направлении предлагаю стать моей компаньонкой и обучать меня и моих сестер правилам поведения. Родившись и выросши на границе, мы имеем в наличии полное отсутствие некоторых важных навыков, столь необходимых для людей высшего света. Я собираюсь осуществить свои планы несмотря ни на что, а это значит, что необходимые умения мы просто обязаны получить так или иначе. Да и вы при любом развитии событий только улучшаете свое положение, — стараясь придать своему голосу максимальную серьезность, сообщил я девушке.

Лия, оказавшаяся Лияниттой, графиней Беруччи, была неглупой и сразу согласилась на мое предложение. Наскоро перекусив тем, что нам принесли, мы поднялись ко мне в комнату и занялись обсуждением и планированием наших следующих шагов. Первым делом необходимо было навести справки о дяде Лии: где он находится, чем занимается и главное — как его здоровье.

В процессе обсуждения выяснилось, что Лия приходится то ли троюродной, то ли четвероюродной сестрой моему отцу, а мне еще более дальней тетей. Мать моего папаши была двоюродной сестрой Лииного дяди по матери, которая была второй женой Лииного дедушки... А уж каким боком я приходился этому дядечке или дедушке, просто ах... и ох?! Мозги свихнуть можно, разбираясь во всех этих родственных хитросплетениях.

Начало процесса воплощения плана в жизнь оказалось многообещающим. Проживание в их особняке дальних родственников не будет вызывать подозрений, у нас отпадут затраты на питание и все такое... и будет много еще чего замечательного, если получится восстановить Лию в праве на наследство. Осталось только правильно выстроить все речи и действия, чтоб не упустить такую жирную рыбку, в смысле — дядю, в смысле — наследство.

Дня три было потрачено на ускоренный сбор информации. И добытые сведения, прямо скажем, выглядели несколько подозрительно. Месяца два назад, то есть через месяц после вхождения в права наследования, у дяди Лии были замечены первые признаки очень серьезного

заболевания, со временем эти нехорошие симптомы все усиливались. Недели две он уже не выходит из дому, а неделю назад его лечащий доктор уехал из города.

Попытки встретиться с родственничком не удались. Нас не принимали, мотивируя отказ болезнью графа. Выходило, что мы вполне могли и не застать того в живых, или застать дядю на стадии, когда излечение уже могло быть невозможным. Следовало поторопиться. Действовать решили ближайшей ночью.

Лия провела нас к потайной калитке в дальнем углу сада, о которой, возможно, даже слуги не все знали, поскольку она была закрыта разросшимися колючими кустами. Выход располагался в глухом углу за конюшней, примыкавшей к полуразрушенному дому. Лия нашла калитку случайно, когда однажды, обидевшись на няню, забралась в кусты.

Чтобы мы ни на кого не нарвались, первым проверять дорогу полетел Сэт. А я и Лия, одетые во все черное, с большой осторожностью двигались за ним. Во времена, когда была жива еще Лиина мама, Лия нашла ключи от черного входа в дом, оброненные кем-то из служанок. Тогда она спрятала эти ключи в кустах у тайной калитки, и сейчас разыскала их. Мы легко попали внутрь здания. Проверяя коридоры впереди, а затем возвращаясь за нами, Сэт привел нас к комнате, где находился дядя Лии.

Мы тихонько прикрыли за собой двери, прислушиваясь к звукам в коридоре. Вроде все было тихо. Облегченно вздохнув, мы повернулись в сторону большой кровати. Лежащий на кровати мужчина не спал. На столике горела свеча, и было видно, что он наблюдает за нами. Выглядел он действительно плохо: впалые щеки, темные круги под глазами. Лия рванула к нему с криком:

— Дядюшка, что с вами? Чем вы больны?

— Тихо, а то слуги сбегутся, — раздраженно зашипел я.

Она в испуге закрыла рот руками. Мы замерли и прислушались. В доме вроде бы было тихо. Прислушиваясь к звукам в коридоре, я медленно подошел к графу.

— Приветствую вас, граф, и разрешите представиться: графиня Лионелла Гросарро, ваша в некоторой степени родственница, — тихо прошептал я, присев в реверансе.

— Граф Эрнас Беруччи, — слегка качнув головой, также тихо ответил граф.

В это время в комнату влетел Сэт. Граф только удивленно посмотрел на него. Судя по всему, на более сильные эмоции у него просто не было сил. Сэт попытался сразу отчитаться, но я его перебил.

— Позвольте представить вам графа Сэтаэ, ныне работающего привидением и являющегося нашим другом и помощником, — представил я его графу.

Сэт изобразил какой-то совсем уж великосветский поклон. Граф и ему лишь слегка кивнул. Да, похоже, он совсем слаб. Надо срочно провести сюда Яджину, чтобы обследовать его и начать лечение. Повернувшись к Сэту, я потребовал отчета о происходящем в доме. По его словам выходило, что в самом здании присутствуют около шести слуг, а человек пять охраны располагаются в отдельном строении. Меня это удивило — такой большой дом и так мало слуг и охраны. Судя по расширившимся глазам графа, он удивился тоже.

По всему выходило, что кто-то, придумавший и провернувший всю операцию по устранению

наследников, полностью уверен в успехе и даже уже распоряжается слугами и имуществом.

— Граф, мне не хотелось бы огорчать вас, и у нас нет неопровержимых доказательств, но по имеющейся информации все происходящее с вашей семьей давно кем-то спланировано и осуществлено. Мы еще не знаем, кто это, но собираемся с этим разобраться, — тихо сообщил я Лииному дяде. — Мы считаем, что вас чем-то травят. Не пейте и не ешьте ничего, что подают. Еду мы будем приносить сами. А лечить вас будет очень хорошая целительница. Судя по вашему виду, вас уверенно ведут в могилу. Поверив нам, вы имеете шанс остаться в живых. Имейте в виду, именно шанс. Мы не знаем, чем и как сильно вас отравили, — продолжил я его обработку.

— Я понимаю Лию, она хочет вернуть себе положение и деньги, но какая вам, графиня, выгода от заботы обо мне? Извините, что я так прямо и грубо говорю, у меня нет сил на длинные и обтекаемые речи, — тихо проговорил граф.

И было ясно, что решение он принял, а спрашивал просто из любопытства.

— Ой, граф! С положением и деньгами у Лии не так плохо, как вы можете подумать. Живет она с нами и пользуется теми же деньгами, что и мы. Но выгода для меня в этом есть, это точно. У меня, если считать с Лией, получается четыре сестры, которых надо выдать замуж. Да не за кого попало. Мужики должны быть молодые, богатые и не совсем идиоты. А где их еще взять, как не в столице? А для этого ведь надо где-то жить. Этот дом мне очень подходит, — честно сказал я.

Граф еле слышно рассмеялся.

— Мне очень нравятся ваши планы, и если я выживу, то буду рад помочь вам осуществить их. Если хотите, можете называть меня дядей, как и Лия.

— Прекрасно, дядюшка, теперь выпейте этот отвар для начала, а я побежала за Яджиной, нашей целительницей. Лия, сидишь с дядей, но присмотри себе место, куда можно спрятаться, если кто-то надумает сюда зайти. Нельзя, чтобы устроители догадались, что их замыслы нарушаются. Они ведь могут и поторопить смерть. — Выдав указания и попросив Сэта проверить коридоры, я пошел к дверям.

С большим трудом проведя Яджину к графу, нам с Сэтом пришлось еще несколько часов стоять на страже, пока больного осматривали, уточняли симптомы, чем-то поили. Как сообщила целительница, мы успели вовремя. Еще неделя, и было бы поздно.

Нам требовалось время, для того чтобы найти и обезвредить заказчика, стремящегося убрать со своего пути семейство Беруччи. Для этого дядюшка должен был находиться в своей постели и продолжать изображать из себя умирающего лебедя. С видом было все в порядке. Дядя и так находился на грани смерти, но вот чтоб его вылечить, нам был необходим свободный доступ к телу и чтобы злоумышленник ничего не заподозрил. Поэтому надо было так затюкать и запугать слуг, чтобы они без большой надобности по коридорам не шлялись. Если донести до слуг разные слухи и страшилки про привидения, народ будет шарахаться от любого шума или движения и в темноте из своих комнат высовываться не станет. Для распространения столь нужной информации за каждым выходящим из дома Беруччи стала следовать пара девчонок из команды, и в местах остановок объекта девочки, приближаясь, начинали громко разговаривать о привидениях:

— Слышала, на улице Сапожников привидение появилось? Говорят, напало на молочницу и

изнасиловало ее, — трагическим тоном выдает одна из девчонок.

— Да ты че? Как же можно? Оно же, привидение, бестелесное! — возмущается другая.

— Не знаю насчет бестелесного, а молочница забеременела — это факт. Как детей делать, так и тело есть, а как отвечать, так все они бестелесные, — сдерживая смех, отвечает первая, и они проходят мимо объекта.

А на соседней улице уже раздается:

— Ой, слышали? Говорят, привидение приказчика из посудной лавки ограбило! — восклицает одна девушка.

— А зачем же ему деньги? — удивляется другая.

— А кто их разберет, что этим бестелесным нужно.

И в другом месте:

— Слышала, подружка? К Мирэе привидение приставало, еле отбилась. Только под утро и смогла до дома добраться, — ужасается девчонка.

— То-то, я смотрю, у нее вся шея в синяках. А не на сына ли плотника то привидение походило? — отвечает другая.

Мы придумали штук пять приколов на тему привидений. Говорили девчонки громко, чтобы их слышали не только объекты, но и другие прохожие. Как мы и рассчитывали, через пару дней чуть ли не на каждом углу говорили о привидениях, и, гуляя по городу, можно было услышать уже более двух десятков вариантов.

Донести нужную информацию до стражников, охраняющих имение, было сложнее: за ворота они почти не выходили. Это дело я решил проверить с Кристой. Поверх брюк с рубашкой мы надели старенькие сарафаны. На головы повязали косынки и с корзинками в руках пошли по разным улицам, чтоб встретиться у ворот Лииного особняка.

— Тони, привет! Давно не виделись. Слышала новость? Мне Мирка, что служит у Торнов, рассказывала, у них привидение объявилось. Злющее. А воеет как ужасно, — максимально громко заголосил я.

— Страсти-то какие! Привидение! Ужас! Да не может быть! — почти кричала Криста.

В это время открылось смотровое окошко, и в нем показалось лицо пожилого стражника.

— Да, да! Привидение! Страшно-ое! Пугает, воеет! Просто кошмар! — продолжил я.

Чувствовалось, что мужик внимательно нас слушает.

— Какие страсти! А что ж теперь Торнам делать? Они же работают и не могут покинуть свое место? — закатывая глазки, воскликнула Криста.

— Они вызывали какого-то мага, и он им посоветовал знаешь что? — трагическим голосом громко прошептал я.

Чтобы лучше слышать, мужик с трудом пропихнул голову в смотровое окошко и вытянул шею в

нашу сторону.

— Он стражникам посоветовал, как только привидение появляется перед глазами, развернуться и шагать в противоположную сторону. Теперь все стражники у Торнов так и делают. Ну привидение, естественно, сердится, залетает снова вперед, а стражник разворачивается и опять уходит. В конце концов привидению надоедает и оно улетает, — с трудом удерживаясь от смеха, выдаю я.

— Какой интересный метод! А я еще слышала, что, если что-то странное увидишь, надо закрыть глаза и три раза хлопнуть в ладоши перед собой. Вот так, — воскликнула Криста и хлопнула в ладоши, слегка повернувшись в сторону головы мужика, торчащей в окошке.

Хлопок получился громкий и почти у него перед носом. От неожиданности он дернулся назад и застрял головой в воротах.

— Правда, что ли? Вот так? — И я тоже хлопнул со всей силы в ладоши.

Мужик еще раз дернул головой и попробовал ее вытащить обратно, но увяз крепко, а мы, чтоб не заржать, рванули по улице подальше от ворот.

Глава 18

ТРАКТИР «ПЬЯНОЕ ПРИВИДЕНИЕ»

Как мы и надеялись, с наступлением темноты в доме Беруччи теперь прекращалась активность слуг. Стража тоже старалась не заходить внутрь дома; лишь двое несли службу в коридорах. Остальные патрулировали только у главного входа, не заходя на территорию сада, что устраивало нас по полной программе.

Амулет — привязка Сэта постоянно находился на тех из нашей команды, кто в данное время дежурил в доме дяди. Как только темнело, наше привидение начинало носиться по зданию и выть. Слуги тут же разбежались по комнатам.

Следующим действием было приведение стражи, дежурившей в помещении, в нужное состояние. Сэт летел на стражника и выл. Стражник, как мы ненавязчиво и рекомендовали, разворачивался и начинал маршировать в другую сторону, Сэт залетал с другой стороны... Через час мимо стражников можно было проходить роте в полном боевом облачении и маршируя как на параде — охрана не реагировала ни на что.

Каждую ночь Яджина с Лией и четырьмя сопровождающими наведывались к графу. Его поили лекарствами, кормили, мыли, переодевали, меняли постель, меняли охрану... Двое наших парней постоянно находились при дяде, прячась в комнате на случай, если злоумышленники все же надумают поторопить процесс его отхода к предкам. За недельку-две мы надеялись выйти на устроителей и обезвредить их.

Пока Яджина хлопотала над дядюшкой, я переключил свое внимание на наше заведение, которое мы сразу же переименовали в «Пьяное привидение». По приезде нам было не до занятий трактиром, а потом дела с Лииным дядюшкой захватили все наше время.

Теперь, внимательно рассмотрев и обойдя все закоулки, я пришел к выводу, что мы приобрели сущее сокровище. Толстые каменные стены трехэтажного здания в прошлом являлись, судя по хроникам, великолепным и хорошо обороняемым замком, который принадлежал одной из влиятельных семей, имеющих близкое родство с королевской династией.

Более ста лет назад многочисленное семейство попыталось захватить власть путем военного мятежа. Королевская династия тогда с большим трудом удержалась на троне. Мятежники были уничтожены, замок почти полностью разрушен. Признаваться в родстве с заговорщиками никто из столичной знати не пожелал, да и отстраивать развалины не было охотников. Нашли дальнего родственника мятежного семейства, он жил в пограничье и на тот момент владел трактором. Ему и было вручено сие сомнительное в ту пору богатство.

Продав в пограничье свое хозяйство, почтенный муж, захватив свое большое семейство, приехал в столицу, отремонтировал небольшой угол здания и открыл в нем... трактир. Место было очень удачным, на пересечении трех улиц, поэтому прибыли хватало и на нормальную жизнь, и на восстановление остальных помещений.

В общем, разрушенный комплекс восстанавливали и перестраивали три поколения владельцев. На замок это уже мало походило, но добротность была — точно как в крепости. На первом этаже располагался огромный зал с высокими потолками и двумя каминами, большая кухня и подсобные помещения. Второй этаж использовался частично как гостиница, а часть занимали жилые комнаты для обслуживающего персонала, на третьем — жили хозяева, коими на данный момент являлись мы.

Здание было крепким, с большими и разветвленными подвалами. Клиенты сюда селились небедные. Все это было бы прекрасно, если бы не внушало подозрение: а почему такое замечательное дело продали быстро и, судя по тому, что я слышал, не особо торгуясь? Мне почему-то казалось, что стоить это все должно гораздо больше, чем мы заплатили.

К окончанию осмотра я уже начал основательно нервничать. Попросил Кристу срочно собрать всех на совет. Как и оказалось, это ж-ж-ж и впрямь было неспроста. Поднажав на продавца, Арни с Жаком получили любопытную информацию. Последние несколько лет в этом районе возникли три бандитские группировки. В течение пары лет между ними шло усиленное выяснение границ владений, что сказало на прибыли трактирщиков. Когда все более-менее согласовали, то оказалось, что противники не смогли договориться, кто будет с данного трактира навар иметь. И вот уже пару лет идут разборки, а поскольку вопрос не решен, то за деньгами приходят все. Прибыли становятся все меньше, а жить опаснее, вот и решил хозяин продать заведение поскорее, пока всех денег не лишился.

Как пояснил нам Арни (а именно ему было дано право решать), когда они с Жаком покупали таверну, думал он над ситуацией недолго — такой классный трактир вряд ли еще скоро подвернется. А оружием мы все владеем неплохо, народу у нас достаточно, здание крепкое — выстоим. Надо будет — и банды изведем.

М-да-а-а. Оптимизма у него много и веры в нас тоже немало. Угумс. Мне б его оптимизм. Не люблю я разборки... Но и трактир хорош... Да и ходу назад уже нет, мужик с деньгами давно исчез.

В существующей проблеме был один неприятный нюанс, здорово нас ограничивающий. По местным правилам, любое телесное оскорбление благородного человека неблагородным имело только два наказания: тюрьма и смерть. Поскольку трактир находился в богатом районе, то благородных тут было как собак нерезаных, и далеко не все имели деньги, а соответственно, и благородство в поведении. Это была вторая, не менее разорительная проблема для предыдущего хозяина. Так называемая золотая молодежь припиралась в трактир, наедалась, скандалила, за еду не платила, а он не мог ничего сделать.

Решено было для таких случаев Арни дежурить у входа, а мне — в зале. С полгода, а может, и год, придется держать круговую оборону, пока у нахлебников и побирушек желание приставать не пропадет. Сестер я решил в это дело не впутывать. Попоят в трактире, пока дядя поправится, а затем начнут учиться этикету, новомодным танцам и прочей фигне, могущей пригодиться при вхождении в свет.

Работа у меня была непыльная, сиди да посматривай за порядком. Может, хоть немного мясом обрасту, а то я продолжал выглядеть очень худым, хотя и подросток на полторы головы за эти три года. Стиль тренировок давал только выносливость, гибкость и скорость. Монахи вон годами тренируются и худыми остаются. К тому же регулярные поездки да экспедиции в горы мало способствовали обрастанию жирком.

До наступления сумерек мы с Арни дежурили по очереди, но как только начинало темнеть, в зале присутствовали уже вдвоем. С неделю было тихо, никто не шумел, не скандалил — видно, присматривались. Но все хорошее когда-то кончается.

Однажды, через пару часов после наступления темноты, резко открылась дверь трактира и в трапезную вошел высокий мужчина в добротной одежде и шляпе, надвинутой на глаза. Быстро окинув взглядом зал, он прошел в дальний, более темный угол и сел за последний стол. Буквально через минуту в дверь ввалилось человек шесть абсолютно бандитской наружности. Один держал меч наизготовку, у остальных в руках поблескивали ножи, отражая свет светильников у входа.

Находящийся в таверне народ резко напрягся. Я быстро вскочил, достав клинок, и свистнул. Девчонки на балконе зарядили арбалеты, команда разобрала посохи и стала широким полукругом. Я тоже переместился к двери. Раздававшаяся в зале музыка смолкла: музыканты тоже взяли за посохи. Арни двинулся навстречу «гостям».

Заскочившие мужики не обратили на нас никакого внимания. Поводя глазами по залу, выискивая нужную им личность, они двинулись по проходу.

— Что желают господа? Если поужинать, то прошу убрать оружие и занять столик. Если есть не желаете, то просьба освободить зал, — неожиданно приставив клинок к горлу вожака, улыбнулся Арни.

Резко затормозив, целую минуту бандиты потрясенно смотрели то на клинок, то на Арни. Судя по всему, им давно никто не оказывал сопротивления.

— Ты че? Эта... таво... на каво?! — наконец выдохнул первый.

Видно от потрясения у него мозги переклинило и слова потерялись.

— Так есть будем или как? — подключился и я к столь содержательному разговору.

— Отвалите. У нас дело, нам найти кое-кого надо, — рыкнул мужик с мечом. Судя по всему, их вожак.

Мда-а, похоже, началось.

— Та-а-ак, мальчишки. Я хозяйка этого заведения. Посетители у нас приличные, мебель и декорации мне тоже дороги как память — это значит, никаких разборок здесь не будет. Пока по-хорошему прошу освободить помещение, — приказным тоном произнес я.

Мужики с трудом сфокусировали на мне взгляд, явно не врубаясь, о чем это я говорю.

— Повторяю еще раз, на бис. Никаких драк здесь не будет. Если вы не успокоитесь и не уйдете, вас просто перестреляют, — громко и четко произнес я, показывая на балкон, где стояли пять девчонок со взведенными арбалетами.

Затем, поведя рукой в направлении зала, обратил их внимание на семерку приготовившихся к бою парней и девочек. Оказывается, что такое арбалеты, вошедшие знают, и зачем у наших палки в руках тоже догадались. С минуту на их лицах отражался сложный мыслительный процесс. Похоже, мозги у них все же имелись. Я махнул рукой, и, как мы и договаривались, одна из девчонок выстрелила в круг, нарисованный на колонне, стоящей рядом со входом, а соответственно, и возле нас. «Гости» слегка вздрогнули, услышав щелчок, обернулись и уважительно замолчали, увидев болт, торчащий в центре нарисованного круга. Затем старший криво ухмыльнулся и хмыкнул:

— Неплохая подготовка, и команда неслабая. Ладно, мы уходим.

Арни моментально опустил клинок и отступил в сторону, а мужики развернулись и вышли из зала. Девочки на балконе присели, и их снова стало не видно за перилами и в полутьме. Команда в зале, воткнув посохи в корзины с песком, разошлась по своим делам — кто за пивом для клиентов, кто за едой. Арни опустился на свое место недалеко от входа, а я вернулся за свой столик. Те из парней, чья очередь была играть, взялись за музыкальные инструменты, и в зале снова зазвучала тихая музыка.

С моего места было видно мужика, из-за которого все произошло. Лицо его скрывала тень от низко надвинутой шляпы, он ее так и не снял. Несмотря на слабое освещение в этом углу, было видно, что одежда на нем явно не дешевая, да и манеры посетителя говорили о высоком происхождении. Интересно, какие дела у него могут быть с бандой? Я махнул одной из наших девочек, указывая на мужчину:

— Прими заказ.

В это время опять распахнулась дверь трактира, и в зал вошло четверо молодых людей, которых называют «золотая молодежь». Та-ак. Глядя на их морды, можно честно сказать, что сегодня явно не наш день. Ко мне подошел Рон и сообщил, что недалеко от трактира остановилась группа стражников во главе с капитаном и чего-то ждут. Ну чего они ждут, я уже догадался. Похоже, вошедшая компашка будет нарываться на скандал, а капитан — это, так сказать, завершающая сцена в предстоящем выжимании денег.

Мы просчитали такой вариант заранее, и на такой случай моей команде было категорически приказано и близко не подходить к «гостям». Тяжело вздохнув, я поднялся, подхватил посох и пошел к пришедшим придуркам. Вели они себя вызывающе, развалились на стульях, громко ржали, несли какую-то фигню по поводу интерьера трапезной и трактира в целом. Когда я подошел, потребовали, чтобы их обслуживал сам хозяин этой «конюшни». Постояв какое-то время рядом и дождавшись паузы, я спросил:

— Жрать будете или как?

От возмущения их морды перекосило.

— Да как ты смеешь, пугало огородное, грубить господам! — чуть не захлебнулся самый шумный и наиболее пестро одетый из них.

— Мне надоело выслушивать ваш словесный понос. Либо вы заткнетесь и сделаете заказ, либо сваливаете отсюда, — с трудом сдерживаясь, процедил я.

У пестрого от моих слов, похоже, крыша поехала: лицо начало буреть, глаза выпучились, рот перекошило. Чтобы в будущем не иметь подобных посетителей, этих надо было отвадить максимально жестко. Не ожидая, пока пестрый созреет для действия, я врезал ему ногой по роже, благо он все еще сидел. Так и не встав, он рухнул на пол вместе со стулом. Его сотоварищи застыли с отвалившимися челюстями. По залу пронеслось тихое «Ах...».

В этот момент вновь открылась дверь трактира, и в нее ввалилось с десятков стражников во главе с капитаном.

— Что здесь происходит? — грозным голосом заорал капитан.

Понятно, эту сцену они отрепетировали основательно.

— Капитан! Меня!!! Благородного! Оскорбила какая-то тварь! Я требую ее смерти! Схватить! — почти визжал лежащий на полу.

Я с легкой улыбкой наблюдал это шоу. Заметив мое выражение лица, капитан немного растерялся. Люди, которым действительно угрожает опасность, так себя не ведут. Ситуация явно была нестандартная. Быстро осмотрев зал и заметив девчонок с арбалетами на балконе, стражник решил, что понял в чем дело, и попробовал продолжить спектакль по старому сценарию.

— Вы нарушили закон и подлежите аресту и сопровождению в участок для разбирательств, — процедил сквозь зубы служака.

Не исчезнувшая с моего лица улыбка озадачила его.

— В случае сопротивления ваше имущество будет конфисковано, — продолжил он уже не так уверенно.

Мое ехидно улыбающееся лицо выбивало его из колеи.

— Не торопитесь, капитан, а то как бы не пришлось каяться потом всю жизнь, — усмехнулся я.

— Взять ее! — не выдержав, решился он.

— Стоя-а-ать!!! — приказным тоном скомандовал я.

Стражники, двинувшиеся было в мою сторону, на эту команду среагировали мгновенно. Они тоже с трудом понимали, что происходит. В трактире никто не шевелился и, по-моему, даже не дышал. Все посетители следили за небывалыми для этих мест событиями.

— Капитан, следуйте за мной, — тоном, не терпящим возражений, высокомерно произнес я и величественно пошел к двери в подсобное помещение. Пройдя немного и не услышав за собой шагов, я обернулся: — Сколько раз вас приглашать? Не делайте глупостей, а то как бы не пришлось пожалеть.

Постояв еще с минуту, он все же двинулся следом. Зайдя в подсобку и дождаввшись, когда туда пойдет капитан, я прикрыл дверь и достал королевское кольцо, висевшее у меня на цепочке на шее. Не снимая, показал ему печатку. Чтобы рассмотреть, что же я ему показываю, он

нагнулся и застыл. Глаза его начали медленно стекленеть.

— Я слышала, на границе солдат не хватает, — ухмыльнулся я.

Лицо капитана сначала медленно побелело, потом пошло красными пятнами.

— Но мы с вами можем договориться. — Мне доставила удовольствие его реакция. Эту скотину вообще удавить мало, но, как говорится, бизнес есть бизнес. — Вы, надеюсь, понимаете, что обязаны молчать о том, что только что видели, иначе вас ждет некоторое изменение места службы, — на всякий случай пуганул его еще раз.

Судорожно сглотнув, капитан кивнул головой. К нему стал возвращаться естественный цвет лица. Поняв, что служба на границе пока отменяется; он вытянулся в струнку и гаркнул:

— Так точно!

От силы голоса и неожиданности я отпрыгнул в сторону и, ударившись о стенку, чуть не сполз на пол. Потом сделал несколько глубоких вдохов-выдохов, открыл дверь и вышел. За мной, чеканя шаг как на параде, вышел капитан. Зал был в шоке. А компания хамов совершенно не врубалась в ситуацию. Почти дойдя до их столика, я отошел чуть в сторону, пропуская капитана вперед. Тот промаршировал мимо меня к своим солдатам.

— Кстати, капитан, я буду рада, если по вечерам маршрут патруля будет проходить рядом с моим трактиром. Трупы там убрать... шумных посетителей в тюрьму забрать... — мило улыбнулся я.

— Будет сделано! — снова гаркнул тот.

Сидящие рядом с воякой посетители трактира шарахнулись в стороны. А зачинщик скандала в пестрых одеждах уже стоял, прижимая платок к рассеченной губе, и вертел головой с совершенно тупым выражением. И тут позади меня раздался звук резко отодвигаемого стула. Не надейся, парень! Я быстро присел и с разворота двинул посохом. Как оказалось, это сотоварищ скандалиста что-то попытался предпринять, но не успел и теперь стоял, согнувшись и хватая воздух широко раскрытым ртом. С возмущенными лицами вскочили еще двое приспешников этого наглеца.

— Стоять! — рывкнув, я стукнул посохом по соседнему столу и, как оказалось, зацепил за край тарелки.

К сожалению, в тарелке еще оставалось немного каши с подливкой. Взлетев в воздух, она смачно приложилась к груди капитана прямо на том месте, куда обычно вешают медали. Да-а-а... Это называется — наградила... Все вокруг замерли, не зная чего ждать. Произойди такое с другими действующими лицами, виновного капитан урыл бы далеко и надолго, но здесь...

Ситуация была явно критическая. Каша на груди — это явное оскорбление и унижение капитана перед подчиненными. Он, конечно, не рискнет в открытую ссориться со мной, но это будет враг на всю жизнь. Надо срочно что-то делать. Пытаясь побыстрее исправить ситуацию, я обратился к залу, тыкая посохом в наглеца, вытирающего кровь с лица:

— Вы все видели, как этот недостойный член... м-м... общества, мужик... мужчина э... наглый, напал на маленькую и худую меня. Вы только послушайте, какая наглость: мужчина напал на женщину... в смысле дев...очку. А как он меня оскорблял?! Это же возмутительно! Это заслуживает нескольких месяцев тюрьмы! — Экспромты мне, как обычно, не удавались.

Зачинщики скандала при этих словах напряглись. Они-то рассчитывали денег с нас получить, а тут самим проблемы светят. Мой блуждающий взгляд зацепился за перстень на руке у главного виновника.

— Во всех событиях виноват этот тип, и потому он должен нести ответственность за них. — Я подошел к хулигану, схватил его руку и снял с нее перстенок.

Парень только немного дернулся, но отбирать изъятое не рискнул. Я же, подойдя к капитану, вложил колечко ему в руку.

— Он вручает вам совершенно добровольно этот перстень в качестве компенсации за нанесенный ущерб, чтобы вы могли почистить ваш мундир, и еще — за ваши заслуги перед родиной, — громко и четко произнес я.

Мы все дружно посмотрели на виновника беспорядков. Тот, помычав немного, согласно закивал головой. На лице капитана засияла радостная улыбка. Хм. Похоже, на деньги от этого кольца новый мундир купить можно, и еще останется.

— Рад стараться! Служу отечеству! — рявкнул громовым голосом и во всю силу легких мне в ухо капитан.

У меня чуть ноги не подкосились. В голове загудело и опустело.

— Да здравствует... — заорал капитан и слегка приостановился.

— Светлость, — на автопилоте подсказал я.

— Ваша светлость! — снова гаркнул мне в ухо капитан.

Я окосел окончательно, у меня возникло ощущение, что я в огромном гудящем колоколе. Бред какой-то! В голове гул и сквозняк, что мы тут делаем и куда дальше двигать — непонятно. Глаза мои остановились на нарушителях нашего спокойствия.

— Взять их, — командует капитан, указав на четверку бузотеров.

— И этим двоим — по десять палок, — добавляю я, указывая на особо активных.

— Так точно! — снова орет капитан, и стража идет выполнять приказ.

В этот момент до главного нарушителя доходит, во что он вляпался, и он быстро снимает и вкладывает в мою руку туго набитый кошелек, бормоча при этом извинения о своем недостойном поведении. Это сразу поднимает мне настроение. Но тут мой взгляд останавливается на друзьях нахала. Я «вспоминаю», что должен был и им что-то сказать, но не помню что. Перевожу взгляд с одного на другого, а сам в это время «ищу» разогнанные капитаном мысли. Стоящие парни быстрее меня соображают, что следует делать: снимают с поясов свои кошельки и укладывают их на стол.

— Какое взаимопонимание, какая поддержка и вхождение в положение... Соратники! Э... в смысле собутыльники! То есть товарищи... господа... Я рада за вашу сообразительность. У меня нет претензий. Все свободны. Приходите еще, можете даже почаще, буду рада, — умильным голосом почти пою я.

Себе я взял полный кошелек второго нападающего и у оставшихся двоих отсыпал по половине.

Остальное отдал капитану.

Стража и парни быстро исчезли, пока я не передумал. Пытаясь избавиться от звона в ушах, я потряс головой. Да-а-а. Мощный у капитана голос. В мозгах у меня царил полный бардак, однако, окинув глазами присутствующих в зале, я все же заметил, что часть посетителей смотрит на меня как-то странно, и решил их успокоить:

— В Багдаде все спокойно, спокойно, спокойно! — засмеялся я, отдал деньги подошедшей Кристе и пошел на свое место.

И тут же шесть вроде бы совершенно мирных дядек резко встали из-за стола, расплатились и вышли. Вот тебе и раз! Похоже, еще одна из банд только что приняла решение не связываться с нами. День все же получился результативным.

Глава 19

ПОЛЕЗНОЕ ЗНАКОМСТВО

Я сидел на своем месте, положив ноги на соседний стул, и тянул свой напиток (что-то в виде тоника), который Яджина придумала и приготовила из местных трав. Пытался расслабиться и изучал зал. Название и как будем украшать трактир, мы оговорили еще до покупки, соответственно, с первого дня поменяли вывеску и в свободное от посетителей время переделывали интерьер. Решено было использовать наши наработки в замке Гарнэллов.

По стенам развесили свечи с отражающими свет шарами, пару скелетиков, покрытых фосфором, расположили в роденовских позах на стенах напротив окон. Также установили несколько комплектов ржавых и разбитых доспехов с наплавленными на них капельками меди, долженствующими изображать кровь. Хоть и приходилось медь начищать регулярно, но зато блестело все и смотрелось впечатляюще. Все дырки от ударов и щели в сочленениях доспехов освещались размещенными внутри светильниками. Из шерстяных ниток девчонки сплели несколько макраме-композиций и в виде паутины разместили на стенах, подвесив на них железных пауков размером с ладонь и с цветными брюшками из поделочных камней. Нитки и ноги пауков покрыли фосфором, и, размещенные так, чтобы днем свет попадал на них и насыщал фосфор, по ночам они слегка светились. В ближайшем от входа углу выставили из тончайшего белого шелка макет привидения с расставленными руками, а внизу, под ним, поставили большую свечу. Горячий воздух, поднимаясь, шевелил лоскуты и создавал иллюзию движения.

У стойки мы разместили три бочки с песком, куда и втыкали посохи, чтобы в случае необходимости членам команды было легко вооружиться. С костюмами решили не мудрить, а использовали свою форму, напоминающую одежду для занятий тай-чи. Только у девочек брюки были в два-три раза шире, чем у парней. А головы у всех были повязаны на пиратский манер черными платками.

Итак, я увлекся планами по дальнейшему усовершенствованию интерьера.

— Вы позволите? — вдруг тихо прозвучал вопрос у меня над ухом.

Я оглянулся. Позади стоял мужчина, с которого сегодня и начались разборки. Улыбнувшись, я кивнул, приглашая гостя присесть. Меня, помнится, заинтересовали его дела с первой скандальной группой. Устроившись напротив, он, наконец, снял шляпу и положил ее на край стола. Хм... Не представился. Ну и мы промолчим. Вблизи и без головного убора я смог разглядеть незнакомца лучше. На вид ему было столько же лет, сколько и Арни, но был он

гораздо симпатичнее. Лицо, одежда и руки гостя говорили о принадлежности к высшей знати. Что же свело его с бандитами?

Он тоже какое-то время рассматривал меня, правда, стараясь делать это не так откровенно, как я.

— Я восхищен и озадачен таким разрешением столь опасной ситуации, — не дождавшись от меня вопроса, добавив в голос как можно больше меда, а на лице изобразив много восторга, произнес он.

Я ухмыльнулся. Интересно, он рассчитывает на мою мелкость, типа легко поймаюсь на комплиментах и все расскажу, или на обаяние своей смазливой мордашки? Мы помолчали.

— Этот капитан имеет большую власть в городе. Такая быстрая перемена его мнения и действий не присуща ему. Вы просто волшебница! — Он попытался еще раз использовать проверенный метод — комплименты.

— Ах, ну что вы! — томным голосом, не меняя позы, произнес я и хитро посмотрел на него.

Тон фразы и моя, как бы сказали «у нас», американская поза — полулежишь на одном стуле, а скрещенные ноги — на сиденье соседнего стула — не вязались между собой. В глазах мужика заблестели смешинки, но он попытался еще раз.

— У вас так замечательно и необычно оформлен зал. И такая великолепная и слаженная команда! Чувствуется хорошая подготовка. Ваши движения, когда вы ударили этого поганца, были просто совершенны! — В голосе говорившего звучал восторг.

— Ах! Вы меня совершенно смутили! — все так же томно произнес я и, сведя губы в трубочку, кончиками пальцев провел по лицу, как бы поправляя макияж и разглаживая морщины. Напоследок изобразил взбивание волос, хотя на голове у меня, как и у всей команды, был повязан платок.

Парень расхохотался. Через несколько секунд к нему присоединился и я.

— Я действительно вами восхищен! — воскликнул он сквозь смех.

— Ах, эти красавцы-мужчины, только и могут говорить комплименты, смущая нас, невинных девушек! — прекратив на минутку смеяться, я закатил глаза и попробовал изобразить очередное смущение.

Парень рассмеялся еще сильнее. Отсмеявшись, он представился:

— Николло Трэвош.

— Лиона Горна, — Адреналин, бушевавший в крови начал потихоньку спадать, и мне хотелось просто помолчать.

— Я так понимаю, это не настоящее имя? — усмехнулся Николло.

— Ну некоторое отношение ко мне оно имеет, но вас-то интересует не имя, — зевнул я, потягиваясь.

— Приятно иметь дело с умным человеком, — улыбнулся он.

— Ой, только не говорите, что ум и возраст взаимосвязаны и одно однозначно вытекает из другого, — съехидничал я.

Хмыкнув, он замолчал, и мы минут десять просто сидели и смотрели на огонь в камине. Потом собеседник продолжил:

— Я так понимаю, вы недавно в городе, и вас вполне могла бы заинтересовать информация о некоторых аспектах жизни в столице, — не отрывая глаз от огня, задумчиво произнес Николло.

— У меня сегодня был нелегкий день. Вы это видели. Я устала. Давайте вы расскажете, что вам надо и что вы можете мне предложить, а дальше мы будем общаться уже на совершенно конкретные темы, — устало вздохнул я.

Мы опять помолчали. Мой собеседник был явно не в восторге от того, как складывался наш разговор. Оно и понятно, лучше выяснить, что нужно собеседнику, а потом запросить за свои услуги плату в нужном варианте, а не начинать самому с просьб. Но, как говорится, поздно, батенька, поздно.

— Видите ли, сударыня, мой способ жизни и разнообразная деятельность предполагают некоторую конфликтность в отношениях с компаньонами. В этом случае мне приходится какое-то время пересидеть где-то, не раздражая других своим присутствием. Но я захожу во многие дома высшего света и могу предложить некоторую информацию, которая вам пригодится. И это за возможность скрываться здесь, когда у меня неудачно сложатся обстоятельства. Как я понял, вряд ли кто-либо рискнет требовать у вас выдать что-то или кого-то, — осторожно предложил Ник.

Решив, что его предложения действительно могут нас заинтересовать, я пригласил его на третий этаж в гостиную, где мы обычно собирались все вместе для обсуждения важных вопросов. Минут через пятнадцать туда подошли все свободные от работы члены нашей команды, включая Жака и Арни.

Парень оказался полновесным герцогом, но третьим сыном, к тому же, как я понял из объяснений, с неприемлемым для его семьи характером. По словам Николло, имея симпатичную мордашку и веселый нрав, в обществе он слыл ловеласом и дамским угодником. Сказано это было таким тоном, что меня сразу заинтересовало, а как же на самом деле. Взяв с нас слово о нераспространении всего, о чем он расскажет, Ник признался, что его поведение — это лишь дополнительная возможность собирать информацию.

Будучи третьим сыном, он получал недостаточно, по его мнению, денег от родителей. А жизнь в высшем свете требует очень много средств. Вот и приходится крутиться, собирать компрометирующие факты и шантажировать ими некоторых неосторожных господ. Из-за чего за ним постоянно охотятся наемные убийцы. Вот почему ему и требуется надежное место, где он мог бы отдохнуть и спокойно пересидеть опасное время до окончательного урегулирования разногласий.

Про ситуацию с семейством Беруччи он слышал и предположил, что знает, кто это мог проверить. Мы долго обсуждали наше совместное сотрудничество. В итоге каждая из сторон оказалась довольна результатом. В качестве начала совместных действий Ник предложил посетить с ним вечер, устраиваемый семьей его друга, где, по его предположению, должен присутствовать и сын предполагаемых вредителей.

К нужному времени я был готов. От корсета я отказался конкретно и категорически, в районе

груди пришлось нашить три слоя кружев, чтоб немного обрести хотя бы видимую выпуклость в этом месте. Пышные рукава делали мои плечи шире, а то и в самом деле как вобла выгляжу. На широкие брюки надели три слоя юбок, из которых каждая верхняя юбка была выше и пышнее нижней. Криста что-то там изобразила у меня на голове.

Когда Николло вошел, я уже был готов. Увидев меня, он слегка побледнел и шумно сглотнул, закатив глаза. Я посмотрел на себя в зеркало, ничего вроде странного: юбка, рюшечки, прическа.

— Что-то ты с лица спал. Тебе что, не нравится? Есть какие-то претензии к моему виду? — поинтересовался я.

— Ни в коем случае! Все просто потрясающе! — с преувеличенным энтузиазмом воскликнул он.

— Тебе виднее. Конечно, твою репутацию, как я понимаю, моим видом хуже не сделаешь. В смысле, хуже уже некуда, но помни, потрясать присутствующих мы будем вдвоем, — ухмыльнулся я.

Ничего не ответив и стараясь на меня не смотреть, Ник подал мне руку и вывел во двор.

— А где карета? — удивился он.

— А зачем? Мы верхом поедem, — садясь на коня и расправляя юбки, сообщил я.

Тяжело вздохнув и что-то тихо прошептав, он последовал моему примеру.

Добрались мы к дому его друга без проблем. Само здание мне не удалось нормально рассмотреть: Ник тащил меня со страшной силой, и внутри мы почти бежали по каким-то коридорам. У меня создалось впечатление, что мы зашли с бокового входа. Войдя в зал, я огляделся. Помещение было оформлено просто потрясающе! Народу было немного. Похоже, вечер был действительно только для друзей. Если, конечно, предположить, что в высшем свете существует дружба. Присутствующие разделились на группы и, держа в руках бокалы, что-то лениво обсуждали. Наше появление мало кто заметил, но уж те, кто соизволил обратить внимание, как-то странно косились на нас, стараясь делать это незаметно.

Меня такое отношение очень быстро начало раздражать. Я никак не мог понять, в чем проблема: в манерах, в одежде, в прическе... Может, причина вообще не во мне, а в Нике? Тут к нам подошел богато одетый и приятный на лицо парень, и они поприветствовали друг друга. Затем Ник представил мне подошедшего:

— Барон Фэрэнс Наэрски, сын хозяина и мой друг.

Я присел в реверансе и слегка улыбнулся, разглядывая подошедшего.

— Графиня Лиона Горна. Приехала из провинции. Прямо сегодня с гор спустилась, — смеясь, представил меня Николло.

Я чуть не окосел от неожиданности. Что он мелет? Какое «сегодня»? С каких гор? Хамит парниша. Ну он у меня дождется.

— Да-да. С совершенно диких гор. И если он продолжит в том же духе, тут же его и покусаю, —

мстительно сообщил я, выразительно глядя на Ника.

Парни закашляли, стараясь на меня не смотреть и не смеяться.

— Позвольте вам предложить вина? — подхватив меня под локоть Фэрэнс и подвел к столику, на котором стояло несколько наполненных бокалов.

Взяв из его рук бокал, я осторожно попробовал: в бокале было вино с очень тонким ароматом и приятным вкусом. Понимая, что пить-то мне нежелательно, я все-таки сделал три глотка. В это время Фэрэнс, извинившись, куда-то срочно рванул. Я оглянулся в поисках Ника. Он обосновался все там же, в углу зала, и рядом с ним, спиной ко мне, стоял высокий парень, разодетый, как новогодняя елка. Я решил подойти к ним.

— Я, конечно, всегда знал, что ты извращенец, но не догадывался, до какой же степени. Она же совсем ребенок, к тому же худа как щепка, и подержаться не за что! — ехидничал этот тип, не замечая меня.

Безобразие! Не успели войти, как всякие павлины уже разные гадости говорят!

— А может, я очень активна и экзотична в постели, — съязвил я, выходя из-за его спины.

Оба отчаянно покраснели, только Ник поднял глаза к потолку, а парень уставился в пол.

— И где тот баран, о котором мы говорили? — обратился я к Нику.

— Ну-у... он перед тобой, — промычал он.

Я повернулся к стоявшему рядом хаму и, пренебрежительно скривившись, начал в упор рассматривать его.

— Кто баран? Да как ты смеешь? Шлюшка... да я тебя... вешалка для платья, — взвился тот.

Сволочь! Так ты меня еще оскорблять будешь? Подпрыгнув, чтобы достать, я со всей силы врезал этому типу кулаком в глаз. Отшатнувшись, наглец зашипел. Его глаза начали наливаться кровью, правда, с разной интенсивностью и скоростью. Народ, как и люди в моем прошлом мире в подобных ситуациях, усиленно делал вид, что ничего не замечает.

— Ли-и-и! Прекрати! — тихо взвыл Ник.

— Что здесь происходит? — вдруг строго поинтересовался кто-то сбоку.

— Фаза со стены... В смысле ваза со стены упала — и ему по голове, — раздраженно ответил я подошедшему. Это оказался Фэрэнс.

— А-а. Понятно, — ответил он и отвернулся.

В это время я, заметив, что побитый мной субъект уже созрел для действий и может дать сдачи, не медля, врезал тому ногой в живот. Отлетев к стене, он зацепил картину, и та свалилась рядом с ним. Почти отвернувшийся Фэрэнс резко развернулся к нам и удивленно спросил:

— А это что?

— Что-то у вас тут закреплено все ненадежно. Вон картина теперь упала и, похоже, снова по

голове его навернула, — махнул я рукой в сторону отлетевшего к стене парня.

Тот медленно поднимался, и я направился в его сторону для дальнейшего уточнения, кто есть кто.

— Лиона! Прекрати избивать народ! — все так же тихо зашипел Ник, хватая меня за руку и делая какие-то знаки Фэрэнсу.

В это время подбежавшие слуги утащили этого придурка вместе с картиной. И похоже, та действительно приложила его по голове, поскольку на лбу у побитого появилась кровь.

— Ли, золотце мое, тебе хозяин этого дома дарит этот подсвечник, — радостно улыбаясь, Ник взял со столика и протянул мне бронзовый с серебром подсвечник для трех свечей высотой сантиметров восемьдесят.

— А зачем он мне нужен? — От удивления мои брови поползли вверх.

— Ты посмотри, какая гравировка! А серебряные розы у свеч? Это старинная работа, только поскольку он большой, то с ним в руках танцевать да и просто общаться неудобно. Поехали домой? — соловьем заливался он, пытаюсь впихнуть здоровую и тяжелую железку мне в руки.

Так! С нужным типом разобрались, хотя и несколько по-другому, чем планировали. Моя видуха и поведение, кажется, несколько не вписываются в рамки принятого здесь этикета, иначе чего это Ник пытается меня утащить отсюда? А подсвечник... Хм. Почему бы не взять. Действительно красив. Ножка его сплетена из трех прутьев, один из которых серебряный, а два бронзовых. Чашечки для свечей тоже бронзовые, но вокруг них в два ряда располагаются серебряные лепестки, и немного ниже несколько небольших роз и листиков.

— Что здесь происходит? — подошел к нам пожилой и представительный мужчина.

— Мне подсвечник подарили, только вот со свечами его неудобно нести, — ответил я, задул свечи и отдал их мужику.

Стоявшие возле меня Ник и Фэрэнс судорожно сглотнули и подняли глаза к потолку, делая вид, что увлечены рассматриванием росписи. У подошедшего мужчины от моих слов вытянулось лицо, но он ничего не сказал.

— Мы уже уходим. Счастливо вам оставаться, — сообщил я и двинулся к выходу.

Оглянувшись у самой двери, я заметил, что ребята шли за мной на прямых ногах, при этом старались не смотреть на мужика. Как только за нами закрылись двери зала, парни шумно выдохнули. Не останавливаясь, я двинулся по коридору, попросив предупредить, если надо будет поворачивать.

Так мы и шли: я с подсвечником на плече, парни за мной. Дойдя до разветвления коридора, шедший сзади Фэрэнс сказал «налево», я завернул и оказался у двери. Недолго думая дернул за ручку и вошел. Посреди комнаты стояла кровать, и на ней парочка занималась любовью. Я резко тормознул.

— Ты зачем нас сюда привел? — повернулся я к Фэрэнсу.

Любовники обратили на нас внимание. Мужик замер, а дамочка взвыла, как пожарная сирена.

— Выключи ее. Подушкой, что ли, накрой, — поморщился я.

Мужик на автопилоте нашарил небольшую подушку и накрыл лицо дамы. В этот момент меня резко дернули сзади и, как только я вылетел из комнаты, захлопнули у меня перед носом дверь.

— Я... ты... подсвечником... — зарычал Фэрэнс.

— Но ты же сам сказал поворачивать, — удивился я.

— Налево!!! Я сказал на-ле-во!!! А ты поперлась направо!!! — заорал он дурным голосом.

— Ну извини, перепутала. С кем не бывает. Теперь-то куда? — пытаюсь его успокоить, ласковым голосом спросил я.

— Хватай ее с другой стороны и бегом к дверям, иначе я за себя не ручаюсь! — не выдержав, зашипел Ник.

И, забрав у меня подсвечник и подхватив меня под руки, они рванули по коридору. Не успевая перебирать ногами, я их подогнул. Не сбавляя скорости, парни добежали до двери, но проем у той оказался несколько узковат для трех человек в ряд. Ник без задержки пронесся через порог и протащил меня. Фэрэнс, державший меня с другой стороны, немного не прошел по габаритам, благодаря чему он и врезался в косяк. Ударившись, он выпустил меня. Я еле успел ноги выпрямить, и мы с Ником пробежали по инерции еще метров пять — десять.

Когда мы остановились, я потребовал подсвечник обратно. Ник молча протянул его. В это время сбоку послышался шум шагов, и еще одна рука потянулась к этой железке. Резко выдернув из рук Ника подсвечник, я ударил грабителя. Мужик со стоном осел. Это оказался начальник дворцовой стражи. Два других стражника рванули к нам.

— Не трогайте их. Девушка немного не в себе. Не подходите к ней... близко, — пошатываясь и держась за рассеченный лоб, к нам приближался Фэрэнс, не вписавшийся в дверь.

— Да, господин, — поклонились стражники.

— Выведите им коней и унесите капитана. Николло, я тебя приглашаю на ужин. Завтра, — пытаюсь стереть кровь со лба, пробормотал он.

— А меня почему не приглашаешь? — возмутился я.

— Приглашаю, — каркнул охрипшим голосом парень и, пытаюсь изобразить обморок, опустился на ступеньки.

Глава 20

ЖИЗНЬ В СТОЛИЦЕ

В это время нам подвели коней. Ник, смеясь как ненормальный, чуть не промахнулся мимо лошади. Усевшись, мы попрощались с Фэрэнсом и медленно выехали за ворота. Подсвечник я держал в руках, пристроить его куда-либо не было возможности. Проехав метров двести, мы повернули на улицу, ведущую к дому, и не успели отъехать от угла, как раздался окрик: «Жизнь или кошелек!»

Кто-то ухватил мою лошадь за узду, а меня дернули за платье. От неожиданности я не

удержался и вместе с подсвечником рухнул с коня. Чудом не сломав себе шею, кувыркнулся, сжимая эту железку обеими руками, и быстро вскочил. Только разобрались с одной порцией проблем, как снова неприятности. Да что за жизнь?! Я психанул. Сколько можно?! Убью!

Попытался осмотреться. Вокруг темно, глаза еще не привыкли к темноте, ни фи́га не видать. Передо мной что-то мелькнуло. Перехватил поудобнее подсвечник и со всей дури наверху ближайшую движущуюся тень. Судя по силе воя, попал куда надо. Не замедляясь, по инерции понесся дальше, размахивая осветительным прибором как дрынком и крича: «Ура-а-а!» Судя по ржанию, попал по коню, затем, судя по крику, мужику досталось... еще одному.

— Идио-о-отка!!! Это же я, я! Убьешь же! — заорала следующая тень.

Я попытался остановиться, но не успел, железка-то тяжелая и замах от души был сделан. Удалось только слегка замедлиться и с трудом чуть отклониться. Ударил только вскользь. Тень, качнувшись, заткнулась и осела. Ну блин! Кажись, своего прибил.

Остановившись, оглянулся. Глаза уже немного привыкли к темноте. Вокруг никого стоячего не оказалось, коней тоже не было видно. Приглядевшись к последней жертве, узнал Ника. Левая половина лица у того в крови. Хлопнув его пару раз по щеке, начал поднимать, чтоб потащить обратно.

— С-с-сте-ерва! Чуть не убила. Ду-ура припадочная, — зашипел он, пытаясь подняться.

— Если не заткнешься, добыю. Шевели ногами. Шагаем обратно, откуда ехали, там помощь окажут, — с трудом его поднимая, прорычал я.

Шатаясь, как пьяные, мы добрались до ворот. Я затарабанил по воротам погнутым подсвечником, который, как оказалось, не бросил. Выглянувшие стражники выпучили глаза.

— Мы только что от вас выехали. На нас напали грабители, за углом, — хрипло просипел я.

Ворота быстро распахнулись, и двое стражников подхватили Ника под руки, а один попытался отобрать у меня подсвечник. Но пальцы мои не разгибались, поэтому я, положив эту железку себе на плечо, повис на руке у мужика. Нас потащили к доктору.

Когда нас завели в комнату, доктор заканчивал обрабатывать рану парню, что подарил мне подсвечник и бежал с нами по замку. Фэрэнс, увидев окровавленного Николло, а затем ободранную, грязную и разлохмаченную меня с погнутым подсвечником в руках совершенно обалдел.

— Ты что, у нее попытался подсвечник отобрать? — поинтересовался он у Ника.

— Подсвечник — это да, попытались. Но не я, а несколько придурков, а мне за компанию досталось. Под руку попал, — скривился тот. — Эта сумасшедшая и коням настучала, судя по нервному ржанию и по тому, как быстро они ускакали, — добавил он, шипя от боли, поскольку доктор уже взялся за него.

— Будешь говорить про меня гадости — добыю, чтоб не мучился, — зарычал я скорее от стыда, чем от злости.

От двери раздались какие-то странные звуки. Я удивленно посмотрел туда. Там стоял пожилой мужчина, которому я отдавал свечи, и тихо смеялся. Через полминуты к нему присоединились и оба раненых. А через минуту уже ржали все, находящиеся в комнате, то есть плюс доктор и

стражники.

— Сударыня, может, вы все же отдадите подсвечник? Он же совсем погнут, я вам целый дам, а этот выбросим, — сквозь смех проговорил пожилой.

Похоже, это хозяин дома, раз предлагает замену. Ну надо же, а я ведь ему свечи в руки сгрузил, забирая его же подсвечник!

— Ни в коем случае не выбрасывайте! Я заберу его себе на память. Чтобы не забывать о том, что если находишься рядом с женщиной, то держись у нее за спиной, особенно если ее пытаются грабить, — кривясь от боли, смеялся Ник.

В комнату вошел стражник и доложил, что найденные на месте нападения трое мужчин пока живы и после оказания некоторой помощи вполне могут самостоятельно передвигаться в тюрьму. Затем, слегка поколебавшись, добавил, что городская стража во главе с капитаном туда же подошла, и они требуют объяснений.

— С капитаном? Так поздно? Хм. Странно даже. Ладно, веди к ним, — скомандовал я.

Стражник удивленно и вопросительно посмотрел на хозяина дома и, дождавшись кивка, собрался нас сопровождать.

— Сударь, прошу выделить нам пару лошадей, чтоб иметь возможность добраться до дома, — обратился я к хозяину, который уверил, что их тут же подведут. — Николло, догоняй, — бросил я напоследок, с трудом разогнул пальцы, держащие подсвечник, и пошел за стражником.

Когда мы подошли к месту происшествия, капитан уже начал что-то орать, и даже непонятно, на кого конкретно. Двое слуг из замка держали в руках факелы, благодаря которым можно было хоть что-то видеть. Капитан был мне знаком. Классно.

— Приветствую, капитан. Чего кричим? Если вас интересует, кто им навтыкал и почему, то сообщаю: наступала я, чтоб денег не просили, — громко, и командным голосом выдал я.

Капитан резко заткнулся и пару минут молча разглядывал меня. С одной стороны, вроде как грязная оборванка, а с другой стороны, командный голос, конкретно к нему обращающийся. С чем-то похожим и опасным он уже сталкивался.

— Капитан! Аллэ! Вы что, меня не узнаете? Я понимаю, это сложно, но это уже не моя вина, — оборвав часть кружева и попытавшись стереть этим грязь с лица, улыбнулся я.

Побледнев, капитан соскочил с лошади и вытянулся передо мной.

— Вижу, что узнали. Что этим красавчикам полагается за нападение на высокородных? — Я постарался улыбнуться как можно приветливее.

Странно, но капитан, кажется, побледнел.

— Так точно, ваша светлость! Если вам не нанесли телесных повреждений, то до пяти лет каторжных работ, — четко отрапортовал капитан.

Подошедшие Фэрэнс с отцом и стражники, как городские, так и замковые, с вытянувшимися лицами наблюдали за нашим диалогом. Только стоящий с забинтованной рожой рядом с Фэрэнсом Ник ухмылялся.

— Я, конечно, за процветание родины, но мне бы больше понравилось, если бы эти типы отработывали свое наказание в известном вам трактире. Полноценную каторгу не гарантирую, но работы хватит: конюшни убирать, полы мыть, двор чистить. Кормежка наша. Как вы считаете, капитан, можно ли это организовать? — Меня совершенно захватила эта идея.

Не заниматься же в самом деле грязной работой кому-то из команды? А тут и народ наказан, и у нас чисто. И что самое классное — не надо зарплату платить.

— Так точно, можно! Завтра их оформят в канцелярии, наденут кандалы и приведут к вам на работы, — стоя навтыжку, отрапортовал капитан.

Окружавший нас люд ошеломленно молчал. Я ухмыльнулся. Какая удача! Вот так порой и бывает: думаешь, с тобой неприятность произошла, а со временем понимаешь, что в результате этого события ты оказываешься в более выгодном положении.

— Всем спасибо за внимание. Спасибо за коней, господа. Николло, поехали, — благодарил я, усаживаясь на приведенного коня.

— Возьмите охрану, сударыня, — предложил Фэрэнс, подавая мне целый подсвечник, а погнутый вручая Нику.

— Спасибо, не надо, а лошадей вам вернут утром, — улыбнулся я.

— Да-а-а. Не надо.

— Это у нас метод такой специальный, бесплатных слуг на живца ловим, — хмыкнул Ник, забираясь на лошадь.

Все засмеялись. Даже капитан слегка улыбнулся.

— Да, вспомнила! Капитан, у нас убежали две оседланные лошади, не могли бы ваши стражники найти их и принести по известному вам адресу? Я была бы очень признательна.

Высказав капитану последнюю в этот день просьбу, мы направились домой.

Криста чуть в обморок не рухнула, увидев нас на пороге. Не обращая внимания на наши уверения, что все в порядке, все забегали, засуетились. Нас потащили мыться. После мытья, послав всех подальше, я пошел спать, а вымытого Ника девчонки потащили в гостиную, он непременно должен был рассказать, как мы дошли до такого состояния. Сквозь сон я слышал дружный смех, но меня это уже не волновало.

На следующий день мы все хором долго обсуждали, чем бы занять семейство Кракодимов, затеявших захват Лииноного поместья. Да так, чтоб больше ни на что другое времени у них не было. После моей фразы «мы с Николло...» этот самый Ник побледнел и предложил интересный вариант и свои услуги, единственно настояв, чтоб никаких совместных действий со мной не было. Я чуть не обиделся, а потом решил, что так даже лучше. Мне и так хватит забот и проблем.

Признавшись, что у него есть пара людей, прекрасно подделывающих почерк, он предложил написать с десятков компрометирующих писем. К любовникам и от любовников, ругань и наезды на врагов, клевету на друзей... а затем подбросить их людям, любящим скандалы раздувать. Мне эта идея понравилась. Ведь в этом случае не придется самим что-то делать или

драться и убивать. Сама идея убивать направо и налево мне никогда не нравилась.

Реализацию этого плана Николло взял на себя. Для большей достоверности компромата в особняк Кракодимов был запущен Сэт. Как только наступали сумерки, четверка наших парней из команды с амулетом — привязкой нашего привидения располагалась поблизости от особняка и Сэт летел на охоту. Он подслушивал беседы хозяев с посетителями, запоминал имена, заглядывал в разложенные бумаги, а затем пересказывал все Николло и нам. На основании этой информации мы и составляли компромат.

Через неделю после начала больших и не очень скандалов вокруг семейства Кракодимов, дядюшка объявил себя выздоравливающим. Были уволены все слуги, подчинившиеся этому семейству. А всех уволенных заговорщиками слуг позвали обратно. Мои сестры переехали жить в особняк Беруччи. Для них тут же были наняты учителя танцев, словесности. Мне пришлось примкнуть к ним. Мы также обучались этикету и правилам поведения в столичном высшем обществе, чтобы поразить его, это самое общество, на предстоящем весеннем балу. Для нас нашли даже преподавателя ведения интриг. Вечера и ночь я проводил в трактире, а утром бежал к сестрам на тренировки и уроки. Сплетни и слухи нам приносил Николло. Подготовка к выходу в свет шла полным ходом.

В следующие пару месяцев в трактире еще делались попытки устроить дебош, но после запуска в полет пятерых и сдачи одного особо настойчивого страже народ успокоился. Посещать нас стали в основном для заключения деловых сделок, тайных свиданий, просто из желания посидеть в спокойном месте и послушать музыку. Для этого в зале были устроены с десятков кабинок, на втором этаже можно было снять комнату или номер из двух комнат. Для большего уюта здесь почти постоянно играла музыка и иногда пели песни.

Моя работа заключалась именно в наблюдении за порядком. На протяжении первых двух месяцев, показав народу, что безобразий мы не потерпим, в дальнейшем я отслеживал первые признаки скандала и производил ментальный удар, чтоб сбить потенциального нарушителя с агрессивных мыслей. Если это не помогало, то активировал у желающих поскандалить мощное желание посетить местный туалет. И проделывал эту процедуру до полного успокоения клиента.

Работа у меня была сидячая, а это все-таки трактир, где все едят, и я, незаметно для себя, регулярно что-то жевал. С полгода я, не задумываясь, съедал все, что приносили девчонки: то фрукты какие-то, то чай с пирожными, то кусочек мяса. Но со временем на ежедневных тренировках стал испытывать непонятные для себя неудобства. То в одном месте что-то мешает, то в другом, то прыгать тяжелее, то сгибаться...

И только когда у меня грудь начала расти и руки при работе с посохом начали задевать за нее, до меня дошло, в чем проблема. Я с ужасом осознал, что все же имею тело девушки, с соответствующими отсюда последствиями. Спокойный образ жизни запустил программу развития некоторых женских особенностей, а в сочетании с хорошим питанием привел к округлению тела в некоторых местах. До этого, несмотря на то что я говорил как женщина, по-настоящему я чувствовал себя мужчиной. Тело-то было худое, костлявое, а к разным там физиологическим особенностям я привык в первые три месяца новой жизни и перестал обращать на это внимание. И тут...

Сначала я впал в глубокий шок: ведь и Лори, и Нирана были девушками мощными в плане груди. Я даже пытался присмотреться, как же они умудряются тренироваться, ведь у Нираны

второй размер, а у Лори вообще третий (насколько я помнил из разговоров своей сестры по поводу размеров в том мире). Никаких сложностей у сестричек не возникало, а у меня с моим нулевым сплошные проблемы. Такое впечатление, что даже ноги цепляются за них. Прямо как в том анекдоте, по поводу плохого танцора, которому и я... мешают. Присмотрелся к девочкам из команды — и там все нормально. Немного успокоился, но продолжал с ужасом думать о том, что если вырастут до размеров как у Лори...

Когда я попробовал заикнуться об этом сестричкам, они меня немного успокоили, напомнив, что я — копия прабабки, а следовательно, бюст иметь должна как у той. Поискав портрет бабуся, почти расслабился — там и до Нираны недотягивало.

Только немного успокоился по этому поводу, как вспомнил, что при начале роста женских выпуклостей еще одна проблема стартует — месячные. Снова впал в депрессию. Я помню, у моей сестры в том мире, когда это дело началось, она себя так плохо чувствовала, что целый год ходила по врачам, пила какие-то таблетки и имела справку, освобождающую от физкультуры. Бог ты мой, откуда здесь таблетки...

Я стал совершенно нервным и дерганым, хотя и до этого вел себя несколько более эмоционально, чем все в этом мире. Я так понимаю, определенную роль и влияние на поведение имеют возраст и пол тела. Но теперь меня почти трясло. Стоило только хоть немного почувствовать себя не так, как обычно, и я уже ожидал, что вот-вот... сейчас-сейчас...

В какой-то момент меня отловила Яджина и, зажав в углу, долго пыталась, что случилось. Я сначала пытался отнекиваться, но потом все же сдался. Узнав причину моего странного поведения, она долго смеялась. Я чуть не обиделся. Она сообщила, что знает и делает для наших девочек специальный напиток, который позволяет не истекать кровью регулярно и чувствовать себя при этом нормально. Главное, попить его с полгода каждый день, а затем лишь каждое полнолуние, два дня до него и два после, принимать. Мне сразу полегчало, и, чтоб совсем успокоиться, я потребовал с этого же дня начать поить меня. Посмеявшись над моими страхами, Яджина пошла готовить напиток.

В доме Беруччи жизнь постепенно наладилась. Даже дядюшка Лии хоть еще и выглядел как человек перенесший тяжелую болезнь, но уже бодро перемещался по дому. Даже в сад стал выбираться, посидеть на свежем воздухе. На всякий случай с ним постоянно находились двое из команды. Травками и лекарствами его поили литрами, я бы столько не осилил, а дядюшка пил и нахваливал.

Наготовив настоек и научив сестриц стряпать отвары для дяди, Яджина смоталась на месяц в наше имение. Дочь проведала, проверила, как та управляется в лавке с тетушкой Биатой, прочитала им несколько лекций-моралей и с целым возом трав вернулась к нам.

С ней приехал и магистр Трэвор. Поселили мы его у дядюшки, с которым они прекрасно поладили. Эти двое уважаемых людей и порекомендовали открыть при трактире лавку по продаже трав и настоек. Аргументировали это тем, что народ в команде редко болеет, дядюшка на пути выздоровления и уже не требует много внимания, и Яджина остается без работы. А если она будет работать в аптеке, то и ей будет интересно, и нам дополнительная прибыль не помешает.

Все согласились с этой идеей. Подискутировав, решили отдать под аптеку подсобное помещение с отдельным входом. Еще целый месяц затратили на его обустройство. И когда все было готово, решили открывать заведение. Правда, тут возникла одна непредвиденная

проблема — на это надо было получить разрешение городских властей.

Мы дали пару серебряных служащему, и тот приготовил нам все необходимые бумаги. Однако он предупредил, что получить разрешение и подпись городского головы сложно и, возможно, будет стоить нам недешево. По такому поводу за подписью я собрался идти лично. В крайнем случае кольцо покажу.

Прихватив с собой четверку девчонок из команды, с документами я явился в городскую управу.

Здание выглядело солидно, вероятно, тоже из какого-то замка перестроили. В приемной тусовалась куча народа. Оглядев их и прикинув количество просителей, а также скорость движения служащих, я понял, что тут можно месяц жить, и еще не факт, что попаду на прием.

Протолкался к одному из служащих. Народ пытался рычать, но, увидев у носа ножи и посохи моей охраны, заткнулся. Меняхватило минут на пятнадцать спокойного разговора и еще на пять минут стучания кулаком по столу. Чиновник же, как заводная кукла, блеял лишь пару слов: «Записывайтесь в очередь».

Не вынеся такого издевательства, я со всей дури врезал посохом по столу. От удара подпрыгнула чернильница. Служащий попытался поймать ее, но лишь зацепил рукой, и, закрутившись в воздухе и разбрасывая капли во все стороны, «непроливашка» приземлилась прямо ему на колени. Размазывая чернила по лицу, он заорал: «Стража!» — и нырнул под стол.

В помещение вбежало пятеро стражников. Просители прижались к стенам, стоящие ближе к двери вылетели на улицу. Мы оцетинились посохами, стража — копьями. В этот момент в помещение вошел знакомый нам капитан.

— Что здесь происходит?! — прорычал он, обводя окружающих грозным взглядом.

Разглядев меня в окружении девочек, капитан побледнел. Судорожно сглотнув, он отдал какой-то приказ страже, и та бросилась выгонять всех на улицу.

— Приветствую вас, сударыня. Позвольте узнать, что привело госпожу в наше заведение? — насколько смог любезно, поинтересовался он у меня.

— Я тоже вас приветствую. Мне необходимо подписать разрешение на открытие аптеки, а эти придурки даже не желают ничего выслушать, — слегка раздраженно ответил я.

Тут же открыв своим ключом внутреннюю дверь, капитан повел меня по длинному коридору, на ходу принося извинения и разясняя ситуацию.

— Сударыня, простите их. Они лишь мелкие и тупые служащие. Сейчас мы этот вопрос решим. Прошу вас, — открыв дверь в кабинет головы, пригласил капитан.

За столом сидел крупный мужчина лет шестидесяти. Его лицо напоминало каменную маску. Если б не необходимость, вряд ли захотелось бы с ним общаться.

— Кто позволил? Кто вас пропустил? — прорычал мужик.

— Я привел. Нужно подписать разрешение на открытие и содержание аптеки, — сердито выговорил капитан.

Судя по поведению, они либо друзья, либо бизнес по обиранию других вместе делают.

— А почему я должен подписывать? — на каменном лице прорезались некоторые эмоции.

— Сударыня, прошу вас, не обижайтесь на него. Он сейчас подпишет, — натянуто улыбнувшись мне, капитан положил мои бумаги перед головой.

Этот жук внимательно посмотрел на меня, затем на капитана, затем перевел взгляд на бумаги. Он никак не мог понять, в чем фишка.

— Сей-час под-пи-шет. Он лю-убит свою ра-бо-ту, — сквозь сжатые зубы прорычал капитан по слогам.

Голова удивленно и вопросительно уставился на подельщика.

— Я тоже люблю с-свою ра-бо-ту, — не разжимая зубов и сделав максимально зверское лицо, прошипел капитан.

С большим вниманием выслушав его на этот раз, Голова придвинул к себе мои бумаги и подписался на каждом листе, хотя подпись требовалась лишь на последнем. Похоже, он не настолько тупой, как кажется.

Мило улыбаясь, я поблагодарил их и, стараясь не задерживаться, рванул на выход.

После получения разрешения целый месяц четверо наших людей из команды, разбившись на пары, ходили по городу и пели песню Окуджавы «Капли датского короля».

На спинах у них при этом висели плакаты с адресом нашей аптеки. Благодаря такой необычной для этого мира рекламе у нас стали появляться клиенты, и дело постепенно пошло на лад.

Глава 21

КОРОЛЕВСКИЙ БАЛ

Хоть мы и живем в доме Беруччи на полном обеспечении, приданое для сестер все равно собирать надо. Ради этого я все свои свободные вечера посвящал работе в трактире.

Зимой мне, в смысле Лионелле, исполнилось шестнадцать. За последний год мое, в смысле ее, тело несколько округлилось в положенных местах и перестало походить на сушеную воблу. Налилась грудь, остановившись где-то между нулевым и первым размером, и так просто ее уже не скроешь. Чтобы выглядеть взрослее, мне не хватало лишь роста. А это было существенно: потому что посещать королевский бал да и другие официальные церемонии могли только девушки определенного роста. Значит, мне придется надевать туфли на каблуках.

Увеличение форм принесло мне, кроме физического неудобства, еще дополнительные проблемы. Теперь постоянно надо было думать о том, чтоб не проходить рядом с мужиками, а то за задницу могут ущипнуть либо за грудь полапать... Я, конечно, морды добросовестно бил, но по несколько раз на день драться — это перебор. Вот и приходилось перемещаться по трактиру не по прямой, а зигзагами.

Стоя в зале и разговаривая с Тарэном, я вдруг почувствовал, как кто-то, наклонившись из-за спины, поцеловал меня в шею. Резко развернувшись, я со всей дури врезал кулаком в глаз идиоту, рискнувшему такое совершить.

— С-су-у... ду-у... ы-ы-ы, — мычал Николло, держась за подбитый глаз, глядя вторым, как я похлопываю посохом по ладони.

— Тебе что, жить надоело, придурок? — В моем голосе было столько злости, что его аж перекосило.

— Я же пошутил! Совсем шуток не понимаешь. Из-за тебя я не смогу завтра пойти на бал, — обходя меня по дуге, бросил он и рванул на кухню делать холодные компрессы.

Примочки не помогли. Пришлось ему поход на бал и в самом деле отменить. Шутник хренов! Дружба дружбой, но надо и меру знать.

Как мы собирались на королевский бал, как делали прически, это вообще отдельная песня. По мне, так просто дурдом. Сестры так нервничали и дергались, что у меня появилось сильное желание никуда не ходить. Но когда я только попытался намекнуть на это, то сразу понял: раскатают как асфальтовым катком в ковровую дорожку до самого замка. Решив не нарываться, я заткнулся и молчал в процессе сборов и по дороге на бал.

Из нашей компании только дядюшка Лии чувствовал себя спокойно. Арни и Лия, хоть и не впервые присутствовали на королевском балу, все же чувствовали себя не совсем комфортно. А уж сестрички, те чуть в обморок не падали.

Лори выглядела несколько более напряженной, чем Нинэя и Нирана. Она хмурилась, рассматривая огромное количество раскрашенных и разряженных девиц разнообразной свежести и привлекательности. Больше всего ее, пожалуй, поражало количество блестящих побрякушек на всех мыслимых и немыслимых местах у соперниц.

Лия обвешала себя некоторым количеством драгоценностей, из-за чего она не очень выделялась из толпы. Нам такой «роскоши» не досталось. Я вообще отказался надевать что-либо, пусть уж лучше все, что у нас есть, сестры наденут. Им это важнее.

Лия попыталась предложить свои украшения, но я потребовал не пудрить народу мозги и надевать только нам принадлежащие. Да, у нас их мало, выглядеть будем беднее многих, но зато охотники за приданым к нам точно не прицепятся.

Видя, как Лори кривится, глядя на молодых и развязных щеголей, я попытался ее успокоить:

— Слушай, как мне кажется, тебя больше интересуют более серьезные и представительные мужики. Вот и высматривай среди них кого-то посимпатичнее.

— Не знаю... может быть... Но чем старше мужчины, тем меньше шансов, что они свободны, — задумчиво рассматривая окружавших нас людей, тихо ответила она.

В это время объявили выход короля.

— А чем тебе не подходит его величество? Он, говорят, вдовец. Ты только посмотри, подтянут, красиво одет, движется словно танцует, а лицо — просто картинка, — как товар на продажу, начал рекламировать я.

Лори перевела свой взгляд на входящего короля и... начала его внимательно изучать. Из недовольного ее лицо постепенно приобрело задумчивое выражение, а затем оно плавно перетекло в мечтательное.

— Хм... А ведь и действительно потрясающе смотрится! — наконец восхитилась сестрица.

Его величество медленно шел вдоль рядов своих подданных, и его мантия волочилась за ним, подметая пол. При его приближении женщины приседали в глубоком реверансе, а мужчины склоняли головы.

— Ну и как он сможет обратить внимание или даже просто увидеть меня, если надо низко присесть и склониться. Да и народу так много, что он меня и не выделит из толпы. Ты посмотри, он ни на ком не задерживает взгляд, — еще сильнее, чем перед этим, расстроилась Лори.

М-да-а. Ведь правда, проплывает, не глядя... Привлечь внимание... Мысли быстро скакали у меня в голове. Как я понял, король — мужик веселый, может оценить чужие шутки и сам не прочь посмеяться. Правда, королевские шутки не всегда безобидны. Но кто не рискует, тот не пьет шампанского.

— Так. Пошли со мной. — Схватив сестру за руку, я решительно двинулся на передовую.

Аккуратно, но настойчиво протолкавшись, я выставил Лори в первую линию, чтобы мимо нее прошел его величество, а сам переместился на пару метров вперед по ходу короля. И как только тот прошествовал мимо меня, я наступил на край его волочащейся мантии и присел в реверансе. Единственное, чего я опасался, как бы он не дернул мантию резко, а то я и рухнуть мог.

С внимательностью у величества оказалось все в порядке, после небольшого натяжения мантии он притормозил и обернулся ко мне, удивленно приподняв брови. В этот момент Лори, стоявшая прямо перед ним, мило улыбнулась и, присев в глубоком реверансе, произнесла:

— Прошу ее простить, ваше величество. Она совершенно случайно.

Бросив на нее короткий взгляд, он снова посмотрел на меня. Блин. Я тут стараюсь, а он на Лори не смотрит. Постояв секунд пять и видя, что я не слезаю с мантии, он ее слегка подергал. При этом заинтересованно и в тоже время с улыбкой разглядывая меня. Похоже, маленькое отклонение от скучной рутины развлекало его. Тудыть твою! Да не на меня же смотреть надо!

— Абсолютно случайно. Я эту тряпку в упор не вижу, — мстительно заявил я и убрал ногу.

На лице короля сменилось несколько выражений, но он так ничего и не сказал. Медленно развернувшись и снова лишь скользнув взглядом по Лори, его величество собрался маршировать дальше. Рассердившись на столь очевидное невнимание к моей сестре, я опять занес ногу над мантией, собираясь наступить на нее вторично.

— Абсолютно случайно? — раздался ехидный голос величества.

Подняв глаза, я наткнулся на взгляд короля. Блин! Я и не заметил, как он обернулся. Пришлось срочно заворачивать ногу из положения «наступить на мантию» в реверанс. Чуть не рухнул при этом.

— Несомненно, ваше величество, — попыталась еще раз привлечь его внимание Лори.

— Что-то мне ваши глазки знакомыми кажутся, — задумчиво глядя на меня, сообщил король.

Меня как ветром сдуло. Я ужом проскочил между народом и спрятался за колонну. Ничего

себе память! Видел меня всего один раз и то три года назад! Может, пошутил?

В зале стояла полная тишина, и мне было хорошо слышно, как его величество тихо и восхищенно ахнул:

— Вот это скорость! Какая реакция!

— Она это может. И не только это, — раздраженно ответила Лори и с шумом резко закрыла веер.

И о чудо! На хлопок почти перед носом, его величество тут же обратил внимание и сконцентрировал его на Лори.

— Вас что-то расстроило, милочка? — поинтересовался он у моей сестрицы.

А той уже вожжа под хвост попала, она прекратила приседать и, громко стукнув сложенным веером по ладони, с недовольным видом бросила:

— Можно подумать, вас волнует мое настроение, — и развернувшись, пошла, расталкивая стоящих на пути придворных, к выходу.

Проступившее в первый момент на лице короля потрясенное выражение через несколько секунд перетекло в заинтересованное. И неудивительно. Лори из нас самая симпатичная и фигуристая. Да и как изящная девушка умело расталкивает народ со своего пути — тоже редкое зрелище. Но, как говорится, служба есть служба, и его величество помаршировал дальше.

Я же перехватил Лори на полдороге к выходу и постарался происшедшее подать так, чтоб она сама пришла к выводу, что мы своего добились, внимание привлекли. Это оказалось несложно. Человек, желающий во что-то верить, очень легко дает себя убедить.

Как только начались танцы, мы двинулись к своим. Чтобы сестрички не скучали и стараясь показать их обществу, дядюшка и Арни танцевали с ними по очереди. Постепенно девочек стали приглашать и другие мужчины. Даже меня пару раз пригласили на танец, что мне совершенно не понравилось. Для себя я решил выполнять роль охраны родственниц и поэтому старался от них далеко не отходить. Мало ли какие хамы или пьяные пристанут. Я же могу себе позволить многое, а для мужчины будет потерей чести любой наезд на меня, юную и, так сказать, невинную девушку, почти ребенка.

Через несколько часов все сестры танцевали почти без перерыва. Мне же приходилось наблюдать за ними и внимательно следить, чтоб вовремя спрятаться за спинами, если кто-то надумает меня пригласить. Вся эта катавасия надоела и утомила меня до невозможности. Ноги от высоких каблучков совершенно отваливались, болели спина и шея. От громкой музыки трещала голова. Мне было плохо до разноцветных бликов в глазах. Ни одного кресла, ни лавок, хоть на пол ложись. Решив найти во что бы то ни стало место, где можно снять эти чудовищные колодки и хоть немного отдохнуть, я вышел в ближайшую дверь.

Оглядевшись, я обнаружил чуть в стороне раскинувшийся парк, слабо освещенный газовыми фонарями и... о счастье!.. на границе видимости стояла совершенно пустая скамейка!!! Не обращая внимания на подгибающиеся ноги, я рванул к моей мечте. Сбросив туфли, я повалился на скамейку. Резко стрельнуло в пояснице и шее, даже в глазах потемнело, и из горла вырвался невольный стон. Эти женщины просто мазохистки! Так издеваться над собой.

О-о-х!!! Вдруг рядом что-то резко шумнуло, перед глазами мелькнуло светлое пятно, и кто-то мужским голосом воскликнул:

— Сударыня! Что с вами? Вам плохо?!

От неожиданности я подскочил и ударился лбом обо что-то жесткое. От удара в голове зачирикали птички и перед глазами замелькал рой разноцветных мух.

— Какого... пошел... чтоб тебе... — зашипел я и попытался отскочить в сторону. Но, вскакивая, наступил на платье, и как следствие мое тело, размахивая, аки птаха, руками, на бреющем полете рвануло к земле. Этот... козел... поймал меня почти у самой ее кромки, но при этом бляха, висевшая на его груди на толстой цепи, врезала мне по голове. Ну тут уж я и выдал характеристику его умственных способностей...

От неожиданности или обалдения он меня выпустил из рук, и я очень неэстетично все-таки рухнул на землю. Из меня с удвоенной силой понеслись определительные способы зачатия этого м... и его предполагаемая ориентация. В процессе вставания, поскольку мое сознание было отвлечено на этого козла, я, естес-сно, снова наступил на край платья и опять начал падать. Этот тип попытался поймать меня и случайно ухватился за мою грудь. От неожиданности он отдернул руки. Чисто рефлекторно, видно не желая больше падать, мои руки ухватились за рукав этого психа. Послышался громкий треск.

В попытке удержаться я судорожно попытался перехватить что-то более надежное и схватился одной рукой за его нашейную цепь, другой — за ворот рубашки. Рывок. Треск разрываемой рубашки. Падаю. Удар. Сверху свалился этот придурок и выбил из меня весь воздух. Лежим мы таким изящным крестиком. Сдавленно шиплю все, что я думаю на тему этих балов, танцев, туфель и всяких козлов, бегающих где не надо. А этот лежит себе и не шевелится, заслушался что ли? Вдруг рядом кто-то спрашивает с большим интересом:

— Что здесь происходит?

Идиот, что лежал на мне, резко попытался встать на четвереньки, но что-то пошло не так, и он снова рухнул на меня. Я взвыл дурным голосом и при следующей его попытке встать резко подтянул ноги, уперся ему в живот и столкнул с себя. Судя по воплям — в кусты.

— Что вы все-таки делаете? — в голосе спрашивающего любопытства было больше, чем беспокойства.

— Что делаем, что делаем, — пробурчал недовольно я, поднимаясь, — любовью занимаемся, а то не видно, что ли?

— Что-о-о?! — то ли выдохнул, то ли выкрикнул вновь подошедший и, глядя то на меня, то на того придурка в кустах, начал ржать. Именно не смеяться, а ржать, как лошадь.

Тут уж меня совсем злость разобрала.

— Сейчас и с тобой любовью займемся, — прошипел я и, подняв рядом лежащую туфлю, запустил ее в слишком веселого парня. Ну надо же! Попал прямо в лоб. Вскрикнув, этот «конь» рухнул на землю. Послышался шум и топот ног. Решив не дожидаться неприятностей, схватив вторую туфлю, я рванул в кусты. На пространство перед лавочкой выскочил стражник, какой-то расфуфыренный мужик и... король?! Ох...

— Что здесь происходит? Принц?.. Герцог?.. В каком ты виде? На вас что, было покушение?.. —

вопросы из короля сыпались без перерыва.

Туфлей стукнутый встал и окинул взором прибывших. Задержав взгляд на том, кто выбирался из кустов, начал ржать снова. М-да-а... Веселый парень.

— Нет... ваше величество... ха-ха... все в порядке... ха-ха... никаких покушений... мы это... того... хаа-ха-ха...

— Что вы здесь делаете в таком виде? — грозно спросил стоящий рядом с королем мужик.

Вылезший из кустов парень, до этого тихонько подхихикивающий, не выдержал и присоединился к ржанию ударенного туфлей.

— Мы... ха-ха... занимаемся... любовью... хи-хи, — простонал ударенный, и гогот с новой силой разнесся по парку. Попадав на землю, они уже просто рыдали от смеха.

На шум стали подходить люди. Приказав перекошенному от сдерживаемого смеха стражнику не подпускать никого близко, король сел на лавочку в ожидании, пока парни отсмеются. Мужик, пришедший с королем, молча стоял рядом. Минут через десять смех начал понемногу стихать, и опять прозвучало требование объяснить ситуацию. Начал рассказ, время от времени срываясь на смех, падавший на меня, оказавшийся принцем:

— Устав от танцев, я вышел на крыльцо, ведущее в парк. В это время музыка замолчала. Наслаждаясь короткой тишиной, я вдруг услышат стон, доносящийся из парка. Осмотревшись, увидел недалеко еле заметную в слабом свете фонаря лавочку и женский силуэт на ней. Подбежав, наклонился над лежавшей, оказавшейся очень молоденькой, симпатичной девушкой, и поинтересовался, что случилось. Резко подскочив, возможно от неожиданности, она врезала мне по лбу головой... Мы отшатнулись друг от друга. Затем она вскочила и почему-то сразу стала падать. Я попытался ее подхватить, но вдруг до меня дошло, что она говорит... и от неожиданности я ее уронил... ее речь стала еще более... м... э... более замысловатой. Потом, почти поднявшись с земли, девушка опять стала почему-то падать. Пытаясь не допустить еще одно падение, я снова попробовал ее поймать и хи-хи... совершенно случайно... нечаянно... ухватил за грудь... — В этом месте ударенный туфлей снова стал ржать, даже король с мужиком тихонько пофыркивали, пытаясь сдержать смех. — В замешательстве я отдернул руки... — (Король с мужиком засмеялись, уже не сдерживаясь.) — Пытаясь удержаться, девушка схватилась за мой рукав, он начал отрываться. И в отчаянном рывке, почти упав, она ухватила меня за цепь, при этом резко дернув... ну... ха-ха... потеряв равновесие, я рухнул на нее сверху... — (Тут уже ржали все, и даже из-за кустов доносился смех, вероятно, тайной стражи короля.) — Тут появился Рик и спросил, чем мы тут занимаемся... ха... ха... Девушка, сбросив меня в кусты, ответила, что, мол... любовью. Ну Рик давай ржать... Она говорит... ха-ха... сейчас и с тобой займемся... ха-ха... И бросила туфлю ему прямо в лоб... ох-ха-ха...

Минут десять в парке стояло непрекращающееся ржание. Судя по мощности, подслушивающих и приглядывающих за королевской семьей ох как много. Немного успокоившись, король похлопал принца по плечу и сказал:

— Ну спасибо, сынок. Давно я так не смеялся... Любвеобильный ты мой, — и снова все прыснули.

— А не расскажешь ли, мой друг, что она такого говорила, чем вогнала тебя в ступор? — спросил уже Рик.

Все заинтересованно посмотрели на принца. Посмотрев сердито на друга, принц в смущении

замычал:

— Мм... э... что-то близкое к тому, что... говорят стражники, когда... один наступит другому... на ногу.

— Хм... крута, крута девочка. Любопытно, а почему она падала, больная, что ли?

— Позвольте предположить, ваше величество, — прокашлявшись, произнес мужчина, все время разговора находившийся рядом. — Судя по маленькому, почти детскому размеру туфли, приложенной в качестве любви ко лбу Рика, — он показал на мою туфельку в руках герцога, — девушка недавно, а может и впервые, появилась на балу. С непривычки устав от танцев и каблуков, разувшись, прилегла отдохнуть на лавочку... а тут принц со своей заботой... Сняв туфли, она стала ниже на высоту каблука, соответственно, и платье стало длиннее. Из-за чего неудивительно, что при каждой попытке шагнуть она наступала на его подол.

Отсмеявшись, король отправил потрепанных «любовью» парней привести себя в порядок и переодеться, а сам со спутниками вернулся в зал.

Пора и мне отсюда сваливать. А то уже замерз сидеть в кустах, ночь же. Да уж... Шутки лучше слушать, чем в них участвовать. А мужик-то не дурак. Как точно догадался обо всем! Советником наверняка работает. О-хо-хошеньки, ну и видок у меня. Волосы растрепаны, босиком, платье кустами порвано, грязное. Пешком придется идти, не искать же карету в таком виде. Хорошо хоть наш дом не очень далеко и сейчас темно.

Одной рукой подобрав платье, в другой, как молоток, держа единственную туфлю, минут через сорок, злой до потери сознания, я добрался до дома. Тарабанить туфлей пришлось пару минут, что явно не добавило мне хорошего настроения. Двери открыл охранник. Служанка стояла за его спиной. Увидев меня, они испугались. Вроде бы что-то знакомое, и в то же время такого не может быть. Я взревел:

— Гады!!! Я тут тараба-анию!!! А они спя-а-ат!

Служанка, обогнув охранника, бросилась ко мне:

— Госпожа, что случилось?! Как вы себя чувствуете?! Может, доктора позвать? Что же вы такое делали, чтоб так выглядеть?

— Любовью занималась! — рявкнул я и, оттолкнув служанку, рванул в дом.

Глава 22

ОХОТА ПРИНЦА

Где-то через месяц после столь потрясающих для меня событий во дворце снова устраивался бал. Я какое-то время раздумывал: а стоит ли мне туда идти? Вроде бы никаких проблем возникнуть не должно. Лица моего они толком не видели, имя я свое не говорил, платье и прическа будут другими. К тому же народа на балах всегда присутствует так много, что даже знакомого найти сложно. А у меня важное дело, сестер в свет выводить надо да следить, чтоб хмыри всякие, бедные да гулящие не цеплялись к ним. Так что на бал я поехал вместе со всеми.

— Послушай, Ли, тебе не кажется странным поведение его высочества принца Рональда и его

друга герцога Риколло? — прикрыв лицо веером и слегка наклонившись, тихо обратилась ко мне Нирана.

Чтобы хоть что-то, кроме спин, увидеть, мне пришлось подняться на балкон. Нирана пошла со мной. Отыскав глазами принца и герцога, я окинул взглядом окружающих их девушек и повернулся к сестре:

— Все вроде как всегда.

— Ну не скажи, не скажи... Я уже второй час наблюдаю, и мне кажется, они приглашают на танец только девиц маленького роста. Чего это их на мелких потянуло? Ты, случаем, не в курсе? — ехидненько так улыбнувшись, Нирана искоса посмотрела на меня.

— Смотри косоглазие не заработай, — пробурчал я, но на всякий случай решил проверить ее предположения. Понаблюдав в течение часа за друзьями, я сильно озадачился. Они действительно приглашали танцевать в основном мелких.

— Слушай, а ведь ты права. Они что, сезон охоты на меня открыли? Еще, что ли, «любви» туфель захотелось?

Сестрица рассмеялась:

— Экзотики им захотелось! На остренькое потянуло!

— Кинджал в з... — пробурчал я.

Нирана расхохоталась вовсю.

— Тише ты, ненормальная. Не привлекай ко мне внимания! — Я рванул к ней за спину. Кошмар какой-то! Прекратить бы ходить на балы, чтоб тот случай забылся. Но это не меньше года надо не появляться, если не больше. Такое сильное, мать твою, впечатление... А мне четырех сестер замуж выдать надо, брата с паханом женить. На это же не один год может потребоваться. Так что пересидеть никак нельзя, нет времени. Не дай бог, перейдут в разряд старых дев мои голубки, тогда проблемы с замужеством только увеличатся.

Кстати!!! Лицо мое они вряд ли помнят, полумрак был. Один меня подхватить все пытался, так что не до рассмотрений морды лица, а потом, когда поперек лежал, так вообще носом в клумбу наблюдал. Второй только клюв раскрыл и сразу туфель получил, так что тоже вряд ли меня разглядеть успел. Каким образом они определять собираются — та это или не та?! Никого вроде не роняют и башмаком съездить по мордам не просят. Вот разве что голос!.. Надо присмотреться, что они с мелкими проделывают. Жаль, сестриц привлечь нельзя, им хахалей охмурять надо, глазки там строить, умности вещать...

Вот, поди ж ты, проблема: мне на фиг не нужны женихи, а уже разыскивают. У сестриц же, хоть и красавицы они у меня, пока ничего приличного на горизонте не появилось. Прямо хоть укладывай их по очереди на той скамейке, подманивай к ней перспективных мужичков и бей им туфель в глаз. Проблема-эма...

Так... так... так... и что это наше высочество делает? Ага... Ага-а... по ножкам, значит, топчемся. Неуклюженький ты наш. Ну и сволочь же ты, твое высочество, она ж тебе до подмышек не достает. Ты ж своими лаптями совсем девчонке ноги отставишь.

Куда король смотрит?! О!.. На них!!! Похоже, догадался, чем эти придурки занимаются. О чем-

то с Советником своим переговаривается. О!.. Похоже, ставки делают! Интересно, на что? Найдут — не найдут, набьют им морду — не набьют? В смысле парням. Хотя... вряд ли кто решится.

Караул!!! Спасайся кто может!!! Задумчивая я моя!!! Пока клювом щелкал, в поле зрения дружка принца, который стукнутый, попал. Старательно делаем вид, что никуда не спешим, а просто спускаемся вниз и вальсируем по нужде, в смысле к нужнику. Ох, меня ж там просто перекроют. Так... резвенько в другую сторону, о нет!.. в еще более другую. Шустрее, еще шустрее. Су... герцог не отстает!..

Балы гребаные! Наро-оду-у, нормальному человеку разбежаться невозможно. Толпень, туды ее! Ну вот!

— Сударыня, позвольте пригласить вас на танец.

«Догнал-с-с-с..! Чтоб тебя родимчик схватил!» — чертыхнулся я про себя. Ишь сопит, ухекался, сволоочь. Меняем голос:

— Ох, ну что вы, сударь! Я так устала. Да и танцевать у меня плохо получается. Неуклюжая я.

— Сударыня, я буду просто счастлив танцевать с вами. Вы наговариваете на себя. Такая прекрасная девушка обязана божественно танцевать! — соловьем заливался этот козел.

О! Кажется, принц заметил наши телодвижения и гребет на огонек. Пора сваливать по-любому.

— Ах и увы, сударь, вы ведь хромаете.

— Да?! — удивился герцог, и глуповатое выражение проступило на его лице.

— Д-ха!! — мило улыбаясь, я со всей силы наступил ему на ногу.

Взвыв, друг принца начал быстро бегать по кругу, подпрыгивая и сильно хромая.

— Вот видите, а вы не верили, — быстренько присев в реверансе, я рванул между зеваками.

Сколько народу... сколько народу... С-с-с... теперь уже принц — наперехват пошел... Попробуем через второй этаж... Ну надо же! Эта зараза хромая сзади-таки скачет. Врешь! Не возьмешь!.. Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»! А лестницы, лестницы! Кто так строит, кто так строит?!

Сил моих уже нет. Ну как на такое безобразие король смотрит? О! Радостно так смотрит. Весело ему!!! А дулю не хочешь? Ага-а!!! Знай наших! Посиди теперь соляной скульптуркой. О! А там и не одна скульптура, а целая групповая композиция! Класс!..

Карау-у-ул!!! Догоня-ают и, кажется, загоняют. Окно! Распахиваю. Блин, второй же этаж. Хорошо хоть дерево близко. Заскакиваю на подоконник.

— Стой, разобьешься! — кричит, кажется, герцог.

— Сам придурок, — выдаю я и прыгаю на ближайшую ветку. Да уж, в бальном платье и по деревьям — то еще удовольствие, хотя и несколько раз отрепетированное, так, на всякий случай. Судя по всему и этому платью кирдык. В окне только одна рожа торчит. Вероятно, герцогская, поскольку хроменький. Принц, видно, к выходу рванул, внизу меня перехватывать.

Ню-ню... Повиснув обеими руками на ветке, сбрасываю туфли и осторожно нащупываю ногами

сук внизу. Одной рукой расстегиваю пояс. Отпускаю верхнюю ветку, резко приседаю, быстро обхватываю поясом нижнюю ветку и спрыгиваю. Зависаю на поясе где-то на высоте двух метров. Отпускаю один конец пояса и падаю на клумбу. Хватаю туфли и подол платья в руки и бегом к выходу. Благо мы с сестрицами сегодня два часа «прогуливались» перед балом, изучая парк и возможные пути отхода.

Карета была в условленном месте. Слава богу, хватило ума договориться, где меня ждать на всякий непредвиденный, как этот, случай. Уже дома, лежа в ванне и замазывая царапины на руках и ногах йодом, пришел к выводу, что с балами, как теперь для меня опасными, придется завязать на некоторое время. Но поскольку замужества сестер и женитьбу брата не отложишь, следует перейти на частные знакомства и салоны. Хотя, конечно, это не решение проблемы, надо бы придумать что-то более эффективное.

Часика через три вернулись с бала наши. Шум и хохот стоял на весь дом. Оказывается, после моего эффектного ухода король позвал принца с герцогом к себе. Чтобы не упустить такое интересное собеседование, сестрицы переместились поближе к королевской семье.

Подойдя к королю, хмурые и молчаливые, принц с герцогом поклонились. Его величество ехидненько так вопрошает, типа, чем это вы там занимались? Что за бег с препятствиями и выбрасыванием юных девиц в окна? Недостойно, мол, такое поведение наследника престола и его верного друга и близкого родственника. Принц начал отнекиваться, типа: мы че, мы ниче, девица, мол, сумасшедшая, сама скакнула...

Тут король потребовал полного отчета. Выходило, что парни решили поискать на балу девицу, что им по головам прошлый раз настучала. Стали приглашать на танец только мелких и в процессе наступали им на ноги, предположив, что искомая есть девушка экспрессивная, что-нибудь эдакое выдаст и таким образом себя откроет.

Девица оказалась умнее и догадалась о том, что и зачем они делают. Увидев, что герцог на нее смотрит, она попыталась спрятаться за спинами публики. Когда же Риколло направился в ее сторону, девушка на хорошей скорости начала от него уходить. Догнал он ее с трудом. Начал приглашать, а она, мол, неуклюжая я, да и вы хромаете, и ка-а-ак врежет каблуком по пальцам на ноге. Рик действительно захромал. Эта сумасшедшая по лестнице наверх, принц с другом — наперехват с двух сторон. Она же окошко открыла, прыг на дерево, и как обезьяна — вниз, и убежала. На этом месте король рассмеялся и выдал что-то типа — сделала она вас. Ну принц ему на это, мол, и вас она вниманием не обошла. Король смеяться перестал и ничего больше не сказал.

Послушал я все это и решил, что, наверное, и пару лет не посещать королевские балы будет мало, чтоб высокое семейство обо мне забыло.

Какая муть и нудятина эти салоны! Бродишь, словно придурок, от кучки к кучке, слушаешь всякую дребедень, время от времени споет кто-то, и не факт, что хорошо. Женская половина собравшихся все больше шмотки обсуждает да глазки почти на автомате строит. Мужики об охоте да о политике, прям как у нас и в наши времена.

Главная проблема с этими салонами, поскольку они частные, — попасть на них можно лишь по приглашению хозяина или прийти с кем-то из приглашенных. Пришлось разыскивать и подключать все возможные и невозможные связи. Николло приложил руку к организации приглашений для нас в некоторые дома. После того как мы с сестрами в салонах спели несколько песен моего мира, нас начали приглашать более активно.

Наибольшим спросом пользовались песни из любимого мной в детстве кинофильма «Гусарская баллада» да «Вечерний звон», разложенный на голоса. Не могу гарантировать, что точно вспомнил тексты, может чего и переврал, но даже в таком виде исполнение шло на ура. Споем несколько песен, а потом слоняемся по залу. Сестрицы к молодежным кружкам присоединяются. Основное там хи-хи да ха-ха, улыбочки... Короче, фигня всякая.

Мне совершенно не хотелось в эту ерунду вникать. Я бы все больше о политике поговорить и послушать предпочел, чтоб быть в курсе предполагаемых крупных событиях, таких как война — мир, дружба — вражда, цены и спрос на межгосударственном и на внутреннем рынке... Но ведь не подойдешь же напрямую к группе джентльменов. Мужики в осадок выпадут: девушка-подросток — и об охоте, ценах, бабах и о политике слушает и говорит.

Вот и приходится делать вид, что то картину разглядываю, то скульптурки, то просто стенку. Много, конечно, чепухи и откровенной глупости болтают здесь мужики, но я и полезного услышал немало. Последнюю неделю все, даже молодежь, обсуждают события на границе. Вроде бы получается, какой-то там сосед подтягивает к границе войска и, вероятно, двинет на нас войной. На неделе должен собраться Совет для обсуждения создавшегося положения. Все сходятся во мнении, что на границу войска пошлют и быть войне.

Вот и сегодня я пристроился к группе активно обсуждающих данную тему мужиков. Как обычно, направил глаза на стенку, делая вид, что разглядываю там что-то, и чуть челюсть не потерял. На стене оказалась карта нашего и соседних государств, выполненная из редких пород дерева. Инкрустированная перламутром и полудрагоценными камнями, она выглядела потрясающе. Этот шедевр меня просто восхитил, и я пропустил часть беседы.

Мое внимание от карты отвлек громкий голос, доказывающий, что предполагаемая страна-агрессор даже теоретически не способна собрать такую по количеству, как говорят, армию. Береника небогатая страна, люди там практичные и не станут нападать на большего по размеру, богатству и количеству людей соседа. Наши ближайшие к их границе земли малолюдны, а значит, пропитания войскам и животным там не найти. Чтобы собрать с собой необходимое количество еды и фуража на указываемое информаторами количество солдат, им пришлось бы обобратить все население своей страны.

— Этого не может быть, потому что не может быть в принципе!

Таким восклицанием закончил говоривший. Вокруг него народ что-то возбужденно зашумел, и разговор плавно так перешел на другое. Глядя на карту, я размышлял о только что услышанной речи. Уж очень логичной и убедительной она выглядела. Да и сам мужчина смотрелся серьезно так, основательно.

Я попробовал найти на данной карте предполагаемого агрессора. Даже если учитывать, что патриоты часто преувеличивают границы своей страны, то и в этом случае территория предполагаемого агрессора была наполовину меньше нашего королевства. Четверть земель у них занята болотами и горами... А ведь и наши земли на границе с ними малозаселенные, тоже болотистые, да и до столицы далеко. Далеко... Далеко!!! Вот оно что... Срочно надо найти кого-то, с кем можно поделиться важными соображениями! А кто ж меня слушать будет? Проблема...

Расскажи я сестрицам, они-то послушают, да толку от этого внимания никакого. Надо слушателя серьезного, имеющего власть или хотя бы входящего к таким. А такой меня вряд ли станет слушать. Видуха у меня не внушающая доверия. Чтоб привлечь внимание, надо собеседника чем-то озадачить, ну не туплей же в лоб!

О, на ловца и зверь бежит! Советник! Как вовремя! Что-то раньше я его в салонах не замечал. Хотя, конечно, я большую часть времени слушаю, что говорят другие, делая вид, что разглядываю стены, где уж тут углядеть всех. Теперь бы мне отловить его одного и озадачить, чтоб меня выслушал. Кажется, пошел к двери. Срочно наперехват! Прикрыв лицо полупрозрачной вуалью, я рванул к нему.

— Сударь, не будете ли вы так любезны уделить мне немного своего драгоценного внимания и выслушать информацию, которая может оказаться очень важной и достойной затраченного времени, привести к некоторому пересмотру имеющейся на сегодня версии предполагаемых событий и направить необходимые действия в наиболее выгодное русло. — Я протарабанил эту фразу на одной ноте, без запятых и ударений.

Советник, симпатичный и подтянутый мужчина лет сорока — сорока пяти, остановившись, пару минут молчал, задумчиво разглядывая меня. Видно, пытался расставить знаки препинания и ударения в услышанной фразе. То ли у него не получилось, то ли сработала мужская реакция на женщин вообще и на мой несолидный вид в частности, но он ответил:

— Прошу меня извинить, милочка, но я спешу по важному делу, — и собрался сваливать.

— Старые люди то ли из-за своей лени, то ли по глупости, то ли чтоб казаться более значимыми, часто говорят о своей занятости, — без тени улыбки, ровным голосом произнес я.

Советника чуть кондрашка не хватил. Пару раз открыв и закрыв рот, он все же вежливо произнес:

— Я не знаю, деточка, чем могу быть вам полезен.

— Вы можете меня выслушать, — отчеканил я. И чтоб его совсем добить, произнес: — Мудрый человек вслушивается в информацию: логично ли это, имеет ли смысл, — дурак же всматривается в собеседника: достоин ли он, чтоб я его слушал, хочу ли я его слушать. И чаще всего информация проходит мимо такого умника.

Какое-то время мужчина с нездоровым интересом разглядывал меня, может быть, прикидывал, как далеко и надежно послать или придушить, но все же сказал:

— Ну что ж, сударыня, ваша настойчивость достойна того, чтобы вас выслушать. Будем беседовать здесь или вы предпочитаете другое место?

— Предпочитаю другое место, и к тому же уединенное, но я в этом доме впервые, поэтому решать проблему с местом будете вы.

Советник смотрел на меня уже с явным интересом и легким удивлением. Потом, махнув рукой вперед, он сказал:

— Прошу вас.

— Понимаете, сударь, я все равно не знаю, куда идти, так что вы идете куда надо, а я — быстренько за вами, — ответил я.

Он хмыкнул и пошел. Буквально через минуту мы стояли у двери. Даже странно, как быстро он нашел подходящую комнату.

— Это дом моего друга, — ответил он на мой удивленный взгляд. — Проходите,

присаживайтесь, сударыня... э...

— Графиня Ли, — ответил я и добавил на его вопросительный взгляд: — Я думаю, этого будет достаточно, для темы моего рассказа. — Подумав, я все же попросил его больше внимания уделить моему сообщению, чем внешнему виду: — Не всем хватает мудрости прислушиваться только к тому, что говорят, невзирая на то, кто это говорит.

Я начал разговор с вопросов: откуда поступили данные о противнике, насколько достойны доверия принесшие информацию? Советник отвечал с большой неохотой, видно, ни на секунду не забывал о том, что разговаривает с девушкой-подростком, или же он начал понимать, что проверенной информации у него нет.

Затем я передал услышанный мной разговор. Во время моего рассказа герцог задумчиво подошел к столику, налил в два бокала вино, затем, взглянув в мою сторону, взял только один бокал и сел в кресло. Далее, я предложил ему ознакомиться с картой и обратить внимание на факторы, подтверждающие слова господина, только что так толково комментировавшего ситуацию.

А факты впечатляли, и самым интересным среди них, с моей точки зрения, была именно большая удаленность границ от нашей столицы. В этом месте Советник насмешливо посмотрел на меня. Не давая ему времени на вопросы, я продолжил говорить, не останавливаясь:

— При положительном решении Совета через три — пять дней на защиту отечества выступит наше войско, включая и большую часть столичного гарнизона. По дороге к ним начнут присоединяться части из ближайших гарнизонов. Выдвижение к границе у них займет около десяти — пятнадцати дней. Через месяц, то есть когда войска будут в районе границы, погода должна испортиться, пойдут дожди, поскольку надвигается осень. Дороги станут плохопроходимыми. А значит, в случае необходимости войска не смогут быстро вернуться в столицу... — Здесь я сделал небольшую паузу.

Советник уже не сидел, а размеренно маршировал кругами по комнате, задумчиво почесывая подбородок.

— Вы только посмотрите, какая прекрасная возможность для перемены власти. Пока гонцы доберутся по бездорожью до войск, пока те вернутся в столицу, тут уже все перестановки будут произведены. Генералам только и останется присягнуть новой и уже законной власти. — Я наконец-то перевел дух.

Герцог все так же задумчиво нарезал круги, время от времени что-то про себя бурча. Стараясь не привлекать его внимания, я выскользнул из комнаты и быстро рванул на выход. Больше я ничего сделать не могу. Если мозгов и власти у Советника хватит, то войска вряд ли сразу пойдут к границе, сначала попробуют уточнить информацию. Если же мозгов не хватит...

Беря во внимание наш беспокойный образ жизни, мы завели в качестве правила всегда держать карету недалеко от того места, где мы находимся в данный момент. Я тихонько добрался до нашей кареты и улегся спать, задернув шторы.

Минут через двадцать подошли и сестры. Оказывается, после моего ухода хозяин шустренько забегал по залу, затем извинился перед гостями и с несколькими мужчинами ушел. Гости, оставшись без хозяина, тоже стали расходиться.

Глава 23

КАНИКУЛЫ В ДЕРЕВНЕ

Решив не искать неприятностей на одно место, мы с сестрами двинулись в свое поместье, пережить возможные перестановки. При любом раскладе — переворота, попытке переворота или войне — в столице оставаться опасно, а до наших окраин потрясения вряд ли докатятся. Мы же отдохнем на свежем воздухе, проведем братев, побродим по горам в поисках трав и минералов. Поскольку у нас теперь две аптеки, в Торнске и в столице, то и трав требуется больше.

В столице остались только Арни и дядя Лии. Даже магистр решил не рисковать — года не те — и уехал с нами. В трактире в помощь Жаку и для охраны остались четверо парней и три девчонки из команды. Трактир должен был продолжать работать, поскольку приносил немалую прибыль.

Одно плохо — она в основном шла на наши траты, так как стоимость жизни в столице была высокой. Одни наряды да украшения требовали столько денег... К тому же приходилось платить учителям по этикету, танцам и прочим предметам, необходимым нам для вхождения в свет. Откладывать на приданое сестрам получалось меньше, чем хотелось бы.

Отсутствовали мы дома более года, и изменения, произошедшие в имении, здорово нас порадовали.

У Рэма дела обстояли отлично. Мытье золота давало пусть небольшой, но стабильный доход. Хоть и не было найдено больших самородков, но небольшие партии металла постоянно отправляли в Торнск. Магазин по продаже трав, минералов, поделок и прочего... тоже приносил стабильный доход. Время от времени парни из команды, оставшиеся в имении, выступали с концертами в трактире Торнска.

Рэм отнесся к своим обязанностям с полной ответственностью. Даже собрал по небольшой сумме денег сестрам на приданое. С весны по осень в имении трижды проводилась олимпиада с подарками и народными гуляньями. Народ выглядел здоровее, чище, веселее. Да и сами деревни выглядели лучше.

Встретили нас радостно, и было решено провести внеплановую олимпиаду, благо мы подарков навезли. Три дня гуляли и каждый день по бочке вина выставляли. Всем хоть по паре кружек, но досталось. По вечерам жгли костры, пели песни, водили хороводы. Мне было так хорошо дома, что если б не долг выдать сестер замуж, я бы в столицу и не стал возвращаться вовсе.

В какой-то момент меня вдруг стукнуло: а где же Ирвин? Ведь до его имения всего несколько часов езды, пусть не в первый день, но на второй он мог же приехать? Когда я поинтересовался у сестриц, что слышали они об Ирвине, они тоже обеспокоились. Рэм на наши вопросы не смог ничего толкового ответить и старательно уходил от вопросов, а потом и вовсе, сославшись на дела, сбежал.

Оставив его в покое, мы решили сами проверить, в чем проблема. На следующий день после тренировки и завтрака, никому ничего не говоря, поехали в имение тети.

Подъехали мы с сестрами к замку в районе обеда. Самое удивительное, на нас никто не обращал внимания: не открыли ворота, не вышли навстречу. Стражники, находящиеся на стене, угадывались лишь по торчащим шлемам. Похоже, они резались в карты. Ворота оказались не заперты. Во дворе присутствовала лишь парочка служанок, которые громко трепались между собой, не обращая на нас внимания. Та-ак...

Пройдясь по замку и заглянув почти во все комнаты, мы убедились, что везде отсутствуют порядок и дисциплина. Осмотрев все, мы отловили пару слуг и подробно расспросили о том, что здесь происходит. Полученная информация потрясла и завела нас. В полной ярости я ввалился в комнату, где за столом и под ним расположились братец, его управляющий, старший из охраны и еще несколько человек, о которых можно было догадаться лишь по сапогам, торчащим из-под стола. Сестрицы залетели следом за мной и замерли на пороге, с возмущением глядя на это безобразие.

— О, гости! Рады вас видеть. Мы тут празднуем, присоединяйтесь. Эй, кто там есть! Тащи вина и налей гостям! — заорал управляющий и попытался встать, но тут же рухнул на лавку.

Я медленно пошел к нему. Мужик, сидящий рядом с управляющим, попытался обнять меня за талию. Тут меня как прорвало. Врезав со всей дури в глаз этому козлу, я начал обрабатывать его посохом. Братец, лежащий мордой в салате, приподнял голову и, увидев процесс вразумления, попытался возмутиться, типа кто тут хозяин, и тоже получил в глаз. Сестры решительно включились в процесс воспитания.

К тому моменту, как мы закончили выдавать свое возмущение их плохим поведением, у Ирвина горели бланжами оба глаза, с трудом шевелилась рука и прорезалась хромота на правую ногу.

Управляющему повезло меньше всех: у него была вывихнута рука и хромал он на обе ноги. Старшему охраны тоже немало досталось, но он умудрился извернуться и не получил серьезных повреждений.

— Если не хотите получить через несколько лет копию покойного дядюшки, я рекомендую не вмешиваться в процесс-с-с вос-с-спитания, — чуть не переходя на шипение, посоветовал я прибежавшим на шум тетушке и Тинэе.

— Не отвлекайтесь от столь полезного дела, — крикнула нам Нинэя и, схватив за руки мать и сестру, потащила их из комнаты.

Вытащив братца и управляющего на крыльцо, я потребовал срочно собрать всех слуг и охрану во дворе. Видя перед собой наглядный пример наказания, собрались все быстро. Выглядело это сборище совершенно расхлябанно. А ведь когда мы первый раз к тете приезжали в гости, и слуги, и охрана смотрелись безупречно. М-да-а. Надо срочно вправлять народу мозги на место.

Выдал указание построиться всем слугам, невзирая на возраст и должность, в колонну по четыре. Девчонкам из команды приказал помочь этому стаду баранов поскорее разобраться. Помогая себе посохами и ногами, девочки за полчаса всех выстроили. Выдав проникновенную речь на тему, в кого они превратились и как низко упала их дисциплина, я уверил их, что это очень плохо. Состроив что-то наподобие улыбки, сообщил, что мы прямо сейчас начнем это безобразие исправлять.

Расставив членов моей команды вокруг выстроенных в колонну слуг и охранников, я обрадовал всех сообщением, что будут они маршировать вокруг замка до тех пор, пока не выучат песню и не начнут шагать в ногу. Дав сигнал «на старт», я добавил, что особо ленивых и непонятливых будут подгонять палками. Кивнув мне, что поняли намек, моя команда запела, маршируя на месте:

Легко на сердце от песни веселой.
Она скучать не дает никогда.
И любят песню деревни и села,
И любят песню большие города...

Когда все в колонне присоединились к маршу, мои девчонки двинулись со двора вокруг замка.

Проследив за колонной взглядом, я повернулся к братцу и его собутыльникам. Чтобы с ними можно было разговаривать, их необходимо было привести в чувство. Пришлось послать трех здоровых мужиков окутать развеселую компанию в бочки до полного просветления.

Фыркая и отплеываясь от воды, они пытались вырваться и сбежать. Но мужики держали их крепко. Через пять макий Ирвин и его собутыльники, выпучив глаза, рефлекторно начали изображать лягушачий стиль плавания.

Разглядев на их лицах пробуждающийся мыслительный процесс, я послал их (с Нираной и Нинэей по бокам, чтоб не сбежали) во главу марширующей колонны.

Сам же расположился на высоком крыльце и наблюдал за тем, как маршировала с песней колонна ленивых слуг во главе с моим братцем. Через какое-то время ко мне присоединились сестры, убедившись, что Ирвин добросовестно шагает со всеми.

Часа через четыре от начала марша в распахнутые ворота въехали три всадника. Спрыгнув на землю, один из них начал громко орать, однако за пением его было плохо слышно. В это время колонна проходила мимо ворот, и я дал сигнал заткнуться. Присмотревшись к оравшему, я с трудом узнал отца. А орал он, оказывается, выказывая свое возмущение нашим поведением. Что-то вроде того, какое мы имеем право здесь командовать, бить своего брата и позорить его перед подданными. Мол, Ирвин — старший брат, и вообще пьет он не так уж и много...

На последних словах отца меня переключило. Так он, оказывается, знал, что Ирвин пить начал, и ничего не сделал, чтобы этого не допустить?! В три прыжка я долетел до папика. Увидев перед собой мое лицо с красными от ярости глазами и почувствовав острое посоха, упирающееся ему в грудь, он испуганно замолчал.

— Та-ак ты зна-ал-л, что он пьет, и ничего не сде-элал-л?! — заорал я, с трудом удерживаясь, чтоб не навешать и папаше, как братцу.

— Э-э... мм... Ли, доченька... он же твой брат и мой сын, — заблеял перепуганный отец, стараясь незаметно отступить назад.

— Вспомнил, наконец, что детей имеешь?! Но ты еще забыл упомянуть, что ты, как отец, обязан следить за тем, чтобы дети не позорили родовое имя. Напиваясь как свинья, не следя за порядком и слугами, не заботясь о своей жене и ее матери, Ирвин позорит не только себя, но и всю семью. А ведь он давал клятву! Ты, зная о его поведении, ничего не сделал, чтобы это изменить?! — оскалив зубы, орал я, медленно надвигаясь на отца.

Тот, втянув голову в плечи и хлопая глазами, молча отступал назад. В этот момент между мной и отцом возникла тетя Оливия.

— Девочка моя, не надо бить своего отца. Он, конечно, в чем-то виноват, но я тебя прошу, не сердись на него, он хороший, — поспешно зататорила тетушка.

Я с трудом сконцентрировал свое внимание на ней. Пару минут я пытался понять, что она говорит. Поведение братца до такой степени возмутило меня, что я никак не мог успокоиться. Столько сил, времени и здоровья было затрачено нами на то, чтоб он женился на Тинэе. Я ведь надеялся, что он поможет собрать некоторую сумму на приданое сестрам. Если все оставить как есть, тут не только приданое не появится, но и богатое имение придет в упадок.

Какое-то время я рассматривал тетю. Она смутилась, даже волосы пригладила и потупила взгляд.

— Тетушка?! Не поняла? А почему вы-то все еще не замужем за моим отцом? — возмущенно воскликнул я.

От такого поворота сюжета тетя Оливия и отец синхронно вздрогнули, раскрыли рты и округлили глаза. Несколько раз попытавшись что-то сказать, тетушка спряталась за спину моего папаша. Мой сердитый взгляд уперся в отца. Судорожно сглотнув, он отступил назад, чуть не наступив тете на платье.

— Ты что, за полтора года не нашел времени сделать тете предложение?! — рявкнул я на папика.

Он замотал головой. Непонятно было, о чем это он машет.

— Немедленно привести священника! Мы сейчас женить отца будем, — бешено заорал я, обращаясь к своим парням.

Род с Тарэном рванули в дом. Папик и тетя усиленно замахали головами, пытаясь что-то сказать.

— Вы что, про-отив?! — рыкнул я в их сторону.

— Н-не-эт... — проблеяли они хором.

— Ну раз не против, то сейчас и поженим! — и, обернувшись к двери, рявкнул: — Где священник?!

В это время мои парни вынесли из дома кого-то, напоминающего священника, мятого и пьяного в дым. Мы помокали его, как и братца, головой в бочку. От этой процедуры взгляд батюшки стал более осмысленным.

— Надо провести обряд бракосочетания. Сможешь? — Глядя на то, как он собирает глаза в кучку, было сомнительно, что он понял, о чем его спросили.

— Нет проблем, — пьяно икнул священник и, порывшись в карманах своей рясы, достал какую-то книжку.

Да уж... Вот какое уважение может быть к такому служителю культа да и к культу вообще? Но такие вопросы редко возникают в головах людей. А ведь религия и власть требуют не только веры, но и понимания, во что веришь и кому подчиняешься. И что немаловажно, надо уметь отделять идею от исполнителя, который в состоянии так перекрутить суть всего... Но делать нечего... Будем использовать то, что есть.

— Начинай! — рыкнул я в ухо священнику.

Тот, еще раз икнув, раскрыл книгу и гнусаво что-то заныл, поддерживаемый с двух сторон парнями, чтоб не рухнул раньше времени. Папик и тетушка порывались что-то сказать, но как только священник затянул свой речитатив, благополучно заткнулись. Видно, и они привыкли смотреть в рот пастухам народным.

Перед воротами стояла колонна слуг, и они внимательно прислушивались к нашему разговору.

Обратив на них внимание, я велел девчонкам перегнать эту толпу во двор. Стараясь не шуметь, народ просочился внутрь. Команда постаралась не дать развалиться строю и, помогая себе посохами, выстроила всех вдоль высокого крыльца, на котором проходило венчание.

— Если закончишь процедуру побыстрее, дам три бутылки лучшего в этом замке вина, — не выдержав долгого стояния и выслушивания невнятного бляенья, тихо прошептал я попу.

Тот меня услышал и на минутку заткнулся. Потом совершенно трезво поглядев на меня и пожевав губами, запустил свое завывание с утроенной скоростью. Отец и тетя посмотрели на нас с укоризной. Я же сделал вид, что ничего не заметил и вообще я тут ни при чем. Обряд и так далек от канонического, так что чуть больше, чуть меньше отступлений — это уже неважно.

Не так скоро, как мне хотелось, но все же быстрее, чем положено, священник добрался до вопроса «Согласны ли вы...». То ли брачующиеся задремали под монотонное тарыхтение священника, то ли только сейчас до них дошло, что происходит, и они начали это обдумывать, но на вопрос тетя с отцом не отвечали. Зная, сколько времени они уже размышляют над этим, я пригрозил им, что мы будем стоять, не сходя с этого места, до тех пор, пока они не скажут «согласны». Даже если на это уйдет несколько дней. Глянув на меня испуганно, брачующиеся хором ответили «да» на обращение и к жениху, и к невесте.

«Объявляю вас мужем и женой» и «Поцелуйтесь, дети мои» священник выдавал уже на полном автопилоте, пытаюсь сползти на пол. Род и Тарэн с трудом удерживали его в вертикальном положении. Пытаясь вырваться, поп начал выкрикивать что-то невнятное. Лишь одно слово прозвучало вполне понятно — «за упокой». От неожиданности у меня даже посох выпал из рук.

— Что-о-о?! — подхватив посох у самой земли, взвился я и почти уткнулся носом в лицо священника.

С перепугу тот почти протрезвел и вытянулся в струнку. Похоже, перед получением сана он был солдатом.

— Моли-итву запе-эва-ай!!! — во всю мощь легких, скомандовал я.

Выстроенные в колонну слуги дружно запели молитву. Все было бы хорошо, но меня что-то беспокоило. Причем я не мог понять, что именно. Сзади послышалось хихиканье. Я удивленно оглянулся. Смеялись Лори и Нирана. На мой удивленный взгляд они шепнули: «Музыка», — и засмеялись уже более открыто.

И тут до меня дошло — народ пел молитву на музыку марша из «Веселых ребят». Похоже, его они выучили основательно. Округлив глаза, я посмотрел на священника. Увидев мое вытянутое лицо, священник икнул и бодро, громким басом присоединился к пению прихожан. Когда же я повернулся к колонне слуг, они запели мощнее и почему-то замаршировали на месте, а потом еще и двинулись по кругу ходить, благо размер двора позволял это делать.

Посмотрев на родителей и заметив, что те вдохновенно подпевают попу, я, чтоб не заржать и не испортить праздник, забежал в дом. За мной ввалились сестрички. Минут десять мы ржали без остановки. Потом, прекратив смеяться, сестры выразили мне свое восхищение быстро организованным обрядом. Они тоже были в курсе, как долго наш папик может собираться что-то сделать. Успокоившись, мы вышли на крыльцо. Народ выводил молитву уже по четвертому кругу.

— Ро-о-ота-а!!! На ме-эсте стой! Ать! Два! — мощно проревел я.

Как ни странно, но народ понял меня и, заткнувшись, остановился.

— В честь сегодняшнего праздника бракосочетания я объявляю всем благодарность. А сейчас внимание! Все расходятся по своим рабочим местам и наводят порядок. Ко времени ужина в замке должна быть идеальная чистота. Кто не успеет — будет работать всю ночь. Кто плохо сделает свою работу — в дополнение к ней пойдет чистить подвалы и камеры заключенных. Рабочие кухни — готовят праздничный ужин. Ра-азо-ойдись!! — скомандовал я.

Предложив сестрам и родителям пройти в помещение, я поискал глазами Ирвина. Все это время провинившаяся троица старалась не отвечивать и пряталась за спины других. Когда все стали расходиться, эти прохиндеи попытались улизнуть, но я, помня о незаконченном воспитательном моменте, попросил Тарэна привести их в малую гостиную. Рода же послал оттащить священника с тремя бутылками вина домой.

Когда все свои собрались, отец попытался возмутиться моим поведением и произволом.

— Отец! Мне показалось или вы все же влюблены в тетю Оливию? — возмущенно воскликнула Нирана.

— Ну-у-у... Мм... может... да, — мекнул папаша.

— Мама! Разве тебе не нравится дядя Сорэйн? — тут же включилась в разговор Нинэя.

— Кхм... кхм... нравится, — на грани слышимости прокашляла тетя.

— Так какие могут быть возмущения! Лионелла сделала за вас всю подготовительную и организаторскую работу, а вы еще чем-то недовольны. Сами бы вы еще лет десять могли думать на эту тему, — припечатала родителей Лори.

— Мы не против результата. Но очень уж драконовские методы... — переглянувшись с тетей Оливией, смущенно произнес папаша.

— Я здесь ни при чем. Это все наследственность виновата. Все претензии к прабабушке, — хмыкнул я, и все дружно засмеялись.

Затем был длинный и серьезный разговор с братцем и его управляющим. Мы все вместе долго их долбали и стыдили. Братец чуть не рыдал, прося у всех прощения и обещая в дальнейшем так себя не вести. Я, конечно, понимал, что Ирвин пошел весь в папика, такой же ленивый и бесхарактерный, но это не значит, что я могу позволить ему разорить столь налаженное и богатое имение.

Это богатство поддерживало и кормило не только братца, но и тетушку. Также от него зависели наш отец и кузины, даже мы с сестрами рассчитывали получать помощь в случае тяжелой ситуации. В конце концов послали за магистром Жаколио и в его присутствии заставили Ирвина поклясться самой страшной клятвой. В нее мы включили заботу о семье, личное участие в управлении замком и полный отказ от вина.

Вскоре был готов праздничный ужин, и мы сели отмечать женитьбу отца. Во дворе накрыли праздничные столы для слуг. Отмечали до полуночи, а затем потихоньку разбрелись спать, день все же выдался тяжелый.

Утром мы только успели умыться, как прискакал с известием слуга из нашего имения. На

ближайшей к замку горе видели большого белого кота, который громко рычал. Народ предположил, что это кто-то из наших малышей. Я пригрозил братцу и его слугам, что если в следующий раз застану безобразия и развал дисциплины, то маршировать вокруг замка они у меня будут по четыре часа целую неделю. После многообещающего предупреждения, срочно собравшись, мы всей командой рванули домой.

Добрались мы фантастически быстро. Встречал нас Рэм. Показав на скалу, он сообщил, что кот уже несколько часов находится там и время от времени громко рычит, как будто зовя куда-то.

Я быстро побежал на ближайшую к тому месту башню и, выскочив на площадку, заорал: «Ки-и-ис!!!» Кот услышал меня и зарычал в ответ, беспокойно заходя кругами по выступу на скале. У меня перед глазами появилась картинка: на дне ущелья лежащий кот с пятнами крови на шкуре. Резко заткнувшись, я тут же попытался передать Кису картинку идущих цепочкой людей. А затем, поняв, что найти раненого без помощи кота мы не сможем, представил Киса, идущего впереди отряда. Другого способа убедиться, понял меня кот или нет, у меня не было, кроме как проверить, проведет он нас или нет. Решившись на эксперимент, я передал картинку и рванул организовывать отряд.

Собирались мы целый час, но зато постарались все учесть и захватить с собой как можно больше вещей. Даже палатки и еду захватили, кто знает, как долго может продлиться спасательная экспедиция. Яджина собрала пару рюкзаков уже готовых отваров и настоек. Через час отряд из двадцати человек вышел в горы.

Это был действительно Кис, которого я узнал по небольшому пятну у носа. Кот ожидал нас недалеко от подножия горы и, как только мы подошли, сразу пошел впереди, показывая направление. Видно с раненым котом что-то серьезное, поскольку Кис даже не подошел ко мне поздороваться. Шли мы до самой темноты, останавливаясь несколько раз по пятнадцать минут: перекусить, попить воды и немного отдохнуть. Пока мы сидели, котяра тихонько порывкивал, нетерпеливо кружа неподалеку.

Уже в полной темноте мы стали лагерем. Продвигаться дальше стало опасно для жизни. Кис хоть и выказывал беспокойство, но, как мне кажется, понимал, что мы не можем идти ночью. Поев всухомятку, мы улеглись спать в наскоро установленные палатки.

Как только начало светать, Кис разбудил нас мощным рыком. Спросонок и с перепугу мы выскочили из палаток как угорелые. В руках у каждого были посохи и ножи. Когда мы успели их захватить, я так и не понял. Придя в себя, мы собрались и снова двинули за Кисом. Часа через четыре были на месте.

На дне расселины с почти прямыми стенами лежал раненый кот. Даже здоровому ему было бы сложно выбраться оттуда, а уж раненому — вообще никак. Я отправил пару девчонок искать место, наиболее подходящее для размещения пострадавшего, часть народа назначил на разбивку лагеря, готовку еды и горячей воды для промывки ран, а сам занялся организацией подготовки к подъему кота.

Первым в расщелину спустили меня, затем Яджину и рюкзак с лекарствами. Остальные готовили носилки и устанавливали крепления, необходимые для подъема тяжелого кота. Судя по виду, котяра пролежал в этом ущелье дня три. Кис расположился на противоположном от нашего лагеря склоне, чтоб не мешать, но в то же время видеть все, что происходит. С момента нашего спуска он неотрывно следил за нашими действиями, время от времени порывкивая, то ли от нетерпения, то ли что-то говоря раненому.

Раненый котик был в сознании и, тяжело дыша, напряженно следил за нами. Первым делом мы его напоили отваром укрепляющих трав. Затем приступили к осмотру. Несколько глубоких, но неопасных ран на боку и на лапе тут же промыли и присыпали лечебной золой из корешков. Более пристальное внимание мы собирались уделить им уже после того, как выберемся наверх. Самой серьезной проблемой оказался перелом передней лапы. Наложив на нее шину, мы занялись приготовлением кота к поднятию наверх.

С трудом уложив его на носилки, собранные из деревянного каркаса с нашитым на него полотном, и затем закрепив кожаными ремнями, начали подъем раненого. Пару раз мы чуть не роняли кота, зацепившись за выступы скал углом носилок. На всю процедуру вытаскивания у нас ушло больше часа. Укрепив вытянутые из расщелины носилки на ровной поверхности и опять напоив кота лекарством, мы попадали рядом, пытаясь прийти в себя.

Кис тут же перебрался на нашу сторону и, не обращая на нас внимания, принялся вылизывать своего соплеменника. Между собой они тихонечко перерыкивались, будто разговаривали. Мы еще раз напоили пострадавшего, ведь он не пил несколько дней, а это опаснее, чем не есть. Пообедав и отдохнув, потащили раненого на найденное девочками место.

Это оказалась небольшая, почти ровная полянка с десятком деревьев и протекающим между ними ручьем. Поднеся кота к ручью, мы аккуратно обтерли его, чтоб смыть кровь и грязь. На что он недовольно зарычал. Мы на всякий случай отскочили в сторону и замерли, готовые разбежаться. Осторожно наклонившись и не обращая на нас внимания, кот долго и с удовольствиемпил воду. Затем улегся и закрыл глаза. Я тут же дал сигнал, и ребята быстро перетащили зверя на небольшой стожок травы, что мы уложили в углубление в скале, которое должно было защитить кота на время болезни от непогоды.

Уложив матерчатые носилки на стожок, мы перерезали десятки ремешков, которыми пострадавший был крепко примотан к жердям для страховки при подъеме. Но, высвобождая жерди и снимая ремни, вероятно, зацепили какую-то рану, потому что кот громко зарычал. От неожиданности я замер. Подошел Кис и начал снова вылизывать раненого. Когда я оглянулся, то не увидел никого из команды. У меня чуть челюсть не отвалилась, ведь я не слышал никакого шума. Куда все подевались? Внимательно осмотревшись, я не сразу заметил их. Пропавшие гроздьями висели на деревьях и ни в какую не хотели слезать. Лишь через полчаса появились первые добровольцы.

Еще пару месяцев раз в три дня я приходил на поляну. Приносил коту мяса, промывал и присыпал лечебной золой раны, поил укрепляющими настоями трав. Несколько раз оставался ночевать, установив палатку рядом с раненым. Это оказался Мяс. Просто его отличительное пятно располагалось на больной ноге, и я его не сразу заметил, а соответственно, не сразу узнал котенка.

Пару раз за время моего посещения к нам приходил Мур, и мы весело проводили время. Пока один кот находился с выздоравливающим, я со вторым бродил по окрестностям. Честное слово, рядом с ними и на природе просто душой отдыхал.

Совершенно не хотелось расставаться, но через пару месяцев, когда осень уже вступила полностью в свои права, мои котята показали мне картинку, что они уходят. Мы только сняли лубки с лапы, и Мяс еще немного хромал. Похоже, они решили передвинуться подальше на юг, поскольку с больной ногой Мяс будет тяжело ходить по снегу, не говоря уже про охоту. Принеся побольше мяса, мы устроили проводы и, накормив их от пуза, попрощались. А потом долго стояли на скале, провожая взглядом троих идущих друг за другом уже не котят, а

взрослых котов.

Глава 24

С ДЕТСТВА Я МЕЧТАЛА БЫТЬ ПЕРВОЙ

Проводив котят, мы решили перезимовать в имении, и если в столице будет спокойно, то вернуться туда весной. Чтоб не терять попусту время, всей командой полностью включились в дела поместья: тренировались на полосе препятствий, ходили с крестьянами на сбор ягод, грибов, на заготовку дров к зиме. С бригадой рыбаков съездили на дальние озера за рыбой. Сходили несколько раз в горы за травами, не забывая при этом высматривать признаки металлов и минералов. Даже пару раз поучаствовали в промывке золота.

Постепенно наше финансовое положение выравнивалось. Однако для реализации моих планов нам требовалось что-то более серьезное и приносящее прибыль покрупнее. А то если план с женитьбами получится реализовать, это же на кучу свадеб деньги нужны будут. Ох-хо-хо, а еще ж и приданое!!!

Я долго ломал голову над проблемой, война там или нет, а дело-то делать надо.

Частные салоны — это хорошо, но времени на раскрутку мало: вечером пришли — под утро ушли. Так можно видеться годами, не заведя близких знакомств. Необходимо что-то такое, где все могли бы несколько дней вместе потусоваться. Надо, чтоб это было что-то активненькое, а не перемещение из одной залы в другую и от одной кучки народу к другой кучке народу, с бокалом в руках... Что-то в виде дома отдыха или турбазы. Точно!!! Кстати, и познакомиться в таком месте проще, и деньги это дело может принести неплохие.

Угу, угу... дом отдыха... турбаза... Летом многие на охотах всяких бывают, а вот зимой холодновато. Зимой у них из развлечений в основном балы. Так что что-то в виде лыжно-санного комплекса вполне может прокатить. Главное, заранее о рекламе позаботиться. Еще с лета постепенно слушки запускать, что балы — это уже скучно и устарело... А также развернуть рекламу активного отдыха на природе... вроде бы сейчас модно при некоторых других дворах, а на нас, мол, пальцами тычут — варвары, отдыхать не умеем... Так... Так... Уже теплее...

Думаю, надо построить для начала пару домов с десятком комнат, типа гостиницы-отеля с большой гостиной, с камином. Это чтоб не по комнатам сидели, а в гостиной кучковались. Наделать коньков, санок и лыж. Расчистить несколько лыжных и санных трасс, подготовить инструкторов, залить пару катков, построить снежную крепость.

Из крестьян создать коллектив песни и пляски, а также небольшой оркестрик. Сшить им костюмы... Это ж ткани сколько уйдет! А денег!.. Да! Репертуар надо будет подобрать. Не забыть маски понаделать и всем приезжающим выдавать, чтоб народ посвободнее себя чувствовал, ну и охрану неслабую, чтоб не переборщили со свободой...

Более двух недель мы с сестрами почти не выходили из дома. Засели за чертежи построек и спортивного инвентаря, эскизы внутреннего убранства, одежд для ансамбля, слуг и охраны. Долго спорили над узорами для украшения домов и саней. Все должно быть необычным и непривычным, но не должно раздражать безвкусицей.

Подготовив всю документацию, прикинули приблизительно расходы и ужаснулись. На создание этого комплекса нужно было просадить слишком много денег, а прибыль была не

гарантирована. Такой вариант нам совершенно не понравился. Нужно придумать что-то, чтоб свои деньги не тратить и было бы на что соорудить комплекс.

Пока что единственная в этом смысле работающая, проверенная идея, которая могла принести доход, — это турне по ярмаркам с концертами. Но было сомнительно, что таким способом требуемую сумму получится собрать. Подумав, решили не сидеть, сложив руки, и не ждать более доходную идею, а реализовывать имеющуюся. Со временем, может быть, еще какая мысль появится.

С наступлением весны, как только подсохло, мы всей командой поехали в так называемое турне. Соорудив из телег пару фургонов и сложив туда костюмы, инструменты и декорации, мы поехали по городам. Выступали в трактирах, временами, разделившись на группы, даже в нескольких сразу. С каждым последующим городом принимали нас все лучше и денег получалось заработать все больше. Слухи о веселых музыкантах начали нас опережать, поскольку путешественники потихоньку разносили о нас вести. Пару раз даже получилось уже на въезде в город получить сразу три приглашения в разные трактиры.

В одном из городов в конце нашего выступления к нам подошел богато одетый мужик и пригласил выступить с концертом у частного лица. Мы сначала хотели отказаться, но предложенная сумма нас впечатлила, и мы согласились.

Как оказалось, нас пригласили в один из самых богатых и влиятельных домов, расположенных в столице, недалеко от королевского замка. Праздновался день совершеннолетия наследника этого рода. Устраивался бал-маскарад, и планировалась большая развлекательная программа. Было приглашено несколько известных бардов, в том числе пригласили и нас.

Отвалили нам о-о-очень серьезную сумму, потребовав чего-нибудь особенного, никем ранее не виданного, способного, так сказать, потрясти воображение. Была выделена отдельная сумма на костюмы и декорации. Мы придумали три мини-спектакля. Под песню из «31 июня» Нара и Ник изображали что-то в стиле умирающего от аэробики лебедя, в другой постановке под песню из «Кавказской пленницы», а с Крис и Нирана выдавали аэробику восточного стиля. Никаких танцев живота и оголений. На обтягивающие брюки и рубашки надели полупрозрачные шаровары и блузки с пышными рукавами, плюс туфли с загнутыми носками, чалма, тряпочка налицо и много браслетов на руках и ногах. Род же, одетый в восточном стиле, изображал султана.

Третьей была песня Черного рыцаря. Рыцаря изображал я, а Нэт и Сэм были моими слугами. Наш танец я постарался поставить наиболее близко к тому, что видел в фильме. Классно там ребята зажигали!

Наши постановки прошли на ура, гости были в восторге. Хозяин также выразил удовлетворение нашей работой и пригласил группу к столу. Я попытался от имени всех отказаться, но фокус не удался. Пришлось принять приглашение, но предупредить свою команду, чтоб поменьше ели и пили, а то очень даже могут еще попросить спеть и станцевать, а на полный желудок и будучи пьяным лучше не выживаться. Но выпить за здоровье именинника все же пришлось.

Как подозревал, так и случилось. Где-то через минут сорок гости начали кричать, чтоб артисты еще что-нибудь изобразили. Ко мне подошел хозяин, сыпанул горсть золотых и попросил изобразить что-то потрясающее. Все переместились в зал со сценой. Мои парни с инструментами расселись по периметру.

Видно, я все же лишку выпил, иначе чем можно объяснить, что я запел, танцуя что-то со всякими там вихляниями:

...С детства я мечтала быть первой,
Обо мне узнает земля.
Буду, буду я королевой,
только дайте мне короля...

По мере того как я пел, лица у окружающих постепенно вытягивались, а сами они каменели. К концу песни зал напоминал музей восковых фигур мадам Тюссо. Даже мои парни замолкли и прекратили играть. Остановливаясь, я удивленно посмотрел на них, а они круглыми глазами смотрели куда-то мне за спину. Я оглянулся.

Ко мне приближался король в сопровождении принца и герцога Риколло. На лице короля играла ехидная улыбочка, а следующие за ним парни выглядели полными придурками. Видно хмель и фактор неожиданности сыграли со мной злую шутку, и я воскликнул:

— О-о-о! Король! Каким ветром?

— Заказывали? Получите. Вот только уверены ли вы, милочка, что справитесь? — ехидно улыбаясь, проникновенно так спросил его величество.

— Да как два пальца обо... Только не кажется ли вам, ваше величество, что вы немного староваты для меня?

У меня, кажется, шок. Иначе чем объяснить, что я не затыкаюсь, а продолжаю нести ахиною, очень даже возможно, не совместимую с жизнью?

Принц и герцог сделали стойку, судя по всему, узнав меня по стилю речи, а король с трудом сдерживал смех. Скульптурная галерея из присутствующих в зале чуть не стекла воском или чем-то более резко пахнущим.

— А вот возраст, милочка, вы не заказывали. Так что получите и распишитесь, — лучась смехом, произнес величество.

— Не, ну как мужчина вы, конечно, еще очень даже ничего, и с виду симпатичный... и ва-а-аще... — проговорил я задумчиво, берясь обеими руками за голову и поворачиваясь к выходу.

Та-ак... Пить надо меньше, меньше надо пить. Держась за голову, я сначала медленно, а затем набирая скорость рванул к двери.

— Куда же вы, дорогая? А как же корона? — воскликнул король.

— Подумать... и еще раз подумать на тему вреда пьянства, — взвыл я, подскакивая к двери.

Сзади донесся громкий смех короля. Закрывая дверь, я мельком увидел серьезных принца и герцога, озабоченно глядящих на смеющееся величество.

Я несся по коридорам, плохо соображая, куда мне бежать и что делать, ругая себя на разные лады. Ну и влип же, идиот, в глубоко-оую задницу. Во всех мирах непрерывно твердят о вреде пьянства. Но, как любой придурок, я учусь только на собственных ошибках. Хорошо еще сразу в тюрьму не бросили и не казнили. Видно, у короля неплохо с юмором, но кто знает, насколько неплохо и какие ожидаются последствия. Слишком много свидетелей присутствовало при этом

спектакле, чтоб можно было ожидать, что все тихо-мирно само собой утрясется. Хотя, конечно, условие работодателя мы выполнили. Я думаю, потрясением никого не обошли. А уж с воображением, что начнется... ну просто безграничные возможности.

Когда мимо меня третий или четвертый раз промелькнула одна и та же скульптура, я понял, что заблудился. Пришлось притормозить и оглядеться. Да уж! Судя по всему, коридор здесь идет по кругу. Надо кого-то спрашивать, как выйти из этого домашнего лабиринта, а то кружить я тут могу до пришествия всех святых. Отловив одного лакея, прячущегося за скульптурами, попросил провести меня на выход.

Поняв, что бить его бешеная дамочка не будет, этот козел, высоко задирая ноги, медленно, как цапля, пошел... и пошел... Сказал бы я, куда и как он пошел... Я вокруг него чуть круги не начал нарезать. Увидев впереди и внизу главный выход, обогнул этого... этого... ну, в общем, на крейсерской скорости рванул к выходу. Все встречные прогибались и кланялись мне, как будто я уже был королевой. Быстро перебежав небольшой зал на втором этаже, шипя под нос ругательства, я начал спускаться по высокой лестнице в холл. Вдруг сзади раздался голос короля:

— Куда же вы, дорогая? Мы же еще не успели ничего обсудить.

Встречные вокруг меня прогнулись и присели еще ниже. Я же, зашипев от злости, снял одну туфлю и бросил на голос. Судя по шуму наверху, попал, и, по-моему, снова в герцога Риколло.

— Милочка, свадьбы еще не было, а уже такие серьезные недоразумения в семейной жизни, — засмеялся сверху его величество.

Придворные вокруг чуть ковриками не постелились. Сняв вторую туфлю, в одной все равно неудобно бегать, я бросил ее в ту же сторону и, уже выбегая в дверь, успел увидеть, как король ловко уворачивается от нее.

Один из наших парней, дежуривший у входа, держал под уздцы оседланного коня. Я увидел его сразу и поблагодарил себя за предусмотрительность. Вскочив на коня, я аллюром помчался в наш трактир.

Я сидел в подвале и всюду страдал головной болью от выпитого и совершенного. Не знаю даже, от чего больше. Ведь и пил же совсем немного, а такой ужасный результат получился.

Да, непруха... С этим способом заработка придется категорически распрощаться. Ведь на первом же концерте отловят, и неизвестно, что будет наиболее вероятным после этого: свадьба или тюрьма. Все будет зависеть от того, пошутил король, говорил серьезно или обиделся. Шансы почти равные, хотя если учесть, что жениться я не могу по физиологическим и идеологическим соображениям, то «за» тюрьму шансов гораздо больше. Поскольку я все же себя ощущаю больше мужчиной, чем женщиной, то и выходить замуж я категорически не могу.

А ведь все так хорошо шло! Деньги потихоньку капали, популярность росла, и как следствие — доходы должны были бы увеличиться, соответственно, и постройка спортивного комплекса становилась бы более реальной. Сейчас же все мечты с раскруткой этого бизнеса тью-тью... и сильно падает вероятность выдать сестер за подходящих, в смысле богатеньких и молодых, «благородных». Мозги в данном случае — дело десятое, умелой рукой даже сдвинутые можно на место поставить, прабабка тому подтверждение. И ведь винить в случившемся, кроме себя, некого!

Приблизительно через час подошли моя команда и сестры и рассказали о происшедшем после моего ухода.

— Ваше величество, вы это серьезно?!. А как же я? Но вы же не можете... Ну... Вы же стары для нее, — растерянно разводя руками, твердил его высочество. По залу пронесся едва слышный судорожный вздох — то ли изображающие скульптуры забыли во время диалога дышать и только сейчас вспомнили об этом, то ли испугались еще больше. Даже герцог застыл соляным столбом с несчастным выражением на лице.

— Хм... посмотрим, посмотрим... Ты же слышал, я же еще очень даже ничего, — задумчиво и с усмешкой проговорил король, разворачиваясь и выходя из зала.

Принц и герцог Риколло с несчастным видом последовали за ним.

В зале еще минут пять — десять никто не рисковал шевелиться. Все были в глубоком шоке. Первой пришла в себя Нирана. Подскочив к музыкантам, она что-то прошептала им, и они заиграли, а она запела:

Призрачно все в этом мире бушующем,
Есть только миг, за него и держись.
Есть только миг между прошлым и будущим,
Именно он называется жизнь.

В процессе ее пения народ, изображающий скульптурные композиции, начал постепенно оживать, и, когда сестра закончила петь, все гости в полном составе молча покинули зал.

— Фасончик то знакомый, — рассматривая мою туфлю, сказал его величество.

Да-а-а... Похоже, что страшный зверь по имени Замужество с большой вероятностью навис надо мной. И что еще более ужасно, так это вероятный процесс деления меня между ведущими лицами королевства. И не факт, что именно я переживу данное мероприятие. А жизнь была так прекра-асна... Где же выход, где же выход? Я метался по комнате кругами. Мысли отказывались посещать мою голову.

И тут в ней, то есть в голове, как будто повернули выключатель: ведь никто из них не видел четко мое лицо, ведь сегодня лицо скрывала маска, а на последнем балу на мне была вуаль. А сквозь нее лицо видится как в тумане, и две физиономии, хоть немного похожие друг на друга, можно легко спутать. Может, стоит попробовать выдать за каждого из них под видом меня сестер? Лори подсунуть королю, возраст ей не помеха, а король — мужик симпатичный, подтянутый и знатный, как она и мечтала. Нирану — принцу, она ближе мне по характеру, а он слишком близко со мной общался. Лию можно попробовать подсунуть герцогу, правда, она менее всего похожа на меня. Но все же почему бы не попробовать. Доля риска, конечно, есть, и немалая. Если девочки не будут утверждать, что они — это я, то в случае разоблачения их нельзя будет обвинить в обмане. А самообман — это личное дело каждого. Теперь осталось только придумать сам процесс подстановки.

Для начала нам следовало срочно уехать в наше имение. Мы, конечно, наследили знатно, и Тайной полиции короля не составит большого труда выйти на нас. Но это в том случае, если кому-то захочется выходить на наш след. Тогда мы будем иметь фору во времени на анализ ситуации и подготовку. В противном случае все останется почти так, как было, а мы просто отдохнем дома на свежем воздухе и потренируемся.

Послали курьера к сэру Жаку с уведомлением о нашем отъезде и указаниями, что говорить, если о нас будут спрашивать. Оставили троих парней для слежки за замком и некоторыми конкретными лицами. И через два часа мы уже выезжали из города. В дороге мне в голову пришла одна интересная мысль, и я отправил Нэта назад в столицу со списком необходимых покупок, отсыпав горсть золотых, полученных за эту злополучную песню.

Доехали мы до поместья без приключений, только в Торнске останавливались на день сделать некоторые запасы. В подвластных деревнях объявили о предстоящей олимпиаде, которая начнется, как только призы, закупаемые в столице, придут в поместье. Планировалось это где-то недели через две-три. По секрету всем передали, что призы будут особенные, столичные. Какой тут поднялся ажиотаж, всем хотелось получить аж из само-ой... Все свободное время селяне проводили на полосах препятствия, тренируясь.

Мы с сестрами так же усиленно занялись физическими тренировками, танцами и пением. Я настаивал на идеальном копировании друг друга во всех движениях. Четкого плана у меня еще не было, но на всякий случай все в поместье тренировались и наводили порядок. Из столицы регулярно шли донесения. В королевском замке и королевских казармах была замечена подозрительная активность.

Трактир сэра Жака с раннего утра до позднего вечера был забит посетителями. Кто-то пытался застать нас в трактире, другие — побольше узнать о возможной королеве, некоторые — заранее подружиться. Трактирщику было дано задание от денег не отказываться, говорить о нас поменьше, наводить тень на плетень. Типа вот-вот должны прийти... планировали сегодня выступить... завтра вроде как концерт предполагается... и так до тех пор, пока спрашивающим и ожидающим не надоест.

Сразу по приезде сестрицы потребовали от меня объяснений, что и зачем мы делаем. Приказав накрыть в малой гостиной стол с напитками и сладостями, я собрал все семейство. Выдавал я всю информацию в стиле предположений, догадок, перспектив и возможностей, предупредив, что все может оказаться совершенно не так и чтоб они не раскатывали губы раньше времени.

Когда я выдал свои предложения, кого куда пристроить, то Лия почему-то покраснела и опустила глаза, а Лори стала выглядеть сердитой. Не понял. Они что, наоборот хотят? В этот момент Лорэйн поднялась из-за стола и попросила меня выйти по делу. Как только мы очутились за порогом, она схватила меня за руку и потащила подальше от двери. От удивления я даже не сопротивлялся. С ее слов выходило, что Арни и Лия влюблены друг в друга. И я, оказывается, полная дура, раз не заметила этого.

— Так в чем проблема? Почему они не поженятся? Я, как сваха, ищу приличного жениха для Лии, а они, видишь ли... А откуда ты знаешь про то, что они влюблены, и почему мне не сказали? — не обращая внимания на оскорбления сестры, удивлялся я.

— Влюбленных только сами влюбленные и не замечают. Со стороны всегда лучше видно. Почему ты не в курсе, я понимаю. А они даже друг другу ничего не сказали. Ты же знаешь Арни. Он же повернут на благородном рождении. Я так понимаю, он считает себя недостойным Лии, — сокрушенно развела руками Лори.

— А что Лия? Сама не может признаться? — удивленно спросил я.

— Хм, Лия. Стесняется она. Да и как девушка может знать, нравится она или нет. Он же молчит. Да и неприлично женщине самой признаваться в своих чувствах! — возмущенная моей недогадливостью, воскликнула Лорэйн.

Я прикинул, что искать Лиянитте достойного жениха, после событий происшедших в их семье, может оказаться большой проблемой. А если Арни... Хм. Дядя Лии будет только рад. А то он все переживает, что племянница после всего случившегося никого приличного себе не найдет, что ее возьмет только из-за корысти какой-нибудь проходимец. А тут по любви, да еще такой честный и ответственный парень... Осталось лишь придумать, как уломать Арни. Этот идиотизм на тему незаконного рождения был слишком большой мозолью для него.

Сестра, поняв, что я вник в ситуацию, пошла обратно в малую гостиную. Я в задумчивости поплелся за ней. Быстренько свернув разъяснения, мы с Лори перевели разговор в другое русло, а затем занялись разучиванием новой песни.

После некоторых размышлений мне пришла мысль послать Лию и Арни вместе по каким-то делам на две, а то и на три недели только вдвоем и с охраной. Пока будут ездить, сами в себе разберутся да и привыкнут друг к другу. Потом только поставить их перед фактом женитьбы. Они у меня и не пикнут! Вот дождемся Арни из поездки по решению его каких-то там личных дел, дадим ему пару дней на отдых, и можно посылать. Осталось только дело придумать.

Пока ожидали, чем обернется моя глупая выходка, мы не только тренировались и проходили полосу препятствий, но и играли в футбол. Этой игре я научил и команду, и деревенских еще прошлым летом. Рассказав про футбол, я подал его как описанную в какой-то книге о путешествиях игру. Народ заинтересовался и тут же предложил и нам поиграть. Когда я указал на проблему с мячом, меня уверили, что это решаемо.

Мяч мы сделали из смолы редкого дерева, напоминающей каучук. Он оказался не столь прыгуч, как мячи из нашего мира, но им вполне можно было играть. Правда, на поиски этих деревьев было потрачено два дня, но результат того стоил.

Попытка ввести точные правила игры, принятые в настоящем футболе, провалилась. Ведь сама по себе игра требует плотного взаимодействия членов команды между собой, а также четкого понимания своих действий на определенном месте. А это нарабатывается годами. Из-за чего до нашего футбола крестьянским парням было далеко, но тем не менее игра всем очень исправилась. Хоть и бегали по полю эдаким своеобразным стадом, но азарт, смех и веселье царили среди игроков и зрителей. При малейшей грубости нарушителей выводили с поля и заменяли их на желающих играть, которых всегда было много. Такая политика помогала не доводить дело до драк, как это случилось в первых наших играх.

И все же ни игры, ни тренировки не отвлекали меня от размышлений о возможных вариантах нашего будущего. Если предположить, что король все же поедет к нам, то и его последующие действия тоже можно угадать с большой долей вероятности. Одним из вариантов развития событий может оказаться предложение замужества, что меня совершенно не устраивало. Однако же прямо отказать я не мог: опасался последствий, могущих задеть мою семью. Власть есть власть, и облеченные ею, даже имея чувство юмора, могут отреагировать без всякого юмора на отказ. Если король все же припрется, необходимо было не дать ему сразу сделать предложение. Это значит, надо его чем-то занять, отвлечь... Отвлечь?!. Отвлечь!!!

Мне пришла одна интересная идея. Она не совсем еще оформилась, но общие наброски этой мысли давали шанс переключить внимание его величества от меня на какое-то время.

Собрав несколько больших зеркал в одной из комнат и запретив мужскому населению заходить туда, я решил заняться обучением сестер и девчонок из команды необычному делу. Когда мы в подготовленной комнате собрались, я вкратце рассказал, чему и зачем хочу учить их, а затем

начал показывать. Поднялся тако-о-ой возмущенный крик, что я думал, они разорвут меня на части. Пришлось подробно объяснять, почему и зачем это мне нужно.

А обучал я их принимать сексуально-соблазнительные позы. Само собой, личного опыта в таком деле у меня не было, и вся надежда была на то, что вспомню из фильмов. В последние годы моей жизни в том мире выкрутасы полуголых баб включались почти в любую телепередачу, ну разве что кроме «Спокойной ночи, малыши!», и то я не уверен. Так что общую схему выгибаний вспомнить удалось, однако воспроизвести получилось далеко не сразу.

Пару дней мне пришлось выкручиваться и выгибаться перед зеркалами самому, стараясь согласовать воспоминания с тем, что я делал. Девчонки ржали как сумасшедшие, катаясь по коврам и держась за животы. Привлеченные их смехом, к нам несколько раз пытались пробиться наши парни, но мы пресекали подобные поползновения.

Решив, что у меня получается вроде бы как похоже, в смысле соблазнительно выглядит, я начал заставлять и девчонок повторять мои движения. Поначалу они жутко стеснялись и краснели, но уже через пару недель выгибались, как профессиональные голливудские проститутки.

Я был не в восторге от своей идеи, и мне вся эта канитель не очень нравилась, но что оставалось делать? Как говорится, захочешь жить — и не так извернешься.

Прикинул, что в данном мире такие техники соблазнения вряд ли распространены даже при встречах один на один, а уж на людях... хм... реакция окружающих нам может не понравиться. Из-за этого результат наших действий просчитать было сложно, требовались репетиции. Для большей безопасности стоило начать тренироваться на знакомых. Это все я и изложил девчонкам. Все дружно согласилось с моими аргументами, и мы занялись обсуждением кандидатов для проверки реакции на наши действия.

В это время к нам, не постучав, ввалился Рэм. А мы ведь предупреждали не заходить! Ну что ж, сам виноват. Я подмигнул Кристе и указал глазами на братца, не сестрам же проверять его реакцию. Моментально сообразив, она медленно, по-кошачьи, поднялась; приподняв подбородок и томно прикрыв глаза, прогнулась в спине и отставила ногу в сторону; одной рукой медленно провела от головы по груди и до бедер, второй же рукой начала слегка приподнимать брючину на отставленной в сторону ноге.

— Ах, с-су-ударь, вы что-то хоте-эли? — с придыханием прошептала Криста.

Пройдя от двери уже шага три, Рэм резко остановился, похлопал выпученными глазами, молча развернулся и на прямых ногах двинулся в сторону двери. Похоже, куда идти он не видел, так как с громким стуком впечатался в стену рядом с дверью. Развернувшись, он снова уставился на Кристу.

Замерев, мы наблюдали шоу, с трудом сдерживая смех. Я показал кулак девчонкам, чтоб не испортили репетицию. Криста плавно повела плечами, прогибаясь в другую сторону, и провела кончиками пальцев от шеи до груди. Как кролик перед удавом, Рэм, с отпавшей челюстью и круглыми глазами, медленно сделал три шага к ней, замер на пару минут, затем опять развернулся, пытаясь уйти, и снова врезался в стенку.

Мы не выдержали и приглушенно засмеялись. Повернув голову, братец какое-то время смотрел на нас отсутствующим взглядом. Затем в его глазах стала проступать некоторая осмысленность, и он жутко покраснел. Мы продолжали смеяться, прикрывая рты руками, с

трудом сдерживаясь, чтоб не заржать во весь голос и совсем уж не обидеть братца. Бросив странный взгляд на Кристу, Рэм выскочил за дверь.

Мы еще минут пятнадцать смеялись, вспоминая лицо и действия брата. Успокоившись, поздравили друг друга и даже решили проверить реакцию у других парней, но тут мне пришла мысль подождать и посмотреть, что Рэм дальше будет делать.

Наблюдения мне совершенно не понравились. Теперь, где бы ни появилась Криста, тут же возникал и Рэм. Глядя горящими глазами, он ходил за ней повсюду. Один раз даже в женский туалет зашел. Девчонки, находившиеся внутри, чуть ли не ногами вытолкали его оттуда.

Меня немного удивило, что трехминутная демонстрация ТАК мощно подействовала. Как оказалось, Криста на следующий день после шоу еще раз повыгубалась перед Рэмануэлем, встретив того в коридоре. Ей, видишь ли, понравилась его реакция. Выматюкав ее, я предупредил всех девчонок, что подобные фокусы без моего указания лучше не делать, если они не хотят, чтоб их трахнули там же, где они начнут свои демонстрации.

Подумав, я разрешил использовать этот набор телодвижений, только если они по-настоящему жаждут перепихнуться с конкретным мужиком или выйти за него замуж. Но замужество после таких выгибов я не гарантировал. Вполне может оказаться, что такая раскованность не входит в список качеств идеальной жены для мужчины, которого они соберутся охмурить.

Криста же теперь повсюду ходила почти строевым шагом, боясь вильнуть задницей, и только в сопровождении кого-то из нас. Даже ночью в туалет приходилось провожать ее, поскольку стоило ей выйти, как тут же появлялся Рэм и маршировал следом. Откуда он появлялся, было непонятно — спал он, что ли, в коридоре?!

Посмотрев на мучения братца и Кресты, я пришел к выводу, что Рэма необходимо срочно отлавливать и проводить вправление мозгов. Что при первой же возможности и осуществил. Поначалу он категорически отрицал все подряд, даже не слушая, о чем я говорю. После десяти минут моих попыток объясниться брат вдруг попросил у меня руки Кресты.

У меня чуть челюсть не отвалилась. Вот это пошутили!

Я попробовал ненавязчиво напомнить, что мы планировали женить его на девушке из богатой семьи и с солидным приданым. На что Рэм, еле сдержавшись, чтоб не послать меня прямым текстом подальше, ответил, что он, конечно, уважает тетушку Оливию и Тинэю, жену Ирвина, но иметь подобную супругу не желает. Я, стараясь не довести разговор до скандала, аккуратно поинтересовался, чем же девушка, подобная Тинэе, не устраивает его.

Список оказался немаленький. Первой претензией Рэм выдал то, что разговаривать с подобными девушками не о чем, кроме как о нарядах и украшениях. Даже о хозяйстве не поговоришь: мужчины их не допускают к делам имения, а это значит, что у потенциальных невест отсутствует привычка и желание вникать в деловые бумаги. Тренировки их не привлекают, в горы таких девушек не вытянешь, непривычные они. Балы им подавай да в гости вози, а то им скучно.

А вот Кри-и-иста... И умная, и в деловых бумагах лучше нас разбирается, тренирована, полосу препятствий наравне пройдет, в горах не потеряется и не захнычет... В общем, не девушка, а собрание положительных качеств.

М-да-а-а... Вот тебе и изогнулись... и плечиком повели...

На попытку вернуться к разговору о приданом Рэм припечатал, что имение и без денег тупых невест уже выбралось из долгов и что еще не все находки, произведенные в горах, запущены в дело. А при правильной поддержке умной и работающей жены он быстро сделает имение богатым.

Крыть мне было нечем. Все, что он говорил, было логично. Но принуждать Кристу я не хотел. Вот если она согласится по любви, а не по расчету выйти за Рэма, то я буду не против. Так я ему и сказал. Братец с радостью ухватился за эту мысль и тут же попросил совета по процессу ухаживания.

Поскольку меня в последнее время все больше процесс отваживания волновал, то я смог вспомнить только дарение цветов, комплименты и пение песен под окнами любимой по ночам. В ближайшую же ночь я готов был завязать свой дурной язык в узел и настучать себе по голове. Чем она, в смысле голова, думала, давая такие идиотские советы, ведь Криста же спит в соседней комнате?..

Не выспавшись ночью, утром мы проснулись от вопля, донесшегося из коридора. Выскочив из комнат в ночнушках и с посохами в руках, мы увидели Кристу, барахтающуюся в куче сена у своей двери. Присмотревшись к стогу, я понял, что в мужском понимании и с большой натяжкой ЭТО можно назвать очень большим букетом, хотя и не очень хочется. Глядя на него, прям захотелось спеть что-то про:

Полевые цветы, полевые цветы,
Навсегда завладели вы сердцем моим...

Похоже, Рэм в темноте его собирал, в смысле ободрал все ближайšie овраги. Я так понимаю, Криста с недосыпу после ночного концерта моего братца умываться шла с полужакрытыми глазами. Вот и попалась. М-да-а-а. Надеюсь, мой третий совет, насчет комплиментов, будет не столь впечатляющим по воздействию на окружающих.

Приняв во внимание все эти проблемы, мы пересмотрели выученные движения и выбрали из них менее провоцирующие, но все же привлекающие внимание. И долго заучивали более безопасный вариант, чтоб не ошибиться в процессе и не влипнуть, как Криста.

Глава 25

ПОПЫТКА ИЗВЕРНУТЬСЯ, ИЛИ ЗАГОНЯТ НЕ ЗАГОНЯТ

Получив из столицы сообщение о выступлении отряда королевских гвардейцев во главе с королем в нашем направлении, мы послали нескольких парней взять под наблюдение дорогу, ведущую от Торнска в сторону нашего имения. Они должны были рассредоточиться по тракту через равные промежутки и, увидев на горизонте отряд, мчаться в имение. Так мы могли отследить скорость продвижения и убедиться в точности направления.

Убедившись, что к нам едут гости, мы приступили к реализации своего плана. В кусты за пару километров до нашего имения мы подогнали телегу с восьмью бочками вина, которая при появлении королевского отряда на горизонте медленно поехала ему навстречу. Давая дорогу королю, телега съехала на обочину и потихоньку покатила по колдобинам. Миновав чуть больше половины колонны, Сэм нажал специальное приспособление, и заднее колесо телеги соскочило с оси, телега сильно наклонилась и несколько верхних бочек покатились по земле. Суется и завывая о том, что это лучшее вино из барских погребов и оно предназначалось для отправки в столицу, к столу самого герцога, Сэм умудрился столкнуть еще парочку бочек, да так удачно, что они покатились по склону.

Король, услышав шум и разобравшись, что произошло, разрешил гвардейцам помочь собрать бочки. Отряд с воодушевлением бросился помогать. И вроде как совершенно случайно, как бы само собой, из некоторых бочек повыпадали пробки. Гвардейцы с полным самопожертвованием пытались перекрыть течь. Даже кружки нашлись в телеге сбоку. Почти все бочки добрались до телеги явно не полными.

Затем солдаты начали ставить на место колесо. Сэм, изображая радость, бурно благодарил защитников и помощников и щедро наливал всем подходившим. Поскольку вино было со спиритиком, да без закуси, да немного сонничка, то к концу установки колеса все солдаты с трудом стояли на ногах и почти засыпали.

К моменту, когда до короля и нескольких его приближенных, отдыхавших в тенечке, дошло, что происходит что-то совсем уж странное, весь отряд был в стельку пьян. Пройдясь туда-сюда по дороге, его величество в задумчивости окинул взглядом несколько человек, оставшихся трезвыми. В этот момент я ударил волной запутывания мыслей, затем еще раз, на всякий случай. Все трезвые замерли, в нерешительности крутя головами. Мы быстро подлетели к бочкам с вином, набрали полные кружки и, подбежав к трезвым, но очумелым, быстро напоили их. Вино и вправду было хорошее. Мы же знали, кому посылаем.

Через час все из королевского отряда уже спали. На всякий случай пройдясь среди валявшихся гвардейцев и убедившись, что бодрствующих нет, я подал сигнал действовать по плану. Часть из нас бросилась устанавливать походные палатки, сложенные на повозке, которая ехала за гвардейцами, другие занялись растаскиванием спящих гвардейцев по палаткам и разгрузкой дров для костров. Убедившись, что все в порядке, мы расставили охрану вокруг лагеря и удалились готовиться к празднику в честь приезда короля, должностующего отвлечь и увлечь его величество.

Утром к пробуждению королевского отряда наши люди приготовили совсем легкий завтрак и напиток, настоянный на травах, облегчающий похмельный синдром. Также у костров поставили пару бочек с пивом для особо страждущих.

Как только его величество проснулся и вылез из палатки, ему с поклонами и всей любезностью подали бокалы с напитком и пивом. Посмотрев подозрительно на напитки, он с минуту молча рассматривал лагерь, а затем выпил травяной отвар. В это время мы с командой, прятаясь до этого в ближайшем лесочке, под звуки барабанов строем промаршировали в сторону королевского лагеря. Нахлебавшиеся пива и отвара гвардейцы поправили на себе одежду и, похватав оружие, выстроились возле хмурого короля. Судя по его виду, кому-то наша шуточка вылезет боком.

Разглядев, что подходивший отряд состоит из девчонок, и к тому же безоружных, гвардейцы расслабились, а король стал заинтересованно к нам присматриваться. И чего вообще стоило напрягаться, если они всю ночь спали под нашей охраной!

Во главе нашего отряда пришлось стать мне, хотя и не хотелось лишний раз привлекать внимание короля. На просьбу к Лори занять это место она, будучи равнодушной к его величеству, ответила, что не сможет ровно разговаривать с ним, а потому отказывается.

Кто знает, может быть, король заявился в наше имение познакомиться поближе или даже просто развлечься. Однако если все же приехал с предложением руки... Тут главное — не позволить это предложение сделать, ведь соглашаться я не собираюсь, а за отказ нас могут ожидать многочисленные неприятности. Поэтому было решено вызвать его величество на

поединок. Футбольный.

Гвардейцы — мужики здоровые, наша самая высокая девчонка до носа достает их самому мелкому. По моим расчетам, согласиться они должны легко, ведь мы для них были всего лишь девушки. Но в футболе не сила важна, а скорость и взаимодействие команды. С этой точки зрения я почти не сомневался в нашей победе, тем более что мы приготовили некоторые сюрпризы.

Выстроившись в ряд, моя команда прокричала три раза:

— Да здравствует король!

Затем я вышел вперед и зачитал вызов. Сочиняли мы его не один вечер, с одной стороны, стараясь, так завести короля, чтоб он ни о чем, кроме игры, не думал, но с другой стороны, старались сказать это так, чтоб не обидеть и не рассердить владыку. Выслушав наш вызов, его величество, с трудом сдерживая смех, в витиеватой форме сообщил, что вызов они принимают, но в качестве награды требуют от участниц поцелуев. Гвардейцы радостно зашумели — судя по всему, уже представляли, как они нас целуют.

Мы сначала побледнели, а потом позеленели. Посмотрев на девчонок, я понял, что мы имеем еще один крутой стимул, чтоб победить. Сглотнув, я с трудом выдавил из себя согласие, но тут же сообщил, что если выиграем мы, то его величество будет должен нам выполнение желания, при этом король и Советник должны участвовать в игре. Переглянувшись с другом, его величество согласился.

Расчистив место на земле, мы, рисуя и показывая, объяснили условия и правила игры. Затем, оставив им Рода для консультаций и более подробных разъяснений правил и на случай любых других вопросов, мы вернулись в замок.

Часа через два было объявлено начало олимпиады. Все трибуны были забиты, даже на земле и в проходах сидели люди. Королевских гвардейцев, не вошедших в футбольную команду, мы рассредоточили по трибунам. На всякий случай рассадили их небольшими группами среди жителей нашего имения, а также гостей и родственников из имения Ирвина.

На середину поля вышли все члены нашей команды, и мы спели несколько веселых и задорных песен, а затем было объявлено начало соревнования по прохождению полосы препятствий.

Первыми на нее вышли молодые парни и девушки. В последние годы такие олимпиады проходили регулярно, и народ не только перестал стыдиться выступать, но даже активно тренировался в свободное время, чтоб суметь выиграть приз. А в качестве призов мы выставляли такие вещи, чтоб у народа было желание их получить. Под шутки, смех и подбадривания с трибун пятерка за пятеркой соревнующиеся проходили полосу. Победителям под звуки марша вручались награды.

Его величество со свитой мы усадили в самом удачном для просмотра месте. Возле них установили столики с вином, соками и фруктами. Рядом расположились отец с тетужкой Оливией и Ирвин с Тинэей. Мы же занимались организационными вопросами, пели в честь победителей, награждали последних... В общем, носились как угорелые, стараясь, чтоб мероприятие прошло наилучшим образом. Для короля же выступаем!

Затем был общий обед. На поляне накрыли столы и установили блюда с едой, а желающие подходили и наполняли свои тарелки. Эдакий шведский стол. У себя в имении мы уже устраивали подобное, но для гвардейцев это были слишком новые правила, пришлось подробно

объяснять и показывать им, как и что. Для своих родственников и свиты короля мы накрыли отдельные столы, и недалеко от них тихонько играли на музыкальных инструментах и пели четверо наших ребят.

Как только обед закончился, прозвучали трубы, и всех пригласили на футбольную игру между двумя командами — крестьянских и замковых парней. Половина замковой команды состояла из молодых стражников, а остальные были из графской личной охраны. Мы специально запустили эту игру перед нашей, чтоб команда короля лучше поняла принцип игры и разобралась, что за сражение им предстоит.

Болели все за свои команды шумно и громко. Отпускались не совсем приличные комментарии и шуточки. Давали советы и ругали неудачные пасы. Гвардейцы короля быстро разобрались, что к чему, и активно тоже включились в процесс боления. Даже его величество не стеснялся выкрикивать свои шуточки.

По окончании игры мы провели торжественное вручение призов победителям под музыку, песни и танцы группы, созданной специально для таких случаев.

Сразу за этими торжественными мероприятиями начинался наш матч с королем и его гвардией. Мы — капитаны — вышли на поле со своими командами. Поприветствовали друг друга, и понеслась игра.

Перед началом я еще раз предупредил своих девочек не перебарщивать, если не хотят, чтоб их трахнули под ближайшим кустом. Не биться же нам с королевскими гвардейцами. Дядьки еще те.

Сразу после начала игры мои девчонки начали бегать, немного виляя задом, вытягивая губы как для поцелуя, поводя плечами и слегка приподнимая брючину. М-да-а... Наша попытка использовать легкую артиллерию, в смысле облегченный вариант томных взглядов и легких покачиваний плечами и бедрами, ощутимых успехов не принесла.

Эти сволочи сразу после сигнала о начале игры захватывали мяч, выстраивались в каре и перли, не глядя по сторонам, к воротам. Похоже, король провел крутое внушение своим гвардейцам. Прошло всего лишь около десяти минут от начала игры, а эти козлы уже успели забить нам два гола.

Я в расстройстве огляделся. Навстречу мне шел его величество с мячом и в окружении своих гвардейцев. Ну блин! Прямо как те рыцари в мультике «Как козаки в футбол играли». Пробриться или отвлечь не получается. Делать нечего, если не хотим проиграть, то следует переходить к тяжелым зенитным установкам. И первым сшибать надо именно короля.

Пока оббегал всех девчонок предупредить о смене приемов, нам забили еще один гол. Тудыть!!!

Все двинулись в центр поля, выстроились, каждая команда на своей стороне. Его величество с некоторой иронией и смешком послал мне воздушный поцелуй. Я чуть фигу ему не скрутил, но вовремя опомнился и продемонстрировал один из приемов массового поражения.

Выгнувшись немного назад и слегка изогнувшись в сторону, прикрыл глаза и, плавно поводя плечами, провел растопыренными пальцами руки от шеи по груди и по бедрам. Посмотрев в сторону короля, чуть не рухнул на землю от страха.

Его величество и четверо гвардейцев, стоявших рядом с ним, выглядели как тяжело

Все оказалось много проще. Перевод в местные шлюхи был неизбежен лишь в том случае, если с девушкой познакомились сразу несколько мужиков и это стало известно всем. А вот если скрытно, один на один, и по договоренности, то никаких проблем не возникает. М-да-а... Извращенная логика.

В итоге всех обсуждений мы незаметно от всех пригласили желающих развлечься девушек из нашего и Ирвина имений. Мои-то девчонки были из деревень, подчиненных Ирвину, и потому точно знали, кого можно звать. А на наших девушек нам указала матушка Биата.

Приодели их в наши праздничные одежды и подкрасили косметикой, которую Яджина с матушкой Биатой и Сэтом разработали в нашей лаборатории из природных компонентов. Девушек невозможно было узнать. Рассмотрев себя в зеркалах, они были в полном восторге. Можно гулять сколько хочешь и с кем хочешь, и никаких последствий, ведь их никто не узнает. Мы же, одевшись в более просторную одежду и затянув волосы в простые хвосты, надеялись выглядеть на их фоне недостойными мужского внимания.

Получилось почти так, как мы и задумали. Гвардейцы и прочие представители мужского населения рванули завоевывать сердца наших ряженных красавиц. ТАКОГО внимания к себе деревенские девушки еще никогда не имели и потому были счастливы. Мы же, одевшись серыми мышками, держались в стороне от основной толпы.

В нашем плане оказался лишь один прокол: его величество все же узнал меня. Ухмыльнувшись, он стал медленно и неуклонно приближаться ко мне. Заметив его перемещения, я, стараясь не подать виду, что в курсе его маршрута, начал так же медленно перемещаться от него подальше. Таким образом мы совершили почти полный круг по поляне. Видя, что король меня настигает, я нырнул в кусты и попытался сбежать в замок. Фокус не удался. Догнал он меня на третьей минуте нашего забега. Даже странно, ведь он же старше моего нынешнего тела. Ему же где-то около сорока пяти, а моему телу только семнадцать лет?..

— Куда же вы, милочка? Мы же с вами не обсудили желание, которое вы выиграли! — радостно скалясь, воскликнул король.

Схватив меня за руку и притянув к себе, его величество нежно обнял меня и принялся целовать. От возмущения я чуть не врезал ему по... но вовремя опомнился. За такое неуважение к королевским запчастям могут и голову снять. Возможно даже не только мне, а и всему моему семейству. Вспомнив о своих возможностях, я всадил ментальный удар промеж глаз его величества. Он замер, а я потихоньку выбрался из его объятий, судорожно размышляя, что делать? Никаких идей в голову не лезло. Ну что же, в крайнем случае загоню его в кусты, будет нужду справлять до самой ночи.

В это время из-за деревьев показалась Лорэйн.

— Лори! Спасай меня! Он целоваться лезет, — стараясь не сильно шуметь, в отчаянии позвал я.

— Он же тебя целует, а я здесь при чем? — фыркнула обиженно она.

— Ну сколько раз тебе надо повторять? Не нравится он мне. Стар для меня. Быстрее становись на мое место. Он приходит в себя, а в его объятиях ты. Он вряд ли сразу заметит подмену, а ты вволю нацелуешься. Если постоянно будем проделывать сей фокус, глядишь, он на тебя и переключится. Ты у нас девушка видная и красивая. Я ведь рассказывала, что запутать сознание могу не более чем на десять минут. Так что пристраивайся быстрее, пока он в себя не пришел, — торопливо уговаривал я сестру.

Хмыкнув, она, с видом будто делает мне одолжение, пристроилась в объятия короля. Я же быстро спрятался в кустах. Как я и говорил, его величество, придя в себя, продолжил с увлечением целоваться. Мне показалось, что на второй минуте он все же заметил, что девица другая, но процедуру не прервал. Лори же наслаждалась процессом по полной программе.

М-да-а. Похоже, она и впрямь влюбилась в короля. Убедившись, что все идет как надо, я побрел по тропинке, подальше от озабоченного величества. Тут же некстати вспомнилось, как король лез целоваться. Меня снова охватила злость. Хотелось просто рвать и метать. Я начал плевать и тереть губы.

— Ко-озе-ол озабоченный!! Пристал как банный лист, — зашипел я в раздражении.

— Вас кто-то обидел, сударыня? На кого это вы ругаетесь? — Улыбающийся Советник вышел из-за куста.

Вздрыгнув от неожиданности, я чуть не обозвал его тем же именем. Вовремя остановился. И что теперь ему отвечать? Не признаваться же, что короля козлом назвал? Может оказаться, что королевская благосклонность не распространяется столь далеко. Пока я пытался найти подходящий ответ, герцог молча, с улыбкой разглядывал меня. Покопавшись в своих ощущениях, мне пришлось признать, что в моем состоянии лучше молчать, а то ляпну что-то вредное для личного здоровья — и вместо короля с топором целоваться придется. За размышлениями я и не заметил, как медленно пошел по дорожке.

— Можете не отвечать на этот вопрос. Я вас искал по другому поводу. Как мне кажется, вы догадываетесь, зачем мы здесь. Мне бы хотелось услышать от вас, что вы на эту тему думаете, — с серьезным видом обратился ко мне герцог, шагая рядом.

— Ну-у-у. Не зна-а-аю-у... — затаил я, пытаюсь предположить, чем мне может грозить отказ выходить замуж за короля, высказанный в категорической форме.

То ли день был тяжелый, а может, просто фантазия у меня бедная, но перед моими глазами стояло только два варианта: виселица и плаха. Настроение упало еще ниже, хотя перед этим я и не подозревал, что может быть хуже.

— Вам сколько лет, милочка? — спросил Советник.

— Семнадцать, — сердито ответил я и от раздражения врезал ногой по куче листьев.

К несчастью для меня, под листьями оказался пенек, к которому моя нога и приложилась. От резкой боли в моей голове произошло короткое замыкание. Я запрыгал на здоровой ноге, высказывая все, что думаю о пне, о дороге, о короле с его приставаниями, о Советнике... Вот на Советнике я и остановился, перепугано заткнувшись. Продолжая скакать по кругу на одной ноге, я тут же начал прикидывать, сколько мне осталось жить. Решив, что мне все равно мало будет, попытался просчитать, а вдруг я быстрее бегаю.

Скосив глаза на герцога, я заметил, как тот, слегка улыбаясь, пристально рассматривает меня.

— Да-а-а... Покойная королева выходила замуж в шестнадцать лет. Вам же, как мне кажется, действительно рановато, — задумчиво произнес герцог.

Фу-ух. Похоже, решил игнорировать мое специфическое мнение обо всем и обо всех.

— Так я о том же! И куда это его величество торопится? Вы уж до него донесите эту мысль. А

если на это дело с другой стороны посмотреть, то какая из меня королева? Маленькая я, маленькая! Если не по возрасту, то по мозгам. Тупая и агрессивная! Да и что за жизнь у королевы?! Сиди, как ду... мм... на приемах молча и улыбайся всяким иди... мм... Того нельзя, этого... Я не переживу!! — Мне приходилось сдерживаться, чтоб не перейти на крик.

На высказывание о моей мелкости и тупости Советник громко хмыкнул, давая понять, что шутку оценил. Он узнал меня и вспомнил нашу беседу в салоне.

— А его величество в курсе, кто подсказку давал? — хмуро поинтересовался я.

— Конечно. Не стану же я скрывать от государя молодые таланты, — хмыкнул он и добавил: — Вы же понимаете, сударыня, что изменить решение короля я не могу?

— Да и не надо! Вы только убедите его не спешить. Тем более что мы выиграли одно желание, которое звучит как отложить предложение руки на несколько месяцев. Поговорите с его величеством. Предложите для начала просто пообщаться с нами какое-то время. Пусть всю нашу семью пригласят на бал или охоту... Ну не знаю... вы в этом лучше разбираетесь, вот и посоветуйте. Пока суть да дело, может, король убедится, что я более стерва, чем положено королеве. Вы, главное, уговорите его не спешить, а я уж постараюсь... — упрашивал я Советника.

— Ничего не могу обещать, но приложу все усилия, чтобы добиться отсрочки. Вам действительно необходимо обдумать ваше положение и привыкнуть к нему, — улыбаясь, произнес он.

Откланявшись, герцог с задумчивым видом ушел в сторону гулявшего у костров народа, а я уселся на траве под деревом, стараясь успокоиться и попытаться придумать способ решения проблем в свою пользу.

Проторчав под местным дубом какое-то время и заработав лишь головную боль, плюнул на это дело и пошел к кострам, у которых собрались те, кто не разбежался по кустам. Мои девчонки и парни притащили все имеющиеся у нас в наличии музыкальные инструменты и затеяли хоровое пение. На поляне за кострами молодежь танцевала под эту музыку. Движения их напоминали мне эдакую смесь европейских народных плясок.

Среди танцующих я с удивлением увидел Лорэйн и его величество. Судя по тому, что и как они делали, Лори обучала его основам танца. И глядя на их лица, можно было с уверенностью сказать, им это нравилось. А уж как меня это обрадовало, то просто слов нет! Я был бы счастлив, если б величество переключился на мою сестру.

Недалеко от короля несколько гвардейцев плясали с крестьяночками. Похоже, совмещают охрану и при этом неплохо развлекаются.

Чуть в стороне танцевала Нирана с Советником. Хм. О-о-очень даже хорошо! Если этих двоих пристрою, то на мне останется только Нинэя.

Все это, конечно, хорошо, но упускать из виду сестричек категорически нельзя. Король с Советником мужики раскованные, переспать с любой девицей им на раз плюнуть, но вот жениться хрен заставишь. Нам такие радости ни к чему.

Подозвал к себе нескольких парней и выдал некоторые указания, послав двоих следить за Советником, сам же решил не терять из виду его величество.

Еще пару часов пришлось ползать за этой парочкой, но за это время мои парни подготовили все, что я попросил, и тоже поползли рядом. Заметив, что король перешел к решительным действиям, я врезал по ним ментальной волной. Когда его величество и Лори замерли, мы выскочили из кустов и резво подбежали к скульптуркам. Вынув из объятий короля застывшую Лорэйн, пристроили туда Нэта, переодетого девушкой. Род с Тарэном шустро потащили сестрицу в замок. Я же рванул в сторону, где Советник обжимался с Нираной. С ними мы провели ту же операцию. На все дела у нас ушло пять минут. Разобравшись с герцогом, я мигом вернулся к наблюдению за королем.

Придя в себя, его величество с легким недоумением посмотрел на девушку в своих объятиях. Нэт, заметивший, что король зашевелился, отодвинув его руку от своей груди, достал из-за пазухи яблоки, изображающие эту самую грудь. Затем медленно надкусил одно, а второе протянул королю, тот на автопилоте взял яблоко и тоже надкусил.

— Уберите вашу руку с моей задницы, вы не в моем вкусе, — томным голосом и закатив подкрашенные глазки, прошептал Нэт на ухо королю и, виляя задом, быстренько свалил в сторону кустов и исчез за ними.

Его величество с ошарашенным видом молча поедал яблоко. Он выглядел так, как будто не мог решить, впасть в ярость или нет, но тут его взгляд остановился на медленно бредущем Советнике, жующем яблоко с видом полной растерянности. Короля разобрал смех. Сначала тихонько, а потом уже от всей души, он хохотал долго и с упоением, повторяя только:

— Ну и стерва... — и опять начинал смеяться.

Подошедшие гвардейцы напряженно смотрели на монарха, как бы пытаясь понять, не свихнулся ли он. Советник тоже поглазел какое-то время на него, затем пару раз прошелся взглядом по яблокам в руках и у себя, и у короля и начал посмеиваться. А через минуту он уже полностью присоединился к его величеству. Еще минуты через три к ним примкнули стоящие рядом гвардейцы. Вряд ли они поняли в чем дело, но король с Советником смеялись так заразительно, а выпитое вино и неформальная обстановка располагали к такой раскованности, что гогот на поляне стоял мощный.

Наблюдая эту сцену из кустов, мы облегченно вздохнули. Его величество не рассердился! Какое счастье, что у него есть чувство юмора! Хотя, мне кажется, этому королю по поводу веселости и раскованности до нашего Петра Первого далеко-о-о. Уже то, что никакие ремесла лично этот не изучал, кардинально их отличало. А уж какие Петр ассамблеи устраивал, розыгрыши да пьянки!!! Местному королю и не снилось. К тому же царь требовал на гулянках называть себя герр Питер, а за придворное обращение наказывал...

Но я был несказанно рад даже той степени юмора, которую имеет король.

Похоже, мы достигли желаемого результата, ради которого устраивалось все это представление. Рано утром, быстренько собравшись, отряд его величества двинул в сторону столицы.

УРА!! УРА!!

Глава 26

ГРЕБЕТ ВЫСОКОЕ ВНИМАНИЕ...

Убедившись, что отряд короля направился в сторону столицы, я наконец-то расслабился. И тут

на меня навалился такой нервный откат, что стало невыносимо видеть вокруг себя людей — раздражали. Взяв с собой Кристу и четверку парней из команды, я ушел в горы. Яджина перед уходом сунула мне в рюкзак успокоительные травы и рекомендовала с недельку не появляться в замке и пить отвары каждый день.

Добравшись до места, где когда-то лечили Мява, мы разбили лагерь. Свою палатку я поставил в стороне от всех, скрыв ее в кустах, и попросил сопровождающих не разговаривать и реже мелькать перед глазами. На их вопросительные взгляды лишь сообщил, что мне необходим душевный покой и отдых.

Первые семь дней я просто медитировал, стараясь ни о чем не думать. Помнится, в том мире совершенно случайно попал на курс по медитации Випассана. Десять дней не разговаривать, не смотреть по сторонам. Сидишь молча, стараясь не двигаться, с четырех утра до девяти вечера, обед готовят и убираются волонтеры... Техника буддистская, так что никаких уговоров перейти в их веру, как и никакой ругани о других практиках, несколько лекций о понятных каждому вещах.

До того столь работающую практику медитации встречать не доводилось. Мне требовалось не только успокоиться, но еще и постараться понять, почему вокруг все складывается именно так, а не иначе.

Если честно посмотреть на себя, то роль девочки мне не очень удалась. Четыре года, проведенные с племянниками, отпечатали в подсознании образ ребенка, все больше похожий на мальчика, чем на девочку. Да и привычки из прошлой жизни все еще время от времени управляют моим поведением.

Слава богу, что прабабушка Лионеллы была еще той стервой, так что всегда есть возможность на наследственность свалить свои просчеты.

Не раз читал в интервью с артистами, как сыгранная роль настолько влияла на их характер, что временами они действовали как сыгранный ими персонаж даже в своей обыденной жизни. Что же говорить обо мне?! Я не артист по жизни, но уже пять лет приходится играть роль и характер, несвойственные мне. Вот и получается эдакая смесь мужского, женского и детского поведения.

Ввиду моего неправильного поведения, по логике, у меня не должно быть ухажеров. Но получается все наоборот. Где моя логика хромает? Что я делаю не так?! И что самое ужасное, увлеченность мною у некоторых, наделенных властью, не проходит, что бы я ни вытворял. Ведь не пошлешь же их просто подальше?!

Переместись я сюда в возрасте двадцати лет, может, и не стал бы так сильно сопротивляться обстоятельствам. Чем моложе человек, тем легче он принимает перемены и с удовольствием экспериментирует, но с возрастом это становится все сложнее. Не раз слышал от знакомых, что люди, эмигрирующие в возрасте ближе к шестидесяти и старше, чаще всего не в состоянии адаптироваться в другой стране, будь то китайцы, индусы или русские. И рвутся они назад со страшной силой. Мне было не шестьдесят, но и не двадцать. Адаптироваться в обществе у меня почти получается, но вот менять свое сознание с мужского на женское я категорически не желаю. Э-э-эх!!! И почему я не прошел тогда на геологический факультет, на который мы с другом поступали?! Одного балла не хватило, и пришлось срочно пристраиваться в первый подвернувшийся вуз. Так и попал в педагогический. Сложись все по-другому, глядишь, не пришлось бы за племянниками присматривать и не полетел бы тем самолетом. Не раз в этом Франкфурте-на-Майне у нас были проблемы с отлетом. Хорошо хоть пацанов удалось посадить

на предыдущий рейс, а вот мне места не хватило. А попади я куда хотел, может, бродил бы сейчас по тайге или по горам с геологической партией, по вечерам сидел бы у костра и пел под гитару... Э-эх!

Но все же грешно жаловаться на судьбу: не просто умер, а новое тело получил. Словно реинкарнация, и даже память о прошлой жизни осталась. Правда, за пять лет, плотно наполненных событиями, отделились многие воспоминания, стали как бы в тумане. Однако нелюбовь к извращениям осталась: воспринимать и во всем вести себя как женщина вряд ли и через десять лет соглашусь.

Мои мысли от воспоминаний снова вернулись к настоящей ситуации. Почему мне столько внимания?! Снова в теле возникло напряжение. Как только эмоции захлестывают нас, мы автоматически напрягаемся и теряем возможность логически мыслить. Пришлось срочно переключать внимание на дыхание.

Через какое-то время всплыло воспоминание о студенческих годах. Большую часть своего свободного времени я проводил в компании со своим другом и его соучениками с геологического факультета. Время от времени в наш коллектив врвалась, как вихрь, одна особа, собирая вокруг себя разношерстную компанию.

Была она старше нас лет на семь, несимпатичная, но со спортивной фигуркой. Даже не она врвалась, а мы присоединились к ее очередному порыву развеяться. Основную часть своего времени она носилась по разным эзотерическим обществам, но иногда это ей надоедало.

В такие моменты она бросала клич и организовывала спектакли, балы, вылазки на природу с вальсом на снегу, песнями у костра, катаниями с гор на картонных коробках, лыжах... И никаких попок или другого изврата. Того, кто хоть раз попытался перевести событие в примитивную попойку, она больше в свой коллектив никогда не брала.

Полстакана или максимум стакан недорогого вина на человека — это все, что можно было взять с собой, но никто не жаловался. Глупо создавать хорошее настроение попойкой, когда можно поднять его с помощью веселых розыгрышей, песен и танцев. Желающих поучаствовать в организованных ею мероприятиях всегда набиралось много.

Людям нравится находиться рядом с творческими, умными и неординарными личностями. Даже если эти личности внешне не столь привлекательны или грубоваты в общении. Жизнь штука скучная, и мы всегда рады, если можем хоть немного разнообразить ее.

М-да-а. Похоже, скучно величествам с высочествами, вот и увлеклись непривычным для них поведением. Свой-то дамы, от одного их взгляда падающие на спину, вероятно, мужикам надоели до оскомины... Но если я буду вести себя тише воды, ниже травы, то не смогу выполнить то, что намеревался?! Проблема...

Я сидел на вершине небольшой горы, расположенной рядом с нашим лагерем. Вокруг себя разложил посох, арбалет и пару ножей, захваченных на всякий случай. Стук падающего камня отвлек меня от размышления. Открыв глаза, я увидел на соседней горе, метрах в двадцати от меня и чуть выше моего уровня, большого белого кота. Кота?! Кошку!!!

У меня похолодело внутри. Руки автоматически зашарили вокруг и, нащупав оружие, судорожно вцепились в него. Что делать?! Стрелять? А если не нападет? Не стрелять? А если нападет? А мои котята? Я же не могу их родича... чку убить? Боже, что делать?!

Пока я судорожно соображал, кошка фыркнула, ме-эдленно потянулась, кося на меня одним глазом. Затем открыла рот в зевке. М-да-а-а. Перекусит и не заметит. Резко захлопнув рот, она еще пару раз фыркнула, как будто смеялась надо мной. В этот момент перед моими глазами, закрывая обзор, появилась кошачья морда. От испуга я окаменел и даже перестал дышать. Все мысли улетучились. Морда застыла в полуметре от моего лица и глядела на меня хитрыми глазами.

Только через пару минут я узнал в этой наглой морде Мура. Еще некоторое время ушло на усилия вернуть телу подвижность. Отбросив оружие в сторону, я прыгнул ему на спину и начал тискать и лохматить, частично от восторга, а частично чтобы снять с себя напряжение от его столь неожиданного появления. Мур терпеливо и спокойно пытался увернуться. В это время с соседней горы раздался рык, и мы, прекратив возиться, посмотрели туда. Кошка еще раз плавно потянулась и, громко фыркнув, пошла по карнизу.

Я вопросительно посмотрел на Мура, тот тихонько замурчал, лизнул меня в лицо и пошел в сторону кошки. Вероятно, это его невеста, но вот зачем он ее приводил? Меня ей показать или мне ее? Минут через пять они встретились на одном из уступов, дружно посмотрели в мою сторону, негромко рыкнули и исчезли за скалой.

Стараясь убрать все беспокоящие меня мысли из головы, я долго сидел, глядя на заходящее солнце. И так мне стало хорошо и спокойно. Вершины, залитые солнцем, настолько поразили меня своей красотой, что я подумал: вот разделаюсь со своим долгом, пристрою всех родственников и уйду на несколько лет в горы отшельником. Найду пещерку... позову котят... М-да-а. Мечты, мечты. Что же делать? Прямо хоть в монастырь уходи. Монастырь? МОНАСТЫРЬ!!! Ура! Один вариант увернуться есть!

Так. Как только вернусь в замок, надо собрать побольше информации о местных монастырях. Правда, у Блаватской в «Разоблаченной Изиде» такие ужасы написаны о христианских... Но вот описания о подобных безобразиях в тибетских заведениях в литературе не встречал. Да и не собираюсь пока в затворничество на всю жизнь, хотя во что-то похожее на шаолинский монастырь, я бы поступил. Сейчас для меня главное — узнать, есть ли в местных монастырях испытательный период, когда поступивший может в любой момент решить, что все же не готов, и уйти.

Вернулся я в замок успокоенным и повеселевшим. И сразу занялся подготовкой к отъезду в столицу. Ведь раньше или позже ехать придется, и лучше, если мы спокойно соберемся.

Мне вспомнилась косметика, предложенная к продаже Яджиной. Оказалось, Сэт в свою бытность человеком придумал ее и даже привлек некоторых из своих любовниц к ее использованию. Однако наладить производство и продажу продукта ему помешала смерть от рук собственных наследников, недовольных его тратами на алхимию. Когда Яджина готовила какую-то смесь, Сэт вдруг вспомнил свое изобретение. Посоветовавшись, они попробовали восстановить рецепты.

Проверив состав и способы изготовления еще несколько раз, мы решили, что имеем неплохую возможность дополнительного заработка. Часть народа срочно послали в горы на сбор некоторых компонентов, а часть посменно занималась изготовлением изделий, которые мы собирались выставить на продажу в двух своих магазинчиках.

Через пару недель приехал королевский посыльный с приглашением во дворец на какой-то там особенный бал. Нам предлагалось на несколько дней стать личными гостями Его величества и,

соответственно, пожить во дворце. Сестрички просто визжали от восторга. Я не испытывал такой радости, но старался этого не показывать, чтоб не портить им настроение.

Собрав несколько повозок с товаром для наших магазинов и личными вещами, мы отправились в столицу. В Торнске задержались на пару дней. Я посетил магистра Трэвора и побеседовал с ним на тему монастырей и о предполагаемом замужестве. Его удивило мое нежелание становиться королевой, но переубедить он не стал, а рассказал все, что мне могло пригодиться, из того, что знал сам. Затем мы посетили графа Нэрро и маркиза Сочено, разгрузили часть товара для магазина и продолжили свой путь.

Приехав в столицу, завезли товар в свой трактир и оставили Лию и Арни разбираться со всем, а сами двинули в королевский замок. Нас уже ждали и потому встречали с большим почтением. Разместили нас в женском крыле замка. Каждой была выделена большая и богато убранная комната.

Бал должен был состояться через день после нашего приезда. Нас сразу взяли в оборот: обмеряли, предлагали ткани и фасоны платьев, украшений, обуви... Сестрички как с цепи сорвались. Все мои выборы и пожелания критиковались и категорически отвергались. Мы спорили до хрипоты, пока не достигли хоть какого-то компромисса.

После утряски с нарядами служанки взялись всерьез за наши тела: парили, скребли, массировали, чем-то натирали... Сестрицы всем восторгались, мне же не удалось расслабиться и получать удовольствие.

В день бала в мою комнату с самого утра ввалилась толпа служанок, и в быстром темпе меня опять пропарили, проскребли и натерли, а затем усадили делать прическу. После нескольких часов закручиваний, плетений и укладки моих волос, сопровождаемых постоянным дерганьем, я уже начал подозревать, что, когда удастся разобрать эту пирамиду майя на голове, волос у меня останется меньше половины. С огромным трудом удалось выдержать и эту процедуру.

После кошмара с прической за меня взялись девушки, наносившие макияж. Чтобы не выдать своего огромного желания прибить их, сидел с закрытыми глазами и старался ни о чем не думать. Когда служанки закончили меня штукатурить, я, открыв глаза, был потрясен увиденным. Лицо было совершенно неузнаваемым и выглядело более красивым, что мне совершенно не понравилось. Прикинув, что если сейчас сотру штукатурку, то меня намажут по новой, решил перенести эту деятельность ближе к началу бала.

Следующим пунктом издевательства шло одевание меня в приготовленную кучу тряпок. Я с трудом представлял, как это все на меня натянут; по мне, так лучше б у них ничего не получилось.

В поддержку четверем служанкам прибежала Лори и принялась распоряжаться. Девушки под ее руководством пытались запихать меня в корсет. На все мои бурные протесты сестрица категорическим тоном заявляла, что я не имею права позорить семью.

— Какие права?! Какое позорить?! Каким местом семья относится к корсету?! — возмущенно орал я.

— Это королевский бал для избранных. Там будут присутствовать наиболее доверенные, заслуженные и богатые люди. Приглашены дипломаты всех государств! Пойми! Ты обязана быть одета по последней моде, в наилучшие шелка и драгоценности! Это вопрос престижа нашей семьи и нашего государства! — орала на меня Лори.

Только хотел отгавкаться, каким раком я к государству, как в этот момент служанки начали затягивать корсет. Они резко потянули веревки в стороны, упираясь ногами в пол. Я захлебнулся выдавленным из меня воздухом. Но кашлять не получилось. Для этого надо еще воздух и вдыхать, чтоб во время кашля выдохнуть, а вот вдохнуть у меня не выходило. Служанки потянули еще. Убил бы, да не получаюсь двинуться. Глаза почти вылезли из орбит, рот приоткрылся в попытке втянуть хоть немного воздуха. Плечи сами собой развернулись, пытаюсь освободить хоть немного места для кислорода.

— Вот!! Ты только посмотри на себя в зеркало!! Какая величественная поза! — надрывалась сестра.

При попытке двинуться я чуть не рухнул на пол. Пришлось только скосить глаза.

— У тебя даже глаза стали больше и выражение лица приобрело королевскую отрешенность, — продолжала и дальше нести ахинею сестричка.

Еще бы глаза не были больше — их же почти выдавило желудком и легкими, переместившимися мне в голову, поскольку на их законном месте не оказалось пространства! Для того чтобы высказать свое мнение на тему позы и послать их всех... я попытался втянуть хоть немного воздуха и разместить его в небольшом пространстве, не заполненном кишками.

— О! Ты только посмотри в зеркало, как интригующе движется твоя грудь. Она даже стала больше и соблазнительнее! — От восторга Лори закатила глазки.

Она что, издевается надо мной?! Где еще я могу разместить воздух, как не по сиськам разложить?! От нехватки воздуха или от ярости, но в глазах начало темнеть. Порыскав по сторонам взглядом в поиске места, где бы расслабиться, увидел в двух шагах от меня стул. Стараясь меньше шевелить телом, сделал три маленьких шага к нему.

— Какая походка!! Ты движешься как королева! — в экстазе воскликнула сестрица.

Убью!! Как только сниму этот пыточный прибор, так и убью!! Я упал на с трудом достигнутый стул, поторопившись с облегчением выдохнуть... Трудно несколькими и цензурными словами описать испытанные мною ощущения... Через секунду я уже стоял буквой «г», держась одной рукой за поясницу, другой — за спинку стула.

Лори с беспокойством наблюдала за мной. Вдруг она подскочила к стене и с силой стукнула по ней пару раз ногой. Рехнулась она, что ли? Стараясь не обращать на сестру внимания, я пытаюсь разогнуться, матерясь про себя и проклиная этот гребаный бал, короля и королевство...

В этот момент в нашу комнату вбежали остальные мои сестрицы и еще несколько девушек, которых я не мог рассмотреть из-за мелькающих пятен перед глазами. Но вот что я заметил, так это то, что на всех них было надето это пыточное устройство. Тем не менее они без перерыва трещали и чирикали на тему, как прекрасно я выгляжу, какая тонкая у меня талия и какое у меня одухотворенное выражение лица... Я все удивлялся, почему большинство женщин, присутствующих на балах, такие тупые дуры. Несомненно, от нехватки кислорода и крови в мозгах у них там все атрофировалось.

Меня вся эта комедия и издевательство уже достали до невозможности, и мои глаза от ярости начали наливаться кровью. До сестричек моментально дошло, что сейчас может последовать, и они быстро вытолкали посторонних. Я же попытался вывернуть руки за спину и развязать это безобразие.

— Су-у-уки-и... — шипел я, пытаюсь дотянуться до веревок от корсета. Воздуха мне хватало только на шипящие, остальные произносить не было возможности.

Сестрицы обеспокоенно забегали вокруг, что-то говоря. Я уже ничего не слышал. Все эти издевательства за последние три дня довели меня до ручки. Видя, что дотянуться до завязок не получается, я потянулся к прическе. Лори повисла на моей руке, что-то вереща. Нирана и Нинэя упали на колени и сложили руки в умоляющем жесте. Это зрелище потрясло меня, и я замер.

— Сестричка! Милая! Ты для нас столько всего сделала! Только благодаря тебе наша жизнь переменялась к лучшему. Ты сумела организовать не только наш переезд в столицу, но и посещение королевского замка. Мы о таком и мечтать не смели. Пожалуйста, не лишай нас этой удачи. Позволь насладиться ситуацией. Всего лишь несколько дней потерпи! Ну пожалуйста! — почти хором выли сестрички.

Меня несколько насторожил столь слаженный хор, выводящий довольно длинную речь. Походило это на отрепетированную роль, но сути-то дела это не меняло. Ведь и действительно, никто не мог предсказать, попадут ли они еще раз в королевский замок в таком статусе.

Тяжело вздохнув, я расслабился и молча позволил натянуть на меня все то барахло, что было разложено и развешано по всей комнате. Мне везде все жало, тянуло и мешало, но я решил вытерпеть этот день, попытавшись убедить себя, что больше подобную лабудень не надену никогда. «Один день, всего один день», — твердил я себе.

Перед выходом к нам подбежали несколько служанок и навесили на меня еще несколько килограммов цепей с камнями. И все больше на голову. Похоже, понимали, что навесь они это все в момент сооружения прически, до бала бы я уже не дожил.

Крякнув от неожиданности и тяжести, я, с трудом удерживая равновесие, потащился за сестрами. Как нас объявляли и куда повели, я не воспринимал вообще. Сестры остановились; еле успев среагировать, с трудом затормозил и я.

К нам подошел его высочество принц Рональд со своим другом, герцогом Риколло. Все вокруг меня присели в реверансе. Пришлось и мне поднапрячься. Присев и слегка склонив голову в приветственном поклоне, я долго пытался восстановить равновесие головы и тела. Пирамида, сооруженная на моей голове, при попытке поставить ее, в смысле голову, ровно своим весом потянула назад. Я от неожиданности чуть на спину не упал. При следующей попытке выравнивания башку занесло в сторону...

К моменту уравнивания головы я ненавидящим взглядом окидывал зал и пытался зверский оскал на лице превратить хоть в какое-то подобие улыбки. Еще немного, и я начну всех желающих представиться наворачивать тяжеленным веером.

— Уйдите с глаз моих, — прошептал я, скосив глаза на принца.

Тот в недоумении посмотрел на меня.

— Вы пробовали это пыточное приспособление, называемое корсетом? Нет? А оно на мне сейчас. Так что уйдите от греха подальше, а то я за себя не ручаюсь. Отведите меня к месту, где нам положено торчать, прислоните к колонне или чему-то устойчивому и свалите, — раздраженно прошипел я, пытаюсь втянуть побольше воздуха.

Недоумение на лице принца сменилось на понимающую улыбку.

— Что, неужели настолько плохо? — стараясь не расхохотаться, спросил его высочество.

— Не-зем-ны-ые ощущения. Если пожелаете, могу и вам организовать, — боясь пошевелить головой, тихо произнес я.

Глава 27

КАКАЯ ЭКСПРЕС-С-С-ИЯ...

Сопроводив меня и сестер к колонне, стоящей недалеко от трона, принц и вправду прислонил меня к ней. Ухмыльнувшись на мою благодарность, высказанную с помощью шипящих, он пригласил Нирану, герцог подхватил Нинэю, и они ушли танцевать. Лори же осталась рядом со мной. Сосредоточившись на поиске максимально устойчивого положения, я мало обращал внимания на происходящее вокруг меня.

В какой-то момент ощутил удар по ребрам, в смысле сигнал от Лори, и, подняв глаза, увидел перед собой его величество. Изобразив на лице приветливую улыбку, очень надеясь, что она у меня получилась, я присел в реверансе, однако голову наклонить не рискнул.

— Приветствую вас, ваше величество! Рада лицезреть ваш облик перед собой... э-э... мм... — Речь, что пытались вбить в меня сестры, под тяжестью нарядов где-то затерялась.

Лори попыталась мне подсказать, но делала это так тихо, что я ни фиги не расслышал. Ее можно понять, величество рядом, однако у меня думать не получалось, поскольку она отвлекала, шипя над ухом, но ее подсказку я разобрать не мог. Король с трудом удерживал серьезное выражение на лице.

— Ты либо говори громче, либо заткнись, сама что-нибудь придумай, — не выдержав, рыкнул я сестре.

Покраснев, Лорэйн присела поглубже в реверансе и опустила пониже голову. Не сдержавшись, его величество фыркнул, но сразу же постарался придать лицу серьезное выражение.

— Ваше величество, я жутко рада вас видеть, но еще жутчее не рада находиться на балу. Мои сестры проявили невероятное рвение и нацепили на меня такое количество э-э-э... украшений, что я просто физически не могу танцевать или еще как-то передвигаться по залу. Прошу простить и меня, и их, но можно я тут у колонны постою мм... до конца бала? Сроднилась с ней как-то... надежнее мне, да и устойчивее так, — пытаюсь улыбаться, попросил я.

— Какое несчастье! Неужели я буду лишен возможности насладиться танцем с вами?! Неужели вы настолько жестоки, что лишаете меня на весь вечер вашего общества?! О-о-о!!! Какое несчастье! — запричитал его величество, глядя на меня смеющимися глазами.

Сволочь! Он еще и издевается!

— Если вы сейчас не слиняете, начну разоблачаться прям здесь и сейчас, — зашипел я, яростно вращая глазами; шевелить головой я не рисковал, чтоб не потерять равновесия.

— О! Не отказался бы посмотреть на это. Давно мечтал о подобном, — томным голосом произнес его величество.

— Сейчас вы это увидите! А если будете настаивать, то этими побрякушками вас и отоварю! — Мне уже было все по фигу, и я потянулся стягивать с себя украшения.

Поняв, что не шучу, величество наклонился и, чмокнув меня в ухо, прошептал:

— Я пошутил, дорогая, мы уже уходим.

Тут же резко отскочил и, подхватив Лорэйн, на хорошей скорости начал удаляться. Я зашипел с такой яростью, что народ, находящийся поблизости, отскочил на пяток метров от меня.

Сколько так простоял, уже не помню. Кто-то ко мне подходил, кто-то уходил, что-то мелькало перед глазами, со мной пытались разговаривать, но, глядя на высоко поднятую голову, выпученные глаза и судорожное дыхание, тихонько исчезали.

Мне вспомнилась моя поездка на Байкал с группой тайчистов. Целый месяц все наше время было заполнено тренировками: деланьем формы, беганьем по горам с завязанными глазами и многими другими не менее специфическими действиями. Кроме всего прочего, каждый день мы должны были стоять час в мабу. Это такая хрень, при которой чем ноги шире, тем лучше. При этом бедра должны быть параллельно земле или на сколько... мм... здоровья хватит; спина прямая, руки на уровне груди изображают круг. Я хоть тай-чи занимался до поездки уже год, но становиться в низкую стойку не рисковал, больше двух минут ни разу не удавалось выдержать. А в один из дней, проведенных на Байкале, пришлось выстоять два часа. О-о-о! Это были особо запоминающиеся ощущения. Там уже было не до просветления и продвижения, никаких мыслей о совершенствовании. Окружающие люди и природа не воспринимались вообще.

Если вначале еще проскакивали кой-какие мысли, то к началу второго часа то ли в голове пусто было, то ли сознание не в состоянии было донести мысли до мозгов. Единственно, на что были направлены все силы, — это удержать ноги, чтоб не рухнуть, и руки, чтоб не опустить их. Шея и поясница — это вообще отдельная песня. И ведь никто не заставлял; хочешь — делай, не хочешь — уезжай домой.

Мне кажется, в подобных случаях работает данная однажды самому себе установка, и в дальнейшем не надо постоянно твердить: «Это я делаю или это я не делаю». Человек, по-настоящему решивший для себя, что воровство — это плохо и что он не будет воровать, не должен при взгляде на любую вещь повторять себе: «Не буду воровать». Достаточно небольшого количества повторений, и дальше его действия идут уже на автомате. Это работает по отношению ко всему: к материальным или духовным предпочтениям, к сексуальной ориентации...

Что-то подобное происходило со мной сейчас. Я не твердил себе несколько часов — выстоять, я просто стоял. Это, конечно, не мабу, но и не два часа, а уже часа четыре-пять. Хотя это не факт, может, мне от усталости только кажется.

В какой-то момент, решив, что свое я уже отстоял и оттерпел, попытался прикинуть, как лучше покинуть бал. Сестрички почти все время танцевали, и мне не хотелось портить им праздник. Однако я не знал, ни куда выходить из этого зала, ни как добраться до своей комнаты. Следовательно, мне нужен был кто-то, кто знал бы, где она, куда идти, и смог меня туда довести. Также, судя по затекшему телу, мне требовалась основательная поддержка. Когда ко мне подошел Советник, я уже дошел до кондиции — психической и физической. Судорожно дыша, водил глазами по сторонам в поисках знакомых лиц.

— Сударыня, я хотел бы поговорить с вами по очень серьезному вопросу, — великосветским тоном произнес он.

— Кланяться не буду. Я потом голову не выровняю. Какой придурок изобрел эту моду? Это же пыточные приспособления. И вообще, прошу вас, выведите меня отсюда, пока я не навернулась или не покалечила кого, — прошипел я задыхаясь.

От пирамиды на голове у меня отваливалась шея, от каблучков — ноги, а в поясище ломило и от того, и от другого.

Улыбаясь лишь уголками губ, Советник предложил мне руку. Стараясь не двигать головой, я скосил глаза и, найдя взглядом руку, вцепился в нее, почти повиснув. Покачнувшись, герцог удивленно посмотрел на меня, но ничего не сказал. При попытке шагнуть я от неожиданно сильной боли в ногах тихо застонал. Как оказалось, ноги у меня совершенно затекли, шея при малейшем движении тела готова была треснуть, а уж поясища... поясища...

— Гребем отсюда быстрее, а то я прямо здесь раздеваться начну, — со стоном произнес я.

Советник потрясенно посмотрел на меня, судя по его виду, с такой ситуацией он еще не сталкивался. Народ вокруг вытаращил на нас глаза. Меня все эти мелочи не волновали, срочно надо было rassупониться, пока я еще в сознании.

— Прошу вас, шевелите ногами, — скаля окружающим зубы и вися на его руке, шипел я.

С несколько пришибленным видом герцог двинулся к боковой двери, тоже пытаюсь улыбаться. У него получалось не намного лучше, чем у меня. Народ расступался, провожая нас удивленными взглядами. Пришел я в себя уже в небольшой комнате с парой диванов и кресел. Быстро сбросив туфли и млея от разнообразных ощущений в ногах, повернулся к Советнику спиной.

— Расшнуровывайте, — категорическим тоном произнес я.

— Мм... Ч-ч-что?.. — с трудом шевеля губами и глядя удивленными глазами, промемекал герцог.

— Все!!! Все, что расшнуровывается и развязывается! — Мне было не до этикета.

Выглядел Советник несколько заторможенным. Пока я размышлял, чем бы его взбодрить, открылась дверь, и на пороге застыл принц.

— О-о-о! Что здесь происходит? — задал дурацкий вопрос его высочество.

— О! Твое высочество! — обрадовался я. — Давай заходи. Что такое женщина, знаешь? Как ее раздевать, пробовал? — На все мои вопросы тот кивал. — Расшнуровывай, а то герцог, наверное, давно вдовцом стал, забыл, как это делается, — радостно воскликнул я и повернулся к принцу спиной.

Постояв с полминуты и не дождавшись никаких телодвижений сзади, повернулся. Эти два чмо стояли столбиками и хлопали глазами.

— О боги-и-и!!! Где в этом гребаном замке найти мужика, умеющего раздевать женщину!!! — задрал глаза к небу, возмущенно воскликнул я.

В тот же момент в комнату влетел франтоватый мужичка слегка затасканного вида.

— Мм... Я тут случайно услышал, что вам мужчина требуется, — томно, закатывая глазки,

проговорил этот тип.

— То что надо. Быстрее расшнуровывай, — на последнем издыхании я повернулся к мужику спиной.

— Но как же... Ведь надо сначала... хотя бы позвольте вас поцеловать... — замялся мужик.

— Потом. Все потом. Расшнуровывай быстрее, я уже не могу. — Мне с трудом удавалось сдерживать себя, чтоб не прибить их за промедление.

— Какая экспре-эсс-с-сия... какая... А как же эти двое? — удивленно спросил он, кивая на застывших принца и Советника и начав развязывать там что-то.

— Они нам не помешают. Ты не отвлекайся. — Мне понемногу начинало легчать.

— А что у нас намечается? — озабоченно поинтересовался мужик.

— Групповуха у нас намечается. Ты, главное, не останавливайся, расшнуровывай, — с огромным удовольствием выдохнул и вдохнул я.

— О-о-о! — только и провыл мужик, но его пальцы действительно быстро и ловко распускали шнуровку.

— Вот что значит профессионал!!! Учитесь! — воскликнул я, повернув голову к остолбеневшим принцу и Советнику и одновременно пытаюсь вытащить из головы побрякушки, чуть не сломавшие мне шею.

Когда корсет полностью распустили и я смог нормально дышать, по телу пробежали ТАКИЕ волны и ощущения... От поступления крови и кислорода в легкие и мозги мне, с одной стороны, полегчало, но с другой — это было та-а-ак больно, что, застонав, я в изнеможении упал на диван. Мужчинка попытался пристроиться сверху, но был немедленно уронен на пол. Вскочив с ничего не понимающим лицом, он обиженно уставился на меня.

— Все, мужики... мне уже похорошело... Кому мало, ищите дальше, — почти счастливым голосом выдохнул я.

На лице профессионала проявились непонятки, он оглянулся на стоящих рядом Советника и принца. Только теперь до него дошло, КТО находится в комнате. Резко побледнев, он судорожно сглотнул и пулей вылетел в дверь, едва ее не выбив.

— А вам, ваше высочество, следует попрактиковаться в таком важном деле, как раздевание женщин. Не мальчик уже. Можете идти, нам с Советником побеседовать надо. Герцог, пожалуйста, повынимайте у меня из головы это безобразие, а я пока отдохну, — пробормотал я, засыпая от усталости.

Принц с красным лицом вылетел из комнаты. Герцог, усмехнувшись, достал откуда-то плед, накрыл меня им и, присев рядом на стул, начал вынимать из моей головы украшения.

Проснулся я от какого-то шума в коридоре, стукнула открывающаяся дверь, и кто-то заорал во все горло:

— Эмануэль! Ты почему спишь здесь, а не в своей комнате? И почему я должен тебя разыскивать по всему замку?

— Ну и какого лешего орать в такую рань? И что ты забыл у меня в комнате? Исчезни. Дай поспать, — не открывая глаз, поворчал я спросонок.

— О! И с кем это ты спишь? — удивленно-насмешливо произнес тот же голос.

— Не с кем, а на чем. На диване, — пробурчал я, оглядывая место, на котором лежал.

Подняв глаза на вошедшего, я удивился.

— О! Ваше величество! А вы что здесь делаете? Вообще-то это неприлично — врываться в комнату к даме, — находясь в полном ступоре, спросил я.

— К вашему сведению, графиня, я в своем замке и пришел к своему другу и Советнику, — хмуро ответил король.

— Одно из двух, либо я уже Советник, либо что я здесь делаю? — судорожно пытаюсь вспомнить вчерашние события, медленно произнес я.

В этот момент перед моими глазами появился Советник, вышедший из глубины комнаты.

— О! Судя по всему, более правильным будет — что я здесь делаю, — благодаря сложному дедуктивному методу, мне удалось прийти к конкретному выводу.

Эти типы захихикали. Король — ехидно, а Советник — слегка смущенно.

— Я попросил вас уделить мне время для серьезной беседы и привел в эту комнату. Но вы так устали на балу, что... кхм... послали нас с его высочеством куда подальше... и, упав на диван, заснули. Я вас укрыл, и решил дожидаться, когда вы проснетесь, чтобы все же поговорить, но сам заснул, — стараясь выглядеть уверенно, просветил нас герцог.

Пока он объяснял, его величество мрачно смотрел на друга, крутя в руках какую-то безделушку со стола. Мне показалось, что он еле сдерживается, чтоб не навернуть ею своего Советника.

В это время в дверях показался его высочество принц.

— Сударыня, я последовал вашему совету и за сегодняшнюю ночь раздел и одел четырех дам. И надеюсь, достиг в этом некоторого мастерства. Так что, если вам опять понадобится раздеться, всегда пожалуйста, к вашим услугам, — радостно улыбаясь, с порога выдал он. — О, отец! Мое почтение! — поклонился принц, заметив короля.

— Ты что только что сказал?! — грозным голосом поинтересовался его величество.

— О! Ничего интимного! Сударыню служанки затянули в корсет так, что к середине бала ей стало плохо, и она попросила расслабить шнуровку, но я постеснялся. Это было так неожиданно... да и герцог рядом стоял... А за это меня обвинили в том, что я не умею раздевать женщин... Вот я и пошел тренироваться, — немного смущенно и посмеиваясь, признался принц.

В моей голове стало постепенно проясняться. Начали вспоминаться события вчерашнего вечера.

Поняв, что на мне расстегнуто платье, я напрягся, но не лежать же здесь до того, как король уйдет. Да уж. Ситуация явно двусмысленная. Не знаю, как его величество относится к

Советнику, но кто знает, что может произойти, если герцога заподозрят в том, что он переспал со мной. Хм-м. Делать-то нечего, вставать все равно придется, но за помощью стоит обращаться только к королю, если не хочу неприятностей себе и другим. Встав, я повернулся спиной к монарху.

— Застегните мне, пожалуйста, платье, ваше величество, только не очень затягивайте, мне и вчерашнего удавливания хватило. Ну что же вы? — говоря, я в то же время затягивал лентой волосы в узел, чтоб не мешали.

Не дождавшись никакой активности, я повернулся.

— Что?! И вы не умеете обращаться с платьем?! Вы уверены, что принц ваш сын? — воскликнул я.

Со странным выражением на лице король кивнул головой.

— Ну и как вы могли его произвести на свет, если не умеете ни раздеть, ни одеть женщину?! К слову, Советник тоже не умеет... Мне что, бегать по замку в расстегнутом платье и искать мужика, который знает, как застегнуть платье? — Я закатил от возмущения глаза.

Пока я негодовал, принц и Советник сначала пофыркивали, а к концу речи уже смеялись чуть ли не в голос.

— Ну и чего смеетесь? Сами вчера так и не справились, пришлось мужичка со стороны звать. Вы обратили внимание, какой он профи?! А как быстро... Какой умелец, нет слов... — Я в восторге прикрыл глаза.

Лицо короля начало приобретать багровый цвет. С чего бы это?! Обратив внимание на реакцию величества, принц и Советник попадали на диван и почти рыдали от с трудом сдерживаемого смеха. Я обратился к королю:

— Не обращайтесь на них внимания. Вы бы все-таки поднапряглись и застегнули меня, а то как-то некомфортно в расстегнутом платье ходить. Там нет ничего сложного, одни крючочки и веревочки... Честное слово, это легче, чем принимать дипломатов, — уговаривал я его величество.

— Я все-таки мужчина, — слегка охрипшим голосом проговорил король.

— Зато я не женщина. — Мне с трудом удалось не рассмеяться.

— А кто?!

Ишь ты, как дружно воскликнули все трое — прям хоровое пение.

— Девушка. — Я попытался изобразить невинную и стеснительную девушку.

М-да. В мятом и расстегнутом платье это звучало несколько странно.

— А-а-а! — теперь уже ехидничали мужики.

— В самом деле, ваше величество, может, дамы и бегают к вам в уже раздетом виде, но хотя бы теоретически вы должны уметь их раздевать, а то вдруг какая сдуру одетая припрется, — продолжал уговаривать я.

В итоге его величество начал потихоньку затягивать меня в платье.

— Эй, полегче, полегче! Не лошадь взнуздываете! А то я и лягнуть могу, — время от времени комментировал я.

Принц и Советник смеялись от души. Да и его величество под конец процедуры тоже посмеивался. В этот момент на пороге комнаты показался герцог Риколло.

— Рон, тебя невозможно найти. О! Как у вас весело, — радостно улыбаясь, обратился Рик к принцу. Через секунду он увидел застегивающего на мне платье короля и стоящего рядом Советника. От удивления у него отвисла челюсть и вытянулось лицо. — Приветствую вас, ваше величество... А что здесь происходит? — выпучив глазки, спросил молодой герцог.

— Групповуха у нас происходит. Заходи, пятым будешь, — ухмыльнулся я.

Немного успокоившиеся мужики заржали снова. В этот момент я вспомнил, что сестры могли меня потерять и начать беспокоиться. Необходимо было послать им весточку о себе. К тому же у меня громко заурчало в животе. Блин! Да я уже забыл, когда последний раз ел.

— Послушайте, герцог Риколло, будьте другом, крикните там какому-нибудь мужику, чтобы передал приглашение моим сестрам. Его величество нас завтракать пригласил, — обратился я к герцогу.

— До чего же я умен! А какой догадливый! — с улыбкой пробурчал король и кивнул герцогу.

— Ах! Ваше величество! Ваш неординарный ум и выдающиеся способности могут потрясти любое воображение и вызвать восторг в любой душе, внемлющей вашим мудрым речам, несущим свет высоких идей и идеалов... — Во загнул, даже сам потерял нить, куда это я и откуда.

Мужики посмотрели на меня заинтересованно.

— Вы хоть сами-то поняли, что сказали, сударыня? — ехидно поинтересовался король.

— Неважно. Провел бы меня кто-нибудь до моей комнаты, переодеться бы не помешало — пробурчал я, пытаясь расправить платье.

— Весь к вашим услугам, сударыня! Буду счастлив сопроводить вас, — протягивая руку, муркнул его величество.

Я еще раз окинул взглядом мое мятое платье, пригреб руками волосы, смахнул в снятую с подушки наволочку украшения, снятые Советником у меня с прически, и протянул руку королю.

— Ваше величество, а вам не будет стыдно идти рядом с такой помятой дамой? — ухмыльнулся я.

— Ну-у... Могут подумать, что это я... мм... привел в беспорядок ваши платье и прическу, — с некоторой гордостью в голосе произнес он.

Хм... мятое платье на бабе — это позор для нее, а для мужика — гордость.

— А вы что, дам и правда одетыми мнете? Но это же неудобно! Юбок куча, фиг задерешь, да еще железа навешано немеряно, так и покалечиться недолго! — Я попытался изобразить

наивное удивление.

Мужики хором заржали.

Пока мы добирались до моей комнаты, все, попавшиеся нам на пути, пытались сломать себе глаза, стараясь незаметно, как им казалось, рассмотреть новую фаворитку короля. Мы же с его величеством, шагая с гордым видом, улыбались вовсю, правда, каждый о своем.

Глава 28

ЗАМУЖ — ЭТО НЕ ТРАГЕДИЯ, А ЖИЗНЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Подойдя к моей комнате, его величество вежливо открыл передо мной дверь. Переступив через порог и слегка присев в реверансе, я многословно и стараясь не потерять смысл начал благодарить его за оказанную мне честь и внимание. Но в этот момент мой взгляд оказался направлен в глубь комнаты, и от увиденного там я заткнулся и застыл на пороге. Мои сестры плюс несколько девчонок из команды сидели плотной кучкой на диване, стоящем недалеко от входа, и напряженно смотрели на нас. Выражение их лиц было до такой степени странным, что я от неожиданности оглянулся, пытаюсь понять, на что это они так реагируют.

Его величество, вероятно решив, что мне требуется поддержка, вошел следом.

— Приветствую вас, сударыни! Прошу простить нас за то, что вошли не постучав. Мы не ожидали здесь никого встретить. Приглашаю всех на завтрак. Через час за вами зайдут. А сейчас позвольте откланяться, — слегка ухмыльнувшись, он исчез за дверью.

Вот сволочь! Он хоть догадался, как двусмысленно прозвучала его речь? Хотя, судя по хитрому выражению лица, он не только понял, но и специально так сделал.

Увидев короля, все вскочили и присели в реверансе. Однако глаза никто не опустил, сестры все так же продолжали пялиться на нас. Как только за его величеством закрылась дверь, девчонки вернулись в исходное положение, в смысле, сели на диван, продолжая при этом молча глазеть на меня.

Не, ну кто спорит? Мой вид далек от совершенства: лохматые волосы, неаккуратно стянутые в узел, мягое платье, и опять же наволочка, наполненная украшениями, в руке. Сплошная экзотика, даже если предположить, что косметика не размазалась по лицу.

О!!! А ведь действительно! Я же еще в зеркало не смотрел! Бросив наволочку с фенечками Лори на колени, я рванул к зеркалу. Моя реакция на то, что я увидел, была жуткой, потрясло меня так, что даже офигел на корню. Это же какие нервы надо иметь его величеству, чтоб не только не шарахнуться от меня сегодня утром в комнате, но и не постесняться пройти со мной по замку?!

М-да-а-а. Ну и видок! От бровей до середины щек темные разводы вокруг глаз; от размазавшейся помады мои губы выглядели значительно больше своего естественного размера, как у клоуна в цирке. Это, конечно, не косметика моего бывшего мира, помнится, там у моей сестры после пьянки были совершенно черные круги под глазами. Однако хватало и того, что обводы вокруг моих глаз, похожие на темные тени, придавали мне вид смертельно больного человека.

Бледное лицо в сочетании с лохматыми волосами и жутко мягким платьем создавали впечатление, что меня поимел отряд гвардейцев. Повернувшись боком, я заметил, что часть

моей спины голая, лишь шнуровка крест-накрест украшает ее.

Не понял, это что за дела?.. Да как он посмел!.. Тут же у меня возникло непреодолимое желание пойти и набить королю морду. Лишь через пару минут до меня дошло, что перед балом платье на меня надевали, предварительно затянув в корсет, а сегодня я потребовал не утягивать его, вот ткань и не сходилась на ширину ладони.

С совершенно потрясенным видом я упал в кресло. Да-а-а... Если уж такой ужасный вид не смог отпугнуть короля, то что еще я могу противопоставить женитьбе, в смысле замужеству? Я погрузился в мрачные мысли.

Ко мне подошла Нирана.

— Ли, что случилось? Почему у тебя такой ужасный вид? Что у тебя было с его величеством? — напряженно поинтересовалась она.

Я внимательно посмотрел на сбившихся в кучу девчонок и тихонько хмыкнул. Глядя на мой внешний вид, ничего хорошего уж точно нельзя подумать, а поверить в то, что я могу рассказать о произошедшем, вообще мало кто способен.

Мой взгляд остановился на лице Лорэйн, которая сидела с невероятно несчастным и хмурым видом.

— Лори, успокойся. Ничего эдакого у меня с ним не было. Ты же знаешь мое отношение к замужеству. Так что я все еще очень надеюсь, что у меня получится избежать этого, — улыбнулся я как можно более оптимистично.

Напомнив, что нас пригласили на завтрак, и пообещав вечером рассказать обо всем подробно, я помчался мыться и переодеваться. По поводу одежды пришлось поставить сестричек перед фактом, что я, конечно, люблю их, но не до такой степени, чтоб позволить еще раз надеть нечто похожее на мой предыдущий бальный наряд. Если они все еще хотят находиться рядом со мной и во избежание всяких недоразумений, чтоб даже и не заикались предлагать мне что-то подобное.

Срочно вызванные портные получили заказ на удобные, в моем понимании, и менее украшенные платья. Как только они попытались оспорить мои идеи, я ТАК высказал им все, что думаю, вложив в свою речь раздражение, накопленное за последние несколько дней, что они умудрились минут за десять разобраться, что от них требуется, и тут же исчезнуть.

Следующие три дня слились для нас в нескончаемую череду обедов, завтраков и ужинов с королевской особой и еще кучей дворцовых нахлебников. Балы, охота, выступление каких-то там артистов... Я думаю, его величество хотел соблазнить нас роскошью, возможностями и разнообразием королевской жизни, и, похоже, сестрам все это нравилось, но со мной вышло наоборот. Беготня по различным мероприятиям утомляла меня до такой степени, что к ночи я уже еле тащился в свою комнату и мечтал о том времени, когда мы уедем.

В один из таких жутких вечеров, когда мы с сестрами уже почти добрались до своих комнат, к нам подошел Советник и попросил меня на пару слов. С трудом удерживая глаза открытыми и постоянно зевая, я неохотно отошел с ним в сторону.

— Сударыня, я хотел бы пригласить вас поехать ночевать ко мне в особняк, — предложил он.

— Н-н-не поняла, зачем это? — От услышанного у меня чуть челюсть в зевке не заклинило.

— Я уже не первый день хочу с вами побеседовать на одну достаточно деликатную и серьезную тему. Но каждый раз вы куда-то спешите, бежите, а то и вообще не способны воспринимать любой разговор, вот как сейчас. Исходя из этого и предлагаю поехать ко мне. Обещаю самое деликатное и уважительное обхождение. Вам будет предоставлена наилучшая комната, в которой вы сможете отдохнуть, а утром мы спокойно и серьезно побеседуем, — предложил Советник.

Я догадывался, на какую тему он хочет говорить, и решил, что действительно этот вопрос стоит обсудить как можно скорее. Попрощавшись с сестрами, мы отправились к герцогу домой. Сквозь сон чувствовал, как меня вынимали из кареты, куда-то несли, а как раздевали и укладывали — уже не воспринимал.

Проснулся я хорошо отдохнувшим. Заметив, что нахожусь в чужой комнате, сначала насторожился: мало ли какие у величества методы обольщения и убеждения, — но, вспомнив вчерашнее приглашение Советника, успокоился. Как только я привел себя в порядок, мне передали приглашение к завтраку.

Подкрепившись, мы с герцогом сели побеседовать в небольшой, но уютной комнате с камином.

— Вы знаете о намерении его величества жениться, и мне хотелось все же понять, что вам мешает выйти за него замуж. Может, вас не устраивает его возраст? Прошу прощения за то, что задаю такие вопросы, но меня беспокоит состояние и настроение его величества. Он глава государства, и от него многое зависит. Кроме того, король — мой друг с детства, и я считаю себя вправе побеседовать с вами на эту тему. — Несмотря на извинения, похоже, Советник ничуть не смущался.

— Для начала хочу вас попросить, чтобы все, что здесь будет рассказано, осталось в тайне, — попросил я.

Несомненно, этот вопрос надо срочно решать, но мне было не по себе от предстоящего разговора.

— Клянусь вам, сударыня, что без разрешения я никому не передам информацию, что вы мне доверите, — высокопарно произнес Советник.

Предложив называть его Эмануэль, герцог приготовился слушать.

Ну вот что ему говорить и как убеждать?! Ведь не расскажешь же, что перенесся из другого мира и что там был мужчиной. Переместись я в возрасте двадцати лет, может, и не стал бы так сильно сопротивляться, а попробовал бы получить удовольствие от ситуации. Но все сложилось как сложилось. Согласившись принять навязываемую ситуацию, я стану противен себе.

Убогость души определяется убожеством принципов. А умение отстаивать свои идеалы является не ограниченностью, а способом наработки высших аспектов воли. Безвольный человек не способен достичь вообще ничего. Он, как щепка в воде, несется туда, куда тащит течение, и чаще всего его заносит в мелкие заливчики, где собирается всякий мусор.

Свои объяснения я начал издали, рассказав сначала историю женитьбы родителей в этом мире, о смерти матери, состоянии отца. Поведав о запущенности дел в нашем имении и бедности, я подвел, таким образом, базу под желание ребенка — Лионеллы — искать в книгах советы, как исправить такое положение. Упомянул также, что было посвящено несколько лет работе с книгами и молитвам к Великой Матери с просьбой помочь. Это была истинная правда. А вот дальше я начал сочинять на ходу. Пришлось придумать, что, прося Великую Мать о

помощи и руководстве, я обещал: как только устрою личную жизнь и обеспеченность моим родственникам, уйду в монастырь. Вкратце рассказал о последних переменах в делах семьи, о том, насколько наше положение действительно улучшилось, а это значит, Великая Мать приняла мою просьбу. Пришлось добавить, что, готовясь к поступлению в монастырь, я хочу остаться непорочной, из-за этого любой вид более близких взаимоотношений с мужчинами считаю неприемлемым для себя.

— Его величество — мужчина веселый, любознательный и женским обществом не пресытившийся. Ему нужна нормальная женщина и жена. Мое поведение отличается от того, к чему он привык, вот и привлекло его внимание. Но вы же понимаете, что экзотические вещи употреблять стоит изредка и понемногу, а на каждый день лучше пользоваться чем-то привычным.

Этот разговор уже начал утомлять меня. Настроение становилось все хуже и хуже, поскольку я не был уверен, что моя придумка может выглядеть серьезным обоснованием отказа от замужества.

— Мне кажется, что его величество настойчив только потому, что не привык, когда ему отказывают. К тому же есть вероятность, что он так или иначе настоит на нашем браке. В этом случае я собираюсь потребовать от него сначала выдать замуж моих сестер за богатых и достойных женихов. А после их свадьбы в срочном порядке принесу посвятительную клятву в Храме Матери. Хотя это, может, и не помешает его величеству, но в таком случае у него возникнет конфликт с Храмом. Он прекрасный человек и правитель, и я не хочу, чтобы он имел проблемы из-за меня (а уж как мне не хотелось бы иметь проблемы из-за короля...).

Мы молча сидели и смотрели на огонь в камине. Каждый размышлял о своем. Мне очень не нравилась сложившаяся ситуация. С великими мира сего, да и любого вообще, лучше находиться в нейтральных или на крайний случай дружеских отношениях. Хотя даже благосклонность, как и дружба великих, вещь не только нестабильная, но еще и опасная.

— Вы хорошо знаете короля, скажите, а если я выйду замуж за кого-то другого, оставит ли он меня в покое? — В голове мелькнула идея, и я тут же попытался ее проверить.

— Мм... Не уверен... Один из вариантов развития ситуации — вы можете быстро стать вдовой... вы не глупы и понимаете, что власть способствует некоторому потаканию капризов и наделенные властью не любят проигрывать, — как можно более обтекаемо попытался сформулировать свою мысль Советник.

Если короче и точнее выразить его мысль, то королю вожжа под хвост попала и достижение желаемого стало для него делом принципа. Да уж, ситуация. Настроение упало ниже плинтуса. Вскочив, я начал накручивать круги по комнате, шипя ругательства под нос:

— Пусть только попробует заставить выйти за него, он у меня пожалеет! Он даже представить себе не может, насколько сильно один маленький девушка способен отравить жизнь один большой правитель! Гррр!!!

До чего же нервным я стал в этом мире! Ведь если подойти к этому грамотно, то за нервные импульсы отвечают эфирное и физическое тела, а они у меня сейчас всего семнадцати лет от роду.

Побежав какое-то время, я упал в кресло, пытаюсь расслабиться. Герцог молча наблюдал за мной. Немного успокоившись, мне снова удалось поймать интересную мысль.

— Вы позволите спросить вас о личном? — осторожно спросил я.

— Пожалуйста, — улыбнулся Эмануэль.

— Я слышала, вы уже давно вдовец. Есть ли наследники? И почему вы не женились снова? — Мне действительно это было важно знать.

Какое-то время мой собеседник молчал, глядя на пламя камина и потихоньку потягивая вино. Я уж подумал, что не дождусь ответа.

— Наследник у меня есть, а жениться... Как-то не возникало необходимости. Да и времени нет, сами понимаете, служба, — задумчиво произнес герцог.

— Вы говорили, что являетесь не только Советником, но и другом его величества? — уточнил я.

Посмотрев на меня заинтересованным взглядом, герцог кивнул головой, соглашаясь.

— Поймите, если его величество силой заставит меня выйти за него замуж, проигнорировав мое нежелание, то может приобрести умного врага в своем окружении и, соответственно, заполучить кучу неприятностей. Да и конфликт с Храмом вряд ли желателен для него. А давайте вы на мне женитесь, — немного помявшись, предложил я.

От такого поворота сюжета лицо Советника вытянулось.

— Вы только посмотрите! В этом случае решаются все проблемы. Король — ваш друг и ничего плохого вам не сделает. Брак наш будет лишь деловым содружеством. Наследника вы уже имеете, следовательно, не требуете от меня выполнения супружеского долга, в смысле спать с вами. Я по мужикам не шляюсь, вас не позорю и ревностью не извожу: спите с кем хотите. Как вам такое предложение? — Хотя выданная мною идея мне самому не нравилась, но другого решения пока что не наблюдалось.

Мы сидели молча, глядя на пламя. Мне никогда не надоедало смотреть на огонь, это как-то успокаивает и умиротворяет.

— Удивительно ваше нежелание стать королевой, любая другая девушка с радостью согласилась бы, — скосив на меня глаза, хмыкнул Эмануэль.

— Да попутный им ветер в задницу! — Мне не удалось сдержать раздражения.

Веду я себя временами, мягко говоря, ужасно, но самое плохое — что это мало кого отпугивает.

— Если вы так уверены и решительно настроены не выходить замуж за его величество, то ваше предложение действительно является решением этой ситуации и дает возможность избежать нежелательных скандалов, — серьезно произнес герцог.

— В таком случае пойдемте в храм, жениться, — тут же предложил я, пока он не передумал.

— Э... м... сегодня? — пару раз открыв и закрыв рот, выдохнул Эмануэль.

— А чем завтрашний день лучше сегодняшнего? — удивился я.

Нельзя ни в коем случае давать ему много времени на размышления, а то вдруг передумает. Как говорится, куй железо, пока горячо.

— Наше венчание мы можем не афишировать, пока его величество не начнет настаивать на замужестве. Когда он успокоится или отвлечется на другую девушку, мы могли бы тихонько развестись. — Мне казалось, что это предложение могло помочь Советнику решиться на брак со мной. Как я помню, развод в этом мире дело очень тяжелое, но не невозможное.

Мы еще немного помолчали. Затем герцог решительно встал.

— Хорошо. Я позову слуг, чтобы они привели вас в порядок, переодели во что-то более нарядное, а сам за это время договорюсь с храмовой службой и обеспечу нас свидетелями, — слегка улыбаясь, обратился ко мне герцог.

Попросив пригласить на церемонию моих сестер, я пошел со слугами герцога переодеваться.

Часа через четыре-пять мы уже стояли перед входом в храм. По моей просьбе, чтобы не отвлекаться на объяснения и разговоры, сестричек подвезли прямо к началу церемонии. Глядя на их потрясенные лица, я ухмыльнулся: что-то у меня последнее время частенько получается травмировать их неокрепшую психику. Что поделаешь, объяснения могут занять слишком много времени, а сейчас для меня главное — быстро провести ритуал венчания, пока Советник не передумал.

За неделю, проведенную в качестве королевской гостьи, я настолько устал от всяческих мероприятий, что венчание только стартовало, а меня речь священника уже стала раздражать. Цветочный веник, что мне всучили, очень скоро начал оттягивать руку, и я переложил его в другую, но и та быстро устала. Не выдержав, пристроил букет под мышку... затем на плечо... затем начал шипеть, слегка помахивая осточертевшим аксессуаром.

Бли-и-ин!!! Когда папика женил, пообещал лишь три бутылки вина священнику — и ритуал моментально сократили. А этому фиг предложишь, на нем украшений лишь немногим меньше, чем на мне. Попытки переключить сознание на что-то другое не срабатывали. Похоже, процесс венчания здорово выбил меня из колеи. Герцог же стоял не шевелясь, с выражением внимания на лице. Вот это выдержка!! Может, он спит с открытыми глазами? За столько-то лет дворцовой службы и не тому научишься...

— Если он не закончит триндеть в ближайшее время, я его удавлю! — тихо зарычал я, не вынеся столь долгой и нудной церемонии.

Священник испуганно посмотрел на меня, затем на герцога. Тот даже глазом не моргнул. Судорожно сглотив, священник ускорил свой речитатив втрое. После десяти минут тарактения с неразличимостью отдельных слов я снова тихо взвыл.

— Я просила не бу-бу-бу быстрее, а закруглять ритуал. Ищи строчку, что выше утверждения «объявляю вас мужем и женой», и полетели... Ну ладно, ладно, три строчки выше, — прошипел я, постукивая цветочным веником, как палкой, по руке.

Священник еще раз посмотрел на герцога и, увидев, что тот никак не реагирует, полистал книжку. Найдя нужное место, батюшка снова затянул волынку. Надеюсь, что мы все же вышли на финишную прямую, я старался переключиться на медленное дыхание. Вдох-выдох, еще немного, еще чуть-чуть, вдох-выдох... но тут с двух сторон мне врезали локтями в бока. От неожиданности я чуть не взвыл во весь голос. Оказалось, это меня спрашивают — согласен, в смысле согласна, ли стать женой.

От радости, что вся эта канитель подходит к концу, я радостно заорал: «Да-а-а», рванувшись

навстречу священнику. Лорэйн и герцог еле успели перехватить меня. Священник, испугавшись, резко дернулся назад и, запутавшись в подоле сутаны, рухнул на пол.

— Кольца где? — сердито рыкнул я служащему.

Нам немедленно их подали. Быстро схватив кольцо, предназначенное герцогу, я нанизал этот символ обручения поскорее ему на положенный палец. А этот... этот... му-у-уж медленно надел мне мое, как если бы получал удовольствие от происходящего. Я зашипел.

— Объявляю вас мужем и женой, — с пола провозгласил священник. А затем, все так же сидя на полу, быстро проговорил: — А теперь поцелуйтесь, дети мои.

Я с такой яростью посмотрел на него, что он побледнел и немного отполз.

— Я не настаиваю, — проблеял батюшка и быстро поднялся. — Поздравляю вас и выражаю вам свои соболезнования, — выдал он, обращаясь к графу.

Поняв, что сказал, священник смутился и шустро исчез за дверью.

Подхватив Лори и герцога под руки, я потащил их к выходу. Выйдя на крыльцо, Эмануэль предложил отпраздновать это событие в тесном семейном кругу. При этом он слегка ехидно улыбнулся. Сестрицы с радостью приняли приглашение. Я же чувствовал себя несколько напряженно: давило на мозги осознание только что свершившегося. Получается, я так быстро провернул это дело, что с мыслью о том, что вышел замуж, свыкнуться не успел.

Похоже, Эмануэль заранее распорядился о праздничном обеде, поскольку как только мы вернулись в его особняк, нас сразу провели в нарядно украшенную столовую и вокруг забегали слуги, накрывая на стол. Однако не успели мы начать трапезу, как прибыл посыльный со срочным посланием от короля, и герцог, извинившись, немедленно уехал. Когда Эмануэль читал письмо, лицо его выражало такую озабоченность, что мы тоже обеспокоились и, быстро пообедав, вернулись в замок.

В королевском замке творилось что-то непонятное: суетились слуги, куда-то бежали придворные, регулярно мелькали посыльные. Увидев выходящего из-за угла Советника, я решительно направился к нему, рассчитывая, что он сможет нам внятно объяснить, что же случилось. По-родственному, так сказать. На мой вопрос, что происходит, герцог с минуту молча смотрел на меня, похоже, пытался понять, кто мы и что здесь делаем.

— Прошу прощения, сударыня, я не имею времени на подробное объяснение ситуации, но если вкратце, то поступили сообщения о том, что сосед король пошел на нас войной, — озабоченным голосом произнес герцог.

Мы замерли. Надо же! Тишина, благодать, танцы, попытки выдать сестер замуж... и вдруг война! Внутри у меня все похолодело. Эмануэль смотрел на меня несколько отрешенным взглядом, как будто бы раздумывая, говорить — не говорить. Он все же решился сказать:

— На правах мужа разрешите вам рекомендовать отправиться в мой родовой замок. Он расположен в труднодоступном месте в горах, прекрасно защищен. Можете взять с собой сестер. Пойдемте в кабинет на пару минут, я напишу вам письмо и дам карту, как туда добраться. Покажете начальнику стражи, и вас устроят с максимальным комфортом.

Развернувшись, он пошел не оглядываясь.

От неожиданности и потрясения я соображал медленно, поэтому, когда пришел в себя, граф ушел уже далеко и пришлось догонять его почти бегом.

— А теперь прошу прощения, у меня много дел, — вручив нам письмо и карту, поклонился Эмануэль.

— Извините, сударь, что задерживаю вас, но почему вы предложили нам свой замок, ведь наш брак не настоящий? — удивленно поинтересовался я.

— Во-первых, только мы знаем, каков наш брак. Во-вторых, вы, так или иначе, являетесь моей женой, и я не могу не предложить вам защиту. Исход войны неизвестен, и вам было бы безопаснее пересидеть ее в моем замке, — спокойно ответил герцог.

— Не уверена, что воспользуюсь вашим предложением, но все же спасибо за приглашение, — присев в реверансе, поблагодарил я его.

Как только мы вышли из кабинета, герцог сразу умчался по своим делам. Вернувшись в свои комнаты, мы в срочном порядке собрали вещи и перебрались в особняк Беруччи. Нам тоже следовало подумать, что делать.

Глава 29

ВОЙНА — ДЕЛО СЕРЬЕЗНОЕ

Всю дорогу к особняку Беруччи я пытался прийти в чувство от услышанного, ощущая себя хуже, чем когда появился в этом мире. Тогда все зависело в основном от меня, а в качестве поддержки выступал магистр Жаколио. Он объяснял, рассказывал, учил, что стоит делать, а что нет, и на мое семейство сумел так повлиять, что свел к минимуму проблемы с вхождением в коллектив. Да и жили они так скучно и плохо, что мои нововведения были восприняты всеми с радостью. Война же, кроме личных усилий, требует еще и большого везения.

Мы подъехали к дому и не успели даже выйти из карет, как нам навстречу выбежала Лия, а следом степенно вышел ее дядя. За то время, что мы знакомы, Лия превратилась из невзрачной девушки с миленьким личиком в полновесную красавицу: с темными волосами и ореховыми глазами, среднего роста, с тонкой талией и хорошо развитой грудью. Умело пользуясь косметикой и одеваясь со вкусом, подчеркивая все свои достоинства, она выглядела замечательно, потому меня и не удивило сообщение Лори о том, что Арни влюбился в Лиянитту.

Лица встречающих расцвели улыбками, давая нам почувствовать, насколько они действительно были рады нас видеть. Быстро поздоровавшись, Нинэя и Нирана тут же начали рассказывать о близящейся войне. Пока слуги перегружали наши вещи и накрывали стол к чаю, мы, устроившись в кабинете, обсудили все, что видели, слышали и предполагали на эту тему. За стол мы сели уже в полном молчании и, закончив пить чай, тихо разбрелись по креслам, а кто-то и ушел в свои комнаты, размышляя о том, что нас ожидает. Я философствовал в полном одиночестве.

Война — это смерть и убийства. А такой набор событий и обстоятельств никогда не был в числе моих любимых. Сейчас к тому же, нравится мне это или нет, под моим присмотром и защитой находятся несколько человек. Если война пойдет как обычно, то некоторые или даже все мои подзащитные могут погибнуть. Это явно противоречит моим целям. Из-за чего следует, что войны, в обычном понимании этого слова, быть не должно.

До этого места мне все понятно и нравится, но вот дальше наблюдается некоторая нехватка идей. Каким образом один человек может остановить две армии от смертельного столкновения?!

Армии... Ну-у-у, если рассматривать с этой стороны, то я сомневаюсь, что всем солдатам очень хочется склеить ласты во славу непонятных идей, толкнувших их начальство на войну. Начальство...

Начальством в данном случае можно считать короля и его советников. Угу, угу... Соответственно...

Хха-а!!! Как сказала бы одна моя знакомая из прошлой жизни: «А фигли нам, почти красивым бабам!!!»

Так! Общий план у меня уже есть, осталось обсудить и уточнить его с магистрами, а для этого надо срочно ехать домой. Принятое решение немного успокоило меня, и мои мысли переключились на то, что стоило сделать до нашего отъезда. Поскольку уже было поздно, то я попросил Сэта полетать по городу, послушать, что говорят, какие настроения, затем вспомнил, что следовало бы послать парочку парней в имение с известием о войне и с некоторыми рекомендациями.

Подхватившись, я рванул в сторону малой гостиной, где обычно можно было найти кого-то из команды. Спеша по коридору, чуть не врезался в дядюшку и тут же вспомнил еще об одном незаконченном деле, которое собирался осуществить при первой же возможности.

Схватив дядю под руку, живенько потащил его в ближайший кабинет. Плеснув вина в бокал, всучил ему, а то вдруг моя идея потрясет его больше, чем он в состоянии сразу переварить. В этом случае он сможет ее запить — глядишь, и усвоится.

— Дядюшка, вы в курсе, что Лия и Арни нравятся друг другу. Мне, конечно, Лори говорила, что у них любовь, но поскольку я лично не выясняла глубину их отношений, то утверждать не буду. Перед тем как подходить к ним с вопросами, я решила узнать ваш взгляд на это обстоятельство. Если вас их чувства не шокируют, то я собираюсь уточнить эту информацию у Арни и Лии и сегодня или завтра их поженить, — говоря это, я старательно отслеживал реакцию дяди, чтобы в случае полного неприятия тут же сдать назад. Никаких отрицательных чувств, типа там гнева, недовольства или раздражения, я не заметил, а потому рискнул продолжить свою мысль: — И не надо смотреть на меня удивленными глазами. Началась война, и владельцы замков и поместий по праву вассальной клятвы обязаны повести свои отряды на напавшего врага. Придется вам либо идти на войну, либо посылать кого-то с воинами. Если Лию выдать замуж за Арни, то его и отправите. Он профи в военном деле, соответственно, шансов остаться в живых и не угробить ваших подданных у него больше. Помните одно: он в любом случае идет на войну, если не под вашим флагом, так под нашим. — Я старался не делать пауз, поскольку дядюшка несколько раз пытался что-то сказать. — Мне хотелось бы привести еще одну причину, говорящую в пользу этого брака. При известных вам обстоятельствах репутация Лиянитты была несколько испорчена, и даже ваше признание ее невиновной не до конца поправило положение. Выйдя замуж, Лия добавляет к своему имени имя супруга. Арни хоть и незаконнорожденный, но официально признан своим отцом, а наследство не принял, лишь не желая участвовать в жесткой борьбе за него. С именем же у него все в порядке, и даже если он, будучи мужем, погибнет на этой войне, брак поможет укрепить репутацию вашей племянницы. Война не выбирает, кого убить, а кого оставить. Это дело случая, мастерства и личной удачи, и у Арни больше шансов выжить в ней, чем у вас.

Поскольку Лия и Арни любят друг друга и будут знать о взаимном чувстве — у них будет больше шансов встретиться вновь. В таких случаях говорят — любовь бережет, — пафосно закончил я свою длинную речь.

Самое удивительное, что дядюшка недолго размышлял над моими словами, а почти сразу сообщил, что разрешает Лие самой принять решение. Мое уважение к этому человеку очень возросло — я даже не ожидал, что так быстро сумею решить этот вопрос.

Переговорив с дядей, я, несмотря на то что уже давно следовало спать, зашел-таки к парням в комнату, чтоб договориться о том, кто поедет к Рэму в имение с предупреждением о войне. Также набросал краткое письмо с рекомендациями, что стоило бы в этом случае сделать и какие подготовительные мероприятия провести. Лечь спать удалось лишь далеко за полночь.

Подхватившись с утра пораньше и приведя себя в порядок, в первую очередь выслушал Сэта о новостях и слухах в городе. Отдав распоряжения команде и сестричкам, кому чего делать и что собирать, пошел разыскивать Лиянитту. После долгих поисков нашел ее сидящей в саду на дальней скамье. Глаза у девушки были припухшими от слез. Это и неудивительно, известие о войне вряд ли кого оставило спокойным. Помня о нехватке времени, решил говорить коротко и понятно, а не плести словесное кружево.

— Лия, сестричка, мы должны срочно уехать: война, сама понимаешь. Хоть наш замок и расположен в стороне от дороги на столицу, но есть немало дел, которые стоило бы сделать на случай неблагоприятного исхода кампании. Ведь никто не знает, как все сложится и кто победит, — грустно сообщил я. Дав ей пару минут на осмысление ситуации, продолжил: — У меня к тебе есть одно дело, которое я хотела обсудить до нашего отъезда.

Мне не хотелось лезть в их с Арни взаимоотношения, но если все оставить так, как есть, то с нашим отъездом ее положение снова станет неустойчивым. Она подняла на меня печальное лицо, и слезинка покатила по ее щеке.

— Мне Лори говорила, что ты влюблена в Арни, так ли это? — негромко спросил я.

— Что ты?! Нет, конечно... то есть... как я могу? — судорожно залепетала она.

Взгляд покрасневшей Лии заметался, при этом ее руки так теребили кружевной платочек, что из него полетели куски ниток.

— Что, действительно не любишь? И совсем даже не нравится? — Мне пришлось постараться, чтоб мой голос звучал менее ехидно.

— Ну что ты такое спрашиваешь?! Как я могу?! Что дядя на это скажет?! Нет, что ты! Нет! — совсем уж испуганно выкрикнула она.

Ох уж эти любовные страсти, прямо как в запрудившей рынок литературе моего прошлого мира. Сегодня люблю, завтра — уже не уверена, сегодня поцеловал, а завтра это уже ничего не значит...

— Говоришь, Арни не нравится? Жаль. Тогда пойдешь замуж за Николло. Он хоть и авантюрист, но для нашего дела сойдет, — с задумчивым видом сообщил я.

— Что значит «пойдешь замуж»? Почему за Николло? — забыв про слезы, возмутилась она.

— Сейчас, как ты слышала, война, и твой дядя обязан послать на помощь королю свой отряд и сам его возглавить. А будь у него сын или зять, он мог бы послать их. Дядя уже немолод, да еще и после болезни. Чтобы не подвергать его опасности, ты срочно выходишь замуж и твой муж идет на войну вместо дядюшки. Николло парень свободный, не при семье. Там и без него не протолпиться. Женившись на тебе, он становится во главе военного отряда, глядишь, еще и славу себе заработает, а параллельно и дядю от вероятной смерти спасет. Правда, у Арни больше шансов и по поводу славы, да и просто остаться в живых, но ты же не хочешь за него выходить. Так что воевать он пойдет под флагами моих братьев.

Мне было немного неудобно от вранья, но в этом случае мои слова могли быстрее дойти до нее.

Да в общем-то я и не обманывал, это про Ника я сейчас придумал, а все остальное — правда.

То краснея, то бледнея, она какое-то время молча закрывала и открывала рот.

— Я... Арни... не хочу замуж... — только и хватило ее на этот набор слов.

— Знаешь, по секрету скажу, Арни в тебя влюблен, но считает, что он недостойн такой красавицы и умницы, вот и молчит как партизан, — доверительным шепотом сообщил я.

Услышав мои слова, она замерла на минуту, а затем ее лицо расплылось в счастливой улыбке.

— Да, да! Ты абсолютно права, ради дядюшки я готова пойти и не на такие жертвы. Но я думаю, Ник слишком безответственный, да и военное дело знает хуже, а вот Арни действительно лучше подходит для этого. Да, конечно же... Арни подходит лучше... — напустив на себя важный вид, выдала Лиянитта. Затем, задумчиво развернувшись, побрела по садовой дорожке, повторяя последнее предложение и улыбаясь при этом.

Та-а-ак. Этот вопрос решили, теперь бы еще Арни раскрутить на признание. К тому же отловить его надо до того, как с Лией увидится. Мало ли что она надумает ему ляпнуть, он же от неожиданности может все испортить, а на исправление ситуации времени нет, нам бы послезавтра уехать стоило.

Чтобы не мелькать у Лиянитты перед глазами, я обогнул ее по другой дорожке и побежал разыскивать Арни. Пришлось обегать почти весь дом, пока нашел его в дальней комнате с начальником охраны дядюшкиного имения, где они проверяли и подсчитывали имеющееся оружие. С трудом удалось оторвать его от столь интересного занятия и затащить в кабинет, чтоб никто не помешал разговору.

— Я тут вспомнила одно дело, которое необходимо сделать до нашего отъезда, — серьезно и немного задумчиво начал я свою речь.

Налив себе в бокал немного вина, Арни внимательно посмотрел на меня и, удобнее устроившись в кресле, настроился слушать.

— Как ты помнишь, Лия является мне хоть и дальней, но все же родственницей, и я обещала дядюшке побеспокоиться о ее будущем. В свете последних событий глава дома или кто-то из семьи должен возглавить отряд, который присоединится к войску короля. В роду Беруччи один мужчина — дядя, а он после болезни, ну и в возрасте. Ему уже за пятьдесят, к тому же он давно не держал в руках оружия. Никто не знает, как сложатся будущие события, но если с дядюшкой что-то случится и Лиянитта останется одна, то попытки захвата наследства могут возобновиться. В связи с этим ей срочно надо выйти замуж. На эту роль я предложила тебя и

Николло, хотя твоя кандидатура для этого больше подходит, поскольку ты более искусен в военном деле, а он спец все больше в интригах. Если ты не захочешь ей помочь, то Лия пойдет за Ника, несмотря на то что любит именно тебя, — ходя кругами по кабинету с крайне озабоченным видом и не глядя на Арни, произнес я.

Хотелось, чтоб моя речь выглядела как забота о безопасности и здоровье Лии и дяди, а не стремление их поженить. Будь у меня больше времени, можно было бы попытаться все перевернуть так, чтобы они дошли до этого решения сами. Но мы имеем то, что имеем.

Сделав вид, что занят наливанием сока в бокал, я осторожно посмотрел на Арни и чуть не уронил кувшин. За все время нашего знакомства мне не приходилось видеть у него на лице такого выражения. Там присутствовала и радость от предложения, и сомнение в себе любимом — достоин ли, — и желание помочь...

— Я благодарен графу Беруччи за участие и доброе отношение к нам и готов помочь ему всем, чем только смогу. Ты полностью права, нельзя оставлять графиню Лиянитту без поддержки — это опасно. Если их не смутит моя незаконнорожденность, то я готов возглавить отряд, идущий на битву, и, если останусь в живых, взять на себя заботу о них и в будущем, — с горящим взором и легкой дрожью в голосе воскликнул Арни.

Фу-у-ух. Дипломатом работать бывает тяжелее, чем кузнецом, тут не только за словами следить надо, но и за позой, выражением лица, интонацией...

— Благодарю тебя за отзывчивость! Я всегда верила в тебя и никогда не сомневалась, что ты человек чести и слова, которому можно довериться! Теперь, я могу быть спокойна за Лию. Необходимо соблюсти все формальности. Для этого мы сейчас пройдем в большую гостиную, слуги позовут туда всех, кто есть в доме, и ты принародно признаешься Лие в любви и попросишь у графа руку его племянницы. Даже если она лишь нравится тебе, будет лучше, если все будут считать, что здесь присутствует большая любовь, — торжественно попросил я.

— Я люблю... мы... сейчас?! — ошеломленно прошептал он.

— Мы завтра уезжаем, к тому же тебе необходимо будет сразу же приступить к подготовке солдат и вооружения к походу, поэтому следует поторопиться, — с извинительными интонациями сообщил я.

Мне его было жаль, но на любовь и медовый месяц у него уже не было времени.

Когда мы с Арни зашли в храм, нам навстречу попался тот самый священник, что венчал меня с герцогом. Арни быстро подошел к нему и начал спрашивать по поводу церемонии бракосочетания, в смысле, не может ли кто провести ее уже сегодня. Подняв от пола глаза, священник сначала посмотрел на Арни, а затем перевел взгляд на меня. И тут его глаза начали медленно расширяться и, судорожно сглотнув, он хрипло спросил:

— Как? Это опять вы?! А где ваш предыдущий муж?! Может, уже того?.. Соболезновать?

Арни с недоумением посмотрел на меня. Ну да, я же ему не рассказал о своем замужестве!

— Не обращай внимания, у него наверное галюники. Все это неважно. Главное, чтоб вас повенчали, — делая большие глаза, прошептал я. — Там все в порядке, еще никаких соболезнований не требуется. Мы здесь по поводу моей сестры и этого благородного господина. Если вы слышали, то война началась, и он хотел бы уйти на битву уже женатым

человеком, чтобы сражаться под знаменами своего тестя, — скаля зубы в улыбке, сообщил я священнику.

Бли-и-ин! Главное, чтоб он не начал сейчас ничего уточнять и выяснять. У нас мало времени, а в двух словах Арни не расскажешь, да и не стоит ничего говорить в присутствии посторонних, а то придется их того, в смысле прибить. Судя по всему, некоторые мои мысли отразились на моем лице, поскольку священник, икнув, подхватил Арни под руку и потащил улаживать кой-какие формальности, всю дорогу нервно оглядываясь на меня.

— Не забудь попросить сократить процесс венчания, а то тебе пора в поход собираться! — крикнул я вдогонку.

Батюшка скривился, как от оскомины, и потащил Арни еще быстрее. Решив, что мне здесь делать уже нечего, я поехал домой — собираться в дорогу.

Незнаю, то ли из-за моего присутствия, то ли ввиду начавшейся войны, но ритуал бракосочетания действительно был сокращен по максимуму. Вечером мы уже сидели за праздничными столами, вот только не слышно было смеха и шуток. Все осознавали, что через пару дней Арни уже уйдет воевать, и никто не знал, как долго Лия будет женой...

На следующее утро, на восходе солнца, распрощавшись со всеми, мы как можно быстрее, но, естественно, чтоб и не загнать лошадей, поехали домой. Этой ночью поспать мне удалось лишь пару часов, поскольку пришлось еще смотаться в трактир, чтоб обсудить с Жаком дела и планы и побеседовать с Ником. Из-за усталости я с трудом удерживался в седле. Доехали мы без проблем, хотя и здорово вымотались.

Благодаря информации, переданной Николло, и той, что добыл Сэт, мы имели максимально полную картину происходящего вокруг. Оказалось, что Родэн еще не напал, но, собрав большое войско, двинулся в сторону нашей границы. Наши страны разделены горами, но на юге существует проход шириной в пару километров и длиной до десяти, соединяющий нас и использующийся для связи и торговли. Местность этого участка представляла собой все те же горы, только более пологие и легко преодолимые.

Язык обеих стран мало отличался друг от друга. На самом деле мы были одним народом, просто пятьсот лет назад два брата-принца после смерти отца решили не драться за престол. Младший взял с собой всех желающих уйти с ним и двинул за горы, где не было в те времена больших поселений. Старший брат выделил им часть казны на обустройство — так и был заложен Родэн.

Все эти годы мы жили в мире или по крайней мере не воевали, но год назад на престол взошел новый правитель, которому исполнился двадцать один год. Почему его потянуло воевать, неизвестно, да это уже и неважно. Сейчас главное — себя отстоять.

Трания не меньше по размеру, и численность населения приблизительно такая же, но поскольку родэнцы имели достаточно времени на подготовку к войне, а нам придется собирать все и всех быстро и на скорую руку, то наши шансы на победу, вероятнее всего, будут несколько хуже. Ведь надо разослать гонцов во все замки и города, затем получившие вызов должны будут срочно привести в порядок оружие и обмундирование. К тому же время на дорогу у каждого будет свое, ведь проход на Родэн расположен на юго-востоке, и те, кто находится на севере и западе, могут вольно или невольно не успеть к месту сбора или битвы.

Добравшись до Торнска, мы первым делом посетили магистра Трэвора. После ужина, засев в малой гостиной, я поделился всей информацией, что удалось собрать по поводу предстоящей войны. Лишь выдав все, что знал, рассказал о своем плане и надежде все же получить необходимые мне результаты. От услышанного магистр впал в некоторую оцепенелость и минут десять пытался переварить и усвоить полученную информацию. Процесс шел с большим скрипом.

Придя к каким-то своим выводам, он выразил восхищение мной, добавив, что с самого начала знакомства чувствовал во мне способность к чему-то большему, чем просто стать чьей-то женой и матерью. У него не было большой веры в то, что у меня получится задуманное, однако магистр Трэвор решил, что результат, который я хочу получить, стоит того, чтобы попытаться его реализовать.

С большим трудом удалось уговорить его поехать с нами в имение. Торнск находится почти на пути между перешейком, связывающим Родэн и Транию, и столицей. Следовательно, при неблагоприятном исходе решающей битвы может быть подвергнут осаде в самое ближайшее время.

По предварительной информации сама битва должна произойти в Лосиной долине, расположенной на территории Трании, в нескольких часах пешего пути от перешейка. Туда уже спешили наши вооруженные отряды, и дня через три-четыре там ожидалось появление войск противника.

Прибыв в имение, мы собрались всей семьей и обсудили все, что требовалось приготовить к походу. Затем я закрылся с двумя магами в одной из дальних башен. Мы долго беседовали, пытаюсь уточнить мою идею и составить план действий, стараясь учесть как можно больше факторов. После чего приступили к моему обучению. Магистром Жаколио была прочитана обширнейшая лекция о магии как таковой, а также мне пришлось выслушать такие же длительные объяснения о возможностях, приобретаемых в процессе усиленной работы над собой...

Хха-а! Магия! В нашем мире особо хитромудрые люди, сделав вид, что открыли что-то новое и особенное, переименовали магию и все к ней относящееся по-своему. Как будто это что-то меняло — ведь суть осталась той же, но теперь это называлось внушением, аутотренингом, самовнушением, гипнозом... и эти направления были широко и подробно описаны в книгах и журналах. Только отсталые и неграмотные не слышали об этом и не верили в существование гипноза. Даже во времена, называемые многими застоем, описание этих техник можно было встретить в литературе, а в поликлиниках работали врачи, использующие внушение и гипноз официально.

И это не говоря про криминальный мир. Мне вспомнился случай, который произошел за пару лет до моего ухода из того мира с пожилой соседкой по подъезду. Когда она возвращалась из магазина, ее окликнула хорошо одетая женщина лет тридцати. Последнее, что соседка помнит, это обращение к ней: «Не могли бы вы мне помочь?»

Пришла она в себя уже в квартире, и, как оказалось после проверки, деньги, золото и некоторые вещи исчезли. Моя мать, оказавшись в подобных обстоятельствах и почувствовав в голове туман, на такой же вопрос резко ответила: «Нет!» — и быстро ушла, избежав ограбления.

А уж на так называемом Востоке все эти способности и возможности никогда и не отрицались,

и не забывались. В Индии даже существуют настоящие и полновесные институты, где изучают и обучают йоге. В Америке такие заведения тоже существуют, но это больше бизнес. Ведь йога — это не физические упражнения, а в первую очередь философия и способ жизни, и лишь следующим аспектом является умение работать с энергиями своего тела.

Когда говорят «восточные единоборства», обычно подразумевают именно китайские техники работы с энергиями, то есть проработку или прочистку Надей, или энергетических каналов. По сути, основополагающие принципы там те же, что и в йоге индусов. Разница лишь в том, что у китайцев сделан упор на здоровье и физическую мощь, которую они достигают путем укрепления физического тела и прочистки каналов с целью увеличения их проходимости, а значит, и возможности включить в удар не только физическую силу, но и энергетическую мощь.

У индусов внешнее превосходство считается лишней привязкой к физическому миру и несет в себе те же проблемы, что и все другие привязки. На основе этого в Брахманах и Упанишадах, или другими словами в лесных книгах, составленных отшельниками, занятыми духовным совершенствованием, упор делается на прочистку и усиление только трех высших чакр в трех верхних телах: причинности, или действий; ценностей, или будхиального; и атманического — высшего тела воплощения конкретной души.

Наличие Надей также имеется в йогических практиках, но важным считается прочистка именно чакр, которой соответствуют энергетическим узлам в единоборческих практиках. При этом происходит приобретение необычных способностей и умений, но они являются лишь *показателями правильности выбранного направления и проверкой на вшивость.*

Если ищущий заигрывается способностями, то становится лишь еще одним фокусником, развлекающимся и развлекающим, пока ему не надоест эта роль. Мастер в спарринг [1] не вступает и свои умения на людях не демонстрирует. Он даже перед своими учениками не скачет козликом, лишь дает задания и проверяет, как усвоили. Учеников, требующих постоянных подтверждений крутости Учителя, мастера не держат, из-за этого, учеников у них немного.

После теоретических лекций мы с магистром приступили к практическим занятиям, время от времени отвлекаясь на проверку процесса подготовки к походу и на принятие пищи.

Как-то, направляясь с утра на кухню, я столкнулся в коридоре с Рэмануэлем.

— Лионелла, как хорошо, что тебя встретил! У меня есть срочное дело — я хочу жениться, — быстро оттарабанил брата и замер, вопросительно глядя на меня.

Я резко тормознул.

— Что-о-о?! Жениться?! И ты тоже?! Я этого не переживу! — В свете последних событий слово «жениться» вызывало у меня, мягко говоря, раздражение.

— Не понял? Что в этом плохого? — изобразив наивное выражение, спросил он.

— А от меня что надо? — устало поинтересовался я.

— Это... война... Мне уходить, а на кого имение оставлять, не на папика же. В случае моей смерти он же потеряет даже то, что мне удалось наладить и собрать. У Кристины и знаний достаточно, и хватка деловая... А она не хочет, — пожаловался братец.

— Мне только несколько дней назад приходилось выделять фигуры высшего пилотажа, чтоб Лию с Арни поженить, а перед этим одного мужика с трудом уломала на мне жениться, и вот опять?! — возмутился я.

— Ка-а-ак?! Ты замужем?! И кто этот несчастный... в смысле, кто решился... — замялся под конец фразы братец.

— Герцог Вэрински, Советник короля, — сердито рыкнул на его инсинуации я.

— О-о-о!!! — от удивления завыл Рэм.

— Это чтоб за короля не идти, — поморщился я.

— А-а-а! О-о-о-о-о!!! — завелся он, и, пока я уходил по коридору, он стоял и тихо гудел.

Глава 30

ЖЕНЩИНАМ НЕ МЕСТО НА ВОЙНЕ... ОДНАКО НЕ ВСЕГДА

Как только я появился на кухне, мне тут же насыпали каши и подали несколько свежих плюшек, а поваренок бросился заваривать травяной чай. Уселся я в соседней с кухней комнате и принялся есть.

— Герцогиня... мм... позвольте... обратиться, — замычал подошедший Рэм.

вернуться

1

Спарринг — тренировочный, показательный бой.

Поглядев на него изумленными глазами, я скривился, покрутил пальцем у виска, передвинул тарелку немного в сторону и, повернувшись к нему спиной, продолжил есть.

— Ну Ли-и-и! Ну пожалуйста, помоги-и-и. Поговори с Кристой, — заныл братец.

— А ты уверен, что ей нравишься? — хмыкать с полным ртом оказалось очень неудобно.

— Ну-у-у... Мне кажется, я достаточно красив, чтоб нравиться девушкам, — встал в гордую позу Рэм.

От удивления я даже перестал есть и, развернувшись, принялся его внимательно рассматривать. Хм... А ведь действительно красив. Весь в мамочку, как и Лори. Каштановые волосы в сочетании с синими глазами, милое лицо и стройная фигура... в моем прошлом мире на нем бы девушки гроздьями висели. Мне кажется, лишь его большая практичность и то, что он жил не в столице, уберегли его оттого, чтоб стать дамским угодником и повесой. Мда. Как часто мы, пробегая мимо своих близких, видим в них все тех же и таких же и по инерции многие годы можем не замечать, что на самом-то деле они здорово изменились.

— Что не так? — забеспокоился братец, пытаюсь одновременно пригладить волосы и поправить воротник рубашки.

— Может быть, поэтому она и не хочет за тебя? — задумчиво усмехнулся я.

— Не понял?! По чему это «поэтому»?! — немного раздраженно воскликнул он.

— Слишком уж ты уверен в своей неотразимости. Даже если это и правда, не стоит так явно демонстрировать эту уверенность другим, особенно своей избраннице. Женщины любят, когда во всей округе самыми прекрасными являются лишь они, — ухмыльнулся я и продолжил есть.

— Тоже мне знаток женщин нашлась, сопля несчастная! — недовольно фыркнул брат.

— Герцогиня! — рявкнул я в ответ на его наглость.

— О-ой! Поду-умаешь, герцоги-и-иня! Задурила мужику мозги... и вообще, он достоин сочувствия, — съехидничал Рэм.

— Ах, поду-умаешь!!! Ну тогда сам с Кристой и разбирайся! — не менее едко сообщил я и, схватив тарелку с плюшками, рванул в башню к магистрам.

— Ли-и-и, я извиня-а-а-аюсь. Ты умная... ты очень умная, ты са-а-амая умная! Ну пожалуйста, поговори с Кристой! Мы же завтра-послезавтра уходим. А если со мной что случится, то от папика вы приданого не получите! Все, что я вам собрал, незаметно разойдется, и вы опять без ничего останетесь. Ну прости меня, я больше не буду говорить про несчастного герцога, он сам виноват, и даже не буду ему сочувствовать, — догнав меня в коридоре и стараясь не отставать, ныл братец.

Вот стервец! Даже подхалимничая, умудрился наговорить гадостей.

— Ладно уж, поговорю. Только магистров предупрежу, что задерживаюсь, и побеседую с ней, а ты подожди в кабинете, чтоб, если понадобится, не надо было долго искать, — уступил я. Он хоть и балбес, но брат все же.

Радостно улыбаясь, Рэм кивал головой, соглашаясь со всем, что я скажу. Он, конечно, прав и в отношении отца, и по поводу приданого, и насчет практичности Кристы, но не заставлял же ее жениться. Пользы от человека, склоненного силой к чему-либо, почти никакой, а вот неприятностей можно огрести по полной.

Решил сначала поговорить об этом с Лори — она девушка внимательная, глядишь, сообщит то, что мне неизвестно. Отозвав ее в сторону, я рассказал о просьбе брата. Возмущенно фыркнув, она воскликнула, что Рэм сам виноват в том, что Криста так к нему относится. Меня ее утверждение здорово удивило. Как оказалось, этот придурок, вместо того чтобы говорить, как Криста красива и замечательна, достает ее рассказами, как красив он. А ей же в качестве комплиментов выдает лишь, как хорошо она разбирается в бумагах, как классно считает и заполняет всяческие документы, как хорошо дерется... и все в этом духе.

Мда... Тяжелый случай! Прямо скажем, клиника! Поблагодарив Лорэйн за информацию, я пошел разыскивать Кристу. Найдя ее на заднем дворе, где она руководила погрузкой в телеги стратегически важного груза, отозвал в сторонку и с ходу рассказал о просьбе Рэма, поинтересовавшись ее мнением по этому вопросу.

— Знаешь, стоит только поговорить с ним, как сразу начинаю чувствовать себя чем-то вроде породистой лошади с особыми качествами, могущими пригодиться в хозяйстве, — кисло ответила она.

— Ну насколько я знаю, кхм... кхм... из книг, у каждого человека свои понятия красоты и различные требования к качествам идеального спутника жизни. У Рэма в этом направлении тоже некоторые... м... м... сдвиги наблюдаются, но ведь на тебя он обратил внимание не во время твоей работы с бумагами, а когда ты перед ним эффектно выгнулась. — Мне хотелось, чтоб мой голос звучал убедительно.

Однако Криста на мои слова хмуро скривилась.

— Неважно, что он говорит, важно — как он к тебе относится. А самое главное — это нравится тебе он или нет. У умной женщины мужчина будет уверен, что он царь и бог в семье, но на самом деле сделает все, что посоветует жена. Вот только не надо на меня так смотреть. К настолько умным женщинам я не отношусь, вот и приходится из всех силой выбивать нужные для меня вещи и поступки, — фыркнул я насмешливо.

— Лионелла, я очень ценю то, что вы все относитесь ко мне как к равной. Однако я хорошо помню, что ничего не имею и из-за этого не могу подойти твоему брату. Рэмануэлю нужна девушка богатая и с титулом, чтоб способствовать вашей цели повышения статуса и благосостояния семьи, — стараясь казаться спокойной, отстраненно произнесла Криста.

Пришлось пересказать ей все, что поведал мне братец по поводу богатых невест и где он их видел.

— Соглашаясь на твой брак с Рэмом, мы выражаем тебе наше доверие и надежду на то, что ты сумеешь обеспечить меня и моих сестер приданым, — усмехнулся я.

К моему удивлению, она расплакалась, и мне пришлось еще долго ее успокаивать, пока не получил признание, что Рэм ей всегда очень нравился.

Когда я сообщил брату о согласии Кристи, он чуть не задушил меня в объятиях, а затем рванул на полной скорости организовывать свое бракосочетание, и уже вечером все сидели за праздничным столом и желали новобрачным счастья.

На следующий день, ближе к ужину, прискакал один из дозорных с сообщением о прохождении королевских войск в сторону предполагаемого места сражения. Мы ускорили сборы и утром уже двигались по более короткой дороге, рассчитывая догнать войско короля на марше.

Всю дорогу Рэм, светясь, как начищенный пятак, орал во все горло песни не всегда приличного содержания, и носился вокруг отряда, как будто мы шли на прогулку, а не на войну. Несколько раз мы с сестрами даже пытались сшибить его со столь не подходящего для данного случая настроения, но он успешно уворачивался. Похоже, братец действительно любит Кристу и просто счастлив, не задумываясь о том, что нас ждет впереди.

Прибыли мы ненамного позже, чем я рассчитывал. Встретившие нас дозорные указали место, где мы можем размещать своих людей, и в какой стороне найти палатку короля. Также нам сообщили о том, что сражение назначено на утро. Что ж, начальство оказалось не особо оригинальным: это решение было логично, потому что до захода солнца оставался где-то час, а в темноте что за бой? Так и своих порубить можно. Для меня это был наилучший вариант, поскольку давал время на осуществление моей задумки.

При подходе к палатке его величества было слышно, как кто-то с плохо скрытой яростью что-то кому-то бухтел. Подойдя ближе, мы отметили, что это король разорвался на тему как посмел его

наследник послушаться и, оставив столицу, последовать за армией. И ведь не отправишь его назад: с маленьким отрядом небезопасно, а большой отсылать накануне битвы — значит ослабить армию, которая и так проигрывает по количеству бойцов противнику.

М-да. Взаимоотношения родителей и детей всегда были большой мозолью человечества, а если родитель еще и король, это вообще туши свет, в смысле хуже некуда.

Мы с братьями замялись: подходить к его величеству, когда он в таком состоянии, дело опасное, но ведь и не откажешься, правила требуют представиться. Первым пошел Рэм, которого мы решили пустить вперед, поскольку его миленькая мордашка с голубыми глазками частенько действовала на собеседника умиротворяюще. Встав на одно колено, он произнес положенное в таких случаях приветствие. Не особо разглядывая, король хмуро ответил свою часть ритуала. Затем то же самое проделал Ирвин.

Когда подошла моя очередь, я только собрался встать на одно колено, как он, внимательно приглядевшись, приказным тоном потребовал снять шлем. Тяжело вздохнув, я выполнил приказ. Волосы рассыпались по плечам.

— Графиня?! Что вы здесь делаете? Здесь не место для женщин. Это война, — хмуро глядя на меня, сказал король.

— Ваше величество, может это и покажется вам странным, но женщинам тоже доступно понимание слова родина и такие понятия, как честь и долг. К тому же в посланиях, разосланных вашим вассалам, сказано прийти с оборонеспособным отрядом. Я и моя команда владеем оружием не хуже многих, потому и откликнулись на ваш призыв, — не менее хмуро ответил я.

— Владеете или нет — меня это не волнует! Женщинам не место на войне!!! — сердито рыкнул он.

— Ваше величество, прошу прощения за то, что противоречу вам, но я имею полное право в некоторых случаях поступать так, как считаю нужным. И это право даровано лично вами, — с большим трудом мне удавалось говорить вежливо.

— Что-то я не припомню, когда давал вам такое право. Не могли бы вы напомнить мне, — максимально ехидно поинтересовался его величество.

Королевский перстень висел у меня на цепочке на шее, поскольку великоват был, да и не хотелось светить им где попало и перед кем не следует. Я начал расстегивать верхние пуговицы куртки, чтоб достать кольцо. На лице короля проступила нездоровая заинтересованность, перетекшая в удивление, и все закончилось ухмылкой. По лицу Советника пробежали те же эмоции, что и у его величества, только менее выраженные, и в той же последовательности, однако с большей скоростью. На то он и Советник, чтоб быстрее соображать.

— О сударыня! Так вот почему ваше поведение и манера разговаривать мне все время казались знакомыми, как будто я вас уже где-то встречал. Сразу после вручения кольца мне было не до выяснений вашей личности — покушением и покушавшимися занимался, а потом другие дела навалились. Так что я решил подождать, пока подрастете и сами объявитесь, ведь после того случая с королевским исполнителем о вас ничего не было слышно несколько лет.

— Судя по странному грузу на телегах, вы появились не без идей, — сдержанно улыбнулся герцог.

— О! Действительно! Чертенюк и через несколько лет остался таким же непредсказуемым. Уж не хотите ли сказать, милочка, что сегодня, как и в тот раз, пришли нам на помощь? — хитро сощурившись, все так же ехидно поинтересовался король.

Свита короля недоуменно глазела на нас, пытаясь понять, что происходит.

— Ваше величество, низжайше прошу уделить мне немного вашего драгоценного времени и вместе с герцогом выслушать меня. Вы сможете сами решить, насколько хороша идея. — Я почтительно поклонился и попытался выразительно посмотреть на Советника, прося поддержки.

Усмехнувшись, тот наклонился к уху короля и что-то тихонько зашептал. Пытаясь разобраться, что он там шепчет, я даже голову слегка повернул, сконцентрировавшись на выставленном ухе. Несмотря на все попытки, до меня доносилось только бу-бу-бу.

Дослушав Советника, его величество, кивнув головой в знак согласия, двинулся в свою палатку. Герцог сделал мне приглашающий жест и пошел следом. Когда мы расселись на подушках, тут же появился слуга и начал разливать принесенное вино. Когда он дошел до меня, король ехидно приказал налить мне чай. О-о-ой! Поду-умаешь, как будто я требовал вина. Решив не торопиться, понемногу прикладывался к чаю, ожидая, когда мне разрешат говорить.

— Итак, мы готовы выслушать ваши идеи, сударыня, — насмешливо фыркнул его величество.

Хм. Похоже, что сейчас ни скажи, все будет осмеяно и пошлют меня... и пошлют...

— Вы позволите, герцог? — постаравшись придать своему голосу как можно больше почтения, обратился я к Советнику.

Оба моих собеседника удивленно уставились на меня, затем переглянулись между собой, и герцог утвердительно кивнул. В ту же минуту я врезал ментальной волной по его сознанию, и он застыл с отсутствующим взглядом.

— Вы позволите, ваше величество? — с максимально вежливой улыбкой повернулся я к королю.

Поглядывая то на меня, то на Советника, он разрешающе закивал. Я поднялся и, выглянув из палатки, позвал своих парней из команды. Они максимально аккуратно вынесли герцога и усадили у недалеко горевшего костра. Мы с королем следовали за ними. Предложив его величеству устроиться на приготовленных подушках, я сел рядом. В ту же минуту подбежала Лорэйн и подала кружки с горячим вином, разбавленным чаем и настойкой из успокоительных трав. Этот момент мы обсудили еще дома, и, пока я напрашивался на демонстрацию, сестрички приготовили чай, так, на всякий случай, мало ли с какой ноги встал король.

Видя, что я пью, его величество принялся к содержимому в кружке, а затем немного отпил. Судя по выражению его лица, напиток понравился. Прикладываясь время от времени к кружкам, мы молча и заинтересованно посматривали на неподвижно сидящего с отсутствующим видом Советника. Я был почти уверен, что король потребует немедленных объяснений, но он молчал, вызвав тем самым у меня восхищение.

Через несколько минут герцог пришел в себя и удивленно посмотрел вокруг. Увидев у себя в руках кружку, сделал пару глотков и еще раз посмотрел вокруг. Его величество хмыкнул. Я опять нанес герцогу ментальный удар, и Советник снова замер. Кивнув парням перенести его в палатку, почтительным жестом предложил королю пройти туда же.

Как только герцог снова зашевелился, я многословно и с виноватым выражением лица просил у него прощения, пока тот не согласился принять извинения. После этого рассказал о своей идее и ответил на все их вопросы. Затем часа два мы рассматривали и обсуждали мой план.

Поняв, что я предлагаю, и Советник и король начали настаивать в случае успеха этой авантюры на захвате короля Родэна в качестве пленника, на захвате власти в стране... и на прочем подобном в этом духе. Это меня здорово расстроило. Их, конечно, понять можно — дух эпохи, времена, еще недалеко ушедшие, так сказать, от дикости, и все такое, однако мне слишком большая дикость совершенно не по душе.

Пришлось долго и нудно аргументировать и выкручиваться, чтобы убедить их поступить именно так, как я наметил. Много раз во время обсуждения пришлось напоминать, что эффект моего воздействия недолгий (даже время уменьшил до пяти минут). Также соврал, что захватить воздействием могу лишь небольшое количество людей, находящихся рядом...

В течение всего разговора я постоянно возвращался к рекомендации относиться с самым большим уважением к королю Родэна, которого планировалось захватить, и в последующем предложить ему подписать договора о дружбе, взаимовыручке и торговле. Мотивировал я это тем, что армия противника больше численностью и оснащена гораздо лучше, но тут же старался подсластить пилюлю, утверждая, что, конечно, будь у нас больше времени, тогда вопрос победы был бы спорным. В данной же ситуации, если нам придется вступить в битву, шансов выиграть мало.

В качестве дополнительного аргумента просил учесть и такой вариант: когда обнаружится исчезновение короля, кто-то из особо инициативных подданных может взять власть в свои руки и начать военные действия. Такой исход нас вряд ли устроит. А если все будут знать, что король жив-здоров, принят со всем уважением и занят обсуждением и подписанием договоров о мире и дружбе, то вряд ли кто сумеет уговорить остальных на бой.

В итоге нашего совещания я чуть не склеил ласты от всей этой говорильни и нервного напряжения, но все же получил королевское разрешение на реализацию моего предложения, с возможностью использовать любое количество солдат. Еще я выцыганил обещание решить все вопросы с королем Родэна мирным путем и клятву не рассказывать о моих способностях, намекнув, что заговорщики могут попытаться использовать меня во вред нашей стране и короне.

Когда я вышел из королевской палатки, уже стемнело. Матюкнув про себя всех любящих долго трепаться, первым делом послал Сэта в лагерь Родэна на разведку. После этого, быстро переодевшись в темный костюм, с маской на лице, вместе с тремя десятками парней, одетых таким же образом, направился в сторону противника, стараясь обойти его лагерь по склону гор.

Место, где должна была произойти битва, — почти ровное, удлинненное поле, километра три-четыре в длину и до двух километров в ширину. С одной его стороны располагался высокий холм, заросший густым лесом, тянувшимся на многие километры. С противоположной стороны тянулась гряда высоких гор с небольшими островками зелени. На холмах находились ставки королей.

Пока мы, одетые как ниндзя, потихоньку продвигались по горам, наши помощники в лагере тоже не сидели сложа руки. На нашу удачу, ветер дул в сторону противника, и все, кто остался в лагере, подготавливали и разводили костры, бросая в него охапки специальных трав, дым от

которых ветром относило в сторону врага.

Все те дни, пока я занимался с магистрами, крестьяне нашего и Ирвина имений лазили по горам и собирали траву. Идею и метод их использования нам предложила Яджина, под руководством которой и происходил сбор. Нам удалось собрать много этой травы, имеющей сильный усыпляющий и слабый наркотический эффект. Ее-то мы и привезли на двух телегах.

Под прикрытием дыма мы где ползли по горам, а где и лезли на четвереньках в сторону лагеря родэнцев. Несмотря на то что небо было чистым, перемещаться приходилось в связке и чуть ли не на ощупь, поскольку свет луны и звезд позволял нам видеть окружающее лишь в общих чертах. Большой удачей для нас было и то, что дым не поднимался вверх, а скапливался в долине, в основном со стороны противника, и погружал ее в своеобразный туман, в котором можно было четко рассмотреть лишь яркие пятна костров, позволявшие нам не потерять направление.

На подходе к лагерю родэнцев нас нашел Сэт. Рассказав вкратце, что, где и как, он поплыл перед нами, показывая дорогу к месту расположения короля Родэна и его Советника. Вокруг плавали клубы дыма, и на этом фоне Сэт был почти незаметен для непосвященных.

Палатки короля и его ближайшего окружения располагались на холме, и потому дым сюда почти не доходил, но все равно мы подстраховались и надели повязки, смоченные в отваре бодрящих трав. Сначала решили посетить палатку Советника, где, по словам нашего привидения, собралось несколько человек, которые что-то обсуждали. Подобравшись как можно ближе, я постарался настроиться, как меня учили магистры, и затем нанес веером ментальный удар по окружающему пространству. Подождав с пару минут, повторил действие, затем, медленно поднявшись, озираясь по сторонам, пошел в сторону палатки. Вокруг никто не шевелился. Подойдя вплотную, прислушался — внутри стояла тишина. Махнув своим, чтоб двигались ко мне, заглянул внутрь и еще раз прошелся по находящимся там.

Через минуту мы уже поили четверых мужиков снотворной настойкой, затыкали им рты кляпами и заматывали в черные плащи, перевязывая, словно вязанку дров, чтоб удобнее было нести. Через пять минут укутанных, как мумии, пленных уже тащили из лагеря, а я с четверкой парней таким же образом смотался за родэнским королем.

Отойдя от лагеря на некоторое расстояние, мы разделились: основная часть моей команды потащила добычу к нашим, а я с четверкой остался провернуть последнюю часть плана.

В соответствии с этим планом я должен был стать невидимым и в таком состоянии пройти по лагерю родэнцев, добавляя мелко нарезанную сонную траву в котлы с готовящейся едой, а крупные пучки бросая в огонь, который тут же начинал дымить, усиливая действие дурмана, приносимого ветром с нашей стороны. Перед каждым подходом приходилось на всякий случай наносить ментальный удар по всем находившимся вокруг костра.

Постоянно держать состояние невидимости, да еще и удары наносить было очень трудно, это выматывало меня до невозможности, поэтому приходилось время от времени выбирать укромное место и отдыхать минут пятнадцать. Это очень задерживало процесс, и я мог и не успеть все обойти. Понадобилось делать несколько ходок, я ж не верблюд, чтоб захватить целый стог, к тому же, выделявая петли по лагерю, может, до какого котла и не дошел, а куда две порции плюхнул. Тем не менее теперь если кто-то утром все же соберется в бой, то ему вряд ли удастся поднять большую часть войска, а если и поднимет, то сомневаюсь, что получится их полностью разбудить.

Как только небо начало сереть, предвещая близкий рассвет, я двинул в сторону нашего лагеря. Там все еще горели костры, и дым так же несло в сторону противника. Если бы не это, то ветер уже давно очистил бы долину, а так она выглядела как в тумане, и в основном именно на их половине. Люди и лошади хоть и были видны сквозь дымку, но казались миражами.

Глядя на кучу народа внизу, мне захотелось рассмеяться. Вспомнились телепередачи о массовых излечениях, и я почувствовал себя почти как Кашпировский. И вас вылечат, и всех вылечат...

Появившись в лагере, я первым делом убедился, что все пленники доставлены в целости и сохранности и размещены как и планировалось. После этого, чуть не падая от усталости, умылся, чтоб хоть немного взбодрить себя, переоделся и, попив тонизирующего чая, приготовленного для меня сестричками, пошел на доклад к королю. Вокруг царила суэта, все уже поднялись и готовились к сражению. Королевская свита во главе с Советником собралась на вершине холма и тревожно смотрела в сторону противника. Когда я подошел ближе, из палатки вышел король.

— Ваше величество, все, о чем мы с вами говорили, выполнено. Захвачены король Родэна, его Советник и трое членов их Совета. Все размещены по отдельным палаткам. Часа через три-четыре они должны будут прийти в себя, — торжественным голосом отрапортовал я.

— Сударыня, я выражаю вам свое восхищение и искреннюю благодарность за то, что вы сделали для Трании и для меня лично! Благодаря вашему уму и умению спасены жизни тысяч людей, сохранены от разрушения города и деревни! Сегодня же будет издан приказ о награждении вас высшей наградой — орденом Золотого Сокола! — торжественно и громко провозгласил его величество.

В брюках реверанс выглядел бы глупо — поколебавшись, я встал на одно колено и, склонив голову, провозгласил:

— Рада служить родине и королю!

Поднявшись, я собрался откланяться и уйти, так как церемония вроде бы закончена, но в этот момент его величество обхватил меня одной рукой за талию, второй взял за подбородок, явно собираясь поцеловать. Не зная, как выбраться из ситуации, не вырваться же из его рук при всем народе, я жалобно скосил глаза на Советника. Тот, подойдя к нам, тихонько произнес:

— Ваше величество, целование чужой жены при всех бросает тень на вас и на ее мужа.

Резко развернувшись, так что я чуть не полетел на землю, король ненавидящим взглядом уставился на герцога.

— Она замужем?! Кто ее муж?! — зарычал он.

Советник побледнел, но взгляда не отвел. Я же поблагодарил всех богов, какие только есть, за то, что не подвел никого из знакомых или друзей под монастырь. Несмотря на дружбу Советника с его величеством, у меня возникли сомнения, что того сейчас оставят в живых.

— Графиня Гросарро в данное время является герцогиней Вэрински и моей женой, — деревянным голосом тихо сообщил герцог.

— Что-о-о-о!!! Как ты посме-эл?! — взревел его величество.

Мне поплохело, бешено заколотилось сердце, даже дышать стало тяжело. Советник выглядел не намного лучше. Придворные, стоящие неподалеку, тихо исчезли. Вот тебе и с чувством юмора! Вот тебе и раскованный! Да он просто тиран и самодур!!!

Пока я размышлял о тиранстве и гадал: вдовой стану сейчас, немного попозже или все же не стану ею, — король с герцогом молча глазели друг на друга. Похоже, Советник понимал: сейчас что ни говори, будет только хуже. Минуты через три, так ничего и не сказав, его величество развернулся и ушел в свою палатку.

Ноги мои не выдержали, и я осел на землю там, где и стоял.

— Не понимаю, как вам удалось уговорить меня на самоубийство?! Вы обладаете невероятной настойчивостью и целеустремленностью. Если вас все же сделают вдовой, за вами будет должок, сударыня, вам придется взять на себя заботу о моем сыне. Он хоть и взрослый, но ввиду моей постоянной занятости из-за работы на благо короны, оставаясь без моего присмотра, вырос крайне неуравновешенным и разбалованным. Без моего прикрытия он может не только остаться без средств к существованию, но и лишиться жизни, — слегка осевшим голосом, тихо сообщил мне Советник.

Я, не задумываясь, кивнул утвердительно. Действительно ведь мужика подставил. Что-то у меня, вместо того чтобы пристроить своих сестер, все больше получается набрать себе новых подопечных.

— Прошу прощения, герцог, за все. Пойду-ка я отсюда и постараюсь пока на глаза его величеству не попадаться. Если получится, попытайтесь напомнить королю э-э-э... о спасении страны, короны э-э-э... и вообще. Впрочем, вы сами лучше знаете, что надо делать, — извиняющимся тоном так же тихо ответил я.

Тяжело вздохнув, я поднялся и на дрожащих от усталости и стресса ногах поплелся в сторону наших палаток. Мне просто необходимо было попить чего-нибудь успокоительного и спать, спать, спа-а-ать, поскольку я уже отключался на ходу.

Глава 31

КОРОЛИ МЫ ИЛИ КАК?!

Решил на всякий случай подстраховаться, мало ли — его величество передумает или какая другая сволочь чего решит. Приказал всем своим разместиться вокруг палаток с пленными и спать по очереди, охраняя их вместе с гвардейцами. Поскольку уже все были в курсе моих особых полномочий, то на все перестановки и перемещения никто не возразил. После этого я, захватив одеяло и позвав Рода, расположил его спать с внешней стороны входа в палатку короля Родэна, а сам улегся на пороге внутри.

Проснулся от того, что кто-то тормозил меня. Приподняв голову, попытался рассмотреть мешавшего мне спать. Глаза с большим трудом удалось разлепить, но все равно лицо этого кого-то было как в тумане и почему-то постоянно перемещалось.

— Ты кто? — осипшим голосом каркнул я.

— Король, — ответили мне негромко.

Голос был явно незнакомым и совершенно не походил на известный мне королевский.

— О-о-о... и давно? — несмотря на попытку рассмотреть говорившего, это мне не удалось.

— Ну не так чтобы очень, — ответил тот же голос.

— А что, переворот произошел? — даже такая потрясающая информация не помогла мне свести глаза в кучку.

— Да вроде еще нет, но может произойти в любой момент, — хмыкнул этот кто-то.

— Ничего не понимаю, — потряс я головой.

— А как к вам обращаться? — спросили меня после некоторого молчания.

— Ли. Но если официально — графиня, тьфу ты, герцогиня Вэрински, — пробормотал я бессвязно, роняя голову на одеяло и почти отключаясь.

— Хм. Станный у вас титул. Никогда ничего подобного не слышал, — засмеялись рядом со мной, аккуратно трясая меня за плечо.

— Да не, с титулом все в порядке, я просто забыла, что недавно поженилась, — с трудом ответил я, от всей души желая, чтоб пристававший свалил куда-нибудь подальше.

— Кхм... Да-а? Можно забыть такое событие?! — удивился находившийся рядом.

— Не заморачивайся. Давай начнем сначала. Ты кто? — сев и поплотнее замотавшись в одеяло, попробовал настроить я мозги на диалог.

— Король Родэна Кэнтар Первый, — представился маячивший рядом силуэт.

— О-о-о... А-а-а... — Тараща глаза и стараясь хоть что-то увидеть, я оглянулся вокруг. В глазах то ли двоилось, то ли троилось. — А как я сюда попал... ла? — Обстановка была совершенно незнакомой.

— Не знаю. Меня больше интересует, как я сюда попал и, что немаловажно, куда это «сюда»? — В голосе говорившего звучала задумчивость.

Плотнее закутавшись в одеяло, я попытался вспомнить и понять, что происходит. Ну не мог же я наклюкаться до такой степени чая, ведь слово себе давал не употреблять выпивку в большом количестве, разве только в качестве лечения, и то, если ничего другого не будет под рукой. Все тело жутко болело, как будто мешки всю ночь тягал, глаза никак не фокусировались, мысли в голове ворочались, как камни. Силуэт собеседника вырисовывался рядом со мной и не давал возможности плюнуть на все выяснения и лечь спать.

— О-о-о... Это я вас сюда притащила! — воскликнул я, наконец-то вспомнив кое-что.

Даже глаза после этого у меня раскрылись немного шире, и силуэт стал четче, хотя и не совсем.

— Прощу, конечно, простить за недоверие, но как, интересно, вы меня притащили? При сопоставлении нашего роста совершенно ясно: если бы вы несли меня на руках, то мои голова и ноги бились бы о землю, и, думается, я бы сумел почувствовать последствия такой транспортировки. Но если предположить, что тащили волоком, что могло бы быть ближе к истине, я еще более точно сумел бы об этом догадаться, — ехидно поинтересовался Ки... Ке... если короче, то король, но не наш.

— Не знаю, что чувствуете вы, но если судить по моим ощущениям, то это скорее меня волоком сюда тащили, — побряхтел я, пытаясь найти положение, в котором мое тело болело бы меньше.

И тут мне отчетливо вспомнилось, что было вчера. День провел в дороге, а затем всю ночь бегал по горам, как козел, вернее, коза, так что вообще удивительно, как он смог меня разбудить.

Чтоб не мучить человека неведением, вкратце рассказал, где он и как сюда попал.

— И что же вы собираетесь со мной делать? Казнить или в темницу посадите? — В голосе не было страха, лишь любопытство.

— В мои планы ваша казнь не входит, и я о-о-очень надеюсь, что так и будет. В любом случае постараюсь приложить все силы и умения, чтоб вы вернулись в ближайшее время домой и в качестве короля, — позевывая, ответил я.

— А что вы за это хотите? — все так же спокойно поинтересовался Кэнтар Первый.

— Мира. Очень хочу мира для своей страны. У меня два брата, пять сестер и некоторое количество друзей, которые в случае войны могут погибнуть или покалечиться... Кроме этих двух вещей, у войны немало других способов принести страдания людям. Если наши страны заключат мир между собой, то в ближайшее время ничто подобное угрожать им не будет, — устало улыбнулся я.

Послышался шум приближающихся шагов. Чужой король тихо отошел в глубь палатки, а я так и остался сидеть у порога, закутавшись в одеяло.

— Его величество Эртан Третий, король Трании! — проорали снаружи дурным голосом. И почти сразу же, отогнув край тряпки, именуемой дверью, внутрь заглянул наше величество.

— Доброе утро ваше величество!.. О-о-о!.. Сударыня, а вы-то что здесь делаете?! В чужой палатке! С чужим мужчиной! — чуть не споткнувшись об меня, с издевкой воскликнул вошедший.

— И вам доброе утро, ваши величества, — попытался я сбить с не подходящего для меня настроения короля.

Взыгравший этикет поднял меня, хотя и с трудом, и я стоял, покачиваясь и продолжая кутаться в одеяло. Обернувшись к королю Родэна, наше величество долго и многословно извинялся, интересовался самочувствием и уведомлял о предстоящем Совете, затем снова направил свое внимание на меня.

— Разве позволительно приличной леди не только спать, но и находиться в чужой палатке и с чужим мужчиной? Что скажет ваш муж?! — снова начал ехидничать он.

— Приличные, по вашим словам, леди сидят дома, а не добывают стране победу в заведомо проигрышной войне, бегая при этом всю ночь по горам, как коза, и не имея возможности отдохнуть. А по поводу мужа... Ничего не скажет. Не правда ли, герцог? Ведь я на службе у вашего величества и выполняю свою часть договора, сторожу их величество короля Родэна и намерена это делать и впредь, — хриплым от усталости и раздражения голосом тихо сообщил я.

Стоящий с каменным лицом за спиной нашего короля Советник ничего не ответил. Кэнтар

Первый с любопытством прислушивался к нашему диалогу.

— Мне кажется, располагаясь здесь, вы будете мешать его величеству Кэнтару отдыхать, — попытался выпроводить меня наше мудрейшество.

— Я вам не помешаю, ваше величество, если продолжу здесь спать? — слегка поклонившись, обратился я к королю Родэна.

— Ни в коем случае, сударыня! Можете располагаться где пожелаете! Я буду просто счастлив находиться в любое время дня и ночи рядом с такой талантливой, мудрой и прекрасной леди! — тут же включился в наши расшаркивания Кэнтар.

Наше величество слегка призадумался.

— В качестве активного участника последних событий, вы приглашаетесь на военный Совет, который вскоре состоится, — ехидно выдал он.

Вот же гад! Похоже, находиться рядом с Кэнтаром мне не дадут в любом случае. М-да-а. Хм... О-о-о!

— Вы не будете против, если вместо меня с вами будет находиться моя сестра? Она девушка еще более скромная, чем я, и не менее умная и талантливая, — поклонился я королю Родэна.

На это высказывание раздалось сразу три «хм». Наглые, они что, не верят в мою скромность?!

— Вы меня так обяжете, так обяжете! Я буду еще более счастлив! — зачирикал соловьем Кэнтар.

Буквально через несколько секунд в проеме палатки показалась голова Нираны. То ли, пока мы тут раскланивались, Род успел так быстро среагировать и позвать ее, то ли она стояла рядом и все слышала.

— Вы позволите, ваши величества? — присев в реверансе и с невинным выражением лица обратилась она к присутствующим.

Король Родэна, увидев ее, прямо расцвел радостной улыбкой. Ну кто спорит, на фоне моей помятой, опухшей от усталости и недосыпа рожи и менее симпатичные будут выглядеть красавицами, а уж Нирана так вообще смотрелась образцом изящества и красоты.

Наше величество сначала недовольно скривился, а затем, хмыкнув, улыбнулся.

— Позвольте откланяться, ваше величество. Когда все соберутся, вас проводят к месту проведения Совета. Мы вас так же ждем, герцогиня, там же, — сообщил он мне, уходя.

Подождав минуты три, пока затихнут шаги, я представил сестру с Кэнтаром друг другу, предупредив, что они во избежание различных непредвиденных обстоятельств не должны расставаться. При этом, выразительно посмотрев на короля, напомнил о скромности моей сестры и правилах приличия и достаточно прозрачно намекнул о последствиях несоблюдения этих самых правил. Улыбнувшись на мои слова, Кэнтар в очередной раз залился соловьем о радости, чести, счастье...

Кивнув головой на это словоблудие, я извинился и вышел. Приказав Роду, стоящему у палатки, взять себе в помощь еще троих и не спускать глаз с короля Родэна и Нираны, направился

приводить себя в божеский вид. Пока умывался и переодевался, выслушал от Нинэи отчет о том, что происходило в лагере, пока я спал. Меня порадовало, что наше величество не забыл приказать привести в чувство одного из родэнцев и отослать в лагерь с сообщением о нахождении их короля у нас и о переговорах о мире и сотрудничестве, а также отправить телегу с пятью бочками вина, что мы привезли с собой, как и планировалось.

Вообще мы с собой привезли три телеги по пять бочек вина, как раз на случай удачной реализации моего плана. Когда куча народа сидит без дела да еще и остается без начальства, то у окружающих могут возникнуть проблемы. А если дать им вина, то они уже вроде как при деле, сидят себе и празднуют то, что все еще живы.

Перед началом Совета было объявлено, что за оказанные услуги и по приказу короля герцогиня Вэрински, то есть я, приглашена на военный Совет и переговоры. Все с еле скрываемым неудовольствием посмотрели на меня. Ну да! Ну да! Женщина на военном Совете...

Дав себе слово по возможности молчать, я внимательно слушал все, о чем там говорилось, делая себе пометки, какие вопросы стоит обсудить с Советником наедине. С королем мне совершенно не хотелось встречаться на этом самом едине, уж лучше пусть герцог с ним общается. Если до сих пор его не прибили, то, глядишь, и дальше жив останется.

Несмотря на выпитый мной тонизирующий чай, чувствовал себя ужасно — так и тянуло заснуть. Именно для такого случая я и поставил за своей спиной Тарэна, чтоб, если начну засыпать или храпеть, толкал меня в бок, в смысле будил.

Король Родэна появился в сопровождении Нираны, которая, строго следуя моему указанию находится постоянно рядом, потеснила родэнского Советника и, усадив Кэнтара, сама села возле него. Только сейчас мне удалось нормально рассмотреть захваченного короля, который оказался высоким и стройным парнем лет двадцати, с темно-русыми волосами и бледно-голубыми глазами. Светловолосая, с каштановыми глазами Нирана здорово дополняла его.

Глядя на манеру поведения и разговора Кэнтара, можно было предположить в нем человека мягкого, невоинственного. И было странно, с чего бы это его понесло воевать? Непохоже, чтобы он сам жаждал войны и сражений. Придя к такому выводу, я приказал Тарэну внимательно следить за родэнским Советником и сам старался не выпускать его из виду. Вероятнее всего, что это с его подачи и под его руководством молодой король поперся искать приключений на свою задницу.

В процессе наблюдения за переговорами мои опасения подтвердились. Советник несколько раз пытался что-то сказать или, судя по лицу, чуть ли не приказать Кэнтару, но сидящая между ними Нирана явно мешала ему в полной мере проявить себя. И, похоже, королю это невероятно нравилось, поскольку он время от времени бросал на мою сестричку о-о-очень благодарные взгляды.

К моему огромному облегчению, в итоге Совета все же были подписаны договоры о ненападении и сотрудничестве, о понижении пошлин на торговлю... В подробности этих самых договоров я не смог вникнуть по причине регулярной попытки задремать и таких же регулярных тычков со стороны Тарэна, отчего мне очень хотелось удавить бодрителя собственными руками, несмотря на то что я сам попросил его об этой услуге.

После окончания официальной части на коврах было выставлено угощение, чтобы

присутствующие могли отметить, как и провозгласили: сотрудничество, подписание, заключение и прочее, и прочее... Я и мои сестрички были приглашены составить компанию их величествам, его высочеству и их Советникам. Нирану приглашение вообще не волновало, она с Кэнтаром даже до туалета ходила, несмотря на его вялую попытку сопротивления, которую она задавила в зародыше, почти великосветски рывкнув:

— Вы, ваше величество, лучше не спорьте! Сказала, без меня никуда — значит, никуда! Я за вашу жизнь отвечаю головой!

Меня же пригласили, так сказать, за заслуги и все такое... Лори, само собой, пришла со мной. Братьев мы решили не тащить к их величествам, сомнительная это честь — водить дружбу с великими мира сего. Для более непринужденной и комфортной обстановки пришлось позвать наших парней с музыкальными инструментами, и те, сменяя друг друга, играли и пели песни весь вечер.

Все время нашего присутствия в королевской компании Лори влюбленными глазами следила за нашим величеством, и мне приходилось шепотом напоминать ей, где она находится, и требовать, чтоб хотя бы на время отворачивалась в сторону.

Посидев со всеми с часик, я тихо свалил в палатку поспать хоть немного, попросив парней разбудить меня, если будут какие-то проблемы, или просто разбудить, без проблем, через четыре часа. Все было в меру спокойно, благодаря чему мне удалось поспать, но необходимо было снова показаться среди празднующих. По дороге к основной массе гуляющих я наткнулся на герцога Риколло, друга принца, сидящего в стороне у небольшого костерка. Я не раз уже думал о том, чтоб поговорить с ним о жизни, любви и все такое...

— Добрый вечер, герцог. Вы почему не празднуете со всеми? — поинтересовался я, подойдя к нему.

— О графиня... простите, герцогиня, мм... что-то нет настроения, наверное, устал, — сначала радостно улыбнулся, а затем грустно закончил он.

Присев рядом, я несколько минут молчал, подбирая слова и фразы, которые стоило бы сказать.

— Герцог, почему вы считаете, что влюблены в меня? Вы же ни разу четко не видели моего лица, то я в маске была, то темно было. Я не обладаю сногшибательной фигурой или потрясающим бюстом, чтоб так вдохновиться, не видя моего лица. Подумайте сами, ну что вас увлекло? Единственное мое отличие от других дам — это непохожее на других поведение. Я понимаю, что вечно улыбающиеся, заглядывающие в рот и падающие на спину по первому намеку дамы вам уже надоели. Но это не повод считать, что влюблены в не очень симпатичную девушку с э-э-э... не лучшими манерами и речью, — мне очень хотелось, чтобы он задумался над этим.

Создать для себя иллюзии или избавиться от них человек может только в том случае, если внимательно и честно рассмотрит и обдумает вещь, событие или чувства. На мое счастье, герцог действительно задумался над моими словами. После того как я замолчал, мы еще долго сидели в тишине, глядя на огонь костра и обдумывая каждый свое.

Мне вспомнилось кое-что из прочитанного на эту тему. В йогической литературе некоторые ищущие важной считали именно сердечную чакру, дающую, так сказать, Вселенскую Любовь. Однако, говоря «Любовь», народ чаще всего подразумевает секс, не задумываясь, что чакра секса расположена на два уровня ниже и ничего общего с любовью не имеет.

В классической литературе моего прежнего мира зафиксирован факт: большинство (заметьте, я не утверждаю что все) влюбленных людей, заключив брак и занявшись регулярным сексом, после медового месяца переходят на взаимоотношения, напоминающие локальные войны. Войны ведутся по всем правилам искусства: со шпионажем, провокациями и попытками захватить и подчинить противника. В процессе войны влюбленные падают на уровень ниже, где расположена муладхара — чakra выживаемости, а уж далее — кому-то удастся подчинить, а кому-то придется подчиниться или на постоянной основе, или с переменным успехом, типа сегодня ты победитель, завтра — жена.

А если посмотреть на это с точки зрения энергий, то с переходом на секс энергия из сердечной чакры опускается в свадхистхану (как говорится, где внимание, там и энергия), постепенно (иногда и очень быстро) опустошая сердечную чакру. Когда закончилась энергия, соответственно, и любовь тью-тью, и остается в качестве фактора, удерживающего людей вместе, лишь привычка, общее хозяйство или дети... Очень немногие умудрялись сохранить настоящую любовь и уважение друг к другу при совместной жизни. В мировой литературе чаще всего Настоящая Любовь описана между людьми, не имеющими возможности перейти к регулярному сексу по тем или иным, не зависящим от них причинам.

Правда, в последнее время моего проживания в том мире народ не ждал свадьбы, чтоб лишь после этого перейти к сексу, соответственно, до бракосочетания дело частенько и не доходило.

Наиболее показательным и известным примером такого утверждения может служить жизнь и смерть Учителя тантры Бхагават Раджниша, или Ошо — это последнее имя, принятое им на пороге смерти. Несмотря на провозглашение радости, любви и достижение просветления путем секса, дела и взаимоотношения в его ашраме с каждым годом шли все хуже и хуже, и в конце концов он был отравлен в американской тюрьме и выслан в Индию, где и скончался через непродолжительное время.

Даже в книгах Кастанеды, описывающего «путь тольтеков» — индийский шаманизм, не раз говорится о том, что секс — это большая растрата энергии, лишаящая возможности достичь высот познания. Во всех религиях: буддизме, христианстве... желающим достичь чего-то выше среднего рекомендуется воздержание, в зависимости от того, как далеко они хотят пройти.

Лишь очень энергитичные люди способны чему-то научиться и чего-то достичь в жизни. Ведь все упирается в наличие энергии: если ее нет, мы уже через пять минут не помним, закрыли ли мы дверь, выходя из дома, или нет.

В той же литературе можно встретить описание прекрасных взаимоотношений между влюбленными, построенных на общих интересах, увлечениях и занятиях, например, химией, физикой, эзотерикой... Общие взаимодействия — это Вишудха, главная чakra каузального, или причинного, тела, расположенная над Анахатой — сердечной чакрой. А каждая высшая питает энергией ниже расположенную, соответственно, совместные занятия или увлечения способны не только сохранить Любовь, но также укрепить и пронести ее через всю жизнь, и в этом случае энергии спокойно хватит и на секс.

Мне захотелось рассказать обо всем, что вспомнил, симпатичному молодому человеку, но тут послышались торопливые шаги, отвлекшие нас от размышлений, и к нам подошла Нинэя.

— Ли, ты скоро? Мы тебя ждем, — улыбнулась мне сестричка.

— Позвольте представить вам мою сестру — Нинэя Гарнэлл. А это герцог Риколло, — поднимаясь произнес я.

Сестрица изобразила радостную улыбку и присела в реверансе:

— Рада познакомиться с вами.

Герцог нехотя поднялся и поклонился с хмурым лицом. Похоже, поведение сестрицы напомнило ему надоевших дам. Я как бы невзначай наступил ей на ногу.

— Ззз... тшшшш... Ты мне всю ногу отдала, — зашипела она, присев рядом и растирая пальцы.

— Да брось ты тут расшаркиваться, не дворец! И вообще, мы тут у костра сидим, по душам говорим, а ты со своими присядками, — съехидничал я.

Лицо герцога несколько оживилось, и он заинтересованно посмотрел на Нинэю.

— Ой, и правда, что ли? А можно и я к вам присоединюсь? Я тоже хочу по душам, — более свободно заулыбалась она.

— Не знаю как по душам, а по ушам я тебе нахлопать могу, — ухмыльнулся я.

Герцог и Нинэя рассмеялись.

— Вы тут поговорите, а я попить чего-нибудь принесу. — И я действительно пошел искать.

Разыскав костер, у которого расположились наши из команды, я взял у них три кружки с чаем, добавил в две из них немного вина и пошел обратно.

— Можно вас называть Риком, а то обстановка как-то не соответствует всяким там титулам? — обратился я к герцогу, подавая им чашки чая с вином.

— Да, да. Конечно. Я прошу извинить, что сам не предложил этого, — слегка смутился он.

— Да ладно вам расшаркиваться, давайте лучше что-нибудь споем, — предложил я и, не ожидая ответа, тихонько запел «Ніч яка місячна».

Нинэя тут же подхватила. Подошли Рон и Тарэн и тоже включились в пение. Рик восхищенно слушал, слегка открыв рот. Закончив петь, мы еще несколько минут сидели молча. Затем герцог начал выражать свое восхищение музыкой и словами. Поговорив еще немного, мы, пожелав ему спокойной ночи, направились к своим палаткам.

У королевского шатра тоже горел костер, и вокруг него сидели люди. Рассмотрев среди них Лорэйн и Нирану, я отправил Нинэю спать и, тихонько поприветствовав сидевших, присоединился к их компании. Все были хорошенько так поддатые. Лори не отходила от нашего величества, присматривая за тем, чтоб он не забывал закусывать, подкладывала еду в его тарелку и старалась перевести разговор, если видела что он идет куда-то не туда.

Нирана же нянчилась с их величеством, как с малым ребенком. Да тот и вел себя соответственно. Будучи уже в хорошем подпитии, Кэнтар жаловался на то, что никто его не любит, все обижают, несколько раз пытался заплакать. Да уж, Ниране не позавидуешь, я бы такого не вынес!

Посидев и послушав какое-то время, я завел разговор о нашей идее по поводу постройки комплекса и предложил королю войти в долю. Лори наш проект очень нравился, и она разбиралась в нем лучше всех нас, и она активно включилась описывать всевозможные выгоды

этого дела и вероятные прибыли. Его величество, судя по всему, неплохо разобрался в экономике, они с Лори так увлеклись обсуждением, что остальные автоматически выпали из разговора.

Помелькав перед очами начальства, я, чувствуя огромную усталость, решил пойти отдохнуть. Убедившись, что мои парни, приставленные к Лори и Ниране с Кэнтаром, на месте, и наказав им не дремать, пошел к своей палатке. По пути наткнулся на сидящего в стороне и чем-то расстроенного принца, и снова пришлось включаться в политбеседу и проводить воспитательную работу.

Повторил почти все то же, что и герцогу перед этим, но в случае с герцогом перевести беседу в другое русло помогла Нинэя, а к моему разговору с принцем никто не спешил подключаться. Вот и пришлось еще какое-то время обсуждать его отношение ко мне и любовь как чувство в частности. Только перед восходом мне удалось лечь, убедившись, что Лори уже спит в нашей палатке, предупредив Нирану и Кэнтара не забываться и проверив посты охраны. Несмотря на усталость, я был доволен: удалось выяснить отношения почти со всеми, с кем требовалось.

Утро в лагере началось в обед, поскольку все легли поздно. Как я и просил, меня разбудили, как только проснулось наше величество. Тут же забегали слуги, поднимая тех, кто еще не встал. Ну как же, король проснулся, — значит, никто не смеет спать. В воздухе стали разноситься запахи готовящейся и уже готовой еды. Празднование продолжилось, и все, выползая из палаток, добирались до расставленной на коврах еды и выпивки и снова стали потихоньку надираться.

Эрган Третий уже о чем-то болтал с Лорэйн. Моя сестрица успела привести себя в порядок и, глядя на собеседника влюбленными глазами, внимала всему, что он говорит, чуть ли не с открытым ртом. Кэртана же Первого еще не было видно. Перекинувшись с охраной парой слов по поводу ночи, я подсел к королевскому, так сказать, столу.

В какой-то момент король Трании, шатаясь и время от времени икая, попытался свалить в свою палатку, прижимая при этом к себе Лори.

— Э, не, ваше величество! Она с вами пойдет, только если вы на ней женитесь, — воскликнул я, похолодев от своей наглости.

— Женюсь! Завтра! — пообещал он, шатаясь, и снова попытался утащить ее в палатку.

— Сейчас! И до того, как затащите ее к себе в постель, — судорожно сглотнув, выдал я снова.

— Нет, ну что за наглость?! Малышка, нам мешают. Что ты на это скажешь? — спросил король, глядя на Лорэйн.

Та ничего не ответила, но лицо ее выражало такую растерянность, что казалось, она сейчас заплачет. Посмотрев на нее с минуту, его величество решительно скомандовал:

— Священника сюда! Сейчас жениться буду!

Бросившись к королю, несколько придворных стали что-то нашептывать ему, энергично жестикулируя руками. Я с раздражением посмотрел на них. Ну-ну... я вам это припомню.

— Я кому сказал? Немедленно! А не то прикажу начать церемонию с чьей-то казни! — заорал король слегка заплетающимся языком и резко взмахнул рукой, видимо изображал процесс этой самой казни, чуть не упав при этом.

Народ вокруг забегал и засуетился. Советник принимал самое активное участие в процессе подготовки. Я так понимаю, женив сейчас его величество, он надеялся, что интерес к моей особе поуменьшится и, соответственно, исчезнет необходимость в делании меня вдовой. К тому же Лори — моя сестра, и, учитывая нашу с сестрами дружбу и взаимопомощь, герцог мог рассчитывать, что король не станет причинять вред своим родственникам.

В это время вылез из палатки их величество и поинтересовался, что происходит и почему такая суеда. Ему вкратце и объяснили. Посмотрев на приготовления, он пьяным голосом заорал:

— Я тоже жениться хочу и тоже немедленно!

Стоявшие недалеко его придворные сначала шарахнулись в разные стороны, а затем парочка подбежавших к нему человек начали уговаривать его не торопиться.

— Жениться! Жениться! Я так хочу! Я так сказал! — заорал капризным голосом Кэнтар.

— На ком, ваше величество?! Ведь леди Кэпри нет здесь! — стараясь разговаривать с ним как с маленьким ребенком, вкрадчиво произнес его Советник.

— К черту вашу леди Кэпри! Я хочу жениться вот на ней! — с капризным видом восточного владыки воскликнул недоросль.

Взмахнув рукой, чтоб указать, на ком он желает жениться, их величество, не удержался на ногах и упал бы, если б его не подхватили придворные. Поставив короля на место, все повернулись в ту сторону, куда он указал. Там стояла Нирана. Наше величество с пьяным вниманием и слегка покачиваясь следил за дискуссией их величества. Увидев, кого требуют в жены, он здорово оживился.

— Короли мы или как?! Сказал, что хочешь жениться, значит, остальные должны молчать и исполнять нашу волю! — с воодушевлением воскликнул наше величество.

Судя по его хитрому виду, он, несмотря на сильное опьянение, сразу ухватил пользу от женитьбы, своей и их величества, на сестрах.

Получив мощную поддержку, капризное их величество воодушевился. То ли будучи уверенным, что никто не посмеет и слова против победителя сказать, то ли просто спьяну заорал:

— Священника нам! Немедленно! Мы будем венчаться с нашим многоуважаемым соседом!

Он снова покачнулся, и ошизевшие придворные еле успели подхватить его у самой земли. Фразочка вышла о-о-очень неоднозначная. Наше величество на нее только ухмыльнулся.

Глава 32

РАЗБОРКИ С ПОДДАННЫМИ ОСТАВЬ ЖЕНЩИНАМ

С недосыпу и от усталости — ведь мне так и не удалось нормально поспать, все как-то урывками, — я соображал несколько замедленно. Сразу двух сестер — и в королевы?! Хм... Вроде бы, с одной стороны, это хорошо, но что-то мне в этом не нравилось и напрягало.

Я быстро переместился к глупо улыбающейся Ниране за спину.

— Ты чего, как курица, клюв раскрыла и молчишь?! Ты согласна идти за этого придурка замуж или нет? А то сейчас тебя обвенчают не спрашивая, — сердито прошипел я сзади.

— Ну-у... я... не знаю. Я ду-умаю... — замычала сестрица.

— Ну и зачем тебе этот мм...? Тебе что, других мужиков мало? — поинтересовался я.

— Так жалко же его! Такой красивый, молодой, а такой одинокий и несчастный, — глупо улыбаясь, ответила мне сестрица.

М-да-а. Аргуме-э-энт...

— Пока ты телиться будешь, тебя уже замуж выдадут. Или ты подтверждаешь, что согласна, или я сейчас от твоего имени откажусь от свадьбы, — разозлился я окончательно.

— Нет! Что ты! Я согласна! — испуганно и громко воскликнула Нирана.

Все повернулись к ней, глядя на нее удивленными глазами, типа с чего это она, ее же мнения никто не спрашивал. Ихнее недоразвитое величество радостно вскрикнул и, расставив руки, по сложной траектории пошел обниматься со своей невестой. Наше величество захихикал и хотел как-то прокомментировать происшедшее, но в этот момент притащили сразу двух священников.

Мое же внимание зацепилось за лицо Советника побежденного короля. Оно мне о-о-очень не понравилось. Такие жесткость и решимость проступили на нем, что мне даже зябко стало. Требовалось что-то срочно предпринять, если мы не хотим скандала и кучи проблем вместо свадеб.

Усталость и сонливость создавали в моей голове шум и очень мешали быстро соображать. И лишь в последний момент, когда Советник уже открыл рот, я, вспомнив свои возможности, врезал астральным ударом ему по животу. Замерев с открытым ртом на несколько секунд, он медленно развернулся и осторожно двинул в сторону леса. Я с облегчением выдохнул. Кажется, в этот раз пронесло, но спускать глаз с этого типа нельзя. Надо будет обеспечить ему такие лесные прогулки на все время церемонии и свадьбы.

В это время наше величество объяснял обоим священникам, что от них требуется.

— Полную церемонию мы проведем в главных храмах по возвращении, а сейчас вы должны отслужить все в настолько короткие сроки, насколько позволяют приличия! — тоном, не допускающим возражений, потребовал он.

Я восхитился его сообразительностью. Даже с трудом удерживаясь на ногах, он неплохо помнил законы и правила и разобрался в ситуации.

Не смея спорить, оба священника быстро договорились между собой и объяснили, где кому встать, что делать, что принести и что говорить... Через пятнадцать минут церемония началась. К этому моменту ихнее величество уже еле стоял на ногах, можно даже сказать, что висел на Ниране, и радостно осматривался вокруг. Выглядел он, мягко говоря, полным придурком, хотя я еще ни разу не видел пьяного, выглядящего очень умным, но все равно происходящее мне нравилось все меньше и меньше.

Блин!!! Надо было озаботиться информацией о нем пораньше. Теперь уже поздно. Я хмуро наблюдал за происходящим и раздражался все сильнее. Увидев возвращавшегося ихнего

Советника, опять врезал ему со всей дури и раздражения. Тот даже на месте подпрыгнул и рванул назад. Мне слегка полегчало, так сказать, удалось хоть немного выпустить пар.

Священники провели бракосочетание в максимально короткие сроки, народ даже не успел утомиться. Прокричав последнее приветствие, окружающие засуетились, вокруг забегали слуги, снова накрывая на импровизированные столы закуски и выпивку... короче, гудеж пошел по новой.

Я старался не пить, необходимо было присматривать за сохранностью сестер, ну и их мужей в придачу. Гвардейцы гвардейцами, но дополнительный присмотр лишним не будет. Ближе к утру мои сестрички, в смысле королевы, с помощью слуг растаскивали своих мужей по палаткам. Я так понимаю, свою первую брачную ночь они получают явно не сегодня. А если пьянка и дальше продолжится, то, может, и не завтра.

К моменту, как проснулся король, подданные уже собрались у его палатки, чтоб поздравить со столь знаменательным событием в личной жизни властителя и страны в целом. Когда появилось помятое лицо короля, из-за спин придворных вышел принц.

— Доброе утро, ваше величество! Еще раз поздравляю вас с женитьбой! — радостно воскликнул он.

Король хмуро посмотрел на него, затем обвел окружающих подозрительным взглядом и снова повернулся к принцу. Подбежавший слуга поднес ему большую кружку чего-то похожего на рассол. Отхлебнув с полкружки, он уставился на сына.

— Ты это кому?.. И с чем?.. — поинтересовался хриплым голосом его величество.

— Со свадьбой! Вас! Вы, конечно, вчера много выпили, но не настолько же, чтоб забыть о собственной свадьбе, — удивился принц.

В это время из палатки короля выбралась Лори.

Услышав сзади себя шум, король обернулся и изучающее уставился на нее. Смутившись от столь пристального внимания, она покраснела.

— Девочка моя, тут говорят, я на тебе женился? — нежно улыбнулся его величество.

— Да... А вы что, ничего не помните? — испуганно пискнула Лорэйн.

— Я как-то не успел прочувствовать столь серьезный момент в своей жизни. Я думаю, это надо срочно исправить. Как ты на это смотришь, маленькая? — улыбаясь во все тридцать два зуба, обратился он к Лори. Шагнув к ней, он обнял ее за талию и осторожно прижал к себе.

— Я тоже не совсем прониклась и думаю, вы правы, это надо исправить, — тихонько засмеялась она, пряча свое лицо на груди мужа.

В это время из соседней палатки вылез Кэнтар, в смысле, тоже король. Следом за ним появилась Нирана. Наше величество с усмешкой наблюдал за их величеством и, судя по лицу, начинал вспоминать вчерашние события.

— С бракосочетанием тебя, мой собрат, — мстительно ухмыльнулся наше величество.

У Кэнтара вытянулось и пошло красными пятнами лицо. Посмотрев на лица окружающих с

надеждой — вдруг это шутка? — Он остановил свой взгляд на лице Нираны. Пару минут он смотрел на нее почти квадратными глазами. Я не выдержал.

— Ваше величество! Вы что это так странно смотрите на нее?! Чем это она вам не подходит?! Это оскорбительно!!! — яростно зашипел я, подскочив почти вплотную к нему.

Ихнее величество вздрогнул и перевел взгляд на меня.

— Ну что вы, сударыня. Я не хотел ее обидеть! Она просто красавица, и я счастлив называть ее женой, но боюсь, что меня, очень вероятно э-э-э... могут убить, как только регент узнает, что я женился не на их кандидатуре. Да и ее вряд ли в живых оставят, — тяжело вздыхая, выдал он.

— А зачем вы вчера настаивали на женитьбе, если это опасно? — удивился принц.

— Расслабился я здесь, вдали от дворца и интриг. Мне ведь во дворце лишнего слова сказать нельзя было. Мои родители умерли, когда мы с сестрой маленькие были, правил регент, а я так — украшение трона изображал. К нам почти никого не допускали. А здесь мне сочувствовали, со мной советовались и разговаривали как с равным. Вот я и почувствовал себя свободным, да и выпил немного лишнего, — виновато вздохнул Кэнтар.

Услышав слова мужа, Нирана сначала нахмурилась — оно и понятно, когда радостное событие оказывается смертельно опасным, вряд ли это вдохновит. Но через мгновение, тряхнув головой, как бы отгоняя недобрые мысли, она подошла и взяла Кэнтара за руку.

— Не стоит так переживать. Нас еще никто не убивает. Да мы не позволим нас убить и в будущем, — решительно и с улыбкой обратилась к нему Нирана, чмокнув мужа в подбородок, куда смогла дотянуться.

Бли-и-ин! Недаром вчера меня что-то напрягало во всей этой ситуации. Ведь так надеялся и рассчитывал: вот женю братьев и выдам сестер замуж — и свободен, можно заняться собой. Хоть и осталось одну Нинэю пристроить, но одна не пятеро, вряд ли это много времени заняло бы, ведь она теперь кузина двух королев. А сейчас — какое уж тут свободен!!! Ох! Ведь было предчувствие каких-то проблем. Недосмотрел, выдал сестру замуж, а в хорошее ли место отдаю — не проверил.

— Ваше величество, прошу вашего разрешения составить свадебный эскорт будущей королеве, ведь это будет неприлично, если она появится перед подданными одна и без ничего. Прямо сейчас подготовкой и займусь, — поклонившись, сообщил я и, не дожидаясь ответа, пошел собирать свою команду и братьев.

Наше величество засмеялся от всей души и предложил ихнему величеству оставить разборки с подданными женщинами, а самому заняться изучением и ознакомлением со своим новым статусом женатости. Смеясь, велел мне вдогонку занять чем-то полезным войска и, подхватив Лори, полез в палатку.

Хм. Вот и думай, он пошутил или серьезно попросил заняться солдатами?! Ладно, будем считать, что серьезно. Сейчас вряд ли кто посмеет не подчиниться моим приказам, ну это если они не совсем уж идиоты. При моих-то полномочиях, ведь их никто не отменял, да еще и сестра двух королев...

Та-а-ак... Что бы такое придумать? Пока величества заняты пополнением потомства, солдаты сдуреют от скуки. Скуки... Футбол! О!!!

Подозвал Тарэна и попросил создать из парней нашей команды и солдат из отрядов Ирвина и Рэма две футбольные команды, а сам созвал нескольких командиров и объяснил им, что намечается и что надо сделать. Мою идею приняли с энтузиазмом, и через час по полю уже бегали две команды, а болельщики дружным ревом их подбадривали.

Несмотря на частые замены, через полтора часа мои парни уже выдохлись, а времени до сна было еще до фига. Пока все были в хорошем настроении, я приказал командирам построить солдат, и мы еще с час разучивали речевки, наподобие тех, что использовались при подготовке у нас бейсбольных команд. Мне как-то довелось посмотреть фильм об американских бейсболистах, так они там маршировали и дружно орали, расхваливая себя.

Ведь это элементарный аутотренинг, или, другими словами, самовнушение. Таким образом любой человек может убедить себя или, если заставить повторять нужную формулу, других в чем угодно. Если делать это каждый день и минимум по десять минут, то месяца через три, ну или в течение года незаметно для себя любой поверит в то, что говорит, и, соответственно, сможет достичь желаемого. Хотя здесь тоже есть свои ограничения — желание должно быть реальным и максимально четко сформулированным. К примеру: желание «хочу принца, светловолосого, стройного и с голубыми глазами» может воплотиться в хм... ужасного бандита по кличке Принц, стройного, светловолосого и с голубыми глазами, тупого хама с садистскими наклонностями... и будет пожелавшая дура у него на посылках, как золотая рыбка: куда он пошлет, туда ей и грести.

Вспомнился фильм с участием Ирины Муравьевой в главной роли. Это был абсолютно жизненный вариант аутотренинга, ведь героине в первую очередь необходимо было поверить в себя, и это оказалось самым сложным.

Следовательно, применив метод внушения, используемый профессиональными спортивными командами, можно усилить поддержку и верность армии своему королю.

Вот этим мы сейчас и займемся.

И уже вскоре по разделенному надвое полю маршировали колонны солдат — каждая из армий на своей стороне поля, и орали, стуча мечами по щитам:

Мы верные солдаты своей страны и короля!
Да здравствует король! Да здравствует король!
Мы смелые, мы сильные, мы самые умелые!
Да здравствует король! Да здравствует король!

Солдаты делали последний круг, голоса призывы. Ужин был почти готов, и сейчас их должны были распустить на отдых.

Еду для королей тоже заканчивали готовить, и я было собирался позвать их величества, как они сами повыползали из палаток. Усевшись у костра, королевские семейства с удовольствием прислушивались к выкрикам солдат. Когда те закончили орать и помчались на ужин, наше величество, сидящий рядом со мной, сказал:

— Герцогиня! Я не устаю восхищаться вами! У вас творческий ум и дар полководца! Как жаль, что не вы являетесь моей королевой!

Хорошо, что Лори в этот момент отлучилась. Ее бы это утверждение здорово обидело. Я только собрался сердито ответить, как в разговор влез ихнее величество.

— А ведь и в самом деле, почему вы на ней не женились? Она действительно талант, — с наивным выражением поинтересовался он.

— Да вот кто-то раньше поспел, — сердито глянув на Советника, бросил наше величество.

— А если ее вдовой сделать? — бесхитростно поинтересовался ихнее величество.

— И рад бы, да не могу. Он мне вроде как друг. Да и женат я уже, — недовольным голосом ответил наш.

— Знаете, ваше величество, женился я не для себя, а ради вас, — не сдержавшись, обиженно ответил Советник.

Я психанул: разговаривают, как будто нас нет рядом.

— Ваши величества, я, конечно, уважаю вас и все такое, но обсуждать нас, как будто мы рядом не сидим, — это, мягко говоря, неприлично. И еще, ваше величество, неуважение к собственной жене иногда может доставить кому угодно большие неприятности. И их величеству тоже стоит об этом помнить! — Мне пришлось приложить максимум усилий, чтоб слова звучали спокойно.

Угрожать королям — это вообще-то опасно для жизни, но и не предупредить их я не мог. На мои слова, наше величество засмеялся. Несмотря на то, что и как король говорил, все же я чувствовал некоторое изменение в его отношении ко мне. Такое впечатление складывалось, что, сожалея о том, что я не его жена, делает он это больше для вида. Похоже, моя демонстрация способностей не оставила его равнодушным. Это логично, вряд ли какой муж захотел бы иметь жену, в любой момент могущую послать посрать в прямом смысле слова, а то и по мозгам врезать.

В это время из-за палаток показалась Лори, мы замолчали. Слуги начали подавать ужин, и все переключили свое внимание на еду.

На следующий день было намечено разъезжаться по своим столицам, поскольку продовольствие стало подходить к концу, а в окружающих лесах на две армии не наохотишься. Если бы не это, возможно, гудели бы еще несколько дней.

Меня мучили плохие предчувствия по поводу нашего будущего пребывания в Родэне. Не хватало информации, а родэнцы не очень жаждали со мной общаться: как-никак это из-за меня они не победили. Единственно, с кем можно было поговорить, это с Кэнтаром. Вместе с Нираной мы привели короля в чувство, и я попросил его рассказать поподробнее о положении в столице, законах и сплетнях — короче, обо всем, что он слышал и знает.

В итоге у меня сложилась картина, которая мне совершенно не понравилась. Требовалось срочно переговорить с его величеством Эрганом. Добравшись до королевских палаток, я отозвал Лорэйн и попросил устроить мне разговор с королем.

Минут через пятнадцать мы уже беседовали. Вот что значит быть сестрой королевы!!!

— Родэн является самым крупным и сильным соседом Трании, и для нашей страны важно иметь добрососедские отношения с ним. Насколько я понимаю, положение его величества Кэнтара, плюс все остальные титулы мягко говоря неустойчиво. Его власть основывается на полном подчинении регенту и его группе поддержки. Как я понял из разговора с королем, в их

планы входило женить его на дочери регента, и тот, переходя в разряд ближайших родственников, должен был продолжать править страной и дальше, — продолжая развивать свою мысль, я тихонько попросил Лори принести нам вина и чая.

Прикладываясь к чайку, я имел пару минут для того, чтоб перевести дыхание, и для обдумывания следующей фразы. Король внимательно и не перебивая слушал, при этом беззастенчиво разглядывая меня, и это немного сбивало с мысли.

— Срочная женитьба их величества нарушила все их планы. Из этой ситуации они могут выйти несколькими путями: убить Нирану и женить короля на их избраннице, или убить и Кэнтара, и Нирану, а его сестру выдать замуж за удобного им человека. Просто перебить всех и захватить власть — мы этот вариант пока обсуждать не будем. — Мне стоило большого труда говорить спокойно.

Я был благодарен его величеству за то, что он не перебивал меня и слушал по-настоящему внимательно.

— Ни один из вариантов не устраивает меня, поскольку любой из этих раскладов подразумевает смерть Нираны. Но при реализации этих вариантов и Трания попадает в невыгодное положение. Из известной нам информации регент почему-то желает войны с нашей страной. Поскольку силы приблизительно равны, это может оказаться очень долговременное и убыточное мероприятие для обеих сторон. — Я замолк, так как в этот момент Лори принесла нам свежий чай и печенье.

Поставив все это на стол, она вопросительно посмотрела на меня. Я еле заметно качнул головой отрицательно. Ничего не спрашивая, она молча ушла. Вот, что ни говори, а она у меня умница и больше подходит в качестве королевы.

— Премного благодарна вам, ваше величество, что не перебиваете меня. Чтобы не испытывать ваше терпение, я уже заканчиваю свою мысль. Мое предложение — попытаться исключить хотя бы один вариант из возможных — это женить его высочество принца Рональда на сестре их величества Кэнтара и сразу после свадьбы забрать ее в Транию, здесь она будет в большей безопасности. В случае смерти короля и королевы по закону Родэна сестра короля должна будет взойти на трон, а ее муж будет консортом. Такой расклад регента и его сообщников, как мне кажется, устроит еще меньше, чем нынешний король. А пока они будут придумывать выход из создавшегося положения, я буду иметь время, чтобы попытаться переломить ситуацию в пользу Нираны, в смысле ее мужа, — закончив свою речь, я устало выдохнул.

На претензию его величества, что, мол, сама не дала присоединить Родэн к Трании, я напомнил, что трепаться мы могли об этом до посинения, но для этого у нас не было времени и реальной на тот момент силы, чтобы по-настоящему захватить и удержать власть. Армия Родэна лучше подготовлена к войне, вполне мог бы найтись кто-то из вассалов в Родэне, который решился бы бросить клич «За короля и страну», и нам и захват их короля не помог бы.

— Позвольте выразить мое восхищение вашим умом и дальновидностью. Меня глубоко огорчает факт, что вы не являетесь моей королевой, — опять выдал король.

— Я думаю, вы согласитесь, ваше величество, что равенство в правящей семье — вещь нереальная. Вы вряд ли позволили бы мне командовать, а я подчиняться не намерена. К тому же ни один мужчина, особенно если он облечен властью, не способен долго выносить рядом с собой самостоятельную и умную женщину. Рано или поздно возникло бы желание либо подавить самостоятельность жены, либо избавиться от нее, а это значит получить умного врага

в своем доме, — скромно опустив глаза, тихо сообщил я.

Король насмешливо хмыкнул. Вот что бы он ни говорил, но мне кажется, не расстроен он своим браком с Лорэйн. Может, боится показать, что испугался моих способностей?! Хм...

— Умную женщину лучше держать в качестве советницы, но никак не жены. Я уверена, что из нашего брака ничего хорошего не вышло бы. А вот Лори вам в самый раз: красавица, умна, хорошо образованна, согласна прислушиваться к вашему мнению и, что немаловажно, по-настоящему любит вас, — закончил я свою мысль, хотя мне было несколько неуютно под внимательным взглядом короля.

— А как же ее будущее величество Нирана? Как мне кажется, она умнее и решительнее своего мужа, — засмеялся мой собеседник, хитро жмуря глаза.

А ведь похоже, и в самом деле он не жалеет обо мне. Класс-с-с!

— О-о-о!!! Ей придется немало поработать, чтобы либо выучить его на толкового короля, либо лавировать так, чтоб он не особо догадывался, что правит она, а он лишь при ней. Если все это не даст результатов, придется отправить его в монастырь, — произнес я, серьезно посмотрев на его величество.

Я вспомнил, что в истории моего предыдущего мира подобный расклад не был единичным случаем.

— Гм... гм... М-да. Серьезные вы девушки... А я как король подхожу вам или тоже того... светит монастырь? — со странным выражением заинтересовался он.

— Ой, ваше величество! Вы просто великолепный правитель. И у Лори вряд ли получится править лучше, чем это делаете вы. К тому же любит она вас и считает намного умнее себя, — слегка улыбнувшись, сообщил я.

— Вот спасибо! Вот замечательно! Как я рад, что угодил вам своим правлением! — ехидно воскликнул его величество.

Через минуту он уже смеялся, и я присоединился к нему. Вот за это я его и уважаю: он хоть местами и самодур, но мужик умный, легко схватывает идею и просчитывает все плюсы и минусы, и еще, что немаловажно, с чувством юмора. Только дурак заикливается на своем величии и сразу впадает в амбиции от любого подозрения. Такие чаще всего долго не правят, да и не живут.

Мы еще некоторое время обсуждали план действий и способы его воплощения, затем я пошел разыскивать Николло Трэвоша, которого, к своему удивлению, видел в лагере в группе принца Рональда. Этот интриган и бабник очень может помочь нам со сбором информации при дворе Родэна. К тому же через него можно будет попытаться повлиять на мнение о Ниране и о нас для начала хотя бы у женщин, а через них и у мужского контингента. На мое предложение Николло дал положительный ответ даже быстрее, чем я рассчитывал. Оказывается, свободное плавание ему надоело до чертиков, а здесь он может делать все то же самое, что и всегда, но еще за это и деньги получать, а не выбивать их из жертв своих интриг.

Почти под утро мы собрались всей семьей, обсудили планы на будущее, поклялись в дружбе, взаимопомощи и поддержании связей друг с другом, и скоро я уже прощался с Лорэйн и братьями. Наш отряд из двенадцати девчонок, если считать меня и Нинэю, и двенадцати парней, включая переодетого принца и Николло, официально являясь отрядом охраны

королевы, в составе армии Родэна направлялся в сторону их столицы.

Впереди меня ждали новые приключения.

mir-knigi.org